РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская история

В номере:

Великое княжество Литовское в русской историографии XVIII в.

Промышленность, банки и транспорт Российской империи

В.К. Плеве и «еврейский вопрос» в России

Офицеры и политика в начале XX в.

Хлебозаготовки в Западной Сибири в 1934 г.

Аграрная политика середины 1950-х гг.

Бюрократия и промышленность в Советском Союзе

Обсуждаем книгу
«Здесь кровью полит каждый метр...»
Рассказы участников освобождения Крыма.
1943—1944 гг.

Основан в марте 1957 года

Выходит 6 раз в год

МОСКВА
ГАУГН-ПРЕСС

3
май июнь
2021

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Р.Г. Пихоя

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
А.Н. Артизов, В.Ю. Афиани, Б.В. Базаров, Т.М. Горяева, Д. Дальманн, М. Дэвид-Фокс, А.Е. Иванов, С.П. Карпов, С.М. Каштанов, В.В. Кондрашин, Д. Ливен, А.К. Левыкин, С.В. Мироненко, К.В. Никифоров, Ю.С. Пивоваров, Д. Свак, А.К. Сорокин, В.А. Тишков, Е.А. Тюрина, У. Эньюань, В.С. Христофоров

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
О.Г. Агеева, А. Блюм, О.В. Будницкий, В.П. Булдаков, М.Г. Вандалковская, П.Г. Гайдуков, А.В. Голубев, И. Граля, В. Дённингхаус, С.В. Журавлёв, В.Н. Захаров, В.В. Зверев, Е.Ю. Зубкова, В. Зубок, Б.И. Колоницкий, М. Крамер, В.А. Кучкин, Д.В. Лисейцев (*зам. главного редактора*), Е.А. Мельникова, Л.В. Мельникова, А.В. Мамонов (*зам. главного редактора*), Д.Б. Павлов, Ю.А. Петров, Е.И. Пивовар, Д.А. Редин, Н.М. Рогожин, В.В. Трепавлов, В.В. Шелохаев, П.Ю. Уваров, О.В. Хлевнюк, И.А. Христофоров, А.В. Юрасов

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
М.А. Новикова

Адрес редакции

117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел.: 8-499 723-69-10
Электронная почта: otech_ist@mail.ru; otech_ist1@mail.ru

На обложке: Денисов В.Л. Для фронта, для победы (2011)

© Российская академия наук, 2021
© ООО «Интеграция: Образование и Наука», 2021
© Редколлегия журнала «Российская история» (составитель), 2021

У истоков российской литуанистики: век «осьмнадцатый»

Андрей Дворниченко

Near the Sources of the Lithuanian Studies in Russia: Eighteen Century

Andrey Dvornichenko
(Saint Petersburg State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870015457-3

Искать истоки чего-либо — занятие неблагодарное. Явления социальной или культурной жизни возникают не на пустом месте: корни имеют отростки, которые идут всё глубже и глубже. Не всё просто и с «литуанистикой». Замечу, что традиционно под таким понятием подразумевается восприятие и отражение в историографии истории Великого княжества Литовского (ВКЛ), преимущественно до Люблинской унии. Порой «литуанистику» трактуют слишком узко: как историю собственно литовских земель (Аукштайтии и Жемайтии). С этим трудно согласиться, поскольку 90% территории ВКЛ — древнерусские земли, и не случайно в российской историографии это государственное образование именовали Литовско-Русским государством[1].

Обобщающей работы по истории литуанистики, к сожалению, нет, хотя за последние десятилетия по данной тематике написано немало трудов. Литуанистика на протяжении первых десятилетий XXI в. стала объектом изучения в кандидатских диссертациях, где приводится, к сожалению, не столь обильная литература[2]. Истории русской литуанистики посвящались также книги и статьи. Однако с пониманием проблемы «истоков» дело обстоит не очень благополучно. А.М. Столяров начал своё исследование с 1820-х гг., мотивируя это тем, что именно тогда «под влиянием углубления научных контактов с польской гуманитарной средой, а также открытия новых источников, российская историография... поступательно шла к включению Великого княжества Литовского в область русской истории»[3].

Автор следующей по времени диссертации основывался уже на другой логической конструкции и указал на первую половину XVIII в., когда зарождающаяся отечественная историческая мысль обращалась к эпизодам литовской

© 2021 г. А.Ю. Дворниченко

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX—XX вв.», проект № 19-18-00073.

[1] *Дворниченко А.Ю.* Rus Lietuvos: Великое княжество Литовское от рассвета до заката. СПб., 2019.

[2] *Столяров А.М.* История Великого княжества Литовского в отечественной историографии XIX — начала XX века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008; *Мегем М.Е.* Средневековая история Литвы (до 1385 г.) в дореволюционной российской и советской историографии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Калининград, 2018.

[3] *Столяров А.М.* История Великого княжества Литовского... С. 4—5.

истории[4]. Но, объективности ради, надо сказать, что в своей работе истоки литуанистики, уходящие в «осьмнадцатый» век, М.Е. Мегем осветил крайне лапидарно. И это не упрёк молодому исследователю: в начале своей научной деятельности я также считал, что российская историография истории ВКЛ «по-настоящему» начинается с Н.Г. Устрялова[5]. Жанр статьи накладывает свои ограничения, но даже обзор одних важнейших «вершин» XVIII в. может дать многое. При этом, говоря об «осьмнадцатом» столетии, надо держать в поле зрения и последующие, и, что не менее важно, предшествующие времена, т.е. можно говорить о «переходном историографическом периоде, затянувшемся почти на два века, если считать со второй половины XVI до начала XVIII в. включительно»[6]. Историческая же мысль XVIII в. густо замешана на представлениях предшествовавших веков, «историчность сознания, присущая XVIII веку, не в силах сразу побороть сознание донаучное, библейское»[7].

Из общих работ этого времени выделяется «Ядро Российской истории» А.И. Манкиева[8]. Главным иностранным источником для него был М. Стрыйковский и другие польские писатели[9]. Знал он и русские летописи, но трудно сказать, какие именно. ВКЛ для Манкиева — объект вполне вéдомый, что свидетельствует о его исторической подготовке. Литву (литовцев) он, правда, именовал «Литвяне»; они воевали с русскими, но русские их обычно побивали. Не всем, правда, фактам приходится верить. Так, венчание на княжение Литовское Давида Ростиславича (из полоцких князей), от которого все литовские князья «вплоть до последнего Тройдена» и пошли, Манкиев датировал 1128 г. Он акцентировал внимание на происхождении великих князей литовских от князя Владимира, проявляя даже знания о религиозных «метаниях» Миндовга[10].

Сидевшего в плену писателя сильно смущал процесс, который бы мы сейчас назвали генезисом Литовско-Русского государства. Ссылаясь на «литовских летописцев», он отметил, что Литва, дождавшись поражения русских князей и Руси, решила ловить рыбу в «смущенной воде», освободиться от холопства и впредь дани не давать. Литовцы двинулись на Русь, но под Полоцком были разбиты. Через много страниц, когда речь шла уже о временах Алексея Михайловича, Манкиев, объясняя присоединение Украины, и прежде всего Киева, отметил, что Гедимин захватил «мати градом русским», а потом Волынские, Северские и прочие княжения, «даже по Путимль, под свою власть покорил». Сумел вернуть России Киев только второй представитель новой династии. Говоря о более раннем времени, Манкиев вполне разобрался в трендах восточноевропейской политики: князь литовский Витовт в дружбу с Тохтамышем вошёл и против Руси воевал, «дабы стать всея Руси самодержцем». Тот же Витовт

---

[4] *Мегем М.Е.* Средневековая история Литвы... С. 4.

[5] *Дворниченко А.Ю.* Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI века). Очерки истории общины, сословий и государственности. М., 2013. С. 5—6.

[6] *Пештич С.Л.* Русская историография XVIII века. Ч. I. Л., 1961. С. 44.

[7] *Маловичко С.И.* Отечественная историческая мысль XVIII века о возникновении и ранней социально-политической жизни древнерусского города (от киевского «Синопсиса» до «Нестора» А.Л. Шлёцера). Ставрополь, 2001. С. 3. Полагаю, что в этом сознании были и добиблейские слои.

[8] [*Манкиев А.И.*] Ядро Российской истории, сочиненное ближним стольником и бывшим в Швеции резидентом князь Андреем Яковлевичем Хилковым. М., 1799.

[9] *Пештич С.Л.* Русская историография... Ч. I. С. 106; *Рогов А.И.* Русско-польские связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его хроника). М., 1966. С. 7—8.

[10] [*Манкиев А.И.*] Ядро российской истории... М., 1784. С. 27, 64—65, 74, 123.

и Смоленск хитростью взял[11]. Патриотизму исследователь был готов принести в жертву историческую правду. Он с восторгом описал поход Дмитрия Жилки под Смоленск, хотя все источники единодушны в том, что эта акция закончилась неудачей[12]. В таком же ключе описаны не только военные, но и политические события, например брак Елены Ивановны и великого князя литовского Александра[13]. На патриотической ноте, описанием гербов «самодержавства русского частей» (среди этих частей и русские земли ВКЛ) и заканчивается книга. Схема, созидаемая Манкиевым из летописного материала, который он неплохо знал, ясна: процветание «самодержавства» Владимира Святого, последующий распад и восстановление единовластия.

Более твёрдая «точка отсчёта» — величественная фигура В.Н. Татищева. Татищев собрал много информации о Литве и попытался в ней разобраться. Он сообщил о походах русских князей на литовцев: Ярослав Мудрый ходил походами на ятвягов и литву[14]. Впрочем, отметил историк в примечаниях, Литвой обладал уже Владимир Святой, что пропускают «некоторые манускрипты» российские, но знают иностранные. Тут, похоже, впервые в качестве источника упомянут труд литовского историка XVII в. А. Кояловича[15]. Появляется и избыточная информация: о походе Ярослава на Литву 1044 г. и о «заложении» им Новгорода — и Татищев выступает в роли историка-критика источников[16].

На ятвягов ходил Ярославец — сын Святополков. Историк отметил, что этим известием он обязан М. Стрыйковскому, а в русских манускриптах «не во всех находится». «Ходили» и другие князья, а также новгородцы и псковичи. Литва участвовала в военных операциях западнорусских князей, но оказывалась и на стороне немцев, которые, «собрав литву и либь, шли противу» русских. Литва, в свою очередь, совершала набеги на новгородские пределы, творила «многие пакости» области Полоцкой, нападала на «псковскую область». Литва воевала не только с русскими — Татищев упомянул битву под Шауляем, где литовцы разбили рыцарей. Правда, исследователь не обозначил место битвы. Возможно, основную информацию он взял у немецкого историка Христиана Кельха (Келхина), отметив, что Стрыйковский ничего не сообщает об этой битве. Когда речь зашла о языческих «суеверствах» на Руси и Литве, Татищев писал: «Стрыковский многие такие в Руси и Литве суеверства объявил, сказуя, что из русских летописцев описал, но я их не обрел»[17].

Главное даже не то, что Татищев привёл интересные (не всегда бесспорные) факты по литовской истории. Важно, что он задумывался над ней, искал ей место в истории стран и народов Восточной Европы. Он не ограничился простым перечислением походов, пускаясь в разного рода рассуждения. В основном, вполне в духе науки того времени, речь шла о названиях тех или иных

---

[11] Там же. С. 111—112, 137, 147, 169, 355.

[12] *Алексеев Ю.Г.* Походы русских войск при Иване III. СПб., 2007. С. 429.

[13] [*Манкиев А.И.*] Ядро российской истории... С. 177, 179.

[14] *Татищев В.Н.* Собрание сочинений. Т. II, III. История Российская. Ч. 2. М., 1994. С. 78; Т. IV. История Российская. Ч. 2. М., 1995. С. 148.

[15] Там же. Т. I. М., 1994. С. 211; Т. II. Примеч. 244. С. 242.

[16] О летописи, принадлежавшей А.П. Волынскому, см.: *Пештич С.Л.* Русская историография... Ч. I. С. 259.

[17] *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. II. С. 128, 142—143, 259; Т. III. С. 98, 125, 130, 151, 154, 176, 184, 188, 200—202, 209—210, 219, 220, 225, 231, 266; Т. IV. С. 188, 280, 296, 299, 314, 316, 326, 341, 343, 352, 358, 365, 369, 373, 430, 463, 466; Т. V. М., 1996. С. 33, 43.

народов и об их размещении. Литва фигурировала уже в недатированной части летописи в исполнении Татищева: «Ятвежи, ятвяги, язиги единое есть, народ сарматский, весьма жестокосердной и военной, с Литвою един язык имели», — вот образчик этих рассуждений[18].

«Литвани, литалани, или малые алани, и литави, ныне литва имяновани», — рассуждал историк и уже в первой части спорил с З.Г. Байером по поводу леттов, которых тот выводил из Литвы. Размышлял он и по поводу самогитов или жмоди, голяди. Наивность его идей вполне соответствовала степени твёрдости их отстаивания в спорах со Стрыйковским и другими предшественниками. Историка интересовало не только местонахождение народов, но и некоторых населённых пунктов, например Новгородка Литовского[19]. Его интересовали князья, княжеские кланы, например князья Друцкие, в «Литве же шляхетство Друцкие знаем». «Когда же род литовских князей умножился и оные с рускими свойством обязались и некоторые веру от русских приняли, то уже трудно и разобрать стало, от котораго колена которой удел пошёл», — как бы предваряет Татищев дальнейшие генеалогические исследования. Интересны его наблюдения над понятием «великий князь»: «В России титул государей от Рюрика до царя Иоанна I... И сему многие иностранные последуя, титул великих князей приняли, первое литовской в XIII столетии»[20].

Он знал многие детали литовско-русской истории, например литовский герб Погоню — «всадник с голою саблею над главою, в зеленом поли, скачусч налево, конь белый»[21]. У Татищева есть и некое исследовательское обобщение его наблюдений. Он заметил некую закономерность: «Литва, хотя часто упоминается... иногда народы разными звании, яко голяды, голинды, зимегола, сетгола, ссолы, сусолы, лотва, лотигли, лотигали и пр., токмо не инако, как походы русских на литву; а потом является, что литва стала приходить на пределы Русские». Происходить это стало, «когда Руссия от татар разорена и в безсилие приведена была, а наипаче руские князи вместо согласия на неприятеля сами им на своих помогали и Литву возбудили»[22]. Историк критиковал польских коллег, которые, «выписывая един из другого», создали путаницу в изложении событий. Например, Бельский «дела литовские чрез лет более тысячи описует без показания лет и свидетельств, и так смешал, что разобрать нельзя»[23]. Интересно, что в первой редакции историк начинал это примечание словами: «О начале литовских князей по русским летописцам, колико мне известно, нигде не упоминается». Эта ремарка очерчивает круг источников, который был под рукой у Татищева. Тех летописей, где речь идёт об этом «начале», явно не было. Зато из труда Стрыйковского историк узнал о знаменитой «римской легенде» и не преминул подвергнуть её критике: «Из сего довольно погрешность в летах польских писателей и басня о Полемоне римлянине обличается». Сделав дельные замечания, он подвёл итог: «И сие (римская легенда в исполнении

---

[18] Там же. Т. I. С. 169, 248—250, 412—413; Т. II. С. 228—229, 294, 306; Т. III. С. 298; Т. IV. С. 65, 107, 410.

[19] Там же. Т. I. С. 183, 227, 229, 354, 417, 428; Т. II. С. 22, 245, 296, 311, 315; Т. VII и VIII. История Российская. Окончание. Работы разных лет. М., 1994. С. 113, 120.

[20] Там же. Т. II. С. 260, 264; Т. IV. С. 431, 434—435; Т. VII и VIII. С. 207, 423.

[21] Там же. Т. I. С. 438.

[22] Там же. Т. I. С. 289, 351; Т. III. С. 267; Т. IV. С. 80.

[23] Там же. Т. III. С. 259.

Стрыйковского. — *А.Д.*) видится для отнятия претенсии руской на те места от поляков и литвы вымышлено»[24].

Татищев затронул и ряд других проблем, например наличие письменности («В Литве же когда письма, кроме у русских, не было»)[25], или проблему политического строя древнерусских земель, важную для понимания литовско-русского политогенеза («Безпорядками князей оных изгоняя, демократическое правительство ввели, но с великим вредом принуждены отдаться во власть литовских князей»)[26]. Татищев стоял и у истоков исторической географии: «В Литве грады Горы и Горки знаем», зато «Рифейские горы и Иперборей» ни в Литве, ни в Польше не существовали. Ещё одна Русь — Белая, к которой историк относит Смоленское княжество. Здесь у него объект критики — «литовские писатели», которые, «похитя титул княжения руского и княжение Смоленское, оное токмо Белою Русью именовали»[27].

В третьей и четвёртой частях «Истории Российской» находим последовательное изложение литовско-русской истории. Уже А.Е. Пресняков обратил внимание, что в основе текста третьей части «Истории Российской» лежит так называемый Академический XV список Никоновской летописи[28]. Здесь Татищев уже ничего не добавлял и не сопровождал свой текст примечаниями, допуская, впрочем, ошибки. С.Н. Валк выявил основные их типы[29]. Некоторые сразу бросаются в глаза. Например, князя Гедимина Татищев называет Гедиманом[30].

О своего рода тяге к литовско-русской истории свидетельствуют и произведения историка, напечатанные в пятой книге его собрания сочинений. Сюжеты по этой, явно интересовавшей Татищева, истории находим и в «Собрании законов древних русских», а также в сочинении «К примечаниям на Страленберга». И пусть в «Примечаниях на вторую книгу Собрания русских гисторей» историк изложил свою неверную концепцию об идентичности Тмутаракани и воеводства Новогородского и о «ятвежах», но сам интерес к литовской истории достоин упоминания[31].

Литву встречаем и в «основном мировоззренческом труде» Татищева — «Разговоре двух приятелей о пользе науки и училищ». Русское государство под единовластным правлением до смерти «Владимира Первого» всячески процветало и в силе умножалось, «чрез что так многими землями, яко всею Литвою и по Днестру живущими, обладали». Находят себе место сведения по истории и исторической географии ВКЛ и в его сочинении «Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской». Есть такие дан-

---

[24] Там же. Т. III. С. 267—268, 305; Т. IV. С. 459, 467—468.

[25] Там же. Т. IV. С. 264.

[26] Там же. С. 438. См. подробнее: *Дворниченко А.Ю.* Городская община верхнего Поднепровья и Подвинья в XI—XV веках. М., 2013. С. 120—129.

[27] *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. I. С. 104, 157, 439.

[28] *Пештич С.Л.* Русская историография... Ч. I. С. 255.

[29] *Валк С.Н.* О рукописях третьей части «Истории Российской» В.Н. Татищева // *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. V, VI. М., 1996. С. 12.

[30] *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. V, VI. С. 86, 95.

[31] Там же. Т. VII, VIII. С. 186, 188, 389, 402, 418—419, 421, 423, 433, 446; *Валк С.Н.* О составе рукописей седьмого тома «Истории Российской» В.Н. Татищева // *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. VII, VIII. С. 48.

ные и в работе: «Звания городов, урочисч, рек, озер, чинов, фамилей, денег и обстоятельств в России употребляемых»[32].

Одним из первых российских литуанистов стал князь М.М. Щербатов. Начиная с первого тома Щербатов последовательно излагал добываемые им сведения о литовцах и ВКЛ. Естественно, что по мере сближения Польши и ВКЛ сведения об этих странах контаминировались (в одном месте он даже отметил, применительно к 1550-м гг.: «Мню литовцу или поляку, ибо тогда не различали сии народы, и обще или поляками, или ляхами называли»)[33], но, тем не менее, князь довольно чётко отличал историю ВКЛ от истории Польши, достаточно подробно сообщая о деяниях и той, и другой страны. Вообще, история Литвы подаётся им на широком историческом и географическом фоне в сопровождении замечаний, гипотез, критических источниковедческих заметок.

Литовцы у Щербатова — «всегдашние неприятели России», но историк пишет не только о «неспокойном обычае Литовских народов», но и об их храбрости. Впервые в науке чётко осознаётся тесная связь истории ВКЛ и России: «Понеже Литовская история в некоторых случаях немалую связь с российскою имеет, то не за бесполезное почитаю о произшедших смущениях тогда в Литве упомянуть, ибо, как в следствии предложено будет, оные не малое действие и в российских делах произвели»[34]. Историк дал ценную информацию о ранней Литве: о язычестве («погружены во мрак идолопоклонения»), о «нечистосердечном крещении» князя и его желании стать королём. Писал он и о распространении власти Литвы, о «сферах» её влияния, упоминает литовских вождей. Не прошёл Щербатов и мимо битвы под Шавли, правда писал о ней почему-то в связи с Новгородом[35].

Ясны его основные источники — Стрыйковский и другие польские «летописцы». Использовал князь Щербатов и несколько десятков русских летописей (мы не всегда точно можем определить, какие именно). Использовал князь и ряд западных сочинений, например книгу де Солиньяка[36], которую затем активно цитировал его критик И.Н. Болтин. Говоря о гибели Гедимина, Щербатов пустился в рассуждения о том, что русские летописцы более правы по сравнению с литовскими и польскими. Не мог быть Гедимин убит в 1328 г. из пушки, поскольку порох раньше 1338 г. не использовался. Следовательно, правы русские источники в том, что произошло это в 1341 г. Историк пытался объяснить, почему вместо появившегося в Пскове князя Андрея вдруг обнаруживается Ев-

---

[32] *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. VII, VIII. С. 120, 183, 188, 194, 197, 207, 213, 238, 272, 289, 304, 330, 342, 358.

[33] *Щербатов М.М.* История Российская от древнейших времен. Т. I. СПб., 1770. С. 248; Т. II. СПб., 1771. С. 47, 122, 331, 378—372, 421—422, 424, 429, 432, 437, 449, 459, 502, 505, 524, 551—552. 559—560; Т. III. СПб., 1774. С. 12, 36—37, 82, 95, 187—188, 244, 349, 380—382, 386—387, 394, 396, 398, 403, 404, 417, 422, 425, 436, 443, 446—447; Т. IV. СПб., 1781. С. 2, 27, 33, 36, 38, 48, 55, 59, 64—65, 77, 79—80, 83—84, 91, 110, 118, 124, 146, 149, 171, 180—181, 203—204, 210, 220, 232, 242, 260, 267—268, 279, 280, 283—284, 285—286, 290—291, 301, 315, 322, 325, 327, 335—336, 338, 340, 342, 355—357, 361, 369, 372, 375—376, 385—386, 389—390, 394—396, 421, 425, 432, 439, 443, 448—449, 454, 471, 487, 498, 509—510, 512—513, 515, 523, 544, 554, 563; Т. V. СПб., 1786. С. 28.

[34] Там же. Т. III. С. 95. На мысль князя о «связи русской истории с литовской» обратил внимание С.Л. Пештич (*Пештич С.Л.* Русская историография... Ч. III. Л., 1971. С. 37).

[35] *Щербатов М.М.* Указ. соч. Т. II. С. 421—422, 524, 560; Т. III. С. 70.

[36] Сочинение г. Солиняка, тайного секретаря е.в. короля Польского и герцога Лотарингского. СПб., 1766; *Пештич С.Л.* Русская историография... Ч. III. С. 30.

стафий: «Темнота летописцев понуждает нас к догадкам прибежище иметь»[37]. В связи с войной Ольгерда с братьями Щербатов не только дал подробное описание событий, но и вступил в спор со Стрыйковским в пользу «наших летописцев» о том, что Евнутий был-таки в Москве и получил там владения, а вернулся лишь после заключения договоров московитов с Ольгердом. Очень интересны соображения Щербатова о характере власти татар над Литвой: «Литва некоим образом также татарским ханам подвластна была». Но мы не видим, чтобы татары свою власть тут утвердили, брали бы дань или посылали баскаков. «Можем заключить, что разные степени были подданства народов татарам». Нельзя не обратить внимания на наблюдение историка о процветании христианской веры (православия) в ВКЛ, почему и Брянская земля хотела перейти под власть литвы, избавившись от татарского владычества[38].

В девятой книге князь с большим знанием дела спорил со Стрыйковским, когда речь зашла о походах Ольгерда. Он подробно описал причины «смущений», случившихся в ВКЛ после смерти Ольгерда[39]. Стоит отметить ещё одну черту творчества князя-историка, важную для понимания генезиса Литовско-Русского государства. Речь идёт о понимании характера политических отношений в русских землях, которые послужили «строительным материалом» для этого государственного образования. Щербатов явно чувствовал демократический характер устройства этих земель, жители земель — полоцкие и прочие «граждане» — для него явно субъект, а не объект права[40].

Историческое сознание князя ни в коем случае нельзя модернизировать. Конечно, в его «просвещённые времена» все чудеса измеряли «мерилом здравого рассудка и истинного любомудрия»[41], но его «здравый смысл», уходящий корнями в то же «осьмнадцатое» столетие, а то и ещё глубже, даёт трактовки истории, весьма далёкие от нашего её понимания. Забавно, например, объяснение мотивации поведения Олега Рязанского и Ягайло, которые якобы хотели разделить между собой оставленные Дмитрием Ивановичем княжения — Олег бы взял себе Владимир и Коломну, а Ягайло — саму Москву[42].

Зато объяснение присоединения к Дмитрию Ивановичу литовских князей Андрея Полоцкого и Дмитрия Брянского с их «воинствами» звучит вполне современно. То же самое можно сказать и касательно понимания Щербатовым причин «ласкового отношения» новгородцев к литовским князьям. Щербатов и дальше рисует широкую панораму русско-литовских отношений, давая свои объяснения, высказывая гипотезы; описывает войны, которые «тогда были скоро решительны». Правда, о знаменитом Грюнвальде — сражении с «Тевтоническими Прусскими рыцарями» — он сначала упомянул только в связи с отношениями псковичей с «Лифляндскими рыцарями». В другом месте, повествуя о великих победах Витовта, кратко описал битву «знатнейшую между деревень Танненберга и Грунвальды». Историк представил достаточно яркую и полную

---

[37] *Щербатов М.М.* Указ. соч. Т. III. С. 380—382, 394.
[38] Там же. Т. III. С. 448—449.
[39] Там же. Т. IV. С. 38, 110—119.
[40] *Дворниченко А.Ю.* Зеркала и химеры. О возникновении Древнерусского государства. СПб.; М., 2017. С. 33—34.
[41] *Щербатов М.М.* Указ. соч. Т. IV. С. 155.
[42] Там же. С. 125.

картину церковных отношений и политическую историю: правление Витовта, приход к власти Свидригайло — «человека нрава жестокого и честолюбивого»[43].

Щербатов подробно повествовал о международной ситуации в Восточной Европе во второй половине XV в., споря иногда со Стрыйковским, например, касательно новгородской дани литовцам. Давал он и характеристики литовским правителям, констатируя слабое правление Александра; Сигизмунд в его понимании «имеет все знаки великого достоинства». Интересовали Щербатова также польско-литовские отношения: «Две великие области Польша и Литва, хотя под властию единого короля, в сердцах своих однако не были соединены: вельможи во всегдашней борьбе между собою»[44]. Он также подробно рассказал о борьбе России с Польшей и Литвой уже в правление Ивана Грозного, порой высказывая свои «гипотезы». Так, похоже, первый раз в историографии в ход пошёл пресловутый «русский мороз», ведь «россияне, быв северных стран народ, более могут сносить стужу, нежели Поляки и Литовцы». Историк по-прежнему задумывался о глубоких проблемах, призывая для объяснения растущей слабости поляков и литовцев обратиться к их «внутренним обстоятельствам, дабы через сие проникнуть в причину сего ослабления». А несколькими страницами ниже он нашел причины, из-за которых Сигизмунд заключил мир с Россией. Среди них главной было «разлившееся уже учение Лютера» и старания императора Карла V. Всё это очень беспокоило польского правителя и заставило заключить мир (не говоря уже о постоянных ударах со стороны самой России)[45].

Повествуя о Ливонской войне, Щербатов писал: «Польша и Литва, усилившаяся присоединением Лифляндцов, страшным неприятелем учинилась»[46]. Историк подметил противоречия между поляками и литовцами: первые «требовали иметь все права гражданские в Литве, не давая оным (литовцам. — *А.Д.*)». В связи с участием России в Ливонской войне историк писал и о воссоединении Польши и Литвы. Хотя Литва и была присоединена к Польше, но «за разными обстоятельствами и по разным прибыточным видам Польских и Литовских вельмож, простирающих излишние и неудобные требования, сия область в действительное соединение с Польшею не была приведена». Историк наблюдал в Литве республиканское правление, при котором «благородные по их изволению престол дают, и где каждый благородный может надеяться достигнуть до престола»[47].

Любознательный князь Щербатов всегда возникает в нашей историографической памяти в тандеме с критично настроенным генерал-майором И.Н. Болтиным. «Несовершенство первых двух томов» Щербатова давно признано в литературе (начиная как раз с откликов Болтина)[48], что не делает эти самые отклики менее интересными. Если в первом томе Болтин лишь упомянул

---

[43] Там же. С. 146—147, 232—233, 341—342, 372, 449.

[44] Там же. С. 119, 378, 391.

[45] Там же. Т. V. С. 8, 33, 61—62, 82, 95—99.

[46] Там же. С. 74. Щербатова «по праву можно назвать первым историком Ливонской войны в Новое время» (*Филюшкин А.И.* Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013. С. 252).

[47] *Щербатов М.М.* Указ. соч. Т. V. С. 214, 222—223, 228, 232.

[48] *Пештич С.Л.* Русская историография... Ч. III. С. 31.

о литовцах[49], то во втором Литве и литовцам уделено гораздо больше внимания. Историк назвал и пруссов, и «народ сарматский» — зимеголу, рассуждал о местонахождении тех или иных населённых пунктов (Минска, Друцка) или княжеств (Брестская область, Галицкое княжество), имеющих прямое отношение к литовско-русской и польской истории[50]. Критика генерал-майора Болтина в адрес князя Щербатова в связи с зарождающейся российской литуанистикой укладывается в два основных направления. Прежде всего это обвинение в том, что Щербатов часто «Литву... вместо Польши употребляет, не ведая различия между ними»; «вместо ляхов поставляет литовцев, признавая за один народ»[51]. Для такого обвинения есть определённые основания, однако желание «уять» князя играло с Болтиным злые шутки. Касательно событий 1203 г. у Щербатова сказано, что союзники Рюрика Ольговича, боясь, чтобы их противник Роман Мстиславич «с новою помощью, взятою из Литвы и Польши, не учинил (им. — *А.Д.*) отмщения», совершили нападение на Литву. Болтин полностью переиначил смысл сказанного князем: «Понеже Литва тогда не принадлежала Польше», то и нападение на неё не могло вызвать никакого беспокойства там[52].

Правда, когда Щербатов, не соблюдая в должной степени дисциплины писания, обронил фразу о том, что князья, «испрося помощь у Половцов и заключа союз с Ляхами, тогда бывшими в несогласии с Польшею, пошли на Галич», генерал мог торжествовать победу. Конечно, Болтин прав, замечая, что Новгород отнюдь не для того воюет с литвой, чтобы полякам досадить[53]. Написав о нашествии литовцев в 1220 г. на Черниговское княжество, Щербатов заметил, что вскоре их нагнал князь Мстислав Романович Киевский, всех побил и пленных отобрал[54]. По наблюдениям Болтина, об этом происшествии сообщает только Никоновская летопись, да и то не так, как Щербатов. Там событие датировано 1219 г., а преследовал литовцев князь Мстислав Мстиславич[55]. Впрочем, напрасно Болтин отказывался верить этому сообщению, содержащемуся в московском летописном своде 1479 г., восходящему, по мнению В.Т. Пашуто, к «Киевской летописи»[56]. Можно верить или не верить в эту «Киевскую летопись», но московский летописный свод доверия заслуживает. И упрекнуть Болтина можно не в незнании этой летописи, а в нежелании видеть историческую правду. Как и в случае с «впадением литовцев в Новгородские пределы», описание которого якобы «удивительным образом изуродовал» Щербатов[57]. Последний в полном соответствии с данными летописей повествовал о том, как литовцы дошли до Торжка и оказались у Клина[58]. Болтин

---

[49] Критические примечания генерал-майора Болтина на первый том Истории князя Щербатова. СПб., 1793. С. 390.

[50] Критические примечания генерал-майора Болтина на второй том Истории князя Щербатова. СПб., 1794. С. 33, 66, 111, 121—122, 331.

[51] Там же. С. 47, 295, 388.

[52] *Щербатов М.М.* Указ. соч. Т. II. С. 429; Критические примечания... на второй том... С. 382—383.

[53] *Щербатов М.М.* Указ. соч. Т. II. С. 395, 437.

[54] Там же. С. 503.

[55] Критические примечания... на второй том... С. 431.

[56] ПСРЛ. Т. XXV. М., 2004. С. 117—118; *Пашуто В.Т.* Образование Литовского государства. М., 1959. С. 17.

[57] Критические примечания... на второй том... С. 461.

[58] *Щербатов М.М.* Указ. соч. Т. II. С. 551—552.

же утверждал, что «ни до Торжка, ни до Клину» литовцы не доходили, а князь в своём «растленном воображении» слово «торжище» принял за Торжок[59].

То, как способствуют убеждения искажению исторической истины, демонстрирует ещё один характерный случай. Щербатов привёл сообщение о князе Изяславе, «которой был от Литвы посажен на престол Лукский». Это сообщение, в свою очередь, навело его на цепочку мыслей о том, почему в польских летописях по некоторым княжениям «часто князей российских яко данников Польши и Литвы обретаем». Сами ли литовцы эти княжения взяли, или российские князья им отдали, но главное, чтобы на престоле сидели именно российские князья. «Сие же самое нам показует, как далеко, по крайней мере, в сей части границы литовские простирались в Россию», — заключал историк[60]. Это одна из первых попыток разобраться в феномене Литовско-Русского государства, в котором, как известно, литовские князья оседали на русских княжеских столах, а потом могли и обрусеть[61]. Как же отреагировал на это Болтин? Оценил в своей изящной манере, как «затмение» разума князя: Изяслав сидел, наоборот, для охраны города от литвы. И тут Болтин не нашёл ничего лучшего, как обратиться к истории ещё более древней: такую же функцию обороны выполняли и самые первые князья — Рюрик, Синеус и Трувор, причём последний уже тогда должен был действовать против литвы. Проблема взаимоотношений с литвой и поляками Болтина действительно волновала. О даннических отношениях, вернее, об отсутствии такой зависимости, он говорил и в своём ответе на письмо Щербатова[62]. А в «Примечаниях» по одному высказыванию можно понять, что его больше всего раздражала попытка увести зависимость России от литвы глубоко в древность. «Напротив... литовцы издревле были подданными России и дань ей платили, до тех самых времён, пока Россия чрез разделение на бесчисленные уделы и воспоследовавшие от того междоусобия не пришла в слабость и изнемогла», — отметил в своих примечаниях генерал-майор, предпочтя не входить в хронологические детали. Конечно, Щербатов допускал ошибки в вопросах географии, но когда Болтин делал ему замечание: литовцы не жили рядом с новгородскими «пределами»[63], возникала некая смесь пуризма с придиркой, поскольку Щербатов достаточно широко рассуждал о соседстве Новгорода с литовскими и чудскими «народами»[64].

Это подтверждает ещё более знаменитая критика Болтиным произведения француза Н.-Г. Леклерка. Здесь среди всякого рода «бытовой перепалки» по поводу того, что ели и пили наши предки, доброго и приятного русскому уху заступничества за мораль и нравы наших древних соплеменников, сомнительных рассуждений о феодализме и об истории стран Запада, встречаем и некоторые сведения и о Литве/литве (в основном в духе реконструкции фантастического «этногенеза» народов)[65]. Литва, по Болтину, как, впрочем,

---

[59] Критические примечания... на второй том... С. 462, 471.

[60] *Щербатов М.М.* Указ. соч. Т. II. С. 421—422.

[61] Некоторые уточнения в своё понимание этих событий князь вносил и позднее (*Щербатов М.М.* Указ. соч. Т. V. С. IX—X).

[62] Ответ генерал-майора Болтина на письмо кн. Щербатова, сочинителя Российской истории. СПб., 1789. С. 174—176.

[63] Критические примечания... на второй том... С. 469.

[64] *Щербатов М.М.* Указ. соч. Т. II. С. 559—560.

[65] Примечания на Историю древния и нынешния России г. Леклерка, сочиненныя генерал-майором Иваном Болтиным. Т. II. СПб., 1788. С. 127.

и русские, и поляки, — это потомки сарматов; ещё Нестор якобы называл те народы, которые произошли от сарматов, и в этом списке, наряду с чудью, мордвой, зимеголой и черемисой, была и литва. Был ещё сарматский народ «Гуни или Хуни, который, по Стриковскому, жил в Литве». Попытку Леклерка вывести литву из хазар Болтин решительно пресёк[66]. Вот вершина этногенетических построений генерал-майора Болтина: «Литва, область известная. Название их происходит от слова Лит-алане, то есть малый народ; после Литване, а наконец сокращенно Литва именовать стали. Язык их доказывает смешение их со славянами... Прусы с первоначалия были сарматы, но после в Германян превратились и язык свой позабыли». Иногда фигурируют «литовские войска», например, в рати Дмитрия Донского или в Смуту, где они действуют наряду с польскими[67].

Тема возникновения и развития ВКЛ в рассуждениях Болтина проходила сугубо по касательной; также и о присоединении Малороссии и Смоленска: «Сии были издревле одного рода, одного закона и жили под единым правлением с Русскими, всегда были привязаны любовию и усердием к России: бывши отторжены от нея по несчастным обстоятельствам времён, духом всегда соединены были с нею»[68].

Историки второй половины XVIII столетия если и обращались к истории ВКЛ, то дальше военных действий не шли[69]. То же самое можно сказать и об академической науке. Так, «неутомимый и умный историк» Г.Ф. Миллер в материалах о Малороссии уделил ВКЛ лишь несколько строк[70]. У великого М.В. Ломоносова и на этот счёт были прозорливые догадки. Например, о том, что «и поныне Литва древние российские законы содержит». Но дальше следовали обычные для того времени «этногенетические» построения: «Литва, Жмудь и Подляхия исстари звались Русью», а «древний язык варягов-россов один с прусским, литовским, курландским или летским». Варяги-россы, которые тогда назывались роксоланами, поселились «круг реки Русы, ныне старая Пруссия, Курляндия и Белая Россия». Они и стали россами, а оставшиеся «на старом жилище россы» стали поруссами — пруссами. Сейчас, конечно, эти забавные этнография и языкознание могут вызвать только улыбку, как, например, аланы, смешанные с курландцами, — «россаны». Знал Ломоносов и о том, что «в Пруссию переселилось много римского народу и разделилось по Пруссии, Литве и Жмуди», и неудивительно, что в «остатках древнего прусского языка... также в Курландии, Жмуди и Литве, весьма много вмешано слов латинских»[71].

Вспоминал Ломоносов о Литве в связи с борьбой с нею Ярослава Всеволодовича и в связи с политическими и военными событиями времён Московской

---

[66] Там же. Т. I. СПб., 1788. С. 17, 27—29, 33, 44, 55, 84, 108, 109, 353.

[67] Там же. С. 46, 297, 372, 409—410.

[68] Там же. Т. I. С. 346; Т. II. С. 147.

[69] *Богданович И.* Историческое изображение России. Ч. 1. СПб., 1777. С. 67; *Мальгин Т.* Зерцало, российских государей изображающее. СПб., 1794. С. 101, 119, 217—218, 267, 309, 324—325, 332, 343—344, 348, 354; *Эмин Ф.А.* Российская история жизни всех древних от самого начала России государей до Екатерины II. Т. I. СПб., 1767. С. 290—291, 412.

[70] Исторические сочинения о Малороссии и малороссиянах Г.Ф. Миллера, бывшего историографа российского, писанные на русском и немецком языках и хранящиеся в Московском Главном Архиве Министерства иностранных дел. М., 1846. С. 33—34.

[71] *Ломоносов М.В.* Записки по русской истории. М., 2003. С. 60—61, 63, 145, 181, 448, 457—458.

Руси, причём ко времени Ивана Грозного литва уже слилась в его сознании с поляками. И всё-таки отдельно проблемы Литовского-Русского государства в русской истории Ломоносов не видел. Не нашлось места литовско-русским сюжетам и в плане «монументально-живописной пропаганды», хотя поляки, разоряющие Москву, явственно вставали в его воображении[72]. Учёные разных времён изучали такой источник, как пометы Ломоносова в книжках, и были вынуждены констатировать, что поляками он интересовался, а литовцами — нет (разве что войной Ивана III с Александром, великим князем литовским)[73].

Но к концу «осьмнадцатого» века академическая наука приготовила российской литуанистике сюрприз: труды А.Л. Шлёцера[74]. Эти работы (в частности, книга, непосредственно посвящённая литовской истории) явно ещё не учтены должным образом при изучении истории литуанистики. Несколько строк обнаруживается в книге В.Т. Пашуто[75] (те же самые строки нам приходилось встречать и в других историографических сочинениях, которые выходили уже после книги Пашуто). Литература о нём огромна, но тема «Шлёцер — литуанист» явно забыта. Литовскую историю Шлёцер изучал критическим способом, не давая разгуляться интересу и патриотизму. Для этого у него был свой план, главным звеном которого являлось предоставление читателю возможности самому разбираться в исследовании. Для этого должна решаться триединая задача: разобраться в писаниях главных историков (что у них реальные факты, а что риторические украшения); полное реферирование, чтобы читатель видел, какие факты и для чего воспроизводятся, наблюдал при этом их в связи между собой; и, наконец, дать материал в сравнении[76].

Эта история представлялась Шлёцеру малоизученной, но при этом правдивой и, соответственно, очень интересной. Он подошёл к литовской истории от истории Севера, но если истории Севера в целом литовская история близка, для «нашей» (видимо, в данном случае германской) истории ещё и полезна, то для русской — необходима. В этом нельзя не видеть развитие мысли князя Щербатова, хотя Шлёцер на него и не ссылался. Почему же эта история так малоизвестна? Ею мало интересовались — новейшей литературы историк практически не нашёл. Шлёцеру остались неизвестны древние литовские анналы, хотя у Стрыйковского в распоряжении было 12 литовских хроник[77]. Ему не удалось ознакомиться с русскими анналами, которые описывали бы литовское завоевание России столь подробно, как это делал Стрыйковский. Между тем Гизель, Татищев и Щербатов в своих рассказах брали сведения у него. Зато все соседи литовцев — русские, обитатели Пруссии и поляки — имели более ранние истории. Эти соседние хроники содержат сведения по литовской истории.

---

[72] Там же. С. 155, 158—161, 165, 167, 172, 174, 195, 468, 477—482.

[73] *Свердлов М.Б.* М.В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб., 2011. С. 630—631, 667.

[74] *Schlözer A.L.*, *Gebhardi L.A.* Geschichte von Littauen, Kurland und Liefland (далее — *Schlözer A.L.* Geschichte von Littauen...). Halle, 1785.

[75] *Пашуто В.Т.* Указ. соч. С. 228—231.

[76] *Schlözer A.L.* Geschichte von Littauen... S. 8.

[77] Ibid. S. 19. Речь идёт о «западнорусских» (белорусско-литовских летописях). См. также: Allgemein Nordische Geschichte. Aus den neusten und besten Nordishen Schrifstellern und nach eigenen Untersuchungen beschrieben, und als eine Geographishe und Historishe Einleitung zur richtigern Kenntniß aller Skandinavischen, Finnischen, Slavischen, Lettischen und Sibirischen Völker, besonders in alten und mittleren Zeiten, hereausgegeben von August Ludwig Schlözer. Halle, ben Iohann Iustinus Gebauer, 1771 (далее — *Schlözer A.L.* Allgemein Nordische Geschichte...). S. 242—243.

Шлёцер лелеял надежду, что, когда русские, ливонские, прусские и польские анналы будут опубликованы и сравнены, прояснится больше не только сама история ВКЛ, но и источники этой истории[78].

Историк знал работы ранних польских авторов: Длугоша, Кромера, но интересно, что, когда речь шла о формировании ВКЛ, Шлёцер, историк, вслед за спорщиками XVI в., признавал приоритет русских источников. Когда на «рейхстаге» поляки и литовцы обсуждали вопрос о Волыни и Подолии, они присматривались к русским летописям, а не к литовским[79]. Русские анналы или потерялись, или лежат ещё где-нибудь в монастырях. Татищев читал летопись (назвав её Еропкинской), в которой описаны полоцкое, витебское и другие литовские княжества. Да и сам Шлёцер в 1761 г. из «старых и хороших рукописей», которые принадлежали Полетике, выписал «Список городов дальних и ближних»[80]. В 1771 г. Шлёцер читал напечатанную в Петербурге «Хронику о мятежах во времена Дмитрия Самозванца». Составляя в качестве приложения «Генеалогическое описание литовского великого княжества из русских анналов», он использовал четыре известные летописи (среди которых Воскресенская и Никоновская) и одну Родословную книгу. В этом ему сильно помог С.С. Башилов, которого Шлёцер очень ценил[81]. Отмечу и подробную географию, приведённую историком: «Литва в узком смысле» — «Литва сама», «Литовская Русь»[82]. Интересен вывод, к которому историк пришёл в результате анализа географического положения Литвы: она не имела плодородных земель, чтобы прокормить треть миллиона душ.

Рассказывая о своих предшественниках, Шлёцер рисовал яркую историографическую картину. Основоположником литуанистики у него предстаёт поляк М. Стрыйковский. Этот выдающийся человек много путешествовал, изучал философию в Кракове и Лейпциге. Имея на руках много источников, он написал общую хронику своей родины. Шлёцер честно признался, что книги Стрыйковского он не смотрел: Коялович в прошлом столетии жаловался, что уже к его времени они сильно устарели[83]. Впрочем, Шлёцер знал о латинском переводе работы великого поляка, хранившемся в монастырской библиотеке в Ченстохове. Найти русский перевод в Императорской библиотеке в Санкт-Петербурге Шлёцер не смог. Положение облегчало то, что три автора — рыцарь Гваньини, архимандрит Иннокентий (Гизель) и проканцлер Коялович — путём переводов и извлечений ввели материалы Стрыйковского в оборот: ни один другой польский писатель не приобрёл такой известности[84].

Сложнее всего обстоит дело с итальянцем из Вероны, средневековым авантюристом, поступившим на польскую службу и ограбившим Стрыйковского ещё при его жизни. В 1578 г. Александр Гваньини подарил Кракову исполненный в хорошей латыни краткий «Хроникон», в 1581 г. создал «Описание сарматской Европы», напечатанное в 1611 г. в Кракове, где сведения были взя-

---

[78] *Schlözer A.L.* Geschichte von Littauen... S. 23.

[79] Ibid. S. 153—154.

[80] Ibid. S. 19.

[81] См. о нём: Башилов, Семён // Русский биографический словарь. Т. II. СПб., 1900. С. 611—612.

[82] *Schlözer A.L.* Geschichte von Littauen... S. 16—17.

[83] Что не мешает ему ссылаться на Стрыйковского (*Schlözer A.L.* Geschichte von Littauen... S. 281, 294).

[84] *Schlözer A.L.* Allgemein Nordische Geschichte... S. 20, 242.

ты из сочинений Стрыйковского. Шлёцер со свойственным ему юмором писал о том, что Стрыйковский жаловался на плагиат, но жаловался по-польски и посему иностранцами не был услышан. А те читали на латыни Гваньини и удивлялись, как же изящно рассказывает он историю этой части света. Шлёцер считал, что Гваньини поступил со Стрыйковским, как Меховский с Длугошем, а Америго Веспуччи с Колумбом[85].

Иннокентий (Гизель) — автор известного в России сочинения. В его работе отразились многие русские и литовские события (поскольку его родной Киев находился несколько веков под литовским владычеством). Архимандрит Иннокентий также брал сведения Стрыйковского, благодарно отмечая это на полях. Два первых издания его труда вышли в Киеве (1678, 1680). Шлёцер располагал пятым (Петербург, 1762), в котором изложение событий доведено до 1679 г. Верный истине, Шлёцер ополчился на тех, кто необоснованно считал автором «Синопсиса» не Гизеля, а некоего патриарха Константина, поляка по происхождению. Среди таких «невежд» оказались и не очень известный у нас Бергиус, и гораздо более знакомый Страленберг и Вольтер[86].

Среди тех, на кого опирался Шлёцер, был и И.М. Штриттер. Шлёцер считается его учителем, да и главная работа Штриттера — выборка из византийских историков материалов, относящихся к истории народов Восточной Европы[87], — создавалась по плану, подсказанному Шлёцером. В «Приложении» к своей третьей книге Шлёцер поместил сведения из Штриттера: византийские описания литовцев, жемайтов, пруссов и других соседних земель с примечаниями[88]. Не всё из этого действительно имело отношение к литовской истории. Что-то даже оказалось курьёзным, например литовский порт на Чёрном море в начале XV в.

Но главным героем шлёцеровского «романа» стал Альберт (Войцех) Коялович — доктор теологии, проканцлер и профессор Вильнюсской академии. Этот «честный иезуит взял у Стрыйковского всё, что касалось литовской истории, и мужественно перевёл это в прекрасную, почти древнеримскую латынь». Шлёцер был готов излагать литовскую историю по Кояловичу почти без сокращений. Штудируя последнего, немецкий историк старался понять, как всё-таки соотносятся труды этих двух историков, — ведь за Кояловичем стоял Стрыйковский, имевший в своём распоряжении 40 рукописных хроник, однако на них не ссылался, поэтому, по мнению Шлёцера, только тогда, когда русские, ливонские, прусские и польские анналы будут опубликованы и их сравнят между собой, станет ясна и литовская история, и степень добросовестности Стрыйковского.

Шлёцер пытался оценить не столько историописателя позапрошлого для него века, сколько создателя истории века прошлого. Эта оценка чрезвычайно интересна. Коялович имел репутацию мастера исторической критики: все события вплоть до времени Миндовга он подвергал сомнению. Но были вещи, которые вызывали у учёного немца подозрения. Во-первых, Коялович представлялся

---

[85] Ibid. S. 21. Спор об этом давнем плагиате идёт давно, и точка в нём ещё не поставлена (*Рогов А.И.* Указ. соч. С. 24—25, 239—240).

[86] *Schlözer A.L.* Allgemein Nordische Geschichte... S. 22.

[87] Memoriae populorum olim ad Danubium, Pontum Euxinum, Paludem Maeotidem, Caucasum, Mare Caspium, et inde magis ad Septentriones incolentium e scriptoribus historiae Byzantinae erutae et digestae ab I. G. Strittero. T. 1—4. СПб. 1771—1779.

[88] *Schlözer A.L.* Geschichte von Littauen... S. 175—189.

ему прагматиком (не в нынешнем значении этого слова): изучая поступки исторических персон, он смотрел в глубь их душ и именно там пытался найти тайные основы их деяний. Это не могло не влиять на восприятие фактов литовской истории. Во-вторых, уж очень подробно описывал он те или иные события, особенно связанные с древней историей литовской шляхты. Откуда брались эти детали и анекдоты?

Коялович, по мнению Шлёцера, допустил ещё одну ошибку. Следует обратить внимание на то, что впервые в литуанистике мы присутствуем при появлении идей о политогенезе, о государствогенезе, о постепенном вызревании государства. Учёный конца XVIII — начала XIX в. упрекал своего предшественника в том, что он не видел эволюции государства, не замечал детского периода в его развитии. Как трактовать орды литовцев, бродившие в дремучих лесах? Разве дюжий глава семейства с копьём — это уже герцог — возглавляет рейхстаг, имеет сенат и дворянство? Так быстро это могло произойти только у христиан-поляков, но у диких литовцев не могло[89]. Тут, полагаю, почтенный историк неправ: у христиан-поляков это также не могло произойти быстро.

Шлёцер оказался гораздо ближе к научному уровню нашего времени, чем многие историки недавнего прошлого, норовившие увидеть государство в совсем уж древние времена. По Шлёцеру, до XI в. у литовцев не имелось даже следа государства: «До того, как литовцы обрели государство, они несомненно жили как дикари — ибо есть ли во всей 6000-летней мировой истории хоть один пример, чтобы человек без государства стал человеком»? Поэтому и были они лишены истории, не знали своего имени, как немцы до Цезаря или ирокезы до Колумба[90].

Интересно, что, зная о широком распространении племён балтов, Шлёцер предполагал, что первое место возможного возникновения государства могло быть в районе Ковно: здесь на восток вплоть до Смоленска на Днепре располагались удобные для жизни людей места. Но в IX в. сюда пришли русские, и позже здесь находим чистых славян, хотя следов завоевания русскими нет[91]. Искусно отделив древних литовцев от других окрестных народов, историк нашёл некую область на р. Немане, где и возникло в XIII в. первое Литовское государство. Оно было маленьким, но постепенно за счёт войн разрасталось, и во времена монголо-татарского нашествия захватило соседние русские земли, часть из которых потом передало своему польскому союзнику[92]. Возникали и какие-то мелкие государства-союзы. Большую роль в генезисе государства сыграл внешний фактор: поляки под началом Болеслава и Россия — князя Владимира. Оба «славянских гения» чинили соседям затруднения; произошли потрясения в литовских лесах. Далее Шлёцер с юмором изложил теорию политогенеза *ab extra*: государства, по его мнению, возникают из страха перед завоевателями, как перед тиграми и потоками. Так возникли Новгород и Киев — из страха перед норманнами и хазарами. Так, вероятно, возникла Польша — из страха перед франками, и вот Литва — из боязни поляков и русских[93].

---

[89] Ibid. S. 23.

[90] Ibid.

[91] Ibid. S. 14. Впрочем, балтов теснили не только славяне с востока и юга, но и финны с севера, и германцы со стороны моря (*Schlözer A.L.* Allgemein Nordische Geschichte... S. 320).

[92] *Schlözer A.L.* Allgemein Nordische Geschichte... S. 320.

[93] *Schlözer A.L.* Geschichte von Littauen... S. 28.

Шлёцер очень интересовался истоками Литовского государства. Но век накладывал печать на его интересы. Историки того времени больше чем государством интересовались историей народов. Вспомним Г.Ф. Миллера, который составил практически аутентичную схему расселения сибирских народов и установил их языковую принадлежность. В русле изучения истории народов лежала борьба Шлёцера с древними легендами: вполне в духе славной эпохи Просвещения человеческий разум норовит не из лесов вывести литовцев, а от знаменитых аланов, и сделать их первыми князьями не просто литовцев, а знатных итальянцев.

Некто поляк или литовец, возможно, современник Длугоша, мог в Европе услышать, что есть такая страна «Италия» или «ла Италия». Ошибка в произношении между «Литалия» и «Литвания» и привела к путанице. Впрочем, это не главное, что решительно отбросил Шлёцер (причём даже в трактовке Кояловича, связавшего литовцев не с итальянцами, а с герулами, которые у него также оказались литовцами). Поскольку герулы, аланы, лангобарды, половцы и печенеги — это один народ, то все они литовцы. Наримунд — это якобы лангобардский князь. Опустим все детали антитезы Шлёцера — в ход шёл даже такой аргумент: итальянцы были уже христианами, зачем же потом надо было снова крестить литву? Порвать с этой средневековой ересью Шлёцеру помог всё тот же юмор: как Франкус пришёл из Трои, Лех и Чех из Каринтии, так Палемон пришёл из Генуи, подобно Колумбу. Пора уже покончить с этими пришельцами... Помимо злополучного Палемона, прогрессивный историк «разобрался» и со многими другими мифами, в частности он удалил из истории «новый народ» Witen, отвёл от литовцев «видивариев» и хазар[94]. Здесь ему пришлось вступить в полемику со шведом И.Э. Тунманном — рано умершим историком, профессором красноречия и философии университета в Галле.

Шлёцер рассмотрел вопрос о том, на каком языке говорили литовцы: история их столь малоизвестна, что мы даже точно не знаем, к какой языковой семье они относятся. Г.З. Байер относил литовцев к финнам, сам же Шлёцер утверждал, что летты с финнами ничего общего не имеют. Но страницей ниже он писал, что многие корневые слова у них имеют сходство[95]. Противоречия здесь историк не видел. Не только в финском, но и в германском языке находятся общие с литовским языком слова[96]. Литовцы, пруссы и летты — один народ, они различаются лишь диалектом. С германцами и финнами у них нет ничего общего, со славянами в их языке гораздо больше сходства. Писал историк и о ятвягах, живших в Подляшье. Меховский и Гваньини описывали их как варваров, похожих на литовцев. Но они были поляками истреблены, однако ещё во времена Кромера следы их сохранялись. Обратился историк и к истории пруссов, констатируя, что во всей «Северной истории» больше нет столь разумно и критично обработанных частей, чем прусская история. Перечислив с десяток знаменитых хронистов, Шлёцер с элементом горечи отметил: «Жаль, что бóльшая часть этих хроник ещё не напечатаны, чтобы лежать в библиотеке!». Не может не вызвать симпатии честное отношение Шлёцера к деяниям

[94] Ibid. S. 10—12, 24—26.
[95] Probe Rußischer Annalen von August Lüdwig Schlözer. Bremen und Göttingen, 1768. S. 11—13.
[96] Ibid. S. 15.

своих предков: выходцы из Германии так угнетали эту «нацию», их религию и язык, что к началу Нового времени и следов от неё не осталось[97].

Со с. 29 своего главного сочинения о ВКЛ Шлёцер излагал историю, как и обещал, по Кояловичу, высказывая и свои суждения, привлекая другие источники. Но он явно попал под скромное обаяние Кояловича. Например, Наримунд у него выступает в роли, напоминающей монархов совсем других времён: он собирает рейхстаг, вокруг него и сенат, дворянство, появляется и гофмаршал. Образы Кояловича Шлёцер иногда дополнял своими сомнительными ассоциациями — отношения древних князей Тройдена с Войшелком почему-то напомнили ему известную ситуацию Петра I и А.Д. Меньшикова[98].

Важный этап исторического развития по Шлёцеру — завоевания Гедимина. Русская монархия, пройдя 430 лет всевозможных потрясений, стала прибавлением к Литве. Поляки князя Болеслава дважды грабили Киев, однако ни один последующий король Польши не носил титула владетеля Киева, никто не превращал его в провинцию. Первым иностранцем, кто Киевом овладел, был Гедимин, Батыя же в этой связи Шлёцер не упомянул. Повествуя о войнах Ольгерда, он неожиданно отметил московского князя «Деметриуса Семечку»[99]. Примечательно, что события 1380 г. с литовской стороны и у Шлёцера никак не освещены.

Интересны соображения о русских землях и их судьбах. Названия «Монгольская Россия», «Литовская Россия» (в географическом описании находим и «Литовскую Русь») распространены и полезны, но надо помнить, что была и свободная Россия — Великий Новгород. Позже он утратил свою свободу, и наряду с «Литовской Россией» существовала просто «Россия». С какого-то момента у Шлёцера появилась Белая Россия: после рейхстага в Бресте король объехал всю Литву и Белоруссию. В Белую Россию историк включил Полоцк, Витебск и Смоленск[100]. Знал он и «Чёрную Россию», а также «Красную».

Шлёцер последовательно излагал события истории ВКЛ в четырёх книгах, структурируя повествование по правлениям литовских князей. Внимание немецкого историка было устремлено на деяния тех же князей, на войны, увлекали его и события внутриполитической жизни (например, шляхетские «рейхстаги»). События эти, конечно, нуждаются в проверке. Иногда Шлёцер делал меткие и запоминающиеся вылазки в область культуры и истории повседневности. В его повествовании неплохое отражение получил и униатский процесс (имеем в виду политическую унию). Он поэтапно проследил становление отношений между двумя народами, постоянно делая акцент на их сложности и обилии противоречий между поляками и литовцами. Шлёцер был поклонником объединённых наций и государств: немцев и богемцев, итальянцев и испанцев, поляков, литовцев и русских. Своё изложение униатского процесса он закончил на той же волне: вся Европа замерла в ожидании, прибыло много посланцев иностранных дворов: от папы, императора, шведов, московитов, турок, татар.

---

[97] *Schlözer A.L.* Allgemein Nordische Geschichte... S. 243—244.

[98] *Schlözer A.L.* Geschichte von Littauen... S. 49—50.

[99] Ibid. S. 62, 67, 207. А.И. Рогов выдвинул предположение, что под «Семечкой» Стрыйковский имеет в виду Шемяку (*Рогов А.И.* Указ. соч. С. 174), т.е. Стрыйковский спутал Дмитрия Шемяку с Дмитрием Донским. Шемяку же С. Герберштейн именовал «Semecko». Предположение вероятное, но вспомним и Н.М. Карамзина, считавшего, что Стрыйковский перепутал отчество: «Симеонович» (*Карамзин Н.М.* История государства Российского в 12-ти томах. Т. V. М., 1993. С. 233).

[100] *Schlözer A.L.* Geschichte von Littauen... S. 36, 138, 155, 166.

Хотя старое Великое княжество Литовское ещё будет существовать, но будет это уже la Province du Grand-Duché de Litwanie, как оно именовалось даже и на собственном канцелярском языке, а знать — потомки литовских и русских князей, как и их земли, — теперь будут связаны с польской Короной[101]. Шлёцер довёл историю ВКЛ до смерти Сигизмунда-Августа, уделив пристальное внимание спорам вокруг титула российского царя.

Перед нами открылся целый мир литуанистики, а лучше сказать — литовско-русской истории в восприятии российских учёных XVIII в. Историки сильно зависели от своих предшественников — историописателей XVI—XVII вв., от летописного материала, но, тем не менее, прокладывали пути для изучения истории ВКЛ. Приятно осознавать, что интерес был в основном именно научным, на него ещё мало влияли политические и национальные эмоции. Учёные обитатели следующего «длинного девятнадцатого века» строили свои исследования отнюдь не на пустом месте — они лишь подхватили эстафетную палочку.

[101] Ibid. S. 238, 288, 296.

Промышленность, банки и транспорт Российской империи

Н.В. Воронцов и деятельность Общества Путиловских заводов в 1870—1880-х гг.

Михаил Барышников

N.V. Vorontsov and activity of Putilov company's in the 1870—1880s

Mikhail Baryshnikov
(Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg)

DOI: 10.31857/S086956870015458-4

В 1877 г. бывший начальник Пермских пушечных заводов, горный инженер, действительный статский советник Николай Васильевич Воронцов получил предложение войти в состав руководства Общества Путиловских заводов (ОПЗ). Его работа в должности директора Рельсово-механического-вагонного завода (Путиловский завод) в 1878—1882 гг. протекала на фоне масштабных изменений как в промышленном облике страны, так и в жизни управляемого им предприятия. В первых сочинениях по истории ОПЗ его роль практически не освещалась[1]. Лишь И.Ф. Гиндин упомянул о том, что этому директору доверяли правительственные чиновники[2]. Между тем значимость его вклада в развитие производственного потенциала ОПЗ констатировал Л.С. Рафиенко[3]. Именно Воронцову удалось согласовать позиции инженерно-управленческого персонала завода, органов власти (в первую очередь Государственного банка и Министерства финансов) и коммерческих структур (прежде всего Петербургского международного коммерческого банка). За три года под руководством Воронцова Путиловский завод, находившийся до того в крайне сложном финансовом положении, стал «лучшим из сталелитейных и рельсопрокатных заводов России»[4]. А уход Николая Васильевича с директорского поста в конце 1882 г., по сути, завершил период антикризисного управления, во многом обусловивший (в том числе при посредничестве Петербургского международного банка[5]) последующий рост масштабов операций ОПЗ и его закрепление в качестве ведущей в своей отрасли отечественной компании. В итоге данное предприятие — «воплощение российского “крупного бизнеса”, лицо целого

© 2021 г. М.Н. Барышников

[1] К столетию Путиловского завода. 1801—1901 гг. СПб., 1902; *Мительман М.И., Глебов Б.Д, Ульянский А.Г.* История Путиловского завода (1789—1917). М.; Л., 1939; Изд. 3. М., 1961.

[2] *Гиндин И.Ф.* Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861—1892 годы). М., 1960. С. 249.

[3] *Рафиенко Л.С.* Горный инженер Н.В. Воронцов. Пермь, 1989. С. 92—96.

[4] История создания и развития Санкт-Петербургского государственного горного института. Т. I. СПб., 1998. С. 105.

[5] *Бовыкин В.И.* О взаимоотношениях российских банков с промышленностью до середины 90-х годов XIX в. // Социально-экономическое развитие России. Сборник статей к 100-летию со дня рождения Николая Михайловича Дружинина. М., 1986. С. 202—203.

хозяйственного уклада» — превратилось, с точки зрения государственных интересов, в «самый важный частный завод» страны[6]. Какую же роль в этом сыграл Воронцов?

В 1876 г., покинув пост начальника Пермских пушечных заводов, Воронцов переехал в Петербург. Здесь, получая прежнее жалованье, он участвовал в работе Горного совета и Горного учёного комитета. При этом на него был сделан большой начёт в 10 тыс. руб. за якобы допущенные ошибки при оформлении заводских счетов[7]. Видимо, финансовые трудности оказались одной из побудительных причин, заставивших его принять должность директора Путиловского завода. Впрочем, решающее значение имело его личное знакомство с Н.И. Путиловым, состоявшееся ещё в 1871 г. Пермский завод начал тогда производить снаряды из закалённого чугуна и перенимал технологические наработки Путиловского завода, приступившего к выполнению таких заказов годом ранее[8]. Обмен опытом продолжился в 1875 г., когда ОПЗ наладил прокатку рельсов из мартеновской стали, а спустя год заработала и первая мартеновская печь в Перми. В 1877 г., уже после отъезда Воронцова, там завершилось строительство ещё трёх мартеновских печей[9].

Следует учесть, что Воронцов стал директором Путиловского завода, но не правления ОПЗ, которому принадлежали также петербургский завод «Аркадия», железоделательные центры в Финляндии и т.д. Впрочем, поскольку Путиловский завод, безусловно, являлся ключевым по своим производственным мощностям, положение его руководителя было не менее, а порой даже более влиятельным, чем у членов правления. При этом в 1877 г. Воронцов не сразу принял на себя новые обязанности. Когда в Государственном банке, контролировавшем в то время операции ОПЗ, с ним заговорили о соответствующем назначении, он изъявил желание предварительно изучить состояние дел на предприятии.

К началу 1877 г. ОПЗ находилось в сложном положении. Осенью 1872 г., когда Александр II утвердил устав компании, дела Путилова находились в «блестящем состоянии»[10]. Ему было даровано право изображения государственного герба за «особенные труды по развитию и улучшению железного производства в России, устройство заводов, производящих большое количество весьма хорошей пудлинговой стали из местных материалов, за производство большого количества рельсов и рельсовых скреплений и за попечения об улучшении быта рабочих»[11]. Изготовление железных рельсов со стальными головками, которые в стоимостном выражении составляли почти 75% всей выпускаемой продукции, не только приносило тогда значительную прибыль, но и обеспечивало, как казалось, привлекательность завода для внешних инвесторов. Гарантией будущих доходов служили контракты Путилова с Департаментом железных дорог Министерства путей сообщения, заключённые летом 1867 и в январе 1869 г. Можно было рассчитывать и на поддержку влиятельных лиц, в частности на-

---

[6] *Поликарпов В.В.* Стратегия процветания крупного бизнеса (к истории Путиловского общества) // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 27.

[7] *Рафиенко Л.С.* Указ. соч. С. 92—93.

[8] *Левицкий М.* Путиловский сталелитейный, железоделательный и механический завод. Кронштадт, 1896. С. 30.

[9] История создания и развития... Т. I. С. 105.

[10] *Гиндин И.Ф.* Указ. соч. С. 239.

[11] Отчёт о мануфактурной выставке 1870 года в Санкт-Петербурге. СПб., 1871. С. 51.

чальника Николаевской железной дороги И.Ф. Кёнига, вошедшего при учреждении ОПЗ в состав его наблюдательного совета, который утверждал решения директоров в сфере производственной и финансовой деятельности и осуществлял «общее наблюдение за ходом предприятия, ревизия через своих членов делопроизводства правления, а в случае надобности и самого хода дела на местах деятельности Общества»[12].

Паника, разразившаяся в 1873 г. на ведущих биржах Европы и Северной Америки, вызвала обвальное падение цен на акции и «долгую депрессию», растянувшуюся на 20 лет. Надежды Путилова на привлечение крупных инвестиций из Германии не оправдались[13], а участие в строительстве морского порта в Петербурге с глубоководным каналом до Кронштадта потребовало от ОПЗ крупных вложений и заимствований у коммерческих банков.

Рост долгов, к концу 1874 г. составивших 4,858 млн руб.[14], первоначально не внушал Путилову серьёзных опасений. Всё же поставки государству продукции железнодорожного назначения сулили значительные прибыли. В 1874 г. ОПЗ заключило с Департаментом железных дорог контракт на выпуск 3 тыс. товарных вагонов. В следующем году было подписано соглашение, в соответствии с которым завод обязывался в течение пяти лет ежегодно изготавливать для казны 800 тыс. пудов стальных рельсов. Одновременно крупные средства шли на строительство сталерельсового завода, оснащённого четырьмя мартеновскими печами. В конце 1876 г., накануне русско-турецкой войны, Главное артиллерийское управление оплатило заказ на 1 500 стальных бомб[15]. В целом, в 1874—1876 гг. Общество быстро наращивало, главным образом за счёт авансов Государственного банка, свои производственные мощности. Однако и долги Путилова коммерческим банкам, частным лицам и самому Обществу стремительно росли, достигнув 6,756 млн руб. В свою очередь задолженность ОПЗ составила 6,742 млн руб., в том числе по казённым авансам на рельсы — 2,865 млн руб.[16] Оно практически утратило оборотный капитал и не имело возможности кредитоваться до уплаты долгов, что грозило банкротством и массовым увольнением рабочих[17]. В феврале 1877 г. министр финансов М.Х. Рейтерн и управляющий Государственным банком Е.И. Ламанский с санкции Александра II приняли решение оплатить долги Путилова коммерческим банкам. Взамен этого Государственный банк выкупил 87% акций ОПЗ, фактически став его основным собственником. В состав правления и наблюдательного совета Общества вошли правительственные чиновники.

Соглашаясь занять должность директора, Воронцов должен был не только сохранить предприятие, но и обеспечить ему перспективу для последующего развития. Ещё в январе 1877 г. члены правления ОПЗ экстренно запросили у Государственного банка кредит в размере, «какой будет признан возможным». На первоочередные нужды Путиловскому заводу требовалось 47,4 тыс. руб.: 39,3 тыс. — на зарплату рабочим, 5 тыс. — на пособия увольняемым, 3,2 тыс. — на жалованье служащим и членам правления. Ещё 160 тыс. руб. было

---

[12] ПСЗ-II. Т. 47. Отд. II. СПб., 1875. № 51438. С. 845.

[13] *Мительман М.И., Глебов Б.Д., Ульянский А.Г.* Указ. соч. Изд. 3. С. 26.

[14] Отчёт правления Общества Путиловских заводов с 1 сентября 1873 г. по 1 января 1875 года. СПб., 1875. С. 23.

[15] РГИА, ф. 588, оп. 2, д. 561, л. 85—86, 203, 255.

[16] *Гиндин И.Ф.* Указ. соч. С. 240.

[17] *Мительман М.И., Глебов Б.Д., Ульянский А.Г.* Указ. соч. Изд. 3. С. 30.

необходимо для продолжения выпуска продукции в ближайший месяц[18]. Между тем кредит в 200 тыс. руб., выданный Путилову по личной инициативе Ламанского в конце декабря 1876 г., был полностью исчерпан[19].

В 1877 г. Воронцов продумывал и согласовывал план своих действий. Учитывая, что для мартеновских печей при переплавке отслуживших свой срок железных рельсов требовалось много стального лома, в необходимом количестве ещё отсутствовавшего в России и заметно подорожавшего за границей (до 1 руб. 10 коп. за пуд, при рентабельности для завода в 60 коп.), Воронцов предложил в июле 1877 г. диверсифицировать производственный процесс, введя в строй, помимо двух новых мартеновских печей, два бессемеровских конвертора. Ламанский поддержал данное предложение, заявив, что Государственный банк как крупнейший собственник ОПЗ «заинтересован... в успешном направлении дел Общества и участвует, вследствие этого, и в управлении его делами, имея своих представителей в правлении и [наблюдательном] совете Общества». В итоге, по согласованию с Министерством финансов, компании был выделен кредит в 308,5 тыс. руб. на четыре года под 6% годовых, и уже спустя год бессемеровские конверторы достигли, по словам правления, «высшей нормы своей производительности, то есть плавки до 6 тыс. пудов стали в сутки»[20].

В марте 1878 г. Воронцов подписал договор, регламентировавший его деятельность на посту директора. Так, он имел право формировать численность и штатную структуру занятых на предприятии, самостоятельно осуществлять руководство производственным процессом (директора правления могли участвовать в принятии тех или иных решений лишь с его согласия), а также отвечал за качество и своевременность исполнения заказов при наличии необходимых финансовых средств[21]. Его жалованье составляло 10 тыс. руб. при «готовой квартире с отоплением». Кроме того, из чистой прибыли Путиловского завода (но не ОПЗ), если она составляла менее 500 тыс. руб., Воронцов получал 0,5%, если достигала от 500 до 750 тыс. руб., — 1%, при превышении 750 тыс. руб. — 1,5%[22].

В 1878 г. руководству ОПЗ удалось согласовать интересы инженерно-управленческого персонала (председатель правления Путилов, директора Воронцов и Н.В. Калакуцкий, управляющий заводской конторой директор А. Бухе), представителей финансового ведомства (директор В.В. Никитин) и Петербургского международного коммерческого банка (член наблюдательного совета компании, директор банка В.А. Лясский). Предпринятые меры позволили увеличить производство стали в объёме, необходимом для того, чтобы выпуск рельсов вырос вдвое. Чугунное сырьё, приобретаемое на внутреннем рынке для переработки на сталь, на $^{2}/_{3}$ обеспечило потребности мартеновских печей в ломе. На заводе построили новый обжимный стан, заменивший работу паровых молотов; на новые фундаменты установили прокатные машины, в действие была введена новая рельсопрокатная машина, что позволило перепрофилировать прежнюю в листопрокатную[23]. По инициативе Воронцова территорию заво-

[18] РГИА, ф. 588, оп. 2, д. 561, л. 22.
[19] Там же, д. 559, л. 1.
[20] Там же, д. 558, л. 1; д. 561, л. 86; д. 563, л. 1—3, 5.
[21] Там же, д. 574, л. 150.
[22] Там же, л. 141.
[23] К столетию Путиловского завода... С. 19.

да опоясала сеть узкоколейных паровых подъездных путей, соединивших цеха между собой; специальная ветка связывала её с линией железной дороги, обеспечивавшей сбыт продукции[24].

Бессемеровская сталь, помимо производства рельсов, использовалась для изготовления колёсных шин, вагонных и паровозных рессор и т.д. Поэтому неудивительно, что с конца 1870-х гг. наблюдалось резкое увеличение выпуска не только рельсов (в 1877 г. прокатано 643,7 тыс. пудов, 1878 г. — 1,046 млн, 1879 г. — более 3 млн пудов), но и вагонов, чему в значительной мере способствовали государственные закупки военного времени. Так, если в 1877 г. предприятие изготовило 467 товарных вагонов на 643,5 тыс. руб., то в 1878 г. — 1 108 на 1,597 млн руб. Немалый доход приносили и поставки железнодорожных платформ (140—150 в год на сумму до 180 тыс. руб.), а также специальных вагонов для перевозки угля и скота, переводных стрелок, стальных шин, колёс с осями и т.п.[25]

Инвестиции в основной капитал, сопровождавшиеся быстрым ростом производственных мощностей ОПЗ, были непосредственно связаны с получением казённых заказов и кредитов, выдававшихся Государственным банком под 6%. Частные контракты, наоборот, резко сокращались: если в 1877 г. они были выполнены по вагонам на 108,2 тыс. руб., то в 1878 г. — лишь по 1 вагону на 3 тыс. руб.[26] Тем самым, вполне профессионально осуществляя оперативное руководство и обеспечивая поступательный рост производственных мощностей крупнейшего в стране предприятия, Путилов и Воронцов не могли определять сколько-нибудь отдалённые цели его работы, полностью завися от интересов ключевого собственника — государства. И хотя по итогам выпуска той или иной продукции Общество оказывалось в прибыли, общее его положение оставалось тяжёлым. На 1 января 1879 г. убытки, включая издержки прежних лет, достигли 924,8 тыс. руб., а долги превысили 5 млн руб. (в том числе по непогашенным авансам и долгам по контрактам с Департаментом железных дорог — 2,8 млн руб.)[27]. Процентные выплаты по кредитам не только «съедали» прибыль, но и практически полностью лишали компанию оборотных средств. Воронцов и директора правления вынуждены были признать, что ОПЗ, имея «единственным оборотным ресурсом кредит, открываемый ему Государственным банком, под материалы и изделия, с развитием своей производительности состоит непрерывно в долгу у Государственного банка в сумме доходящей до 5 000 000 рублей». Более того, по их мнению, в дальнейшем эта сумма «должна ещё увеличиться»[28].

В 1879 г., учитывая финансовые трудности ОПЗ, Путилов и Воронцов решили диверсифицировать производственные операции, дабы ослабить зависимость предприятия от правительственных субсидий. Так, при выпуске стальных рельсов, по-прежнему ориентируясь преимущественно на выполнение казённых договоров, они стали активнее исполнять частные заказы.

---

[24] *Рафиенко Л.С.* Указ. соч. С. 94.

[25] Отчёт правления Общества Путиловских заводов с 1 января по 31 декабря 1877 года. СПб., 1879. С. 15—17; Отчёт правления Общества Путиловских заводов с 1 января по 31 декабря 1878 года. СПб., 1880. С. 42—46.

[26] Там же.

[27] Отчёт правления Общества Путиловских заводов с 1 января по 31 декабря 1879 года. СПб., 1882. С. 66, 72—73.

[28] РГИА, ф. 588, оп. 2, д. 566, л. 179.

К концу года государству было поставлено рельсов на 3,367 млн руб., различным фирмам и лицам — на 2,899 млн руб. Одновременно значительно (на 304,3 тыс. руб.) выросло изготовление по частным контрактам переводных стрелок, вагонных колёс и полускатов, рессор и т.д. Сортового железа по ним было произведено на 264,2 тыс. руб. Их покупателями являлись Главное общество российских железных дорог, общества Конно-железных дорог, Либаво-Роменской, Юго-Западной, Харьково-Николаевской, Курско-Киевской, Шуйско-Ивановской, Муромской, Новоторжской, Царскосельской, Новгородской, Моршано-Сызранской железных дорог. Что же касалось товарных вагонов, то их единственным приобретателем оставался Департамент железных дорог: за 1879 г. казна получила 1 063 вагона за 1,467 млн руб., а также 27 угольных вагонов за 27,8 тыс. руб. В результате впервые за пять лет чистая прибыль ОПЗ, фактически исключительно благодаря Путиловскому заводу, составила 1,544 млн руб. Кроме того, по сравнению с предыдущим годом перестал расти долг Государственному банку и заметно снизилась задолженность перед частными фирмами и лицами (с 2,648 до 1,124 млн руб.)[29]. Вместе с тем произошли серьёзные перестановки в правлении: на смену часто болевшему Путилову его председателем по рекомендации Ламанского избрали бывшего управляющего Государственным казначейством Н.В. Кидошенкова.

31 декабря 1879 г. истёк срок договора, заключённого с Воронцовым в марте 1878 г. Ссылаясь на результативность своего управления и практику выплат (до 78 тыс. руб.) руководителям отечественных промышленных компаний, директор Путиловского завода запросил жалованье в 25 тыс. руб. Товарищ управляющего Государственным банком Николаев возражал, намекая на то, что и министр финансов С.А. Грейг считает подобное вознаграждение «слишком большим». После «словесных переговоров» Воронцову удалось заручиться поддержкой Ламанского. Достигнутый в марте 1880 г. компромисс, утверждённый наблюдательным советом ОПЗ, предусматривал ежегодную обязательную выплату в 15 тыс. руб., к которой по итогам года полагалось ещё 10 тыс. руб. «добавочных наград», в том случае, если завод приносил прибыль[30].

Усиление позиций чиновников в руководстве ОПЗ в 1880 г. имело неоднозначные последствия. По инициативе Воронцова и при поддержке Кидошенкова и Калакуцкого правление стало ещё активнее использовать кредиты Государственного банка для пополнения оборотных средств и закупки оборудования. Только с 1 января по 1 марта 1880 г. ОПЗ было выдано ссуд на 2,508 млн руб.[31] В 1880 г., по сравнению с 1879 г., соответствующие инвестиции выросли с 1,240 до 3,395 млн руб. Одновременно удалось сократить дебиторскую задолженность с 3,570 до 2,739 млн руб. Всё это сопровождалось увеличением балансовой стоимости активов компании на 22,3% (в 1879 г. данный показатель составил 16,7%). Вместе с тем долг ОПЗ Государственному банку резко вырос с 2,703 до 6,624 млн руб.[32], тогда как чистая прибыль по Путиловскому заводу снизилась на 42,9%[33].

---

[29] РГИА, ф. 588, оп. 2, д. 574, л. 142; Отчёт правления Общества Путиловских заводов с 1 января по 31 декабря 1879 года. С. 43—61.

[30] РГИА, ф. 588, оп. 2, д. 574, л. 141.

[31] Там же, д. 566, л. 62.

[32] Отчёт правления Общества Путиловских заводов с 1 января по 31 декабря 1880 года. СПб., 1882. С. 56—79.

[33] РГИА, ф. 588, оп. 2, д. 574, л. 142.

Между тем, поскольку выпуск вагонов для государства полностью прекратился, директора переориентировали компанию на частные заказы[34], теперь уже преобладавшие среди поставок различных железнодорожных изделий. Более того, если по казённым контрактам в 1880 г. было изготовлено стальных рельсов на 182,3 тыс. руб., то по частным — на 4,079 млн руб. (из них на 1,153 млн руб. для Общества Закавказской железной дороги).

Руководство компании уделяло большое внимание налаживанию связей с предпринимателями, чему в немалой степени способствовали такие члены наблюдательного совета, как, например, крупный петербургский коммерсант Г. Молво. Взаимовыгодные отношения сложились у Общества с Петербургским международным коммерческим и Волжско-Камским банками[35], столичным Обществом Самсониевского машинного, литейного и вагоностроительного завода и др.

Директора признавали: при «постоянной и усиленной уплате своих прежних долгов прибыли Общества, составлявшие главнейшие средства для такой уплаты, недостаточны, тем более что значительная часть их идёт на уплату % по долгам Общества, в счёт открытых ему в казне кредитов»[36]. Поэтому правление ходатайствовало о снижении взимаемых процентов с 6 до 3. Ламанский разрешил для «удобства» начислять 3%, но требовать остальные 3%, если у Общества будет значительная прибыль[37]. Ситуация усугублялась тем, что по правилам Государственного банка проценты по специальным текущим счетам должны были покрываться немедленно, при наступлении сроков их начисления. Директора правления считали это «не только крайне затруднительным, но положительно невозможным»[38], и настойчиво просили о рассрочке до 6—7 недель, что ещё больше вносило путаницу в показатели расчётов с казной.

В 1881 г. ухудшение ситуации на отечественном рынке железнодорожной продукции и свёртывание инвестиций в транспортное строительство вызвали снижение поставок по всему ассортименту изделий ОПЗ. Нуждаясь в подтверждении своих полномочий, Воронцов подал прошение об отставке и получил ожидаемый отказ, но не совсем в той формулировке, на которую рассчитывал. Его удерживали лишь потому, что увольнение «может замедлить продажу завода», так как покупатели намерены поручить Воронцову «на первое время» управление предприятием[39]. Ставший министром финансов Н.Х. Бунге всерьёз опасался, что без казённой поддержки Обществу придётся приступить к ликвидации своих дел, что представлялось «весьма нежелательным как в интересах Государственного банка (владельца завода), так и в интересах многочисленного заводского населения, могущего... остаться без всяких средств к пропитанию»[40]. В декабре с санкции министерства Государственный банк открыл ОПЗ «дополнительный кредит»[41].

---

[34] Подробнее см.: *Grant J.A.* Big Business in Russia. The Putilov Company in Late Imperial Russia. 1868—1917. Pittsburg, 1999.

[35] РГИА, ф. 588, оп. 2, д. 566, л. 209, 318.

[36] Там же, л. 179.

[37] *Гиндин И.Ф.* Указ. соч. С. 242.

[38] РГИА, ф. 588, оп. 2, д. 568, л. 102.

[39] Там же, д. 574, л. 102.

[40] Цит. по: *Гиндин И.Ф.* Указ. соч. С. 242.

[41] РГИА, ф. 588, оп. 2, д. 568, л. 67.

В 1881 г. при сокращении казённых контрактов по стальным рельсам до 948 тыс. руб. частные увеличились до 1,262 млн руб. (из них 668 тыс. руб. поступило от Общества Балтийской железной дороги). Договоры на изготовление стальных шин и рессор (на сумму свыше 90 тыс. руб.) были заключены с Русским обществом механических и горных заводов. Как и прежде, крупными оказались частные заказы на сортовое железо (352 тыс. руб.), железнодорожные платформы (203 тыс. руб.) и вагонные полускаты (202 тыс. руб.). Однако общий итог стоимости выпущенной продукции демонстрировал, по сравнению с 1880 г., снижение с 6,428 до 4,060 млн руб., тогда как задолженность по казённым кредитам выросла на 11%[42]. Чистая прибыль Путиловского завода снизилась почти вдвое — с 1,428 млн до 728,2 тыс. руб.)[43]

В 1882 г. Кидошенкова на посту председателя правления сменил В.В. Никитин, служивший ранее в Государственном банке. Кроме того, в число директоров вошёл А.А. Лясский, представлявший в Петербурге интересы Общества Варшавского сталелитейного завода (Варшавский завод). Как уже отмечалось, его брат В.А. Лясский, директор Петербургского международного коммерческого банка и совладелец варшавского банкирского дома «С.А. Френкель», состоял членом наблюдательного совета ОПЗ. Таким образом, путиловская корпорация всё больше ориентировалась на деловое партнёрство с Варшавским заводом и Обществом Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода (Брянский завод), чьи интересы в Петербурге представлял В.А. Чацкин, в 1882 г. вошедший в состав правления ОПЗ, а в 1883 г. ставший его председателем. Воронцов, имевший ранее свободу рук в организации производства, стал ощущать усиление контроля со стороны руководства ОПЗ. По договору 1878 г. он не мог назначать ни главного бухгалтера, ни управляющего заводской конторой. Пользуясь этим, правление поставило во главе конторы В. Корба, сменившего давнего сотрудника Путилова Бухе. Это вызвало появление среди инженерно-технического персонала предприятия двух группировок — сторонников директора и управляющего. В то же время Воронцова поддерживал А.К. Фойгт, ставший одним из директоров ОПЗ и контролировавший машиностроительное направление деятельности предприятия.

Перемены в руководстве компании проявились в дискуссии о создании Союза рельсовых фабрикантов. Предполагалось, что это объединение будет регламентировать объём продаж стальных рельсов ОПЗ, Брянским и Варшавским заводами (доля каждого из них составляла 25%), а также заводом Гута Банкова в Петроковской губ. и Товариществом Александровского завода в Петербурге (им доставалось по 12,5%)[44]. В июне 1882 г. договор был согласован, однако среди руководителей ОПЗ до последнего дня шли споры о целесообразности его подписания[45]. Фойгт, Воронцов и глава наблюдательного совета Н.Н. Анцыфоров (председатель правления Петербургского международного коммерческого банка) полагали, что такой союз больше выгоден для конкурентов Путиловского завода, стремящихся к его поглощению. Воронцов даже обращался к новому управляющему Государственным банком А.В. Цимсену с просьбой

---

[42] Отчёт правления Общества Путиловских заводов с 1 января по 31 декабря 1881 года. СПб., 1882. С. 66—86.

[43] РГИА, ф. 588, оп. 2, д. 574, л. 142.

[44] *Гиндин И.Ф.* Указ. соч. С. 255.

[45] РГИА, ф. 626, оп. 1, д. 406, л. 2.

об увольнении от должности директора «до окончания продажи завода». Однако Цимсен не дал ей хода[46].

Между тем для Воронцова было «очевидно», что «никаких прибылей Общество за 1882 г. получить не могло, ибо делало рельсы в запас за счёт Государственного банка и сдавало их по заводской цене»[47]. Из-за резкого падения рыночного спроса на складах компании к концу года скопилось более 6 млн пудов рельсов, оказавшихся в залоге у Государственного банка под выданные ранее авансы и кредиты. Распродажа такого объёма повлекла бы обрушение цен и грозила банкротством другим отечественным заводам, поэтому их решили перевести в государственный запас. 15 мая 1883 г., когда долг казне достиг 13,711 млн руб., правительство предпочло «уступить» Брянскому и Варшавскому заводам (Синдикату «Брянск-Варшава» и его представителям Чацкину и А.А. Лясскому) за 3 млн руб. принадлежавшие Государственному банку 34 800 акций ОПЗ номинальной стоимостью в 4,350 млн руб. Данную сумму следовало выплатить за шесть лет, по 500 тыс. руб. в год. Первый годовой взнос сделали директора Брянского завода кн. В.Н. Тенишев и С.И. Петровский[48]. При этом приобретение акций обуславливалось сохранением ОПЗ как самостоятельной компании.

Как утверждали позднее покупатели, они исходили из «безнадёжности на получение когда-либо по сим акциям дивиденда в виду неудовлетворительного состояния завода, в каком он был принят нами от Государственного банка»[49]. В действительности же ситуация выглядела не столь мрачно. В 1882 г. под руководством Воронцова предприятие не только сохраняло устойчивость, но и обеспечивало рост объёмов производства по частным заказам. Выполнение заказа Товарищества нефтяного производства братьев Нобель по 400 железнодорожным платформам принесло компании 374,7 тыс. руб., Общества Юго-Западных железных дорог по 200 товарным вагонам — 257,3 тыс. руб., по стальным рельсам для различных фирм — 212,8 тыс. руб., по сортовому железу — 207,9 тыс. руб. и т.д.[50] В результате Путиловский завод завершил год с прибылью в 170,9 тыс. руб., но её поглотили общие убытки ОПЗ в 571,7 тыс. руб.[51] Причём именно убыточность операций компании стала поводом лишить Воронцова причитавшихся ему за 1882 г. «дополнительных» 10 тыс. руб.[52]

В 1883—1884 гг. доходность Путиловского завода позволяла правлению не только выплачивать долги «Синдикату», но и приобретать у частных лиц остальные акции корпорации. В 1885 г., при весомой выручке в 6,547 млн руб. и чистой прибыли в 552,1 тыс. руб.[53], группа инвесторов во главе с Анцыфоровым выкупила бóльшую часть акций, принадлежавших «Синдикату». С этого времени, как отмечалось в юбилейном издании, правление «могло уже

---

[46] Там же, ф. 588, оп. 2, д. 574, л. 209.

[47] Там же, л. 210.

[48] Там же, ф. 23, оп. 24, д. 135, л. 19—20; *Мительман М.И., Глебов Б.Д., Ульянский А.Г.* Указ. соч. Изд. 3. С. 36.

[49] РГИА, ф. 23, оп. 24, д. 135, л. 1.

[50] Отчёт правления Общества Путиловских заводов с 1 января по 31 декабря 1882 года. СПб., 1883. С. 69.

[51] РГИА, ф. 588, оп. 2, д. 574, л. 142, 344.

[52] Ему выплатили их лишь в июне 1885 г., когда Воронцов занял пост директора петербургского Горного института.

[53] Акционерное дело в России. Т. 2. Вып. II. СПб., 1898. С. 234.

действовать совершенно независимо, преследуя лишь интересы Путиловского завода»[54]. Тем не менее в 1888 г. Анцыфоров предупреждал на заседании правления своих партнёров, что если «господа синдикаторы полагают, что Путиловский завод может при известных условиях продолжать свою деятельность, то им следует иметь в виду, что это окажется возможным лишь в том случае, если господа синдикаторы не будут стеснять кредит Обществу Путиловских заводов и если действия их по отношению к Путиловскому заводу будут проникнуты отсутствующим до сих пор единодушием»[55]. В конце 1889 г., после кончины В.А. Лясского, представители Варшавского завода вышли из руководства ОПЗ[56]. Тогда же ведущую роль среди директоров стал играть Фойгт, спустя несколько лет избранный председателем правления.

В 1877—1882 гг. участие Воронцова в руководстве ОПЗ обеспечило не только необходимую преемственность хозяйственной деятельности при постоянно менявшемся составе правления, но и последовательное наращивание производственных мощностей предприятия. Он многое сделал для согласования стратегических и оперативных целей компании при выполнении как государственных, так и частных заказов. В Министерстве финансов высоко оценивали результаты его работы, констатировав, что он «принимал все возможные меры к лучшему обеспечению интересов [Государственного] банка»[57]. В целом, за то время, когда Воронцов находился на посту директора, балансовая стоимость активов ОПЗ выросла почти вдвое — с 12,7 до 23,4 млн руб., что было особенно значимым в условиях ограниченности капиталовложений в металлургию[58].

---

[54] К столетию Путиловского завода... С. 21.
[55] Цит. по: *Бовыкин В.И.* Указ. соч. С. 202.
[56] Там же. С. 203; РГИА, ф. 23, оп. 24, д. 135, л. 19—20.
[57] РГИА, ф. 588, оп. 2, д. 574, л. 344.
[58] *Гиндин И.Ф.* Указ. соч. С. 261.

Банковский «Синдикат 18 октября 1912 г.»: опыт сотрудничества Государственного и частных банков на Санкт-Петербургской бирже

Павел Лизунов, Владимир Морозан

Banking «Syndicate October 18, 1912»: the experience of cooperation between State and private banks on Saint Petersburg Stock Exchange

Pavel Lizunov (Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia), Vladimir Morozan (Saint Petersburg State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870015460-7

В отечественной историографии недостаточно изучена деятельность частных коммерческих структур и Государственного банка Российской империи на фондовом рынке. Между тем она обеспечивала стабильность повседневной работы Санкт-Петербургской биржи. При этом до 1894 г. у Государственного банка не было рычагов влияния на курс корпоративных ценных бумаг. Он имел право покупать за свой счёт исключительно государственные ценные бумаги и только на сумму, не превышающую собственный капитал, поэтому не мог серьёзно влиять на фондовые торги с дивидендными бумагами. По новому уставу Государственный банк получил право покупать и продавать бумаги частных предприятий, принимая их в залог без ограничения сумм затрат. Однако эта возможность использовалась исключительно для снабжения портфеля ходовыми бумагами, покупка фондовых инструментов для поддержания курса не практиковалась. Но опосредованно, через другие кредитные институты, Государственный банк такие операции проводил, и на весьма значительные суммы.

После окончания экономического кризиса (1899—1903) и затянувшейся депрессии в России с 1909 г. наблюдалась активизация торгово-промышленной жизни, наметился подъём курсов русских ценных бумаг, увеличивались биржевые обороты. Большинство дивидендных бумаг росли в цене вплоть до начала первой Балканской войны. 18 сентября 1912 г. в течение одного часа почти все акции подешевели. Биржевое собрание в тот день полностью прошло в бланковых запродажах и реализационных операциях за счёт частных лиц[1]. Стихийная паника на бирже оказалась неожиданной для финансистов. 18 сентября главы почти всех крупнейших петербургских банков совещались с высшими чиновниками Министерства финансов, которые сразу заявили, что Россия не примет прямого участия в Балканской войне.

20 сентября на совещании биржевых и банковских деятелей, созванном по инициативе директора Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов Л.Ф. Давыдова, положение на бирже было признано «не внушающим серьёзного опасения». Однако отмечалось, что коммерческие

© 2021 г. П.В. Лизунов, В.В. Морозан

[1] Биржевая сделка, заключённая «без покрытия», т.е. без действительной передачи акций (*in blanco*), в расчёте на понижения курса бумаг. Участников сделки называли бланкистами или понижателями.

банки 18 сентября «не проявили никакой энергии к борьбе со стремительным падением цен»[2]. 24 сентября 1912 г., накануне вступления в войну Черногории, крупнейшие петербургские банки объединились для покупки акций, предупредив этим возможную панику на бирже.

Тем временем Министерство финансов всячески стремилось поддержать фондовый рынок, пыталось объединить банки и боролось с понижательной спекуляцией. Развёрнутая при его поддержке интервенция[3] банков остановила дальнейшее обесценивание наиболее солидных дивидендных бумаг и умерила аппетиты понижателей-бланкистов. Однако некоторые «внеинтервенционные» банки использовали сложившуюся ситуацию в своих интересах. На совещаниях в Кредитной канцелярии и Государственном банке предпринимались попытки регулировать взаимоотношения банков, привлечь большую их часть к общему делу поддержания биржи[4].

По инициативе министра финансов В.Н. Коковцова 18 октября 1912 г. петербургские банки образовали новый синдикат. По опыту предыдущего синдиката 1899—1911 гг., его целью являлось «предотвращение неосновательного падения цен обращающихся на Петербургской бирже дивидендных бумаг путем покупки и продажи соответствующих акций и паёв»[5]. Особо оговаривалось, что синдикат «отнюдь не задается целью поднимать цены на эти бумаги и будет оперировать лишь в отношении таких предприятий, жизнеспособность коих не вызывает сомнений»[6].

Предельная сумма затрат синдиката была определена в размере 30 млн руб. При этом устанавливались разные доли участия. По 1,75 млн руб. внесли Волжско-Камский коммерческий, Русский для внешней торговли, Петербургский международный коммерческий, Петербургский учётный и ссудный, Петербургский частный коммерческий, Русско-Азиатский, Русский торгово-промышленный, Азовско-Донской коммерческий, Московский купеческий, Коммерческий в Варшаве, Сибирский торговый коммерческий и Соединённый банки. По 1,25 млн руб. внесли Русско-Французский коммерческий, Русско-Английский, Петербургский торговый, Московский банки. Доля «И.В. Юнкер и К°» составляла 1 млн руб., а «Э.М. Мейер и К°», «Маврикий Нелькен», «Лампе и К°», «Братья Джамгаровы», «Кафталь, Гандельман и К°», «Г. Лесин» внесли по 500 тыс. руб. Суммы, требовавшиеся для биржевых операций, авансировались Государственным банком по мере необходимости.

Дав предварительное согласие 18 октября, советы банков принимали окончательное решение об участии в работе синдиката несколько позднее. Так, председатель совета Московского купеческого банка А.Д. Шлезингер сообщил о решении вступить в синдикат телеграммой от 20 октября 1912 г., но лишь 23 октября банк довёл до сведения управляющего Государственным банком А.В. Коншина соответствующее постановление своего совета. Потенциальные участники ставили разные условия. Шлезингер писал по этому поводу Коншину: «Вполне разделяя мнение о полезности образования синдиката для поддер-

---

[2] Новое время. 1912. 21 сентября.

[3] Вмешательство в операции на фондовых биржах с целью искусственного воздействия на курсы ценных бумаг.

[4] *Маленький экономист* [*Абельсон И.О.*]. О синдикате банков // Обозрение театров. 1912. 20 октября. С. 17.

[5] РГИА, ф. 588, оп. 2, д. 1006, л. 1.

[6] Там же.

жания ценностей, считал бы, однако, нецелесообразным, если бы поддерживались такие бумаги, цены которых, будучи тенденциозно повышенными, не оправдываются ни дивидендом последних лет, ни внутренней их стоимостью. Полезность результата синдиката поэтому стоит в зависимости от выбора бумаг, которые он будет поддерживать, и от правильной расценки их достоинства. Кроме того, по мнению совета банка, необходимо принять меры, чтобы отдельные банки, владеющие бумагами, подлежащими покупке, не помещали их за счёт синдиката. Существенное значение имеет также принятие мер против наплыва таких бумаг из-за границы»[7].

Заведование операциями синдиката сосредотачивалось в ведении особого комитета под председательством управляющего Государственным банком. В его состав вошли представители от 8 банков: Петербургского международного, Русско-Азиатского, Волжско-Камского, учётного и ссудного, Русского для внешней торговли, Азовско-Донского, Московского частного и Московского купеческого[8]. В соглашении указывалась конечная дата существования синдиката — 30 июля 1913 г. Предусматривалось, что если к тому времени портфель бумаг не будет ликвидирован или же у участников возникнет желание продолжить деятельность данного объединения, то его судьба должна была быть рассмотрена на заседании комитета в июле. 11 мая 1913 г. министр финансов получил выписку из комитетского журнала, в котором отмечалось: «В виду наступления 30 июля с[его] г[ода] срока (окончания) договора синдиката, продолжить действия синдиката еще на 9 месяцев, т.е. по 30 апреля 1914 года на основаниях, изложенных в первоначальном договоре от 18 октября 1912 года»[9]. Коковцов одобрил это предложение, благодаря чему синдикат продолжил свои операции, и в дальнейшем такая процедура повторялась неоднократно.

Состав участников синдиката периодически менялся. Вскоре после основания из него вышел Русско-Английский банк, сославшись на то, что с 1912 г. объединение «не развивает эмиссионную деятельность на русских биржах, и в виду этого не является заинтересованным в усилении интервенции»[10]. В июле 1913 г. из соглашения вышел банкирский дом «Кафталь, Гандельман и К°». Свой выход его владельцы объяснили «неблагоприятно сложившимися... обстоятельствами»[11]. Доли вышедших банков были перераспределены между другими участниками.

С 18 октября по 31 октября 1912 г. синдикат приобрёл разных дивидендных бумаг на 10 643 872 руб. и продал за то же время на 3 317 403 руб.[12] С 1 ноября 1912 г. по 30 апреля 1913 г. им было куплено 33 649 акций на сумму 11 052 205 руб. и продано 33 649 акций на сумму 11 513 918 руб. Прибыль составила 461 712 руб. 76 коп. и распределялась по следующим категориям: акции железных дорог — 1 235 руб., частных банков — 10 668 руб., нефтяных предприятий — 110 206 руб., металлургических — 339 602 руб. В пользу Государственного банка удерживались проценты (из 6% годовых), исчисленные им на затраченные по операциям синдиката суммы: за 1912 г. — 43 495 руб. и за 1913 г. — 47 017, итого — 90 512 руб. Оставшиеся 371 199 руб. были

[7] Там же, л. 11.
[8] Там же, л. 1—2.
[9] Там же, л. 22.
[10] Там же, л. 38.
[11] Там же, л. 27.
[12] Там же, л. 14—14 об.

распределены, согласно договору, между Государственным банком (34%, или 126 207 руб.) и частными банками, пропорционально долям их участия в синдикате. Коэффициент составлял 81 руб. 66 коп. на каждые 10 тыс. руб. участия. Таким образом, Волжско-Камский коммерческий, Русский для внешней торговли, Петербургский международный коммерческий, учётный и ссудный, Петербургский частный коммерческий, Русско-Азиатский, Русский торгово-промышленный, Азовско-Донской, Московский купеческий, Коммерческий в Варшаве Сибирский торговый и Соединённый банки получали по 14 291 руб. Русско-Французский, Русско-Английский, Петербургский торговый и Московский банки — от 10 207 до 10 208 руб. «И.В. Юнкер и К°» получил 8 166 руб., а банкирские дома «Э.М. Мейер и К°», «Маврикий Нелькен», «Лампе и К°», «Братья Джамгаровы», «Кафталь, Гандельман и К°», «Г. Лесин» — по 4 083 руб.[13]

В феврале—апреле 1913 г. настроения европейских бирж менялись в зависимости от слухов о военно-политической обстановке. Окончание Балканских войн принесло временное успокоение, но из-за угрозы новых конфликтов сохранялась неопределённость на фондовом рынке. Петербургская биржа так и не смогла восстановить прежние объёмы торгов, хотя в промышленности России не наблюдалось ни сбоев, ни спада производства. Влияние оказала также колоссальная масса бумаг, выпущенных за последние годы и не нашедших «крепких рук».

В июле 1913 г. операции синдиката возобновились, причём наибольшие затраты (9,5 млн руб.) пришлись на 2 июля. К 13 сентября 1913 г. они дали 266,5 тыс. руб. прибыли, из которых 223,5 тыс. руб., за удержанием процентов в пользу Государственного банка, подлежали распределению между остальными участниками объединения. Деятельность банковского «Красного креста» возобновилась 21 сентября 1913 г. К 1 января 1914 г. траты достигли 29 млн, а к 19 апреля — 47,4 млн руб.[14] К 1 февраля 1914 г. расходы понизились до 15,3 млн, но затем снова стали возрастать — до 30 млн руб. к 21 марта.

Сильные колебания курсов с тенденцией к общему понижению оттолкнули от Санкт-Петербургской фондовой биржи широкую публику. Банкам также пришлось сократить биржевые операции. Временами собрания биржи проходили на грани паники, а заключённые сделки, как правило, отличались незначительными размерами. Преобладало предложение, которое зачастую не находило спроса. В прессе стали появляться статьи: «Где же выход?», «Что делать?», «Как оздоровить биржу?», «Биржевой кризис, или кризис биржи» и т.д. «Петербургский биржевой день» опубликовал мнения о положении дел на бирже более ста видных политиков, финансистов, учёных-экономистов, банкиров, членов Государственной думы, чиновников, биржевых маклеров. Большинство из них видело причину спада в чрезмерном выпуске ценных бумаг, приведшем к переполнению фондового рынка и резкому понижению цен. «Биржу тошнит от новых эмиссий, — писал профессор И.Х. Озеров, — у неё началась эмиссионная рвота»[15]. Газета резюмировала: «Банки во всем винят нового министра финансов. Министр винит банки. А биржевики винят и министра, и банки... министра бранят за слишком мизерные средства, ассигнованные

[13] Там же, л. 16—17.
[14] Там же, л. 65—67.
[15] Петербургский биржевой день. 1914. 18, 29 апреля.

на интервенцию... Ругают банки (“Красный крест”) за то, что они проводят интервенцию таким образом, что от неё тошно становится»[16].

30 января 1914 г. управляющим Министерством финансов был назначен П.Л. Барк. В прессе сообщалось, что, приступая к своим обязанностям, он якобы произнёс фразу: «Я не министр биржи, а министр финансов!». Ему приписывалось заявление, что при нём биржевой «Красный крест» работать не будет[17]. Однако уже 10 февраля состоялась встреча Барка и директора Кредитной канцелярии Д.И. Никифорова с представителями столичных банков и биржи[18]. На ней обсуждалось и возобновление деятельности банковского синдиката. Барк заявил, что «считает эту организацию желательной и даже необходимой в период замешательств и кризисов, какие возникают иногда под влиянием внутренних или внешних событий», но «в нормальное... время деятельность подобной организации является лишней»[19]. Отметим, что в бытность директором-распорядителем и членом правления Волжско-Камского коммерческого банка он неоднократно принимал участие в заседаниях синдиката и даже входил в число членов его комитета[20].

21 марта 10 банков образовали второй синдикат с целью противодействия значительным колебаниям, происходившим в то время на Петербургской бирже. Предельная сумма его затрат определялась в 30 млн руб. с распределением по 3 млн руб. между Волжско-Камским коммерческим, Русским для внешней торговли, Петербургским международным коммерческим, Петербургскими учётным ссудным и частным коммерческим, Русско-Азиатским коммерческим, Русским торгово-промышленным, Азовско-Донским коммерческим, Московским купеческим, Сибирским торговым коммерческим банками. К 19 апреля 1914 г. общий синдикальный капитал составлял 60 млн руб., из которых уже произвели затраты на 47,5 млн руб.[21] Предполагалось, что синдикат будет действовать до 31 декабря 1914 г.[22]

11 апреля Коншин напомнил Барку, что поддержка синдиката Государственным банком является «противоуставной» и с ней можно мириться до тех пор, пока кратковременные затраты на неё не превысят 10—12 млн руб. Однако к тому времени они достигли уже 46 млн руб. и могли дойти до 100 млн, что угрожало интересам казны. В тот же день представители 10 банков — членов синдиката решили продолжить его операции и увеличить затрачиваемую Государственным банком сумму[23]. Коншин докладывал Барку, что на этом совещании пытался узнать у банкиров, «чем объясняется замечаемое в последнее время резкое падение цен всех дивидендных бумаг, несмотря на крупную помощь, оказываемую биржевому рынку со стороны интервенционного синдиката?», «целесообразно ли производить дальнейшие затраты синдиката и есть ли надежда на то, что они приведут к благоприятным результатам?». Сам Коншин не знал, чем объяснить происходившие на бирже события, учитывая,

---

[16] Там же. 1914. 15 апреля.

[17] Финансовая беседа за неделю // Биржевая спекуляция и акционерное дело. 1914. № 12. С. 2.

[18] Банки и биржа. 1914. № 7. С. 1, 6.

[19] Беседа министра финансов г. Барка с представителями банков // Биржевая спекуляция и акционерное дело. 1914. № 7. С. 3—4.

[20] РГИА, ф. 588, оп. 2, д. 1004, л. 46, 57, 58, 65 об., 66, 67, 68, 118, 120, 182, 183, 184, 186.

[21] Там же, д. 1006, л. 68—69.

[22] Там же, л. 34—34 об., 53—55, 56—57.

[23] Там же, л. 47, л. 33—33 об.

что экономическое положение страны крайне благоприятно, все промышленные предприятия развиваются полным ходом. При этом в частных банках «замечается обилие денег, не находящих себе достаточного спроса по активным операциям»[24].

Неблагоприятное положение биржевого рынка участники совещания связывали с недоверием публики к его устойчивости. Одной из причин скептицизма являлись производившиеся частными банками крупные выпуски акций тех предприятий, которые они финансировали. Это не только не приводило к новым подпискам, но и подталкивало держателей к реализации прежних бумаг, что вызывало общее падение цен. Вызывали недоверие и муссируемые в печати (особенно в «Новом времени») слухи об ожидаемом сокращении Государственным банком кредитов частным банкам и о возможном запрете приобретать недвижимую собственность предприятий, в состав правления которых входят иностранцы и евреи. Активно обсуждались слухи о решении правительства бороться с синдикатами и о его переходе от частного к казённому железнодорожному строительству.

Для восстановления доверия к бирже банкиры предполагали воздержаться на время от новых эмиссий, уменьшить ставки как по текущим, так и по онкольным (кредитным) счетам, оповестив публику о более льготном открытии онколя, и просить правительство сообщить о благоприятном положении промышленности России и ложности слухов о якобы готовящихся мероприятиях в банковской сфере[25]. Ввиду значительного понижения цен дивидендных бумаг и нервного настроения на фондовой бирже совещание признало необходимым увеличить размер капитала, авансируемого Государственным банком синдикату, до 60 млн руб.

22 апреля 1914 г. новым управляющим Государственным банком был назначен И.П. Шипов — принципиальный противник биржевой интервенции на средства Государственного банка. 3 мая он писал Барку, что покупка дивидендных бумаг на бирже под крупные бланковые кредиты не предусмотрена уставом Государственного банка, а крупные интервенции за его счёт уже перестали сдерживать биржу. В случае потрясений на денежном рынке Государственный банк на интервенциях мог израсходовать значительную часть своих ресурсов[26]. Расходы на нужды синдиката действительно сильно и надолго связывали казённые средства, отвлекая их от других операций. Однако, несмотря на решительные возражения Шипова, синдикат был сохранён.

3 мая участники «Синдиката 18 октября» продлили его действие до 1 февраля 1915 г., увеличив сумму затрат до 100 млн руб. 30 апреля 1914 г. был образован общий синдикат, который принял на свой счёт все произведённые обоими объединениями покупки по 3 мая 1915 г.[27] Доли участия Волжско-Камского коммерческого, Русского для внешней торговли, Петербургского международного коммерческого, Петербургского учётного и ссудного, Санкт-Петербургского частного, Русско-Азиатского, Русского торгово-промышленного, Азовско-Донского коммерческого, Московского купеческого, коммерческого в Варшаве, Сибирского торгового и Соединённого банков составляли

[24] Там же, л. 60—61.
[25] Там же, л. 62—64.
[26] Там же, л. 169—169 об., 174—177.
[27] Там же, л. 49—49 об., 81 об., 82.

6 млн руб. Русско-Французский коммерческий, Русско-Английский, Петербургский торговый, Московский банки вносили по 4,2 млн руб. Коммерческий банк «И.В. Юнкер и К°» внёс 3,4 млн руб., а банкирские дома «Э.М. Мейер и К°», «Маврикий Нелькен», «Лампе и К°», «Братья Джамгаровы» и «Г. Лесин» — по 1,56 млн руб.[28] 13 мая Русско-Английский банк уведомил Шипова, что может участвовать лишь в размере 2 млн руб., после чего остальную сумму в 2,2 млн руб. приняли на себя в равных частях Международный, Русский для внешней торговли, Санкт-Петербургский учётный и ссудный банки[29]. Заведование операциями синдиката по-прежнему находилось в ведении особого комитета под председательством управляющего Государственным банком и с участием выбранных им на определённый срок представителей пяти петербургских банков, двух московских, а также одной из банкирских контор. По истечении срока выбирались новые члены из числа других участников объединения[30].

На основе записки Шипова Барк подготовил всеподданнейший доклад, представленный им Николаю II 7 мая. В нём министр финансов утверждал, что «искусственная поддержка курсов обычно не достигает цели, и что посему кредитование синдиката в Государственном банке следовало бы прекратить». Однако «нельзя упускать из виду, что уверенность биржевых кругов в постоянной поддержке курсов дивидендных бумаг приучила биржу к полной зависимости от Министерства финансов и лишила её самостоятельности, вследствие чего приостановление кредита интервенционному синдикату во время депрессии биржи может повести к панике и к такому потрясению рынка, которое отзовётся на благосостоянии довольно широких кругов публики, вовлечённых в биржевую игру». Это требовало «осмотрительности в деле перемены... банковской политики». По словам Барка, «как бы ни были желательны некоторые изменения, приступать к ним возможно только в периоды полного успокоения биржевого рынка, во времена же угнетённого его состояния не только нельзя приостанавливать открытых кредитов, но приходится считаться с необходимостью дальнейшего их расширения»[31]. На полях доклада Пётр Львович сделал помету: «По докладу моему и состоявшемуся постановлению кредитных учреждений 3 мая повышены затраты синдиката до 100 млн руб. Его императорскому величеству благоугодно было разрешить довести аванс из сумм Государственного банка до таких пределов»[32]. Неудивительно, что после этого в прессе его стали называть «щедрый папа-Барк»[33].

Австрийский ультиматум Сербии 10 июля 1914 г. и угроза европейской войны вызвали панику на мировых фондовых рынках. Не стала исключением и Петербургская биржа. Даже известия о созыве чрезвычайного собрания банковского «Красного креста», обычно действовавшие на неё успокоительно, не оказали на этот раз никакого влияния. 19 июля её пришлось закрыть. В Министерстве финансов считали это мерой предосторожности, особенно в первые дни войны[34]. С 14 августа «в связи с ценами, не вполне отвечающими действительной стоимости», все российские газеты перестали публиковать фондо-

---

[28] Там же, л. 49—51 об.
[29] Там же, л. 51.
[30] Там же, л. 49 об. — 50, 82.
[31] Там же, л. 48—48 об.
[32] Там же.
[33] *Олоферн.* Розы и шипы интервенции // Банки и биржи. 1914. 21 июня. № 25. С. 3.
[34] РГИА, ф. 560, оп. 26, д. 1397, л. 2.

вые котировки. 12 сентября был объявлен мораторий на все биржевые сделки с ценными бумагами и валютой, заключённые до начала войны, что привело к временному закрытию официальных бирж. Однако уже во второй половине сентября в Петрограде проходили частные биржевые собрания, на которых можно было совершать негласные сделки. К концу 1914 г. для большинства ценных бумаг установились определённые курсы.

24 января 1915 г. был подписан очередной договор между синдикатом 22 частных банков и Государственным банком о поддержке курса дивидендных бумаг до суммы 100 млн руб. с 1 февраля до 1 ноября. 27 февраля 1916 г. было решено продлить действие синдиката до 31 декабря[35]. Между тем 8 февраля представители частных банков и банкирских домов заслушали и утвердили отчёт Шипова, который, соглашаясь с необходимостью продления действий синдиката, всё же попросил его членов обсудить возможность уменьшения затрат со 100 млн до 35,5 млн руб. и завершить их к 31 декабря 1916 г. Однако участники заседания, не возражая против намеченных Шиповым сроков, настаивали на сохранении выделявшейся им суммы. В итоге император 25 марта 1916 г. оставил её прежней[36]. Тем временем рынок ценных бумаг, несмотря на официальное закрытие фондовых бирж, продолжал жить своей жизнью. По словам Барка, «частные биржевые собрания в первой половине месяца (февраля 1916 г. — *Авт.*) происходили в твёрдом и оживлённом настроении»[37].

В годы Первой мировой войны значительно увеличилась ёмкость российского фондового рынка, в основном за счёт эмиссии новых выпусков акций, разошедшихся без всякого участия банков. На старых ценностях это совершенно не отразилось. До огромной цифры в 8 млрд руб. увеличилась номинальная стоимость облигаций государственных займов, выпущенных за время закрытия биржи. Даже при отсутствии официальной котировки совершались значительные сделки с фондами, главным образом с рентой, военными займами и закладными листами земельных банков. Однако основным объектом операций являлись бумаги частных предприятий[38].

Слухи о скором возобновлении традиционной работы фондового рынка усиливали роль синдиката. На одном из совещаний представителей частных коммерческих банков выяснилось, что его капитал достиг 500 млн руб. После обмена мнениями было решено возобновить деятельность банковского «Красного креста» вместе с официальными биржевыми собраниями[39]. Пресса в начале 1917 г. писала о желательности восстановления банковского синдиката сразу же после открытия фондовой биржи в Петрограде[40].

В середине января 1917 г. в помещении Петроградской биржи состоялось заседание котировальной комиссии с участием представителей Кредитной канцелярии, некоторых банков и всех присяжных фондовых маклеров. На нём была составлена официальная котировка всех биржевых бумаг на 1 января 1917 г. По распоряжению Министерства финансов в неё не включались только воен-

---

[35] Там же, ф. 588, оп. 2, д. 1006, л. 125—126 об., 127, 128—129, 139—140, 142—146.

[36] Там же, л. 141—141 об.

[37] Там же, ф. 587, оп. 60, д. 35, л. 28.

[38] *Лизунов П.В.* Санкт-Петербургская биржа и российский рынок ценных бумаг (1703—1917 гг.). СПб., 2003. С. 474—475.

[39] Финансовая жизнь. 1917. № 2—3. С. 30.

[40] О желательности возобновить Синдикат после открытия биржи // Новый экономист. 1917. № 16. С. 5.

ные займы. Вместе с тем руководство финансового ведомства не сомневалось, что по самому характеру своей деятельности банковский «Красный крест» уместен «лишь в период всеобщего понижения биржевых ценностей»[41].

На последнем заседании комитета синдиката 16 мая 1917 г. рассматривался составленный Государственным банком отчёт по его операциям с 1 июня 1913 г. по 26 апреля 1917 г. В соответствии с ним все дивидендные бумаги, числившиеся в портфеле синдиката, были реализованы, а стоимость 150 акций Международного коммерческого банка, оставшихся в Берлине, покрыта полученной прибылью. Общий доход составил 8 276 541 руб. После отчисления из этой суммы 6% годовых (6 557 299 руб.) чистая прибыль (1 719 242 руб.) была распределена между Государственным банком (584 542 руб., или 34%) и прочими участниками синдиката (1 134 700 руб.). В зависимости от доли участия им перечислялось по 68 082, 47 657, 38 579 или 17 701 руб.[42]

Следует отметить важную роль синдиката, особенно петербургских и московских банков, в реализации государственных займов. Опыт сотрудничества Государственного банка с синдикатом, начавшегося ещё 20 октября 1899 г., активно использовался властями в деле привлечения свободных денежных ресурсов на нужды обороны. Так, 6 февраля 1915 г. был выпущен пятипроцентный заём на нарицательный капитал в 500 млн руб. В счёт этой суммы, согласно высочайше утверждённому мнению Комитета финансов, бумаги на 300 млн руб. предполагалось реализовать при участии синдиката петроградских и московских банков. Государственный банк, со своей стороны, открывал им особые подвижные кредиты под временные свидетельства и облигации займа 1915 г., которые принимались по 85 руб. (при сторублёвом номинале) и под 5% годовых. При этом проценты снимались только по расчёту действительных дней пользования кредитом и до истечения года после заключения мира[43]. Такая практика взаимного сотрудничества для банков была особенно выгодна.

Внутренний пятипроцентный государственный заём 1915 г. выпускался достоинством в 50, 100, 200, 500, 1 тыс., 5 тыс. и 10 тыс. руб. Рента выплачивалась два раза в год (1 марта и 1 сентября) равными частями. Уплата процентов освобождалась от сбора с доходов от движения капиталов. Все облигации отмеченного займа предполагалось погашать в течение 49 лет путём ежегодных тиражей. Однако процесс погашения, конверсии или выкупа не мог начаться ранее 1 марта 1925 г. Данный заём стал реализовываться путём публичной подписки, которая началась 2 марта 1915 г. в Государственном банке и в синдикате из Волжско-Камского, Петроградского международного коммерческого, Русского для внешней торговли, Петроградского учётного и ссудного, Русско-Азиатского, Азовско-Донского коммерческого, Русского торгово-промышленного, Сибирского торгового коммерческого, Петроградского частного коммерческого, Русско-Французского коммерческого, Петроградского торгового, Русско-Английского, Московского купеческого, Соединённого, Московского торгового, Московского частного коммерческого, Московского учётного, Московского народного, Коммерческого в Варшаве, Киевского частного коммерческого, Рижского коммерческого, Ростовского-на-Дону купеческого банков,

[41] Биржа за неделю. 1917. № 2. С. 6.
[42] РГИА, ф. 588, оп. 2, д. 1006, л. 168—168 об.
[43] Там же, ф. 588, оп. 2, д. 196, л. 1.

а также банковских домов «И.В. Юнкер и К°», «Бр. Джамгаровы», «Лампе и К°», «Э.М. Мейер и К°», «Маврикий Нелькен», «Г. Волкова с сыновьями».

Подписная цена составляла 94% от нарицательной стоимости, с прибавлением 5% годовых с 1 марта 1915 г. до дня уплаты. К 25 ноября 1915 г. в коммерческих банках подписка достигла 281,5 млн руб., а в учреждениях Государственного банка, казначействах и сберегательных кассах — 201 млн руб. Непосредственно в Петрограде через банковские структуры были размещены облигации на 50,6 млн руб., а всего по стране — на 483,5 млн руб.[44] В начале 1916 г. принимались экстраординарные меры к выпуску очередного военного займа на 2 млрд руб. — небывалую сумму в практике государственных заимствований. 15 марта 1916 г. началась подписка, причём реализацию большей части бумаг для последующего распространения и помещения в собственные портфели принял на себя синдикат частных банков. Из общей суммы займа коммерческие кредитные организации освоили 1,2 млрд руб.[45] Примечательно, что в реализации оставшейся части впервые участвовали учреждения мелкого кредита.

16 мая 1917 г. Шипов доложил министру финансов А.И. Шингарёву, что синдикат, который «по существу своему являлся продолжением ряда подобных синдикатов, образовавшихся с 1899 г. при Государственном банке», закончил деятельность[46]. Шипов считал, что данное объединение выполнило свою задачу и в дальнейшем его сохранении не было необходимости. Таким образом, совместными усилиями Государственного банка и крупных финансистов удалось стабилизировать фондовый рынок России накануне и в годы Первой мировой войны. Несомненно, в силу ограниченности ресурсов роль синдиката не была определяющей, но он сдерживал тенденции к понижению стоимости ключевых корпоративных бумаг, не позволяя угнетённому состоянию биржи перерасти в панику.

---

[44] Там же, л. 4.
[45] Там же, ф. 587, оп. 60, д. 35, л. 34 об.
[46] Там же, ф. 588, оп. 2, д. 1006, л. 169.

Роль Волжского водного пути в российской торговле зерном и лесом во второй половине XIX — начале XX в.

Чжан Гуансян

The role of the Volga waterway in the grain and timber trade of the Russian Empire in the second half of the 19th — early 20th century

Zhang Guangxiang
(Jilin University, Changchun, People's Republic of China)

DOI: 10.31857/S086956870015461-8

Экономическое развитие страны в целом и в частности рост грузоперевозок тесно связаны с транспортной инфраструктурой. До начала широкомасштабного железнодорожного строительства, развернувшегося во второй половине XIX в., речной транспорт, наряду с гужевым, удовлетворял потребности российской экономики. И если колёсные и санные перевозки отличались медлительностью, малой грузоподъёмностью и короткой дистанцией, то водные пути сообщения, не требуя крупных вложений, позволяли сплавлять гораздо больший объём продукции на значительные расстояния[1]. Этому способствовало наличие в европейской части России достаточного количества судоходных рек и издавна налаженное производство деревянных судов[2].

В позднеимперской России значительная доля товаров перемещалась по Волге. С развитием железнодорожной сети водный транспорт постепенно сдавал лидирующие позиции, однако это был длительный процесс. Волжский путь в силу своих природных и географических особенностей и в начале XX в. оставался важнейшим каналом транспортировки зерна и иной сельскохозяйственной продукции, древесины, соли, железа, нефти. На Волге и Каме широко применялись среднемерные парусники и небольшие деревянные баркиплоскодонки с вертикальным бортом, длиной до 25 саженей и грузоподъём-

© 2021 г. Чжан Гуансян

[1] *Васильев М.И.* К вопросу о системе русских транспортных коммуникаций X — начала XX в. // Экономический обзор. 2001. № 5. С. 65. См. также: Виды внутреннего судоходства в России в 1837 году. СПб., 1838; *Прокофьев М.* Наше судоходство. Вып. 1—3. СПб., 1870; Вып. 4. СПб., 1872; Вып. 5. СПб., 1877; Вып. 6. СПб., 1884; *Борковский И.* Торговое движение по Волжско-Мариинскому водному пути. СПб., 1874; *Сучков Н.Н.* Внутренние пути сообщения России // *Фёдоров В.П.* Россия в её прошлом и настоящем (1613—1913). М., 1914; *Истомина Э.Г.* Водные пути России во второй половине XVIII — начале XIX века. М., 1982; *Истомина Э.Г.* Водный транспорт России в дореформенный период. М., 1991; *Марухин В.Ф.* История речного судоходства в России. М., 1996; *Халин А.А.* Система путей сообщения нижегородского Поволжья и её роль в социально-экономическом развитии региона (30—90-е гг. XIX в.). Н. Новгород, 2011; *Соловьёва А.М.* Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975; *Соловьёва А.М.* Промышленная революция в России в XIX в. М., 1990; *Гудкова О.В.* Строительство Северной железной дороги и её роль в развитии Северного региона (1858—1917). Вологда, 2002; *Горбунов А.А.* Политика развития железнодорожного транспорта в XIX — начале XX вв.: компаративно-ретроспективный анализ отечественного опыта. М., 2012.

[2] *Марухин В.Ф.* История речного судоходства в России. С. 35; Старый Рыбинск. История города в описаниях современников XIX—XX вв. Рыбинск, 1993. С. 97; *Смирнов И.А.* История Северо-Двинской водной системы (Канал герцога Виртембергского) // Кириллов. Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 103.

ностью от 5 тыс. до 15 тыс. пудов[3]. Это во много раз превышало то, что могли перевезти сани, телега, волокуша и т.д. Даже железнодорожные вагоны заметно проигрывали по этому показателю[4]. Чтобы преодолеть путь от Симбирска до Рыбинска, такому судну при хороших погодных условиях требовалось около двух месяцев, а на обратный путь вниз по течению — 5—6 недель[5].

В середине XIX в. важным речным транспортным средством становятся пароходы: впервые появившись на Волге в 1840-х гг., они перевозили тяжёлые грузы и могли преодолевать за сутки свыше 100 вёрст против течения или более 200 вёрст по течению[6]. В 1853 г. на реках России их насчитывалось 83, а в 1861 г. — уже 405; совокупная мощность двигателей возросла за это время с 7,2 до 27 тыс. лошадиных сил. Вместе с тем стоимость доставки товаров пароходами была высока, они имели большую осадку и, соответственно, ограниченную проходимость. Поэтому основная масса товаров, транспортировавшихся по воде, по-прежнему отправлялась вёсельными и непаровыми судами (см. табл. 1). На лодках в основном везли дрова и строительную древесину, на лесосплавных плотах — кустарные изделия и сырьё.

В бассейне Волги (1,38 млн кв. км[7]) протяжённость навигации составляла 13,2 тыс. вёрст[8]. С появлением в начале XIX в. Мариинского и Тихвинского каналов сообщение между Поволжьем и Балтикой стало более интенсивным, выросла роль Петербурга как крупного портового и торгово-промышленного центра. С юга на север по Волге и её притокам везли главным образом зерно, соль и различные сельскохозяйственные товары, с севера на юг — продукты животноводства и рыбу, с запада на восток — промышленные изделия (в том числе зарубежные), с востока на запад — металлы, сырьё, руды и чай[9]. Активно перевозились и строительные материалы. В последней трети XIX в. к этому добавились уголь и нефть, продукция химической и машиностроительной отраслей. Более 80% нефти, добытой на Бакинских промыслах, также доставлялось в промышленные центры России (и прежде всего в Петербург и Москву) по Волге[10].

---

[3] Коллективные голубые дороги Поморья. 150-летняя история Северного речного пароходства. Архангельск, 2008. С. 37.

[4] *Марасинова Л.М.* Пути и средства сообщения // Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 1. М., 1985. С. 265; *Истомина Э.Г.* Водные пути России... С. 26; *Истомина Э.Г.* Водный транспорт как фактор развития внутренней и внешней торговли сельскохозяйственной продукцией в конце XVIII — первой половине XIX в. // Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок. Материалы XXIX сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Орёл, 2006. С. 52; *Соловьёва А.М.* Железнодорожный транспорт России... С. 25; История грузовых железнодорожных перевозок в России. XIX—XX века. М., 2008. С. 23; *Марухин В.Ф.* История речного судоходства в России. С. 381.

[5] *Истомина Э.Г.* Водный транспорт России... С. 28.

[6] В середине XIX в. скорость парохода составляла 4—5 вёрст в час без нагрузки вверх по течению и 10 вёрст в час без нагрузки вниз по течению (Там же. С. 40, 59; *Никольский И.В.* География транспорта СССР. М., 1960. С. 192).

[7] *Цветков М.А.* Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 г. М., 1957. С. 94.

[8] *Истомина Э.Г.* Водный транспорт России... С. 136.

[9] Там же; *Истомина Э.Г.* Речной транспорт // Экономическая история России с древнейших времён до 1917 г. Энциклопедия / Отв. ред. Ю.А. Петров. Т. 2. М., 2009. С. 520.

[10] *Самедов В.А.* Нефть и экономика России (80—90-е гг. XIX в.). Баку, 1988. С. 52.

Таблица 1

Перевозка товаров разными видами речного транспорта в Европейской России в 1902—1912 гг.

	1902—1911 гг. (в среднем в год, млн пуд.)	%	1912 г. (млн пуд.)	%	Динамика (%)
Пароходы	126,7	1,3	136,8	1,07	+8
Непаровые суда	1 332,1	13,4	1 438,7	11,2	+8
Лодки	8 503,0	85,3	11 267,0	87,7	+32,5
Лесосплавные плоты	1,64	0,02	0,78	0,01	—52,5
Итого	9 963,4	100	12 843,3	100	+28,9

Составлено по: Статистический ежегодник на 1914 год. СПб., 1914. С. 728—729.

Стремительное расширение сети железных дорог во второй половине XIX в. происходило при одновременном увеличении грузопотока по Волжскому торговому пути, который к концу XIX в., несмотря на невозможность его эксплуатации в засушливые годы и в зимний период, обслуживал потребности трети населения страны[11]. В 1890 г. грузоперевозки примерно поровну распределялись между водным и железнодорожным транспортом, доля которого лишь в 1913 г. стала заметно преобладающей. Взаимодополняемость различных отраслей транспорта выразилась в ежегодном приросте объёма товаров, доставлявшихся к Волжскому водному пути по железной дороге. В 1912 г. он достигал 240 млн пудов (в том числе 114 млн пудов нефти, 45 — строительного леса и 16,7 млн пудов — зерна). В том же году в европейской части России действовало 149 пристаней с оборотом более 1 млн руб. в год (из них 92 — в бассейне Волги), 33 — с оборотом более 10 млн (из них 21 — на Волге)[12] и 12 — с оборотом более 20 млн руб.[13] В 1907—1911 гг. по Волге в среднем за год перевозилось товаров на 701,4 млн руб., в 1912 г. — на 804,2 млн руб. (в том числе пароходами — на 306,3 млн руб., судами, не оснащёнными двигателем, — на 467,6 млн руб., а сплавными плотами — на 30,3 млн руб.)[14]. В 1913 г. через волжские порты проходило 68% товарооборота европейской части России в стоимостных показателях и 50% — в весовых[15].

Следует также учесть, что водный транспорт доставлял грузы на гораздо более дальние расстояния. В 1882—1886 гг. средний маршрут перевозки пуда товаров речными судами и поездами составлял соответственно 663 и 313,

[11] *Халин А.А.* Система путей сообщения... С. 166.

[12] *Истомина Э.Г.* Речной транспорт. С. 522.

[13] Стоимость товаров, доставленных в эти 12 портов, достигала 486,7 млн руб. (44% от общей стоимости грузов, перевезённых водным транспортом европейской части России). Крупнейшим из них был Нижний Новгород, куда прибыло товаров на 121 млн руб. (Статистический сборник Министерства путей сообщения. Вып. 133. Ч. 2. СПб., 1915. С. 24).

[14] Там же. С. 19.

[15] *Истомина Э.Г.* Роль Волжского воднотранспортного бассейна в формировании регионального социоэкономического пространства европейской России во второй половине XIX — начале XX века // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 2. С. 225; *Истомина Э.Г.* Речной транспорт. С. 522.

а в 1911 г. — 827 и 454 версты. В 1882—1886 гг. и в 1911 г. среднее расстояние перевозки по воде зерна, соли, нефти и продуктов её переработки, угля, древесины и колотых дров достигало соответственно 702—834, 1 187—1 129, 1 299—1 678, 848—148 и 503—653 вёрст, а по железной дороге — 495—522, 496—408, 617—507, 308—368 и 153—363 версты. Плотность движения (отношение грузооборота к протяжённости пути, выражающееся в среднем объёме перевозок на версту) на железнодорожных линиях была несколько выше, чем на реках, но росла она почти симметрично, увеличившись в 1907—1911 гг. с 41,4 до 50,2 и с 32,8 до 40,3 млн пудов[16].

Из 24 видов товаров крупнейшими по объёму перевозок в 1907—1911 гг. являлись зерно, нефть и продукты её переработки, строительный лес и дрова (см. табл. 2). Среди зерновых первое место занимали пшеница, ячмень и пшеничная мука. Наиболее динамично росли поставки сахара, соли, угля, чугуна, керосина, лесоматериалов, тогда как отправка льна и дров, напротив, имела тенденцию к снижению.

Таблица 2

Перевозка основных товаров водным транспортом в 1907—1911 гг.
(*млн пудов*)

Год	Зерно	Нефть	Древесина	Всего товаров
1907	205	215	1 142	2 198
1908	213	207	1 122	2 205
1909	307	249	1 265	2 552
1910	354	252	1 462	2 802
1911	328	278	1 464	2 997

Составлено по: Статистический ежегодник на 1914 год. С. 728—729; Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник / Отв. ред. А.П. Корелин. М., 1995. С. 129—130.

Зерно являлось одним из основных товаров как внутренней, так и внешней торговли Российской империи. В свою очередь Волжский торговый путь играл центральную роль в хлебной торговле страны. По Волге зерно вывозилось главным образом из центральных чернозёмных губерний. Основными центрами его производства в Волжском бассейне являлись Самара, Саратов, Симбирск, Пенза, Рязань, Тула, Тамбов, Воронеж, Вятка, Казань, Уфа, Астрахань, Пермь, Кострома, Тверь, Орёл. При этом они имели свою специализацию: в Вятке, Тамбове, Рязани, Казани и Туле высокие урожаи давала рожь, но не родилась пшеница; в Самаре, Саратове и Уфе в изобилии собирали рожь и пшеницу, но не хватало ячменя; и только в Воронежской губ. имелись благоприятные условия для выращивания всех зерновых культур. Важным транзитным регионом оставалась Нижегородская губ. Так, в 1840—1860-х гг. из одного только Лыскова ежегодно отправлялись сотни судов с зерном общей стоимостью около 1 млн руб.[17]

[16] Статистический сборник Министерства путей сообщения. Вып. 128. Ч. 2. СПб., 1914. С. 26—27.

[17] *Марухин В.Ф.* История речного судоходства в России. С. 282.

Из Среднего и Нижнего Поволжья (Казанской, Симбирской, Саратовской, Самарской, а также Пензенской губерний) зерно доставлялось через Рыбинск — в Петербург и на северо-запад России, по Оке — в Москву, через Область Войска Донского — к черноморским портам, через Астрахань — в земли Уральского казачьего войска и на север Туркестана, некоторое количество хлеба сплавлялось по Каме на Урал и в Сибирь.

Объёмы хлеботорговли быстро росли. Если в 1811 г. через пристани Саратовской губ. прошло 138 тыс., то в 1846 г. — уже 550 тыс. четвертей зерна[18]. В 1857—1861 гг. из Симбирска вывозилось в среднем 8,2 млн пудов[19]. Вывоз пшеницы из Самарской губ. в 1857—1897 гг. вырос с 10 до более 40 млн пудов (бóльшая часть которых отправлялась в верховья Волги)[20]. Построенная в конце XIX в. железная дорога оттянула лишь часть этих грузов[21]. Впрочем, со временем конкуренция становилась всё более жёсткой. В 1905—1909 гг. из Самарской и Саратовской губерний поступало водным путём в среднем 22,9 млн пудов зерна и муки в год, а в 1909—1913 гг. — только 11,2[22]. Причём эти губернии удерживали лидерство на российском хлебном рынке: в 1901—1903 и 1908—1911 гг. на них приходилось 41,1 и 38,6% товарооборота зерновых[23]. Наряду с Кубанью и Областью Войска Донского они являлись также основными поставщиками зерна на экспорт. В 1884—1891, 1892—1899 и 1901—1907 гг. среднегодовой объём перевезённого по Волге хлеба составлял соответственно 98,1, 140 и 210 млн пудов. В 1909 г. он возрос до 300 млн пудов[24]. В Казанской губ. вплоть до 1914 г. грузооборот речного транспорта составлял в среднем 160 млн пудов в год, из которых более половины приходилось на зерно[25].

К началу XX в. железные дороги перевозили уже больше зерна и муки, чем речной транспорт (в 1905 г. — 830 и 370 млн пудов соответственно). Сокращались и абсолютные размеры: в 1913 г. по рекам было перевезено лишь 87,5% от уровня 1901 г.[26] В 1895—1900, 1901—1905, 1906—1911, 1911—1913 гг. на зерно, перевозимое поездами, приходилось соответственно 76,4, 76,5, 80,5 и 80,9% от общего объёма перевозок[27]. При этом в совокупном объёме грузов, доставленных железнодорожным транспортом, доля хлеба в конце XIX — начале XX в. существенно колебалась и в 1890 г. составляла 26,1, в 1900 г. — 12,8, в 1913 г. — 20,1%.

---

[18] *Истомина Э.Г.* Водные пути России... С. 106; *Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начала XX в. Опыт количественного анализа. М., 1974. С. 223.

[19] *Тагирова Н.Ф.* Рынок Поволжья (вторая половина XIX в. — начало XX в.). М., 1999. С. 72; *Лященко П.И.* Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России. Ч. 2. СПб., 1912. С. 348.

[20] *Марухин В.Ф.* История речного судоходства в России. С. 254; *Целиков С.А.* Строительство и эксплуатация Самаро-Златоустовской железной дороги и её влияние на развитие экономики Самарской, Оренбургской и Уфимской губерний (вторая половина XIX в. — 1917 г.). Самара, 2006. С. 112; *Лященко П.И.* Указ. соч. С. 299.

[21] *Давыдов М.А.* Всероссийский рынок в конце XIX — начале XX вв. и железнодорожная статистика. СПб., 2010. С. 50.

[22] *Тагирова Н.Ф.* Рынок Поволжья... С. 190; *Лященко П.И.* Указ. соч. С. 331.

[23] *Давыдов М.А.* Всероссийский рынок... С. 193.

[24] *Тагирова Н.Ф.* Рынок Поволжья... С. 190; Россия. 1913 год... С. 129, 293; *Китанина Т.М.* Хлебная торговля в России в 1875—1914 гг. Л., 1978. С. 57, 129; *Лященко П.И.* Указ. соч. С. 19.

[25] *Тагирова Н.Ф.* Рынок Поволжья... С. 73.

[26] Там же. С. 191.

[27] Россия. 1913 год... С. 130; *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 101.

Тогда как аналогичные показатели для речных путей сообщения дают соответственно 12,5, 14,4 и 12,7%[28], демонстрируя более стабильные пропорции.

Более половины губерний европейской части России нуждались в привозном зерне. В 1916 г. жизнь почти 19 млн горожан зависела от поставок хлеба[29]. Наиболее остро это ощущалось в крупнейших административных, военных и торгово-промышленных центрах страны — Москве и Петербурге.

В Москву в XVIII — начале XX в. зерно поступало из низовьев Волги через Нижний Новгород и Оку, из Мценска на Зуже, Моршанска на Цне, Порецкого на Суре и других мест. В 1836—1860 гг. привоз хлеба в Москву из Поволжья вырос с 7,1 до 10 млн пудов[30]. В 1860—1880-х гг. транзит зерна через Нижний Новгород увеличился с 6 до 8,9 млн пудов[31]. Тогда же значительно увеличились поставки по железной дороге от Рыбинска, откуда в Москву в конце XIX в. ежегодно ввозили 20—30 млн пудов зерна[32].

В Петербург, изначально зависевший от привозного хлеба[33], водным путём доставлялось ещё больше зерна, чем в Москву. Помимо необходимости обеспечения населения и расквартированных в столице войск, это объяснялось и экспортом зерновых через петербургский порт[34], что затрудняло регулирование значительного колебания цен, хотя правительство систематически создавало запасы продовольствия и вело борьбу с чёрным рынком и т.п.[35] Предназначенный для Петербурга хлеб в основном свозили в Рыбинск, откуда до 1810 г. везли через Вышний Волочёк и Ладожское озеро, а позднее — по Вышневолоцкой и Мариинской водной системе (в середине XIX в. по ней поступало 85—90% зерна) и Тихвинскому каналу[36]. В случае, если поставок с Волги оказывалось недостаточно, практиковался беспошлинный ввоз хлеба из-за границы. Во второй половине XIX в. подвоз по воде постепенно снижался с 16,5 млн пудов в 1855—1866 гг. до 14 — в 1867—1875 гг., 11 — в 1877 г. и 8 млн пудов — в 1879—1880 гг.[37] В начале XX в. доставка водным путём зерна к Петербургу значительно уступала по объёму транспортировке древесины. Вместе с тем по железной дороге в Петербург с 1890-х гг. ежегодно ввозилось 25—30 из поступавших в город (в среднем) 64 млн пудов хлеба. Затем пропорции несколько изменились, и уже в 1908 г. по воде в столицу ввезли 49,9 млн пудов зерна, тогда как же-

---

[28] *Никольский И.В.* География транспорта СССР. С. 193.

[29] *Миронов Б.Н.* История в цифрах. Л., 1991. С. 132; *Водарский Я.Е.* Исследования по истории русского города (факты, обобщения, аспекты). М., 2006. С. 234; *Веселовский Н.А.* От Волги до Балтики. Исторический очерк о водных путях и судоходстве. СПб., 2009. С. 38.

[30] *Истомина Э.Г.* Водный транспорт как фактор... С. 56; *Марухин В.Ф.* История речного судоходства в России. С. 288.

[31] *Халин А.А.* Развитие системы путей сообщения Нижегородского Поволжья и её роль в социально-экономическом развитии региона: 1830-е — 1900 г. XIX в. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006. С. 84, 175, 190.

[32] *Тагирова Н.Ф.* Рынок Поволжья... С. 73.

[33] *Водарский Я.Е.* Указ. соч. С. 232; *Веселовский Н.А.* От Волги до Балтики... С. 38.

[34] *Китанина Т.М.* Хлебная торговля в России... С. 55.

[35] *Пушкарёв И.И.* Николаевский Петербург. СПб., 2000. С. 624, 626; *Семёнова Л.Н.* Снабжение хлебом Петербурга в XVIII в. (правительственная политика) // Петербург и губерния. Историко-этнографические исследования. Л., 1989. С. 9.

[36] *Веселовский Н.А.* От Волги до Балтики... С. 57.

[37] *Прокофьев М.* Наше судоходство. Вып. 6. С. 9; *Быков Л.С.* По Петровскому указу — канал на древнем волоке. М., 1994. С. 206; *Веселовский Н.А.* От Волги до Балтики... С. 57; *Никольский И.В.* География транспорта СССР. С. 191.

лезнодорожным транспортом — всего 11,9[38]. В 1913 г. объём хлебных поставок в город с Волги составил 40,4 млн пудов[39]. При этом к началу XX в. в Рыбинск ежегодно доставляли с низовий до 100 млн пудов хлеба[40].

Перевозка леса зависела прежде всего от природно-климатических факторов. Если в северных губерниях леса занимали огромную территорию (78% — в Вологодской, 64 — в Олонецкой, 62 — в Новгородской, 61 — в Архангельской, 59 — в Пермской, 40% — в Вятской), то на юге — не более 10% (в Симбирской, Саратовской и Самарской), а иногда и гораздо меньше (8% — в Тульской, 7 — в Воронежской, 6 — в Курской, 5,3 — в Таврической, 5 — в Полтавской, 1,7% — в Херсонской губерниях). В Астраханской и Ставропольской губерниях леса практически отсутствовали (0,9 и 0,6% соответственно)[41]. Из богатых древесиной верховьев Волги брёвна сплавляли вниз по течению, через Рыбинск и Нижний Новгород в Самару, Царицын и Астрахань. Туда же сплавляли лес из устья Камы. В Нижнем Новгороде также ежегодно продавалось свыше 1 млн пудов липового лубяного волокна с камских берегов, 1,5 млн мешков для соли из того же волокна, лыко для плетения корзин, 500 тыс. бочарных досок, полозья, обода и другие изделия[42].

Важную роль играли притоки Волги — Шексна и Молога вместе с их собственными речными системами в Новгородской и Ярославской губерниях. Лес из Устюженского, Череповецкого и Кирилловского уездов по Мологе и притокам Шексны Согоже и Ухре доставлялся из Ярославля в Рыбинск. В 1890-х гг. из Ярославской губ. ежегодно сплавлялось около 400 тыс. брёвен[43]. Часть древесины из Новгородской губ. перевозилась в Петербург по Тихвинскому и Мариинскому каналам. Лес и дрова для столицы в основном перемещались на судах, которые с берега с помощью канатов тянули лошади. Во второй половине XIX в. лес, срубленный зимой в Тверской и Ярославской губерниях, сгружался на берегах Мологи и её притоков Кобожи и Чагодощи. В 1890-х гг. здесь каждую весну скапливались непрерывные вереницы плотов длиною до 35 вёрст. Однорядные сверхдлинные плоты вмещали до 500 тыс., а четырёхрядные — до 2 млн брёвен длиною 6—9 саженей. С их помощью за один раз в среднем сплавлялось от 50 до 200 млн брёвен[44], распродававшихся в Рыбинске до конца июня и двигавшихся дальше без перевалки.

Другой маршрут лесосплава пролегал через приток Шексны Суду и её приток Колпь, откуда в Рыбинск каждый год прибывало до 500 тыс. брёвен и больше. В 1890-х гг. у слияния Суды и Шексны была построена паровая лесопилка, на которой ежегодно обрабатывали 150 тыс. брёвен, остальные плоты двига-

---

[38] *Лященко П.И.* Указ. соч. С. 520; *Давыдов М.А.* Всероссийский рынок... С. 53.

[39] Россия. 1913 год... С. 132.

[40] *Истомина Э.Г.* Водный транспорт как фактор... С. 5; *Перхавко В.Б., Дёмкин А.В., Епифанова Л.М.* Внутренняя торговля // Экономическая история России с древнейших времён до 1917 г. Энциклопедия / Отв. ред. Ю.А. Петров. Т. 1. М., 2009. С. 410.

[41] *Водарский Я.Е., Истомина Э.Г.* Сельские промыслы Европейской России на рубеже XIX—XX столетий. М., 2004. С. 333; *Цветков М.А.* Изменение лесистости Европейской России... С. 104, 105, 132.

[42] *Цветков М.А.* География внутренних лесных рынков в Европейской России во второй половине XIX — начале XX в. // Историческая география. М., 1960. С. 98.

[43] *Балов А.* Эксплуатация лесов в Пошехонье // Сельское хозяйство и лесоводство. 1894. Апрель. С. 10.

[44] *Воронов Г.* Очерк лесного хозяйства и торговли лесом в Новгородской губернии // Лесной журнал. 1896. Вып. III. С. 595—596.

лись далее к Волге[45]. Причалы Мологи, лесопилка на Шексне и порт Рыбинска служили главными рынками лесоторговли Верхневолжья. Товар поставлялся отсюда в обе столицы и южные губернии империи, а также отправлялся на экспорт. Брёвна, цена которых зависела от их среднего размера, продавались плотами. Основными покупателями выступали собственники складов Нижнего Новгорода и Самары. Обычно они приобретали древесину на Макарьевской ярмарке и в Нижнем Новгороде. Сюда же по Унже и её притокам переплавлялся лес из Костромской губ. Так, в 1893 г. оттуда было сплавлено 100 тыс. брёвен соснового и елового кругляка[46]. В иные годы по Унже сплавлялось до 200 тыс. брёвен[47]. Дрова по реке перевозили на паромах и барках, которых насчитывалось около 150 (каждая из них вмещала 500—700 саженей)[48].

На Суре располагалось семь крупных пристаней, принимавших сплавной лес. Промзино, Алатырь и Курмыш занимались только местной лесоторговлей[49], а через остальные четыре ежегодно 100 тыс. брёвен отправлялось в низовья Волги. Лесопильный завод вблизи Козьмодемьянска производил из них доски, шпалы, брус и т.д. По Ветлуге брёвна сплавляли плотами, а дрова и малогабаритные материалы — барками. Так, в 1894 г. по ней в Козьмодемьянск прибыло 500 тыс. брёвен и 70 плоскодонных судов, гружённых дровами и кругляком малого диаметра[50]. Всего по течению Ветлуги работали шесть лесопильных заводов, для продукции которых использовались те же барки.

Рынок в Козьмодемьянске, куда сплавлялся лес из Вологды и Костромы по притокам Ветлуги, действовал ежегодно с 25 мая по 20 июня. С 1892 г. там продавался также лес из бассейна Суры. Ранее его скупали местные жители, однако вследствие неурожая 1891—1892 гг. спрос упал, и древесину стали ежегодно сбывать в Козьмодемьянске и Казани, где цены были выше.

В Козьмодемьянск съезжались коммерсанты из Москвы и Поволжья, интересовавшиеся квадратным брусом и иными материалами из различных пород дерева самого разного размера и назначения. Торговля велась как за наличный расчёт, так и в кредит. Бóльшую часть закупленных брёвен, среднего и крупного бруса, подтоварников, брусьев, балок, шпал и т.п. везли затем в Астрахань, меньшую — в Москву. В Казани ежегодно сбывали 120—150 тыс. брёвен и около 60—80 тыс. саженей дров, и, несмотря на близость Козьмодемьянска, эту потребность удовлетворяли местные предприниматели. Тем не менее козьмодемьянский рынок, благодаря своему масштабу, играл важную роль во внутренней торговле России.

На Каме и её притоках не было рынков леса, однако мелкие лесопромышленники, проживавшие по берегам рек, поддерживали деловые связи с крупными камскими коммерсантами. В 1890-х гг. ежегодно по Каме в Волгу сплавляли около 850 тыс. брёвен и 80—90 барок с различными товарами из дерева. Липовое лубяное волокно и изделия из него, бочарные доски, полозья, обода направляли преимущественно вверх по Волге — в Нижний Новгород.

---

[45] *Цветков М.А.* География внутренних лесных рынков... С. 97.

[46] *Пономарёв Д.С.* О лесной торговле Волжско-Камского бассейна // Лесной журнал. 1896. Вып. I. С. 53—60.

[47] *Цветков М.А.* География внутренних лесных рынков... С. 98.

[48] *Пономарёв Д.С.* Указ. соч. С. 53—60.

[49] В Курмыше также производили бочарные доски (около 3 млн штук в год), поставлявшиеся затем в Петербург (*Цветков М.А.* География внутренних лесных рынков... С. 99).

[50] Там же. С. 100.

Доски, брус и дёготь доставляли судами вниз по течению. Туда же — в Самару, Царицын, Астрахань и в Каспийское море — передвигались брёвна, связанные в плоты для сплава, и древесный уголь, сложенный в мешках на плотах. В 1895 г. по Каме в Волгу вывезли 1,5 млн пудов сосновой смолы, 100 тыс. корзин, 3 млн досок, 600 тыс. мешков древесного угля, 300 тыс. пудов соснового дёгтя, несколько миллионов саней, бочек, полозьев, колёсных ободьев[51].

В 1909 г. в Самару, Саратов и Царицын прибыло 10,5 млн, а в 1911 г. — уже 46 млн пудов брёвен в плотах. Из Царицына часть леса перемещалась в Воронежскую губ. и в Область Войска Донского, к Азовскому и Чёрному морям. В Астрахань ежегодно в плотах и барками шло около 25 млн пудов брёвен. Их обрабатывали на местных лесопильных заводах, после чего везли в Баку и на побережье Каспийского моря[52].

В конце XIX в. торговля лесом в России продолжала набирать обороты. В 1880—1897 гг. объём древесины, ежегодно перевозившейся по железным дорогам в европейской части страны, увеличился с 150 до 200 млн пудов. Водным транспортом в 1891 и 1896 гг. её было перемещено 230 и 238 млн пудов[53]. В 1907—1911 гг. среднегодовой объём отправленных судами и плотами лесоматериалов превысил 1 млрд пудов. В 1913 г. по Волге, Неве и Северной Двине сплавлялось 867 млн пудов строительного леса и 298 млн пудов дров[54]. Неудивительно, что в 1861—1914 гг. лесистость европейской части России снизилась с 42,7 до 35,1%, причём сокращение площади лесов наблюдалось в губерниях как с богатыми, так и со скудными лесными ресурсами, что вызывало обеспокоенность в правительстве и прессе. Между тем в конце XIX — начале XX в. только в бассейнах Волги и Камы для плетения мешков из лубяных волокон ежегодно вырубалось более 5 млн липовых деревьев, возраст которых составлял 40—60 лет[55].

Так или иначе, функционирование Волжского водного пути стимулировало развитие парусного и парового флота, способствовало расширению товарных отношений, формированию рынков зерна и леса и углублению экономической специализации регионов, при которой одни губернии ориентировались преимущественно на экспорт, а другие — на российский рынок. Под нужды хлеботорговцев создавалась соответствующая инфраструктура: торговые представительства компаний, отделения коммерческих банков, телеграфные конторы, крупные зернохранилища.

Водный транспорт оказывал непосредственное воздействие и на численность населения поволжских городов. В 1860—1897 гг. в 16 городах бассейна Волги — в Астрахани, Вятке, Казани, Костроме, Москве, Нижнем Новгороде, Перми, Рыбинске, Самаре, Саратове, Царицыне, Сызрани, Твери, Симбирске, Уфе и Ярославле — она увеличилась в несколько раз (от двух до пяти), причём темпы её прироста заметно ускорились. В конце XIX в. в Астрахани, Саратове, Самаре и Нижнем Новгороде проживало уже свыше 750 тыс. человек[56]. Бли-

---

[51] *Водарский Я.Е., Истомина Э.Г.* Сельские промыслы Европейской России... С. 123.

[52] *Цветков М.А.* География внутренних лесных рынков... С. 108.

[53] *Перхавко В.Б., Дёмкин А.В., Епифанова Л.М.* Внутренняя торговля. С. 410.

[54] Россия. 1913 год... С. 116, 129—130, 132.

[55] Там же. С. 50, 51, 104, 123, 132; *Водарский Я.Е., Истомина Э.Г.* Сельские промыслы Европейской России... С. 126.

[56] *Бессолицын А.А.* Поволжский регион на рубеже XIX—XX вв. (Основные тенденции и особенности экономического развития) // Экономическая история России: проблемы, поиски,

зость оживлённых торговых путей непосредственным образом сказывалась на богатстве городов, а также на занятиях и социальной мобильности их жителей.

В целом, во второй половине XIX — начале XX в. Волжская водная система, как и ранее, являлась важнейшей транспортной артерией, оказывавшей существенное влияние на развитие промышленности и сельского хозяйства, способствовала формированию региональных и общероссийских рынков и процессу урбанизации. Волга с её притоками объединила обширные пространства России и её огромные человеческие ресурсы в единый «экономический организм». В пореформенный период железнодорожный транспорт составил реальную конкуренцию водному, выдержать которую помогало развитие новых технологий: строительство пароходов, увеличение водоизмещения судов и т.д. До 1890-х гг. по воде перемещалось больше грузов, чем по железным дорогам. Лишь к 1913 г. они стали в России основным способом перевозки товаров.

решения. Ежегодник. Вып. 5. Волгоград, 2003. С. 191; *Смирнов Г.К.* Города Тверской области. Историко-архитектурные очерки (IX — начало XX в.). Вып. 1. СПб., 2000. С. 58; *Гончаров Ю.М.* Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX — начало XX в). Новосибирск, 2004. С. 28; *Гончаров Ю.М.* Историческое краеведение города. Быт горожан Сибири во второй половине XIX — начало XX в. Ч. 1. Томск, 2009. С. 15; *Гончаров Ю.М.*, *Чутчев В.С.* Мещанское сословие Западной Сибири второй половины XIX — начала XX в. Барнаул, 2004. С. 40—41; *Гончаров Ю.М.* Сословный состав городского населения Западной Сибири во второй половине XIX — начало XX в. // Города Сибири XIX — начала XX в. / Отв. ред. В.А. Скубневский. Барнаул, 2001. С. 70.

Государство или частный капитал? Дискуссии в печати о реформировании железнодорожного хозяйства России в середине 1870-х — начале 1890-х гг.

Валерий Степанов

State or business? The discussions in Russian press on the reform of the railway economy in Russia (mid-1870s — early 1890s)

Valeriy Stepanov (Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow; Saint Petersburg State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870015462-9

В первые пореформенные десятилетия акционерными обществами в России была построена сеть железных дорог, протяжённость которой в 1865—1875 гг. увеличилась с 3,8 до 19 тыс. вёрст. В ходе создания новой транспортной инфраструктуры правительство ориентировалось на опыт западных стран. Одним из образцов являлась австрийская модель, сущность которой заключалась в ставке на частный капитал и всемерном поощрении предпринимательства при отсутствии эффективного контроля. Интерес российской бюрократии вызывал и пример Франции, где к началу 1860-х гг. действовали шесть крупных компаний, пользовавшихся широким содействием государственной власти и монополизировавших железнодорожные перевозки. Именно французское законодательство бралось за основу при разработке уставов акционерных обществ в России. Правительство гарантировало предпринимателям пятипроцентный чистый доход, предоставляло денежные и материальные ссуды, передавало им в аренду на льготных условиях казённые линии. Однако оставляло за собой право на выкуп дороги в установленные сроки (как правило, через 20 лет после начала эксплуатации), а его размер вычислялся по среднему чистому доходу за последнее пятилетие. Тем самым юридически компании выступали в качестве подрядчиков и арендаторов, имевших договорные отношения с государством, которое, однако, в отличие от Франции, не вмешивалось в их финансово-хозяйственные дела.

Выгодные условия концессий вызвали грандиозный бум, сопровождавшийся спекулятивным грюндерством, коррупцией и расхищением казённых кредитов. Пользуясь поддержкой и влиянием в высших сферах, железнодорожные «короли» превратились в самую могущественную группу среди российских предпринимателей и поражали всех своими богатствами. Между тем к середине 1870-х гг. сеть рельсовых путей оказалась расчленена между десятками акционерных обществ и не представляла собой единого целого. Получая гарантированный доход, компании не заботились о качестве и рентабельности линий, которые имели слабую пропускную способность и низкий уровень безопасности дорожного движения. Правления акционерных обществ по своему усмотрению устанавливали провозные платы, классификацию и номенклатуру грузов. Между конкурентами развернулись настоящие тарифные войны. Дезорганизация железнодорожного транспорта наносила огромный ущерб на-

© 2021 г. В.Л. Степанов

родному хозяйству, вызывала постоянные жалобы помещиков и предпринимателей. В то же время подавляющее большинство компаний остро нуждались в правительственной помощи и зачастую не могли выполнить свои финансовые обязательства перед государством. К 1881 г. их долг казне достиг 1 092,2 млн руб. Расходы на железнодорожное дело ежегодно составляли 12—20% бюджета, причём только приплаты по гарантиям в 1871—1881 гг. увеличились в четыре раза — с 13 до 52 млн руб. Это было одной из основных причин бюджетных дефицитов и роста государственного долга страны[1].

Ни одна из отраслей российской экономики не привлекала к себе такого внимания современников, как железнодорожный транспорт. Его состояние вызывало в обществе бурные дискуссии, которые пусть даже косвенно и опосредованно, но влияли на формирование экономической политики самодержавия[2]. С середины 1870-х гг. стали появляться труды, подводившие итоги строительства стальных магистралей и определявшие задачи на будущее. Профессор Московского университета А.И. Чупров в своём фундаментальном сочинении констатировал, что новые коммуникации представляют собой «случай полной монополии», при которой не действует «естественный» рыночный регулятор произвольно устанавливаемых компаниями тарифов. Цену железнодорожных услуг, никак не связанную с действительными издержками, он считал искусственно завышенной, тогда как «даже незначительная прибавка к провозной плате через поднятие цен товара вытесняет производителей с рынка и ставит их иногда в невозможность продолжать труд». По мнению Чупрова, очевидное противоречие между интересами владельцев дорог и широких слоёв населения требует законодательного урегулирования. В качестве примера он ссылался на бельгийский опыт полного сосредоточения рельсовых магистралей в руках правительства, на обсуждение способов контроля над ними в британском парламенте и конгрессе США, на призывы германских учёных А. Вагнера и А. Шеффле к созданию казённого железнодорожного хозяйства. По мнению Чупрова, время для «решительной перемены» прежней политики в России ещё не настало, однако он не сомневался в том, что рано или поздно вся сеть дорог окажется в собственности государства, и рекомендовал заранее выработать для этого оптимальные формы. Он считал, что весьма желательно принять закон о праве казны выкупать частные линии по их строительной стоимости, т.е. на более выгодных условиях по сравнению с зафиксированными в уставах компаний[3].

Позднее Чупров высказывался ещё категоричнее: «Продолжительный опыт бельгийских и немецких государственных железных дорог показал, что госу-

---

[1] Финансовое положение русских обществ железных дорог к 1 января 1880 года. Ч. 2. СПб., 1881. С. 9, 49, 178; *Погребинский А.П.* Строительство железных дорог в пореформенной России и финансовая политика царизма (60—90-е годы XIX в.) // Исторические записки. Т. 47. М., 1954. С. 154—170; *Соловьёва А.М.* Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975. С. 95—118; История предпринимательства в России. Кн. 2. М., 1999. С. 138—168.

[2] К сожалению, эта тема до сих пор почти не изучена исследователями. Например, в работах О.Н. Елютина проблема выбора оптимальной модели железнодорожного хозяйства почти не затронута: *Елютин О.Н.* Вопросы железнодорожного строительства в общественном мнении России. 1830-е — 1880-е гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000; *Елютин О.Н.* Российское железнодорожное хозяйство под огнём критики (1870—1880-е годы) // Вестник Московского университета. 2001. Сер. 8. История. № 6. С. 25—50.

[3] *Чупров А.И.* Железнодорожное хозяйство. Его экономические особенности и его отношения к интересам страны. М., 1875. С. 280, 289, 294—295, 301—305, 319.

дарство отнюдь не худший хозяин, нежели частные компании с их постоянно меняющимся составом, с их погоней за дивидендами и, что главное, с фактической бесконтрольностью их управления». По его словам, только правительство, стремясь к решению приоритетных и долгосрочных экономических задач, могло отказаться от чистой прибыли своих дорог и даже от полного покрытия издержек производства ради существенного понижения тарифов. «Ни на что подобное частные компании неспособны уже потому, — заявлял Чупров, — что минутным владельцам их акций нужен только текущий дивиденд и нет никакого дела до будущего поколения»[4].

Другой известный экономист, профессор Университета св. Владимира в Киеве Н.Х. Бунге высоко оценил книгу Чупрова в отзыве, опубликованном в «Вестнике Европы». Он подтвердил, что могущество монополии железнодорожного «царства» господствует не только над производителями и потребителями, но и над политической жизнью государства, лоббируя интересы компаний в представительных учреждениях. Бунге сочувствовал идее выкупа дорог в казну, поскольку введение в стране единообразной системы тарифов возможно только в том случае, если вся сеть находится в распоряжении правительства. Он указал на преимущества казённой постройки и эксплуатации рельсовых путей: сооружение линий по единому плану, сокращение финансовых издержек, общая система управления, строгий контроль и др. «Создание железнодорожной олигархии и влияние её властителей, — писал рецензент, — несравненно опаснее и вреднее для общества, чем сосредоточение новой силы в руках правительства, интересы которого никогда не могут расходиться в такой степени с интересами общества, как интересы железнодорожных королей»[5].

Однако Бунге призывал относиться к выкупу дорог с большой осторожностью. «Можно ли сказать, — рассуждал он, — что государственное железнодорожное хозяйство, заменив частную предприимчивость, даст одинаковые результаты в Бельгии и Испании, в Англии и России, в России и Турции? Можно ли ожидать, что в данной стране администрация при постройке дороги сумеет соединить строгий контроль за употреблением денежных средств с коммерческой распорядительностью? Можно ли рассчитывать, что при эксплуатации лица железнодорожного управления будут смотреть на себя как на слуг общества, а не как на власть, призванную к начальствованию? Можно ли быть уверенным, что высший административный надзор будет отстаивать интересы пассажиров и товароотправителей, и не подвергнется искушению защищать всё же своих подчинённых, уверовав в их непогрешимость и безгрешность? Конечно, утвердительный ответ на все эти вопросы можно дать только в такой стране, где в бюрократии существует строгая дисциплина и сознание долга, поддерживаемое преданием, а ещё более, где существует контроль общественный, не ограничивающийся одной только обличительной литературой, подчинённой, в свою очередь, административным карам»[6].

Эти же взгляды Бунге развивал позднее в «Курсе полицейского права», рассматривая железные дороги как монополии, которые забирают в свои руки перевозку пассажиров и грузов, усиливаются при объединении компаний в крупные корпорации, захватывающие в определённой местности остальные виды

---

[4] *Чупров А.И.* О желательности казённой постройки и эксплуатации железных дорог // Русские ведомости. 1876. № 33.

[5] *Бунге Н.Х.* Монополия железнодорожного царства и его ограничение // Вестник Европы. 1876. № 3. С. 316, 345.

[6] Там же. С. 350—351.

транспорта (шоссейные и гужевые пути, каналы, каботажное плавание, пароходства и т.п.), получают огромные прибыли и доминируют в экономической жизни обширных регионов. По его мнению, устанавливая тарифы исключительно для получения доходов, частные линии переставали быть «общеполезными предприятиями» и превращались в средство наживы за счёт потребителей. Отмечая преимущества казённого хозяйства, Бунге тем не менее считал, что «правительство не должно безусловно устранять частную предприимчивость, и могут быть обстоятельства, при которых образование акционерных обществ для постройки и эксплуатации составляет самое надёжное средство для скорейшего выполнения железнодорожной сети»[7].

В высших сферах власти осознавали необходимость реформ. С 1876 г. заседала межведомственная комиссия во главе с членом Государственного совета гр. Э.Т. Барановым, которая должна была исследовать состояние железнодорожного транспорта и наметить пути его реорганизации. В русско-турецкую кампанию 1877—1878 гг. остро проявилась неспособность частных обществ обеспечивать массовую переброску людей и грузов в условиях военного времени. Внимание правительства привлекли меры, принятые в западных странах: в ряде североамериканских штатов были утверждены законы, ограничивавшие права компаний; в Великобритании развернулось обсуждение законопроектов о создании учреждения для надзора за акционерными обществами; во Франции в 1878 г. несколько нерентабельных дорог перешли в собственность казны; в том же году в Австро-Венгрии был принят закон о выкупе частных линий государством; в Бельгии государственный сектор стал преобладающим на железнодорожном транспорте; в Пруссии с 1879 г. по инициативе германского канцлера О. фон Бисмарка развернулась широкомасштабная операция по выкупу всех дорог, остававшихся в частном владении[8].

Лишь крупный банкир и железнодорожный подрядчик И.С. Блиох в своём обширном труде продолжал защищать концессионную систему. Подводя итоги эксплуатации рельсовых путей в 1875 г., он привёл обширные статистические данные, свидетельствовавшие о быстром росте общей протяжённости линий, увеличении их валового и чистого дохода. «Цифры эти, — писал Блиох, — указывают на прогресс в эксплуатации железных дорог, и можно предполагать, что в скором времени, когда не будет столь значительного постоянного увеличения сети новыми, в первое время малодоходными, дорогами, обременение государственного бюджета приплатами по гарантии должно будет значительно уменьшиться». Автор указал и на другие положительные последствия концессионной практики: экономию бюджетных средств в результате замены гужевого транспорта рельсовыми путями, ежегодное введение в «народное обращение» огромных средств на строительство и эксплуатацию линий, создание новых рабочих мест, повышение уровня занятости населения. По словам Блиоха, «есть основание предполагать, что в будущем результаты, даваемые железными дорогами относительно эксплуатации, будут ещё благоприятнее»[9].

Однако в печати преобладали иные настроения. В 1877—1880 гг. в «Сборнике государственных знаний» вышла серия статей известного публициста и редактора «Журнала Министерства путей сообщения» А.А. Головачёва, которая

---

[7] *Бунге Н.Х.* Полицейское право. Т. 2. Киев, 1877. С. 125, 126, 131, 133, 136.

[8] *Георгиевский П.И.* Финансовые отношения государства и частных железнодорожных обществ в России и в западноевропейских государствах. СПб., 1887. С. 113, 152, 207, 257, 258, 267, 268.

[9] *Блиох И.С.* Влияние железных дорог на экономическое состояние России. Т. I. СПб., 1878. С. 78—80, 139—142.

затем неоднократно переиздавалась отдельной книгой. В ней утверждалось, что «существующая у нас система железнодорожного хозяйства оказалась вполне несостоятельной», и «наступило время для совершенного её изменения». По мнению автора, хозяйничанье на транспорте акционерных обществ привело к поспешной прокладке линий без обдуманного плана и учёта действительных нужд страны, неэффективному расходованию кредитов, непомерной дороговизне строительства, слишком высоким тарифам, отсутствию должного контроля над предпринимателями и др. Головачёв констатировал, что правительство израсходовало на сооружение бездоходных дорог огромные суммы, полученные за счёт займов, а это, в свою очередь, привело к значительному увеличению государственной задолженности, разгулу биржевой игры на ценностях железнодорожных компаний и отвлечению капиталов от других отраслей экономики. Он признал строительство и эксплуатацию рельсовых путей «удовлетворением одной из самых насущных потребностей государственной жизни» и «необходимой функцией правительства». Головачёв настаивал на выкупе всех частных линий в казну и отвергал устоявшееся мнение о том, что государство в принципе неспособно распоряжаться железными дорогами. Но он предлагал поручить управление ими не чиновникам, а компетентным и заинтересованным в успехе дела специалистам, поставленным под административный и общественный контроль[10].

В царствование Александра III правительство приступило к реформированию железнодорожного транспорта. В 1881 г. было принято решение возобновить казённое строительство. В 1881—1886 гг. из-за банкротства нескольких компаний Министерству финансов пришлось выкупить четыре малодоходные линии. С 1884 г. на частных дорогах началось учреждение специальных органов для контроля над их эксплуатационными оборотами, стали проводиться ревизии эксплуатационных отчётов, с 1887 г. ежегодные эксплуатационные сметы стали представляться на утверждение министра путей сообщения, а в отдельных случаях был введён надзор за строительными операциями акционерных обществ. Принятый 12 июня 1885 г. Общий устав российских железных дорог установил единые юридические нормы эксплуатации сети, регламентировал деятельность и отчётность транспортной администрации, порядок перевозок людей и грузов. В Министерстве путей сообщения был образован Совет по железнодорожным делам, в который вошли чиновники разных ведомств и лица, представлявшие интересы частных дорог, а также горнозаводской промышленности, земледелия и торговли. Однако в Уставе не были зафиксированы общие правила надзора правительства за линиями акционерных обществ и его право контролировать тарифное дело[11].

При обсуждении железнодорожных преобразований в правящих кругах высказывались различные мнения о степени государственного регулирования. В Министерстве путей сообщения и Государственном контроле добивались полной передачи частных линий в казну по примеру Пруссии. Там к 1886 г. после проведения выкупной операции государству принадлежало уже 90% всех

---

[10] *Головачёв А.А.* История железнодорожного дела в России. М., 2020. С. 531, 532, 533, 534, 535, 540, 543, 544, 545, 549. Впервые свои взгляды на железнодорожную политику Головачёв изложил в книге: *Головачёв А.А.* Вопросы государственного хозяйства. СПб., 1873. С. 109—177.

[11] Подробнее см.: *Соловьёва А.М.* Указ. соч. С. 157—158, 179—181, 193; *Степанов В.Л.* Контрольно-финансовые мероприятия на частных железных дорогах России (конец XIX — начало XX в.) // Экономическая история. Ежегодник. 2004. М., 2004. С. 38—39, 42—43, 45—46, 52—53.

дорог, которые приносили солидный доход (правда, Бисмарку не удалось осуществить подобную меру в масштабах всей империи). В Министерстве финансов в большей степени ориентировались на опыт Франции, где рельсовая сеть в основном находилась в руках крупных компаний, действовавших под контролем правительства. Это ведомство выступало за смешанную систему, при которой казённые линии сосуществовали с высокодоходными частными магистралями. Бунге, занимавший в 1881—1886 гг. пост министра финансов, сомневался в успехе полного и быстрого огосударствления железнодорожного хозяйства. Он считал более целесообразным усилить надзор за акционерными обществами и приобретать их линии в собственность лишь в случае необходимости по государственным или чисто финансовым соображениям[12].

Однако даже либеральная пресса, поддерживавшая политику финансового ведомства, была настроена более решительно. «Вестник Европы» активно ратовал за развёртывание казённого строительства и выкуп частных линий в казну, но вместе с тем отмечал, что подобную операцию следует проводить постепенно, «не наобум», придерживаясь «строгой систематичности» и «большой расчётливости»[13]. «Русская мысль» также выступала за огосударствление рельсового транспорта, невзирая на издержки бюрократического управления. При этом авторы журнала ссылались на «пример Германии, где князь Бисмарк, в видах политических, прикрываемых теорией так называемого “государственного социализма”, действительно идёт к сосредоточению всего железнодорожного дела в руках правительства». По их мнению, в России книга Головачёва должна была лежать на столе каждого государственного деятеля, причастного к железнодорожному делу[14].

Сходным образом рассуждал в «Русских ведомостях» Чупров. «После опыта, столь удачно проделанного Пруссией, — писал он, — в значительной степени рассеялся туман, окружавший раньше операцию выкупа железных дорог государством». По его словам, правительству следовало воспользоваться тем, что приближались обозначенные в уставах сроки, по достижении которых казна получала право приобрести в собственность некоторые частные линии. Это позволило бы прекратить ежегодные разорительные приплаты по гарантии чистого дохода акционерных обществ, причём выкупная операция обойдётся гораздо дешевле, чем в Пруссии, так как компании имели огромный долг государству, и его можно было вычесть из суммы, причитавшейся акционерам. Чупров сетовал на сложившиеся в обществе представления о «бюрократической вялости и рутине», указывал на типичные недостатки казённого заведования железными дорогами: чрезмерную централизацию и регламентацию, волокиту, запутанность всевозможных форм контроля, недостаточное внимание к местным потребностям и т.д. Поэтому ему весьма импонировало предложение Комиссии гр. Баранова учредить на каждой линии местные железнодорожные советы и включить в их состав представителей общественности (из-за противодействия высшей бюрократии оно было отклонено)[15].

---

[12] *Степанов В.Л.* Н.Х. Бунге: Судьба реформатора. М., 1998. С. 205.

[13] Вестник Европы. 1875. № 9. С. 367; 1876. № 7. С. 372—376; 1881. № 10. С. 838.

[14] Русская мысль. 1883. № 4. Отд. 2. С. 82—85; 1885. № 3. Отд. 2. С. 84, 85, 88—93; № 8. Отд. 2. С. 94—102; 1886. № 5. Отд. 2. С. 149.

[15] *Чупров А.И.* О желательности выкупа железных дорог государством в России // Русские ведомости. 1883. № 194; *Чупров А.И.* О желательности участия общественных элементов в заведовании железнодорожным делом // Там же. № 231; *Чупров А.И.* О порядке управления казёнными железными дорогами // Там же. № 272.

Ещё более решительно за огосударствление рельсовых путей высказывался крупнейший консервативный идеолог того времени, влиятельный редактор-издатель «Московских ведомостей» М.Н. Катков. В передовых статьях своей газеты он критиковал концессионный порядок, который «причиняет неисчислимый вред стране, расстраивает все отправления её экономического организма, ведёт народ к разорению», превращает акционерные компании в «особый класс господ-распорядителей народно-хозяйственной жизни», в «управителей и законодателей», в связи с чем произошло «закрепощение общих экономических интересов частным». Особенно возмущали Каткова «тарифные безобразия», из-за которых «убивается экономическая жизнь целых местностей, разрушаются созданные десятками лет промышленные предприятия». Публицист писал о том, что акционерные общества в своих интересах понижали плату для перевозок товаров за границу и повышали на транспортировках внутренних грузов. Тем самым они искусственно взвинчивали цены на рынке и отнимали «кусок хлеба у русских производителей и рабочих, чтобы отдать его иностранцам»[16].

Урегулирование тарифов и упорядочение железнодорожного хозяйства Катков признавал возможным лишь после перехода частных линий в казну. Он с восхищением отзывался о Бисмарке, осознавшем, что рельсовые пути представляют собой «громадную государственную силу» и должны находиться всецело в распоряжении правительства. «Выкуп железных дорог государством у нас легче, чем где-либо, — утверждалось в “Московских ведомостях”.— В сумме стоимости железных дорог лишь небольшая доля приходится на долю частных собственников; они построены преимущественно на казённые деньги; кроме того, дороги пред казной в долгу как в шелку, и стоимость их акций большей частью определяется лишь размером платимой казной гарантии». Катков осуждал нерешительную и непоследовательную, как ему казалось, позицию министра финансов, руководившего преобразованием железнодорожного хозяйства «без системы, отрывочно, клочками». В итоге, в казну переходили лишь второстепенные и малодоходные линии, а наиболее значимые магистрали оставались у частных компаний[17]. «Московские ведомости» считали бесполезными отдельные паллиативные меры, направленные на усиление правительственного контроля, поскольку «железнодорожная монополия» слишком сильна и всегда может обойти установленные ограничения. Конечно, рассуждал Катков, «казна плохой хозяин в коммерческих предприятиях, но это не значит, чтобы не нашлось честных людей, способных к заведованию ими». Для преодоления «канцелярского формализма» он предлагал материально стимулировать служащих, выплачивая процент с дохода железнодорожных предприятий, а также предоставить определённые полномочия «местным правительственным агентам»[18].

Каткову возражала газета И.С. Аксакова «Русь», где появилась статья «Экономические письма», подписанная инициалами «Д.П.». Её автор с сочувствием отозвался о том «энергическом отпоре», который встречали в «Московских ведомостях» стремления разных «монополистов» забрать в свои руки пути сообщения, промышленность, банки и хлебную торговлю, однако категорически не соглашался с мнением Каткова о необходимости передать железные дороги государству с его несовершенным бюрократическим аппаратом, пронизанным ведомственными разногласиями, коррупцией и духом «всеиссушающей казён-

[16] Московские ведомости. 1880. № 325; 1882. № 99; 1883. № 188; 1885. № 238.
[17] Там же. 1880. № 318, 325; 1884. № 320; 1885. № 73.
[18] Там же. 1880. № 150; 1882. № 208; 1883. № 188; 1884. № 130; 1887. № 73.

щины». «Наше казённое хозяйство, — говорилось в статье, — отличается такой сложностью форм, которая наперёд исключает возможность успешного ведения дела». Автор недоумевал, как государственная администрация могла бы управлять железными дорогами, если она оказалась не в состоянии даже организовать сколько-нибудь действенный контроль над их эксплуатацией. Поэтому «Русь» рекомендовала правительству бороться с существующими монополиями и препятствовать возникновению новых, одновременно возбуждая частную инициативу и пользуясь её плодами в интересах всей страны. Расширение казённого хозяйства признавалось возможным только после реформирования системы образования, которая подготовила бы «крепкий контингент» должностных лиц, подобных прусским чиновникам[19].

В 1883 г. киевский журнал «Инженер» опубликовал серию статей начальника службы эксплуатации Юго-Западных железных дорог С.Ю. Витте «Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов» (в том же году они были изданы отдельной книгой, а в 1884 г. появился дополненный вариант). В ней скептически говорилось об отечественных поклонниках политики Бисмарка, забывавших о различиях в масштабах и условиях обеих стран: «Бедность и незначительность прусской почвы создали экономию, аккуратность, предусмотрительность и внешнюю, весьма сильную дисциплину. Стихийность наших экономических сил и обширность пространства создали небережливость, экономическую неаккуратность, непредусмотрительность и отсутствие внешней дисциплины»[20]. И если германский канцлер имел в своём распоряжении «прекрасный государственный передаточный механизм», то в России «настоящая бюрократическая машина заключает в себе такие черты, которые не дают никакого основания рассчитывать, что казённое хозяйство в больших размерах могло идти удовлетворительно». Витте опасался, что следствием форсированного огосударствления железнодорожного транспорта станут его излишняя централизация, тормозящая торгово-промышленную жизнь, формализм, крайне замедляющий решение текущих дел, преобладание сугубо ведомственных интересов, распри между разными административными структурами и проч. Искусственная унификация тарифов, которые должны устанавливаться в зависимости от спроса и предложения, а также с учётом местных хозяйственных условий, неизбежно нарушит «равновесие экономических отношений» и «гармонию экономических интересов». Наконец, досрочный выкуп дорог и включение их финансовых смет в бюджетную роспись потребуют затрат, крайне обременительных для казны. Обосновывая свою позицию, автор обильно цитировал «Экономические письма» из газеты «Русь»[21].

Витте рассматривал пример Пруссии как исключение, поскольку во всех остальных странах продолжали функционировать частные линии, однако отнюдь не отрицал необходимости государственного вмешательства в железнодорожное дело. Более того, он полагал, что казённая эксплуатация путей сообщения «принципиально весьма желательна», так как правительство «не может преследовать никаких других целей, кроме целей русского общего блага», и в его распоряжении эти транспортные артерии «не могут, и никогда сознательно не будут служить орудием сословных или имущественных привилегий, созна-

---

[19] Русь. 1884. № 10, 11.

[20] *Витте С.Ю.* Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов // *Витте С.Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 1. Кн. 1. М., 2002. С. 239—243, 331.

[21] Там же. С. 249, 251—252, 338—343, 346—352.

тельного поддержания или водворения неравенства». Автор рассчитывал, что контроль над тарифами (но не их произвольное назначение) также принесёт несомненную пользу, гарантируя точное исполнение действующих законов, предупреждение злоупотреблений и приведение провозных плат в соответствие с интересами населения и народного хозяйства. При этом Витте настаивал на участии в органах надзора представителей торгово-промышленных кругов и железнодорожных компаний, а также писал о большом значении гласности и привлечения к этому делу широкой общественности. При выработке тарифной политики он не исключал даже возможности временного ограничения сферы действия рыночного механизма, если это будет диктоваться «государственными потребностями и необходимостью защиты интересов слабых». Автор предполагал, что в дальнейшем, при казённой эксплуатации, исчезнет конкуренция, заставляющая чрезмерно понижать провозные платы, и это позволит значительно увеличить доходность дорог и упразднить высшие тарифные нормы[22].

По словам Витте, российские железные дороги фактически принадлежали государству, лишь временно эксплуатировались компаниями на концессионных началах и через несколько десятилетий должны были вернуться в полное распоряжение казны. Главная задача правительства в переходный период заключалась в установлении эффективного контроля над частными линиями, отсутствие которого составляло основной недостаток постановки железнодорожного дела в России. Витте утверждал, что государство обладало для этого всеми необходимыми правами и средствами, однако первые шаги в данном направлении были сделаны только в 1880-е гг. Он отвергал мнение о могуществе железных дорог, якобы монополизировавших средства сообщения в некоторых регионах и даже создававших угрозу для власти, и напоминал, что частные линии в той или иной степени конкурировали с водными и гужевыми путями, а также друг с другом, и это заставляло их корректировать провозные платы[23].

Книга Витте вызвала немало критических отзывов. Катков отметил основательные знания и профессионализм автора, однако упрекнул его, как представителя крупной железнодорожной компании, в защите интересов коммерческого мира. По мнению редактора «Московских ведомостей», закон спроса и предложения не следовало применять к российским железным дорогам, построенным преимущественно на средства казны. Тем не менее действовавшая система тарифов в основном регулировалась на его основе и страдала рядом недостатков: для одних и тех же товаров провозные платы произвольно устанавливались в разном размере и часто менялись, вызывая искусственные отклонения в движении грузов. При этом создавались преимущества или, напротив, причинялись убытки отдельным лицам, местностям и отраслям производства, предоставлялись чрезвычайные льготы импорту в ущерб отечественной промышленности. Между тем правительство вкладывало в сооружение стальных магистралей значительные суммы не ради обогащения акционерных компаний, а для развития производительных сил страны и повышения общего благосостояния. Катков настаивал на том, что только с переходом в казну железные дороги будут соответствовать своему прямому назначению и превратятся из причины постоянных дефицитов бюджета в источник доходов[24].

---

[22] Там же. С. 245, 247, 329, 354.

[23] Там же. С. 118—137, 330, 333, 338. Более кратко Витте изложил свои взгляды в докладе, сделанном в 1884 г. в Обществе для содействия русской промышленности и торговле: *Витте С.Ю.* О железнодорожном деле в России // Там же. С. 476—514.

[24] Московские ведомости. 1884. № 63, 114, 337.

Выводы Витте оспорил и приват-доцент Университета св. Владимира Д.И. Пихно. Разногласия между ними возникли ещё в 1879 г. на заседаниях Киевской подкомиссии по исследованию железнодорожного дела в России. В дальнейшем они активно полемизировали в печати, и Витте признавался в мемуарах, что написал свою книгу под влиянием этих споров[25]. В своих статьях Пихно отмечал, что при монопольном характере железных дорог правительство не сможет ограничиться контролем над тарифами частных обществ, как предлагал Витте. В этом случае властям придётся взять на себя ответственность за исход дела, не имея реальных возможностей руководить им, и тем самым превратиться в «ширму» для предпринимателей и «козла отпущения» для общества. «Коммерческий тариф исходит из частнохозяйственной точки зрения, — констатировал Пихно, — а правительство должно руководствоваться народнохозяйственными принципами, при столкновении которых нельзя найти иного выхода, как только подчинить одно воззрение другому и исключить одно другим». Поэтому нужно было ввести в законодательном порядке единый тариф для всей сети, выработанный с учётом статистики товарного движения и пропорциональный расстоянию, весу и ценности груза. Ставки провозных плат следовало сделать необременительными для потребителей, но вместе с тем покрывающими расходы по эксплуатации и приносящими умеренный процент на капитал, затраченный на сооружение дорог[26].

В 1884 г. в Киеве появилась брошюра Г. Лангвилла, который представился читателям как «купец». В предисловии он указал, что не собирается вступать в дискуссию с Витте, однако на самом деле поставил под сомнение основные положения его книги и обвинил автора в приверженности «манчестерству», т.е. идеям экономического либерализма. Как отмечал Лангвилл, размер тарифа определяется не спросом, а конкуренцией между железными дорогами, и принудительно навязывается товаропроизводителям, поэтому рациональное распределение провозных плат в соответствии с экономическими потребностями страны нельзя осуществить без передачи рельсовых путей в собственность государства. Он призвал отказаться от предвзятого отношения к казённому хозяйству и недоверия к коммерческим способностям чиновников. «В Германии и теперь уже иначе смотрят на правительственные железные дороги, — напоминал Лангвилл, — и результаты ведения их столь блестящи, что там всякий беспристрастный человек сознаёт громадную пользу от приобретения их правительством». Он рекомендовал разделить руководство железнодорожным делом между несколькими ведомствами: тарифную часть сосредоточить в Министерстве финансов, техническую — в Министерстве путей сообщения, а надзор за хозяйственной частью — в Государственном контроле. Лангвилл надеялся, что «мёртвого бюрократизма» удастся избежать в случае привлечения «сведущих людей» в местные железнодорожные советы, которые проектировались Комиссией гр. Баранова[27].

---

[25] Письма Д.И. Пихно С.Ю. Витте (1906—1907 гг.) / Публ. А.Л. Дмитриева // Английская набережная, 4. Ежегодник. Вып. 2. СПб., 2000. С. 394; Из архива С.Ю. Витте: воспоминания. Т. 1. Кн. 1. СПб., 2003. С. 147, 152.

[26] *Пихно Д.И.* Недостатки железнодорожных тарифов и меры к их устранению // Киевлянин. 1884. № 48, 50, 51, 53, 56, 57, 59, 60; *Сычевский С.И.* Полемика о принципах железнодорожных тарифов // *Витте С.Ю.* Собрание сочинений... Т. 1. Кн. 1. С. 407—420. См. также: *Витте С.Ю.* По поводу статей «Недостатки железнодорожных тарифов и меры к их устранению» // *Витте С.Ю.* Собрание сочинений... Т. 1. Кн. 1. С. 446—476, 602.

[27] *Лангвилл Г.* О железнодорожных тарифах в России. Киев, 1884. С. 20—25, 34, 35, 41, 42, 44—47, 56—61. Катков положительно отозвался об этой книге: Московские ведомости. 1884. № 130.

В январе того же года инженер Н.Д. Токарский, делая доклад в Обществе для содействия русской промышленности и торговле, заявил о чрезвычайной опасности железнодорожной монополии, которая превратилась в «грандиозное зло», во «всеобщего хозяина», присвоила себе «атрибуты государственной власти» и уронила авторитет правительства. Он утверждал, что союз частных компаний с помощью тарифов управляет народным хозяйством, и необходимо вырвать это орудие из его рук. Токарский не верил в эффективность правительственного контроля над частными дорогами и выступал за выкуп всех рельсовых линий в казну, рекомендуя ориентироваться на политику Бисмарка: «Великая железнодорожная реформа Германии создала ей новую силу. Железные дороги, находясь во власти правительства, руководимого твёрдыми принципами, не замедлят показать всё их важное экономическое и государственное значение, и нам надо не упускать это из виду»[28].

В феврале 1884 г инженер Г.С. Ягубов в докладе на заседании Собрания инженеров путей сообщения сокрушался о том, что из-за просчётов правительства стальные магистрали превратились в «больного ребёнка в руках заботливой матери — государственной казны». По его словам, железные дороги в России, построенные на казённые средства, нельзя считать коммерческими предприятиями, поэтому им следовало находиться под контролем правительства. При этом Ягубов предложил свой вариант упорядочения тарифного дела в рамках действующей системы: разработать и утвердить единую классификацию транспортируемых товаров, а также постанционно-повёрстные тарифы для всех видов перевозок, предоставив инициативу в пересмотре ставок правлениям компаний, но с их последующим утверждением в МПС, в структуре которого следовало учредить эксплуатационный отдел и при нём — тарифную комиссию для оперативного обсуждения возникающих вопросов. Однако требования правительства, касавшиеся понижения провозных плат, по-прежнему должны были оставаться обязательными для акционерных обществ только при их соответствии нормам уставов[29].

Профессор политической экономии Университета св. Владимира А.Я. Антонович в рецензии на работы Витте, Лангвилла и Токарского отметил, что радикальная критика существовавшего концессионного порядка столь же опасна, как и чрезмерное увлечение принципом «хозяйственной свободы». По мнению рецензента, Витте указал способы исправления очевидных недостатков железнодорожного хозяйства без непосильных жертв со стороны государства. Он одобрил заключение автора об опасности досрочного выкупа частных линий и необходимости переходного периода к казённому железнодорожному хозяйству. Правда, Антонович оспорил тезис о «естественной гармонии» интересов акционерных обществ и экономики страны. По его мнению, монопольное положение рельсовых путей шло вразрез с интересами народного хозяйства, поэтому система тарифов нуждалась в правительственном регулировании[30].

---

[28] *Токарский Н.Д.* Железнодорожная монополия. Доклад обществу для содействия русской промышленности и торговли. Читан в извлечении 25-го января 1884 года. СПб., 1884. С. 8, 30, 56, 57, 65, 76—77, 78, 79, 84—89, 92.

[29] *Ягубов Г.С.* Железнодорожный тарифный вопрос в России и в других странах // Известия собрания инженеров путей сообщения. 1884. № 1—2. С. 22—30; № 3—4. С. 41—52.

[30] *Антонович А.Я.* Государство и железные дороги // Университетские известия. 1885. № 3. С. 125—146. См. также: *Антонович А.Я.* Железнодорожные тарифы. Лекция, читанная в 1886 году в университете св. Владимира // Инженер. Журнал Министерства путей сообщения. 1886. № 11—12. VII отдел. С. 496—507.

Позицию Витте во многом разделял инженер Н.П. Добрынин. В своей работе он обличал пороки концессионной системы — отсутствие фактического контроля над финансами компаний, их огромную задолженность казне и её крайнее обременение ежегодными приплатами по гарантии. Однако Добрынин сомневался в возможности скорого огосударствления частных линий, поскольку срок выкупа для большинства из них ещё не наступил, а его проведение было обставлено в уставах разорительными для бюджета страны условиями. Со своей стороны, он предлагал организовать эффективный контроль, поставив над каждой группой дорог «правительственного агента» с несколькими помощниками и наделив их самыми широкими полномочиями: рассматривать сметы доходов и расходов, утверждать тарифы, следить за соблюдением штатных расписаний и размером жалованья служащих, наблюдать за поставками материалов и производством работ, отправкой поездов, эксплуатацией подвижного состава, доставкой грузов, перевозкой пассажиров и т.п. Добрынин советовал также, по аналогии с судьями, законодательно закрепить независимость и несменяемость «агентов», чтобы избежать давления на них со стороны влиятельных должностных лиц [31].

Участие в дискуссии принял Н.Н. Изнар — начальник коммерческой службы казённых Полесских железных дорог, с которыми конкурировало Общество Юго-Западных железных дорог, установившее более низкие тарифные ставки. Попытка добиться их пересмотра в правительственных инстанциях встретила упорное сопротивление Витте, ставшего в 1886 г. управляющим Юго-Западными дорогами[32]. Желая задеть и раскритиковать своего противника, Изнар опубликовал в ведомственном журнале МПС статью, посвящённую анализу английского железнодорожного законодательства. В ней говорилось, что все рельсовые пути в Великобритании построены на средства частных лиц и принадлежат акционерным обществам, однако влияние государства на них значительно шире, чем в России. При этом эксплуатация дорог не только не отягощает казну, но, напротив, приносит ей солидный доход. Автор предлагал учесть английский опыт и усилить в России роль правительства в установлении тарифов на конкурирующих направлениях и заключении между компаниями соглашений о распределении грузов и выручки[33]. Позднее, рассматривая законодательство Франции, Изнар писал, что в этой стране правительство, вложив в сооружение дорог значительные суммы, выговорило себе право на гораздо более широкое вмешательство в тарифную политику, чем в Великобритании. На этом фоне особенно нелепо выглядела ситуация, сложившаяся в России, где государство фактически не имеет никаких рычагов влияния на размер провозных плат, хотя частные дороги строились преимущественно на средства казны[34].

11 июля 1886 г. Александр III одобрил положение Комитета министров о представлении акционерными обществами на утверждение правительства тарифов прямого заграничного сообщения[35]. В печати это расценили как начало огосударствления тарифного дела. «Вестник Европы» приветствовал «ре-

---

[31] *Добрынин Н.П.* Русские железные дороги и их слабые стороны. Киев, 1886. С. 59, 60.

[32] *Изнар Н.Н.* Записки инженера // Вопросы истории. 2005. № 4. С. 94—96.

[33] *Изнар Н.Н.* Законодательство Англии по вопросам о перевозках // Инженер. Журнал Министерства путей сообщения. 1886. № 2. VII отдел. С. 585—608; № 4. VII отдел. С. 1—46; № 7—8. VII отдел. С. 47—80.

[34] *Изнар Н.Н.* Законодательство Франции по тарифным вопросам. СПб., 1888. С. 2—4.

[35] ПСЗ-III. Т. 6. СПб., 1888. № 3873.

шительный шаг» к ограничению «железнодорожной автономии», признав его «правильность и целесообразность»[36]. Чупров писал в «Экономическом журнале», что «важен самый принцип, проведённый в новом законе, важно признание тарифов предметом не частного усмотрения отдельных компаний, как это было доселе, а государственного интереса». Вместе с тем он призывал к осторожности в применении закона, необходимости учитывать нужды различных групп производителей и потребителей, интересы которых далеко не всегда совпадали, особенности отдельных регионов, возможности железных дорог и задачи экономической политики. По мнению публициста, соответствующим ведомствам и местным органам власти всякий раз следовало проводить тщательные обследования, основанные на анализе статистических данных, чтобы выявить все обстоятельства, в той или иной степени влияющие на величину тарифной ставки[37].

В январе 1887 г. министром финансов стал близкий к Каткову учёный-механик и менеджер нескольких акционерных компаний И.А. Вышнеградский. В период его управления министерством (1887—1892 гг.) государственное вмешательство в развитие железнодорожного транспорта значительно усилилось: продолжалось казённое строительство рельсовых путей, были выкуплены ещё десять линий, значительно расширилась практика назначения директоров от правительства в правления акционерных обществ, ряд новых контрольно-финансовых мероприятий окончательно поставил их расходы и доходы в тесную зависимость от казначейства[38]. Уже 15 июня 1887 г. император утвердил мнение Государственного совета «о подчинении правительственному руководительству» действий частных компаний по установлению тарифов на перевозки людей и грузов. Главам заинтересованных ведомств (финансов, путей сообщения, государственного контроля и государственных имуществ) поручалась разработка соответствующего законопроекта[39].

Это придало дискуссии в печати дополнительный импульс[40]. «Нельзя не порадоваться тому, — писал Чупров в передовой статье “Русских ведомостей”, — что правительство решилось рассечь гордиев узел, препятствующий доселе правильной постановке тарифного вопроса». Однако он по-прежнему призывал власти не впадать в крайности: с одной стороны, избегать формализма при контроле над провозными платами, с другой — не допускать мелочной регламентации, «шаблонных решений» и произвольной замены действующих ставок[41]. Против чрезмерного вторжения бюрократии в систему тарифов выступил редактор-издатель «Экономического журнала» А.П. Субботин, опасавшийся крайностей протекционизма. По его словам, железнодорожное хозяйство «стоит на границе частного и общественного права — тарифное дело также должно вмещать в себе элементы того и другого». Выкуп частных линий с учётом неоплатных долгов компаний казне представлялся ему «справедливым»

---

[36] Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1886. № 10. С. 813.

[37] *Чупров А.И.* О способах государственного вмешательства в железнодорожные тарифы // Экономический журнал. 1887. № 1. С. 123—130.

[38] *Соловьёва А.М.* Указ. соч. С. 159—163, 181—185; *Степанов В.Л.* Контрольно-финансовые мероприятия... С. 43—50, 52—55, 59—66.

[39] ПСЗ-III. Т. 7. СПб., 1889. № 4584.

[40] Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1887. № 9. С. 392; Московские ведомости. 1887. № 79; Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1887. № 8. С. 192—194.

[41] *Чупров А.И.* О подчинении железнодорожных тарифов правительственному руководительству // Русские ведомости. 1887. № 205.

и «естественным», но неосуществимым при хроническом дефиците бюджета. «Кроме того, — отмечал он, — опыт казённого заведования железными дорогами далеко не вызывает розовых ожиданий». Субботин предлагал решить тарифную проблему с помощью соглашений между акционерными обществами под руководством правительства, как это успешно практиковалось в североамериканских штатах. Правда, он полагал, что для этого административные структуры должны располагать точными данными об экономическом положении той или иной местности, её связях с другими регионами и направлениях грузопотоков.[42]

Инженер И.П. Борзов в объёмном труде, возражая критикам концессионной системы, видел в истории строительства рельсовых путей немало «отрадных явлений» и призывал отнестись к периоду железнодорожного бума «более снисходительно и сочувственно». Допущенные в новом деле «ошибки и увлечения» он объяснял скорее «искренними желаниями экономического улучшения», а не спекуляциями и алчными побуждениями. Борзов считал ошибочным мнение экономистов, предсказывавших установление «абсолютного государственного режима» на железнодорожном транспорте. Он признавал, что по мере своего развития рельсовые пути приобрели характер «общественного национального учреждения», поэтому рано или поздно их функционирование потребует правительственной регламентации в полном объёме, но пока речь могла идти только о «внешней», контролирующей роли, а не о строительстве и эксплуатации линий. По мнению автора, вопрос о преимуществах казённого и частного управления дорогами ещё предстояло выяснить. Борзов утверждал, что цель железнодорожной политики должна заключаться в достижении гармонии или, по крайней мере, компромисса между принципами «общегосударственной полезности» и «экономической выгодности»[43].

Против сторонников сохранения дорог в руках частных компаний выступил магистр политической экономии Н.Е. Гиацинтов, спустя несколько лет ставший членом Тарифного комитета Министерства финансов, а в дальнейшем занимавший пост директора Департамента железнодорожных дел. В своей диссертации он критиковал порядок установления провозных плат на линиях акционерных обществ, который отличался неясностью, неустойчивостью, неравномерностью на разных дорогах и направлениях, указывал на несоответствие цены перевозок с подлинной стоимостью транспортировки товаров и т.п. Гиацинтов считал книгу Витте единственным крупным специальным исследованием в данной области, однако признал выводы автора неприемлемыми, так как тот склонен видеть в железных дорогах коммерческие предприятия, поэтому рекомендованный им путь решения тарифного вопроса представляется «неверным и опасным». Он утверждал, что конкуренция и рыночные механизмы не колеблют монопольного положения компаний, не влияют на размер провозных плат и не могут служить стабилизирующим фактором. В связи с этим требовалось вмешательство правительственной власти как «представительницы и защитницы общих интересов». Ссылаясь на опыт государственного регулирования тарифов в Великобритании и Франции, Гиацинтов считал, что подобные меры «во многих случаях представляются недействительными и могут повлечь

---

[42] *Субботин А.П.* Тарифный вопрос на русских железных дорогах. СПб., 1887. С. 2, 32—33, 36—37.

[43] *Борзов И.П.* Методы исследования экономических задач железнодорожных предприятий. СПб., 1887. С. 96—97, 131—132, 342, 361.

за собой только частичное, большей частью случайное исправление недостатков принятой железными дорогами тарифной политики». Поэтому единственным выходом оставалась передача казне не только тарифов, но и эксплуатации рельсовых путей. Это позволило бы ввести систему провозных плат в общую систему народного хозяйства и экономической политики государства, нацеленной не на получение прибыли, а на соблюдение интересов потребителей[44].

В 1888 г. вышла в свет докторская диссертация профессора политической экономии Петербургского университета П.И. Георгиевского, посвящённая финансовым отношениям железнодорожных компаний и государственной власти на Западе и в России. В ней констатировалось, что акционерные общества, сливаясь в крупные объединения, превратились в «громадную силу», способную подчинить себе государство и заставить его служить своим целям. Сравнивая достоинства и недостатки частного и казённого заведования дорогами, автор высказывался в пользу государственного управления, которое обладает бóльшими финансовыми возможностями, обеспечивает централизацию и планомерность в развитии сети, а также унификацию способов её эксплуатации и упорядочение тарифов. «Неподкупность, беспартийность, исполнительность, а потому и больший порядок, бóльшая быстрота, бесспорно, выгодно отличают казённые железные дороги от частных», — писал Георгиевский. Он превозносил «энергию и настойчивость» Бисмарка, высоко оценивая «разумную бережливость» и «неуклонную последовательность» германского правительства при выкупе рельсовых путей. «Почему у нас в России не позаимствовались у Пруссии, а брали пример с Франции, с Австрии, да и то более в интересах частных обществ, чем государства, как будто более сходства было в условиях развития железных дорог у России с Францией, чем с Пруссией?», — недоумевал профессор. Он положительно отзывался о действиях властей по установлению контроля над линиями акционерных обществ, но называл их «полумерами». По его мнению, только «экспроприация» государством всех частных магистралей по их строительной стоимости или доходности могла разрешить крайне запутанный железнодорожный вопрос[45].

Пихно, к тому времени уже профессор Университета св. Владимира, также издал свою докторскую диссертацию, в которой развивал высказанные несколько лет назад соображения. Он доказывал, что концессионно-коммерческая система является «вредной и опасной» для народного хозяйства, поскольку не обеспечивает гласность, устойчивость, общедоступность, равенство и дешевизну тарифов. При этом правительственный контроль над частными дорогами не в состоянии ограничить произвол акционерных обществ, так как чиновники не могут вникать во все детали их деятельности и не имеют чётких инструкций для своих действий. Пихно вновь призвал ввести единый государственный тариф для всей сети, который должен быть «классным» (учитывающим ценность перевозимых грузов) и «дифференциальным» (отражающим стоимость транспортировки), а также соответствующим экономическим условиям страны, состоянию ведущих отраслей промышленности, территориальному размещению предприятий и рынков сбыта. Однако, по мнению

---

[44] *Гиацинтов Н.Е.* Основания организации тарифного дела на железных дорогах. М., 1887. С. 4—5, 10—11, 36—37, 56—57, 59—60, 93, 137—138, 154, 156, 170—173, 197, 220, 227—243. По мнению Каткова, в книге Гиацинтова тарифный вопрос разрешался «самым удовлетворительным образом» (Московские ведомости. 1887. № 112).

[45] *Георгиевский П.И.* Финансовые отношения государства... С. 104, 271—283, 263, 312—313, 327—328.

профессора, подобная тарифная система может функционировать только при государственной собственности на железные дороги[46].

С Пихно во многом был солидарен инженер М.А. фон Эссен, выступивший в октябре—ноябре 1888 г. с лекциями в петербургском Институте инженеров путей сообщения. Он говорил о некоммерческой сущности частных дорог-монополистов, живущих «одним настоящим днём» и заботящихся только о своей выгоде. Лектор заявил, что эти компании в принципе не способны на большее, поскольку только государственная власть в состоянии защитить интересы как отдельных лиц и местностей, так и всего народного хозяйства. Эссен одобрил действия Министерства финансов по смягчению остроты конкуренции между акционерными обществами и ограничению тарифного произвола, однако, как и Георгиевский, рассматривал их как временные меры. Выход он видел только в «отобрании» у компаний рельсовых путей с уплатой всей их стоимости за вычетом вложенных правительством сумм. Однако лектор признал, что немедленному осуществлению подобной операции препятствуют ограниченные финансовые средства казны и установленные сроки выкупа дорог (последний из них истекал лишь через 20 лет). Поэтому правительству приходилось постепенно двигаться к созданию собственного железнодорожного хозяйства, приобретая по возможности частные линии и прокладывая новые магистрали[47].

Закон 8 марта 1889 г. ввёл государственную монополию на тарифы, сосредоточив руководство ими в финансовом ведомстве, где учреждались Совет по тарифным делам для решения общих вопросов, Тарифный комитет для обсуждения текущих проблем и Департамент железнодорожных дел для координации деятельности этих органов, а также контроля над доходами и расходами частных компаний[48]. Чупров с оптимизмом приветствовал долгожданную реформу. «Недалеко то время, — предсказывал он, — когда железнодорожные тарифы, доныне служившие лишь коммерческим выгодам предпринимателей, будут урегулированы соответственно требованиям населения, промышленности и государственных финансов». Вместе с тем Чупров понимал необходимость учитывать мнения тех, кто на практике сталкивался с реалиями экономической жизни. Особое значение он придавал съездам представителей частных дорог, которым разрешалось вносить предложения об изменении, дополнении и пересмотре размеров провозных плат, а также участию в Совете по тарифным делам выборных от железнодорожных обществ и лиц, близко знакомых с интересами горнозаводской промышленности, сельского хозяйства и торговли[49].

Возглавив Департамент железнодорожных дел Министерства финансов, Витте переориентировался на интересы казны и скорректировал свои взгляды. Однако, несмотря на свои заявления о положительных сторонах казённого хозяйства, он, как и ранее, был убеждён в том, что полное огосударствление железнодорожного транспорта может нанести экономике существенный ущерб. Вместе с Вышнеградским (своим бывшим начальником в Обществе

---

[46] *Пихно Д.И.* Железнодорожные тарифы. Опыт исследования цены железнодорожной перевозки. Киев, 1888. С. 91, 120—122, 155—156, 201, 208—209, 222—228, 231—233, 254—255.

[47] *Эссен М.А., фон.* О железнодорожных тарифах в России. Публичные лекции, читанные в Институте инженеров путей сообщения императора Александра I 17-го октября и 14 ноября 1888 г. СПб., 1889. С. 4—6, 28—32.

[48] *Соловьёва А.М.* Указ. соч. С. 163—165.

[49] *Чупров А.И.* Тарифные меры 1889 года // Русские ведомости. 1889. № 241.

Юго-Западных железных дорог) Витте задумал выкупить все линии, требовавшие приплат по гарантии, а высокодоходные дороги объединить в крупные компании. Поэтому, продолжая укреплять государственный сектор, Министерство финансов взяло курс на поддержку рентабельных акционерных обществ, передавало им некоторые малодоходные казённые пути и даже заключало с ними соглашения о строительстве новых магистралей.

Это привело к усилению конфронтации с МПС и контрольным ведомством, которые по-прежнему добивались огосударствления всей рельсовой сети. Борьба между ними достигла особой остроты на рубеже 1891—1892 гг., и в итоге Министерство финансов при поддержке Бунге, занимавшего тогда пост председателя Комитета министров, одержало победу. В дальнейшем Витте, сменивший Вышнеградского в 1892 г., продолжил выкуп частных линий. Если в 1880 г. государству принадлежало только 4% сети, то в начале 1890-х — более трети, а к началу XX в. — почти две трети. Одновременно ряд рентабельных акционерных обществ был преобразован в восемь крупных транспортно-промышленных предприятий, которые создавались путём слияния нескольких частных дорог. Правительство сдавало им в долгосрочную аренду соседние казённые линии и предоставляло право на сооружение рельсовых путей в пределах Европейской России. В сфере действия новых компаний находилось почти 96% всей частной рельсовой сети. При расширении обществ в их уставы вносились дополнительные статьи, закреплявшие права государства на часть полученной ими прибыли. В нескольких компаниях казне принадлежал крупный пакет акций, что позволяло правительству существенно влиять на их деятельность[50].

Общественность сразу же уловила поворот в политике финансового ведомства. «Русская мысль», отметив начало «новой эры в железнодорожном деле», признала мотивы министерства «неубедительными» и высказалась за «скорейший» выкуп всех линий и переход к их эксплуатации государством[51]. Чупров, напротив, одобрил укрупнение жизнеспособных акционерных обществ, позволявшее покончить с прежним обычаем всякий раз учреждать новую компанию для строительства очередной линии. Он указал на ряд преимуществ более масштабных предприятий перед мелкими: они могут экономить на издержках по управлению и эксплуатации, уравновешивать убытки одной дороги прибылями другой, получать кредиты на более выгодных условиях и др. Оставаясь сторонником казённого железнодорожного хозяйства, Чупров, однако, считал вполне целесообразным снять с плеч государства тяготы заведования хотя бы частью сети и освободить его от излишних хлопот, если это выгодно и для бюджета, и для дальнейшего развития транспортных коммуникаций. «Мы имеем перед собой целую новую систему, — с явным удовлетворением писал экономист, — которая готовится заступить место проводившейся до сих пор политике сосредоточения железных дорог в руках казны». Вместе с тем Чупров напоминал о необходимости максимального соблюдения интересов государства, т.е. подтверждения его права устанавливать тарифы и, в случае надобности, в короткий срок выкупать обратно на необременительных условиях ранее переданные компаниям линии[52].

---

[50] *Соловьёва А.М.* Указ. соч. С. 236—248.

[51] Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1891. № 4. С. 227—233.

[52] *Чупров А.И.* Об образовании крупных железнодорожных обществ и поручении им постройки новых линий // Русские ведомости. 1891. № 56, 81; 1893. № 207.

Военный инженер В.К. Петерсен, сомневаясь в способностях «казны-хозяйки», ратовал в «Вестнике Европы» за симбиоз государственного и частного управления, предложив полностью выкупить все линии и сдать их в срочную аренду предпринимателям. Тем самым, если ранее правительство гарантировало компаниям определённый процент дохода, то в этом случае оно само регулярно получало бы от них арендную плату. Кроме того, в договорах следовало зафиксировать предельные тарифы и порядок эксплуатации дорог временными хозяевами, чтобы избежать случаев произвола с их стороны. «Идеальным» Петерсену казался и другой вариант: оставить рельсовые линии и подвижной состав (локомотивы) в собственности государства, а вагонный парк передать частным лицам. Тогда дороги в значительной степени утратили бы монопольный характер, а компании в условиях конкуренции получили бы стимул для постоянного обновления и совершенствования своих перевозочных средств[53].

Георгиевский по-прежнему продолжал критиковать как частную, так и смешанную систему железнодорожного транспорта. По его наблюдению, опыт России и ряда других стран свидетельствовал о том, что альянс акционерных обществ и государства неизбежно приводил к вынужденной поддержке казной частных дорог и непомерным расходам бюджетных средств. Однако рельсовые пути не могли оставаться в распоряжении компаний, поскольку их постоянно возраставшая монополия была «несправедлива» по отношению к интересам общества, «вредна» для экономического роста страны и «опасна» для государственных устоев, учитывая то, что крупные железнодорожные объединения стремятся подчинить себе правительственную власть[54].

В конспекте лекций по экономической тематике, прочитанных в 1900—1902 гг. вел. кн. Михаилу Александровичу, Витте подвёл итог многолетним спорам. «В железнодорожном деле, — отмечал он, — сосредоточивается и перекрещивается такая масса разнообразных и важных интересов, что оставлять дороги в бесконтрольном владении частных предпринимателей представляется крайне рискованным. Частное предприятие имеет свои собственные задачи и интересы и, следовательно, в лучшем случае, при совершенно правильном ведении частного дела, интересы населения, а тем более интересы общегосударственные, могут отойти на второй план. Поэтому управление железными дорогами непосредственно правительственной властью является формой, наиболее обеспечивающей удовлетворение дорогами их назначения». Вместе с тем Витте указал и недостатки казённого хозяйства: «Железные дороги, особенно в России, должны нередко выходить из границ чисто перевозочного предприятия и отвечать различным потребностям населения, как, например, устройством элеваторов, оборудований пристаней, организацией ссудных и других побочных операций и т.п. На все такие потребности частная предприимчивость способна отзываться гораздо скорее, чем казённое управление, по необходимости стеснённое многими формальностями. Мудрой политикой в железнодорожном деле нужно признать ту, которая соединяет казённое управление с частным, но то и другое в меру необходимости и полезности в данное время. Угадать эту меру, может быть, нелегко, но зато такое сочетание даёт наилучшие плоды»[55].

---

[53] *Петерсен В.К.* Казна и железнодорожное дело // Вестник Европы. 1891. № 11. С. 278—283.

[54] *Георгиевский П.И.* Исторический очерк развития путей сообщения в XIX веке. СПб., 1893. С. 94—95.

[55] *Витте С.Ю.* Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных его императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу в 1900—1902 гг. СПб., 1912. С. 348—349.

Развернувшаяся в печати дискуссия о масштабах огосударствления железнодорожного транспорта протекала параллельно с борьбой по этому вопросу в правительственных кругах. Большинство экономистов и публицистов, учитывая успехи политики Бисмарка в деде выкупа частных линий, выступали за передачу рельсовых путей в казну. Подобная позиция вполне соответствовала общему усилению протекционистских тенденций в экономике при Александре Ш. Наиболее радикальные сторонники казённого хозяйства требовали досрочного и принудительного выкупа всех частных линий, что нарушало бы условия действующих концессий и уставы акционерных обществ, которые утверждались императором и обладали силой закона. Однако такой шаг мог подорвать государственный кредит, вызвав сомнения в способности правительства выполнять свои обязательства. Кроме того, единовременное проведение выкупной операции было непосильно для казны, поскольку приобретение убыточных дорог не сулило в ближайшем будущем существенных прибылей, а выкуп рентабельных магистралей по их чистому доходу требовал крупных затрат, Поэтому даже некоторые приверженцы казённого хозяйства высказывались за осуществление этой меры в сроки, предусмотренные уставами компаний.

Противники выкупа всей рельсовой сети учитывали то, что российские магистрали из-за своей протяжённости имели низкую загруженность и не могли приносить такие же высокие доходы, как, например, в небольшой по площади Пруссии, где железные дороги использовались гораздо более интенсивно. На обширных пространствах России центральным ведомствам и их местным органам было бы сложно управлять огромной по масштабам железнодорожной отраслью, поэтому участие частных компаний в сооружении и эксплуатации новых линий являлось необходимым. Это позволяло также более широко привлекать в строительство иностранные капиталы не только путём заключения государственных займов, но и в форме гарантированных правительством займов акционерных обществ. К тому же частные компании лучше адаптировались к местным условиям и активнее проявляли коммерческую инициативу.

Дискуссии в печати стали примером взаимодействия власти и общества по одному из наиболее актуальных вопросов экономической политики. Такие её участники, как Бунге и Витте, заняв влиятельные посты в правительстве, выступили за сохранение частного сектора на железнодорожном транспорте. В итоге Министерству финансов удалось, вопреки оппозиции части высшей бюрократии, а также критике со стороны учёных и публицистов, отстоять компромиссный вариант государственного регулирования — смешанную систему железнодорожного хозяйства.

«Между Сциллой и Харибдой»: к вопросу о назначении Н.К. Гирса министром иностранных дел России

Владимир Куликов

«Between Scylla and Charybdis»: on the appointment of N.K. Girs as Minister of Foreign Affairs of the Russia

Vladimir Kulikov
(Russian State University for the Humanities, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870012935-9

Процесс принятия кадровых решений правительством императорской России в отечественной историографии изучен недостаточно полно. Лишь в последнее время появились работы, затрагивающие различные аспекты данной темы как на высшем, так и на региональном уровне[1]. В этой связи значительный интерес представляет исследование вопроса о назначении Николая Карловича Гирса министром иностранных дел. Впервые этот вопрос был затронут в моём диссертационном исследовании[2]. Источниковой основой данной статьи послужили документы АВПРИ и ГА РФ, дневники и воспоминания высокопоставленных чиновников (военного министра Д.А. Милютина, дипломата Ю.С. Карцова, сенатора и цензора Е.М. Феоктистова), а также материалы ведущих петербургских газет того времени, уделявших значительное внимание вопросам внешней политики. Биографические сведения о дипломатах, фигурировавших среди возможных претендентов на пост главы внешнеполитического ведомства, взяты в основном из научной и справочной литературы.

Н.К. Гирс родился 9 мая 1820 г. в Волынской губ. Он происходил из дворянского рода шведского происхождения, его предки служили России с середины XVIII в. Завершив обучение в Царскосельском лицее (1838), он поступил на дипломатическую службу и прошёл все ступени карьерной лестницы. Начав службу младшим помощником столоначальника в Азиатском департаменте МИД, он в 1841 г. был переведён в заграничный аппарат ведомства. В 1849 г. женился на О.Е. Кантакузен — племяннице кн. А.М. Горчакова[3], будущего министра иностранных дел. Это обстоятельство сыграло немаловажную роль в его карьере. В 1856 г. Гирс получил первую самостоятельную долж-

© 2021 г. В.И. Куликов

[1] *Бикташева А.Н.* Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX в. М., 2012; *Любичанковский С.В.* Механизмы карьерного роста и падения реформаторов эпохи Александра II: казус П.А. Валуева и Е.И. Барановского // Уральский исторический вестник. 2015. № 4; *Семёнова Н.Л.* Гражданские губернаторы Оренбургской губернии: механизм и мотивы их назначения и увольнения (конец XVIII — первая четверть XIX века) // Новый исторический вестник. 2016. № 2; *Кунавин К.С.* Карьера Б.П. Мансурова как пример взаимоотношений «правительство—чиновничество» во второй половине XIX в. // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2016. Т. 21. Вып. 5—6; и др.

[2] *Куликов В.И.* Борьба в России по вопросам внешней политики (1878—1881 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. С. 16.

[3] *Ламздорф В.Н.* Дневник. 1894—1896 / Сост. И.А. Дьяконовой. М., 1991. С. 443.

ность — генерального консула в Египте, а через два года — в Молдавии и Валахии. В 1863—1875 гг. он последовательно возглавлял дипломатические представительства в Тегеране (Персия), Берне (Швейцария) и Стокгольме (Швеция), в 1875 г. переведён в центральный аппарат министерства, где стал товарищем министра и одновременно директором Азиатского департамента[4]. Наконец, в марте 1882 г., после отставки Горчакова, Гирс получил должность министра иностранных дел и занимал её до своей кончины в 1895 г. Однако этому назначению предшествовал довольно продолжительный период политической неопределённости, закулисных интриг и ожесточённой борьбы.

Внешнеполитическое ведомство занимало особое положение в министерской системе императорской России. Во-первых, оно, наряду с Военным и Морским министерствами, находилось под постоянным вниманием со стороны монархов. Министр иностранных дел фактически являлся помощником императора в вопросах внешней политики. Во-вторых, руководители ведомства, как правило, занимали этот пост достаточно долго. Рекордсменом был К.В. Нессельроде, возглавлявший МИД, несмотря на смену трёх императоров, почти 40 лет. Да и предшественник Гирса Горчаков управлял министерством более четверти века[5].

Процесс разработки и принятия внешнеполитических решений не был в полной мере урегулирован на законодательном уровне и в значительной степени основывался на унаследованных от прошлого традициях. Исключительными прерогативами в этой области пользовался носитель верховной власти — император. Ему непосредственно подчинялось Министерство иностранных дел. Возглавивший его в апреле 1856 г. Горчаков имел к тому моменту почти 40-летний опыт дипломатической работы, глубоко знал все её тонкости и сумел провести ряд реформ. Начал он с того, что добился отмены введённого в 1851 г. для выпускников Царскосельского лицея ограничения поступать на службу в МИД[6]. Позже успешно осуществил другие преобразования: принято новое «Учреждение Министерства иностранных дел» (май 1868 г.); реорганизован центральный аппарат; значительно расширена сеть дипломатических и консульских представительств; для желающих поступить на службу введены строгие экзамены; усилено коллегиальное начало в принятии решений, для чего стали регулярно созываться межведомственные Особые совещания по вопросам внешней политики, к работе которых привлекались министры (военный, морской, финансов и др.), послы и посланники, военные чины[7].

Вместе с тем осуществление этих преобразований не привело к преодолению кастовой замкнутости министерства. Не удалось также полностью изба-

---

[4] *Рыбачёнок И.С.* Брак по расчёту. Н.К. Гирс и заключение русско-французского союза // Российская дипломатия в портретах / Под ред. А.В. Игнатьева, И.С. Рыбачёнок, Г.А. Санина. М., 1992. С. 257—259.

[5] *Похлёбкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Вып. 1. М., 1992. С. 220; Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801—1917 / Отв. ред. Д.И. Раскин. Т. 4. СПб., 2004. С. 12—13.

[6] АВПРИ, ф. 159, оп. 731, д. 27, л. 45 об. Благодаря этому Царскосельский (Александровский) лицей занял лидирующие позиции в подготовке чиновников для внешнеполитического ведомства, каждый десятый его выпускник шёл на службу в МИД. Поэтому неудивительно, что шесть руководителей министерства второй половины XIX — начала XX в. являлись выпускниками лицея, а совокупное время их пребывания на посту составило более полувека.

[7] *Игнатьев А.В.* А.М. Горчаков — министр иностранных дел (1856—1882) // Отечественная история. 2000. № 2. С. 4—5; *Хевролина В.М.* Министерство иностранных дел России в 1856—1878 гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 8—11, 17—18.

виться от ведомственного соперничества (прежде всего с Военным министерством). Сохранялась определённая обособленность Азиатского департамента, что затрудняло координацию внешнеполитической деятельности государства в целом.

Важнейшей новацией при Горчакове стало взаимодействие с прессой. К официальной печати в тот период относились газеты «Правительственный вестник», «Русский инвалид», «Journal de Saint-Petersburg» (последняя издавалась на французском языке и считалась органом МИД)[8]. Правительство использовало их для публикации официальных сообщений. В АВПРИ сохранились черновые варианты статей, подготовленных чиновниками МИД для газет[9]. Однако официальная печать считалась в правительственных кругах неподходящим местом для ведения полемики — в особенности по вопросам внешней политики. Опрометчивая статья могла бросить тень на правительство и даже привести к осложнению отношений с другими странами. Это вынуждало прибегать к официозу, т.е. газетам, выражавшим точку зрения правительства, но при этом не являвшимся его органами. У министерства и лично Горчакова на рубеже 1870—1880-х гг. таковым являлась петербургская газета «Голос»[10], издававшаяся журналистом А.А. Краевским. Статьи для неё обычно писал помощник министра старший советник МИД А.Г. Жомини, прекрасно владевший пером.

Конечно, ведомство стремилось влиять и на другие газеты. Как следует из объяснений П.А. Сабурова, занимавшего видное место в дипломатической иерархии тех лет, поощрялось налаживание личных связей между отдельными дипломатами и редакторами газет[11]. Результатом таких контактов являлось, как правило, появление в прессе инспирированных министерством статей.

Связь между дипломатическим ведомством и издателями газет не сводилась только к манипулированию прессой со стороны МИД. В условиях политического кризиса рубежа 1870—1880-х гг. пресса вышла из-под контроля правительства и получила возможность влиять на формирование общественного мнения. Так, например, военный министр Д.А. Милютин сетовал на немцев, которые «не хотят верить, что, несмотря на самодержавное правление, у нас журналистика может иметь известную свободу в выражении мнений о вопросах внешней политики»[12]. Безусловно, определение цели и задач таковой происходило в высших правительственных и дипломатических сферах, куда не было доступа журналистам. Они могли только догадываться, что творится в министерских кабинетах. Но, освещая то или иное событие международной жизни, давая ему собственную оценку, они тем самым оказывались причастными к выработке курса. Это влияние, конечно, не следует преувеличивать. Для изучаемого периода оно знаменательно прежде всего как новое явление, не имевшее самостоятельного значения ранее.

На участие в разработке и осуществлении внешней политики страны претендовало также Военное министерство. Особенно преуспело оно в решении

---

[8] *Чернуха В.Г.* Правительственная политика в отношении печати. 60—70-е годы XIX века. Л., 1989. С. 83—84; *Рыбачёнок И.С.* Реформирование российского МИД в 1802—1914 гг.: основные этапы, тенденции и результаты // Российская история. 2020. № 6. С. 106.

[9] АВПРИ, ф. 133, оп. 470, 1879 г., д. 111, л. 327, 331—335, 341—345 и др.

[10] *Сказкин С.Д.* Конец австро-русско-германского союза. М., 1974. С. 92.

[11] ГА РФ, ф. 677, оп. 1, д. 479, л. 18.

[12] *Милютин Д.А.* Дневник / Под ред. П.А. Зайончковского. Т. 3. М., 1950. С. 162.

вопросов азиатской политики. Отчасти это объяснялось ролью военного фактора в политике России в регионе. Но немаловажное значение имела, конечно, и личность самого Милютина, занимавшего должность главы ведомства с мая 1861 г. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. он приобрёл исключительное влияние на Александра II[13], присутствовал при всех докладах Горчакова и Гирса императору. С ним искали сближения дипломаты, мечтавшие когда-либо сесть в кресло министра иностранных дел. Тот же Гирс без поддержки Милютина не решался ни на один серьёзный шаг.

Сильной стороной военного министра было наличие собственной программы. Он выступал за восстановление союзнических отношений с Германией, мечтал об объединении балканских государств в конфедерацию и настаивал на проведении твёрдой политики в Средней Азии. Несмотря на очевидную наивность и политический романтизм некоторых положений (это в первую очередь относится к его записке о Балканской конфедерации, подробно исследованной в монографии Н.С. Киняпиной[14]), само наличие такой программы свидетельствовало о серьёзности намерений и прочности позиций Милютина в правительстве.

Впрочем, ему приходилось считаться с оппозицией в собственном ведомстве. Ряд влиятельных генералов (М.Д. Скобелев, М.Г. Черняев, Р.А. Фадеев) разделяли внешнеполитические воззрения славянофилов, недовольных уступками на Берлинском конгрессе. Кроме того, Скобелев фактически возглавил группировку сторонников союза с Францией. Определённые проблемы создавал и туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман, настаивавший на проведении наступательной политики. Милютину нередко приходилось сдерживать воинственные устремления части военных кругов и русской администрации в этом регионе.

Совершенно иным было положение в МИД. Там на рубеже 1870—1880-х гг. царила атмосфера неопределённости. Формально во главе ведомства находился Горчаков. Талант, огромный государственный опыт и независимость характера справедливо снискали ему заслуженную славу выдающегося дипломата. До начала Восточного кризиса середины 1870-х гг. он уверенно держал в руках все нити управления внешней политикой. Ситуация стала меняться в период русско-турецкой войны, когда возросло значение военных кругов в принятии политических решений. Преклонный возраст и болезни не позволяли Горчакову с прежней энергией участвовать в осуществлении внешней политики страны. Последние годы его пребывания на посту оказались отягощены серьёзными политическими разногласиями с императором и его ближайшим окружением[15]. Канцлер настолько сдал физически, что Александр II не желал видеть его во главе российской делегации на Берлинском конгрессе и упорно искал предлог для его отстранения. В итоге Горчаков отправился на конгресс и формально считался первым уполномоченным России, но из-за состояния здоровья смог принять участие лишь в трёх заседаниях[16].

---

[13] *Киняпина Н.С.* Дипломаты и военные. Генерал Д.А. Милютин и присоединение Средней Азии // Российская дипломатия в портретах. С. 235.

[14] *Киняпина Н.С.* Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878—1898). М., 1994. С. 14—20.

[15] *Сказкин С.Д.* Дипломатия А.М. Горчакова в последние годы его канцлерства // *Сказкин С.Д.* Избранные труды по истории. М., 1973. С. 413—414.

[16] *Рыбачёнок И.С.* Россия и Берлинский конгресс 1878 года // Новая и новейшая история. 2018. № 3. С. 159.

Всё это предвещало скорую отставку. Предположения об этом появились в русской прессе сразу после окончания конгресса[17]. Ожидавшийся уход канцлера с политической арены освобождал пост министра, овладение которым могло означать установление контроля над внешней политикой со стороны той или иной группировки. В правительственных кругах началась закулисная борьба за «наследство» Горчакова, в которую включились три политические группировки: германофильская, профранцузская и славянофильская. Каждая имела собственную программу, пользовалась поддержкой видных государственных деятелей, боролась за влияние на монарха, а также стремилась установить контроль над министерством.

Наибольшим весом обладали сторонники восстановления традиционной русско-германской дружбы и остзейское дворянство, занимавшие ответственные посты в государственном аппарате. По моим подсчётам, в 1879 г. доля лиц немецкого происхождения в личном составе МИД составила 32,2%, а если учитывать только высших чиновников ведомства, то цифра возрастёт до 41,6%[18]. Так, например, во главе Департамента внутренних сношений с марта 1875 г. находился барон Ф.Р. фон дер Остен-Сакен; Департамент личного состава и хозяйственных дел в 1870—1879 гг. возглавлял А.Ф. Гамбургер, а с конца 1879 г. — барон В.А. Фредерикс; пост директора Канцелярии МИД с 1875 г. занимал А.А. Миллер; старшим советником министерства являлся барон А.Г. Жомини; министерскими архивами — Санкт-Петербургским и Московским — руководили бароны Д.Ф. Стуарт и Ф.А. Бюлер[19]. Видимо, это дало основание редактору «Московских ведомостей» М.Н. Каткову иронично называть МИД «иностранным министерством русских дел»[20]. Не меньшую роль играли династические связи Романовых и Гогенцоллернов. Александр II приходился племянником Вильгельму I, супруга Александра II Мария Александровна была до замужества гессен-дармштадтской принцессой. Германофильские симпатии императора были широко известны, этот важный политический фактор не могли не учитывать в министерстве.

Особый характер отношений между двумя странами отражался на дипломатической практике. После образования Германской империи (1871) представительства России при германских княжествах не были закрыты. По состоянию на 1879 г., помимо посольства в Берлине, функционировали миссии в Веймаре, Гамбурге, Ганновере, Дармштадте, Дрездене, Карлсруэ, Мюнхене и Штутгарте[21]. Из представителей высшей политической элиты за сохранение традиционных связей с Германией выступали военный министр Милютин, директор Азиатского департамента Гирс, посол России в Лондоне П.А. Шувалов, П.А. Сабуров, возглавлявший русскую миссию в Афинах, а затем посольство в Берлине. Последний являлся, пожалуй, самым активным приверженцем русско-германского союза. Все эти государственные деятели (за исключением Шувалова) рассматривали в качестве главного соперника на международной арене Англию и в сближении с Германией видели ей противовес.

---

[17] Русский мир. 1878. 26 июля.

[18] Подсчитано по: АВПРИ, ф. 159, оп. 713, д. 25.

[19] Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802—1902. СПб., 1902. Приложения. С. 4—6; Высшие и центральные государственные учреждения... Т. 4. С. 16—17, 19, 21—23.

[20] См.: *Феоктистов Е.М.* Воспоминания. За кулисами политики и литературы. 1848—1896 / Под ред. Ю.Г. Оксмана. Л., 1929. С. 62.

[21] Очерк истории Министерства иностранных дел... С. 8—14.

Другой влиятельной группировкой выступали сторонники сближения с Францией. Она состояла из двух сегментов. Ядро составляли либерально настроенные круги высшей бюрократии. Превращение Германии в первоклассную военную державу, вызвавшее тревогу в военных кругах страны, вовлекло в профранцузскую группировку часть военной элиты, надеявшуюся нейтрализовать угрозу. Однако окончательной консолидации этой группировки препятствовал ряд обстоятельств: ослабление Франции после франко-прусской войны, её пассивность в восточном вопросе, острое соперничество с Англией, социально-политический кризис в самой России. Кроме того, государственные деятели, отстаивавшие русско-французскую комбинацию, расходились по другим внешнеполитическим вопросам. Так, Горчаков и Скобелев, возглавлявшие «партии» профранцузской ориентации соответственно в МИД и Военном министерстве, по-разному смотрели на курс на Балканах и в Средней Азии[22].

Третья влиятельная группировка — славянофильская — постепенно утрачивала позиции. Это было закономерно в свете русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и последующих событий. Тяжёлые последствия войны для России развенчали панславистский романтизм, отрезвляюще подействовали на общественное мнение. Московские славянофилы продолжали вести шумную пропагандистскую кампанию в прессе, резко критиковали русскую дипломатию[23]. Конечно, это производило впечатление на часть общества и на иностранных наблюдателей, поддерживая у тех страх перед панславистской угрозой, якобы исходящей от России[24]. Но на деле панславизм уже не являлся серьёзной силой в определении курса внешней политики страны. Так, правительство легко и быстро расправилось с признанным главой движения И.С. Аксаковым, выслав его из Москвы после обличительной речи, произнесённой им в адрес русской дипломатии за подписание ею Берлинского трактата.

Понимая свою внутреннюю слабость, наиболее дальновидные представители славянофильской общественности предпочли вступить в блок с той частью правящих кругов, которая разделяла те или иные их воззрения. Большие надежды они связывали с верхушкой русской военной администрации на Балканах — императорским комиссаром в Болгарии кн. А.М. Дондуковым-Корсаковым, главнокомандующим русской армией на Балканах генералом Э.И. Тотлебеном и др. Но настоящим кумиром был Н.П. Игнатьев. Рупором этой группировки по вопросам внешней политики выступали ежедневные газеты «Новое время» А.С. Суворина и «Русский мир» генерала Черняева.

Все эти сложные политические расклады приходилось принимать во внимание при решении вопроса о выборе нового руководителя дипломатического ведомства. Основными претендентами на пост после Берлинского конгресса считались два сановника — Н.П. Игнатьев и П.А. Шувалов[25].

Игнатьев являлся видной фигурой в русской дипломатии 1850—1870-х гг. и был хорошо известен как в России, так и за границей. В течение ряда лет

---

[22] АВПРИ, ф. 138, оп. 467, д. 160/162, л. 12.

[23] *Адо В.И.* Берлинский конгресс 1878 г. и помещичье-буржуазное общественное мнение России // Исторические записки. 1961. Т. 69. С. 102.

[24] АВПРИ, ф. 138, оп. 467, д. 39/43, л. 132—133; *Kumpf-Korfes S.* Bismarck's Draht nach Russland. Berlin, 1968. S. 30—33.

[25] *Виноградов К.Б.* Мировая политика 60—80-х годов XIX века: события и люди. Л., 1991. С. 105; *Рыбачёнок И.С.* Россия и Берлинский конгресс 1878 года. С. 152—153.

он занимал важные дипломатические посты: посланника в Пекине, директора Азиатского департамента, посла в Константинополе. Его подпись стояла под Пекинским (1860) и Сан-Стефанским (1878) договорами[26]. Он слыл сторонником активной внешней политики, направленной на возрождение мощи России, и на него справедливо смотрели как на вероятного преемника Горчакова. В 1878 г. графу исполнилось лишь 46 лет, что казалось плюсом в борьбе за министерский пост. Наконец, заключение Сан-Стефанского договора позволяло надеяться, что благожелательная перемена в его служебной карьере произойдёт в самом скором времени. Однако договор вскоре стал объектом политических интриг со стороны западных держав и вверг Россию в сложную дипломатическую ситуацию. Справедливости ради надо отметить, что, по верному замечанию Н.С. Киняпиной, он оказался составлен без учёта международной обстановки[27]. Но роковую роль в судьбе Игнатьева сыграла чрезмерная близость к славянофилам. Александр II опасался, что такое назначение в условиях противостояния России с западными державами ускорит разрыв с ними и сделает неизбежной новую войну. В результате граф даже не был включён в состав российской делегации на Берлинском конгрессе[28], что фактически завершило его дипломатическую карьеру. Позже, уже при Александре III, он возглавлял сначала Министерство государственных имуществ (март—май 1881 г.), затем МВД (май 1881 — май 1882 г.), но на внешнюю политику не оказывал никакого влияния[29].

Шувалов до перехода на дипломатическую службу был шефом корпуса жандармов и начальником III отделения Собственной е.и.в. канцелярии. За властный характер его за глаза именовали «Петром IV». Из-за разногласий с императором он оказался в «дипломатической ссылке» — с 1874 по 1879 г. возглавлял посольство в Лондоне. Хотя решение об этом назначении Александр II принял спонтанно, а сам Шувалов воспринял его весьма болезненно, справедливо посчитав его значительным карьерным понижением[30], деятельность на новом посту оказалась в целом достаточно успешной. Шувалов имел репутацию западника, в основе его внешнеполитической концепции лежала идея одновременного сближения с Англией и партнёрами России по «Союзу трёх императоров». Он являлся сторонником осторожной политики на Ближнем Востоке и в Средней Азии. Русско-турецкая война и последовавшее за ней обострение русско-английских отношений вывели Шувалова на авансцену европейской политики. Весной 1878 г. он подписал с британским министром иностранных дел лордом Р. Солсбери секретное соглашение о пересмотре условий Сан-Стефанского договора, что открыло путь к созыву Берлинского конгресса. На самом конгрессе он фактически играл роль первого уполномоченного России. Это оказалось вершиной его дипломатической карьеры.

Берлинский трактат, как известно, в России встретили отрицательно. На Шувалова обрушился шквал критики — славянофилы называли его главным виновником дипломатической неудачи. Недовольство усиливалось и в

---

[26] *Хевролина В.М.* Николай Павлович Игнатьев. Российский дипломат. М., 2009.

[27] *Киняпина Н.С.* А.М. Горчаков: личность и политика // Канцлер А.М. Горчаков. 200 лет со дня рождения / Под ред. Е.М. Примакова. М., 1998. С. 83.

[28] *Виноградов К.Б.* Мировая политика 60—80-х годов XIX века... С. 112—113.

[29] *Хевролина В.М.* Сан-Стефано: венец и завершение дипломатической карьеры Н.П. Игнатьева // Российская дипломатия в портретах. С. 256.

[30] *Хевролина В.М.* Министерство иностранных дел России в 1856—1878 гг. С. 20—21.

правительстве. Как признавал впоследствии сам Шувалов, он «сыграл в Берлине роль козла отпущения»[31]. Но, несмотря на это, не отказался от мысли занять пост министра иностранных дел. Для этого необходимо было изменить представление о себе как о проанглийском политике[32]. Чтобы упрочить позиции, он предпринял попытку сблизиться с Милютиным и стоявшими за ним военными кругами, и в январе 1879 г., ранее всегда с опаской смотревший на действия военных в Азии, составил записку, в которой предложил в ответ на действия англичан в Афганистане организовать экспедицию в глубь Туркмении и захватить Мерв[33].

Но прочного сближения с Милютиным не произошло. Слишком различными были внешнеполитические взгляды этих двух государственных деятелей, и даже их обоюдная неприязнь к Горчакову не могла ничего изменить. Весной 1879 г. Шувалов допустил крупный политический просчёт: недооценив возможности московских славянофилов влиять на общественное мнение, поддержал непопулярную в их среде идею смешанной оккупации Восточной Румелии[34]. Этот проект появился в декабре 1878 г. и предусматривал, что после ухода русских войск с Балканского полуострова в Восточную Румелию будет введён экспедиционный корпус государств-участников Берлинского конгресса. На Россию оказали сильный нажим, чтобы она согласилась с предложением о смешанной оккупации. Проект несколько раз рассматривался на особых совещаниях в Петербурге и был отклонён благодаря совместным действиям Горчакова и решительно поддержавших его в этом вопросе славянофилов. Милютин и Гирс в последний момент отмежевались от данного проекта, Шувалов же продолжал отстаивать его до конца[35]. Противники последнего организовали утечку информации в прессу, и Александр II, уступая давлению общественного мнения, согласился отозвать его из Лондона[36]. И хотя формально Шувалов занимал пост посла до конца 1879 г., его влияние на принятие внешнеполитических решений заметно ослабло.

Успех славянофильской группировки придал ей уверенность. Она стала домогаться передачи поста министра кн. А.М. Дондукову-Корсакову[37]. Последний разделял некоторые взгляды славянофилов на политику России на Балканах. Весной 1879 г. он, в то время императорский комиссар в Болгарии, руководил работой Народного собрания, одобрившего органический устав (конституцию) страны и избравшего её князя. Кстати, среди возможных претендентов на престол называлось и его имя. Об этом заговорили, когда российский императорский комиссар высказал сомнения в способности принца Александра Баттенберга (кандидата, поддерживаемого официальным Петербургом) к управлению княжеством. Желая прекратить разговоры, Дондуков-Корсаков сам предложил,

---

[31] П.А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 г. // Красный архив. 1933. Т. 4. С. 103.

[32] В политических и дипломатических кругах Шувалова открыто называли «другом Англии». См.: *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. II. СПб., 1906. С. 521.

[33] АВПРИ, ф. 161, оп. 4, 1878 г., д. 1, л. 370—371.

[34] Восточная Румелия — южная часть Болгарии, получившая по условиям Берлинского трактата административную автономию, но оставшаяся в составе Османской империи.

[35] *Куликов В.И.* Разногласията в управляващите кръгове на Русия относно кандидатурата за български княз и проекта за смесена оккупация на Източна Румелия (1878—1879 г.) // Епохи. Великое Тырново. 1996. № 1. С. 67—69.

[36] *Милютин Д.А.* Дневник. Т. 3. С. 143.

[37] Новое время. 1879. 11 августа.

чтобы правительство официально заявило, что не допустит избрания болгарского князя из российских подданных (что и было сделано)[38].

По всей видимости, идея назначения Дондукова-Корсакова министром иностранных дел возникла в славянофильских кругах как некая компенсация за «добровольный отказ» от трона Болгарии. Однако перспектива выдвижения человека, близко стоявшего к славянофилам, вызвала серьёзную тревогу в Европе. Германские газеты, связанные с Бисмарком, немедленно отреагировали на это развёртыванием кампании против кандидата-«панслависта»[39]. Но, по-видимому, и сам Александр II, не склонный к уступкам славянофильским кругам, не рассматривал кандидатуру Дондукова-Корсакова всерьёз. Вместо министерского кресла он получил назначение генерал-губернатором во внутренние районы России (сначала Харьков, затем Одесса), а при Александре III отправился главноначальствующим гражданской частью и командующим армией на Кавказ.

Осенью 1879 г. Александр II пришёл к мысли о назначении главой МИД кн. А.Б. Лобанова-Ростовского. Слухи об этом быстро проникли в прессу[40], и это несколько успокоило правящие круги Англии и Германии. Лобанов-Ростовский дважды возглавлял дипломатическое представительство России в Константинополе, где успел неплохо себя зарекомендовать. С целью урегулирования обострившихся русско-английских отношений, а также, по-видимому, для того чтобы будущий министр детально ознакомился с политикой главного противника России на Балканах и в Азии — Великобритании, он был назначен российским послом в Лондон вместо Шувалова. Причём Александр II определённо заявил, что в Англии тот пробудет недолго и вскоре сменит Горчакова[41]. Тем не менее император не спешил с принятием окончательного решения. Его преемник Александр III, не имевший перед Лобановым-Ростовским никаких обязательств, в 1882 г. перевёл его в Вену[42]. Поста министра он добился только через полтора десятилетия, уже при Николае II.

Гирс оставался в тени всё то время, пока велась сложная игра вокруг «наследства Горчакова». Никто из кандидатов в министры всерьёз его не воспринимал. Шувалов, например, пренебрежительно именовал его «клерком»[43]. Однако нерешительность Александра II, его затянувшиеся колебания пошли Гирсу на пользу. Воспользовавшись фактическим самоустранением канцлера от повседневного управления министерством, он постепенно прибрал к рукам аппарат МИД и всё увереннее выступал в роли проводника внешнеполитического курса императора. Так, после Берлинского конгресса в период с июля 1878 по декабрь 1879 г. он почти десять месяцев являлся временно управляющим МИД[44].

---

[38] *Куликов В.И.* Разногласията в управляващите кръгове на Русия... С. 65.

[39] Новое время. 1879. 9 сентября.

[40] Там же. 11 и 26 сентября.

[41] *Рыбачёнок И.С.* Министр иностранных дел России А.Б. Лобанов-Ростовский // Новая и новейшая история. 1992. № 3. С. 97; *Кушнарёв И.С.* Жизнь и государственная деятельность А.Б. Лобанова-Ростовского. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2008. С. 19—20.

[42] Ю.С. Карцов, некоторое время служивший под началом Лобанова-Ростовского, утверждал, что «император Александр III не доверял князю Алексею Борисовичу, и в его царствование князь едва ли бы сделался министром» (*Карцов Ю.С.* Семь лет на Ближнем Востоке. 1879—1886. Воспоминания политические и личные. СПб., 1906. С. 11).

[43] *Виноградов К.Б.* Мировая политика 60—80-х годов XIX века... С. 138.

[44] Очерк истории Министерства иностранных дел... С. 4.

Гирс слыл германофилом и по мере того, как в Петербурге брала верх линия на восстановление «Союза трёх императоров», его шансы стать министром возрастали. До времени он сохранял лояльность по отношению к Горчакову. Осенью 1879 г. на совещаниях в Ливадии втайне от Горчакова было принято решение о начале переговоров с Германией. Возник удобный повод для возбуждения вопроса об удалении канцлера от дел. 3 октября Гирс по уговору с Милютиным остался в кабинете у императора, чтобы поднять этот «щекотливый» вопрос. На другой день на тему отставки Горчакова с Александром II заговорил сам военный министр[45]. Но эта интрига удалась лишь отчасти, Александр согласился только на частичные перемены на уровне послов. Горчакову удалось сохранить пост министра, однако всем было понятно, что император лишь в очередной раз отложил принятие окончательного решения.

В ноябре того же года одна из самых информированных петербургских газет — суворинское «Новое время» — впервые назвала Гирса наиболее вероятным преемником Горчакова[46]. Достаточно хорошо ориентируясь в расстановке сил в правительстве, он сумел заручиться поддержкой Милютина, который покровительствовал ему, полагая, что через нерешительного министра будет легче проводить в жизнь собственную программу. Неплохие отношения установились у Гирса и с наследником престола вел. кн. Александром Александровичем (будущим Александром III). Хорошо информированный современник, дипломат Ю.С. Карцов вспоминал: «В качестве помощника канцлера А.М. Горчакова Н.К. Гирс следовал принципам официальной политики. Но это нисколько не препятствовало ему служить орудием боковых стремлений Аничкова дворца (резиденция наследника. — *В.К.*) и пользоваться расположением всемогущего Д.А. Милютина»[47]. С мая 1880 г. и до отставки Горчакова он, оставаясь товарищем министра и директором Азиатского департамента, одновременно исполнял обязанности временно управляющего министерством[48].

Впрочем, в 1880—1881 гг. у него неожиданно появился новый соперник — П.А. Сабуров, дипломат новой формации: инициативный, склонный к риску. Его самостоятельность в принятии решений порой граничила с открытым неповиновением начальству в лице министра. Для него единственным и безусловным авторитетом в коридорах власти был монарх. Сабурову приписывали афоризм: «Всякая политика хороша, раз она признана таковой монархом, дурным может быть лишь её исполнение»[49]. Поступив на службу в дипломатическое ведомство в 1856 г., он оказался едва не уволен из-за участия в дуэли (поступок нетипичный для карьерного дипломата). Русско-турецкую войну он встретил, занимая второстепенную должность посланника России в Афинах. Тем не менее он сразу развернул кипучую деятельность: пытался склонить Грецию к участию в военных действиях, организовал доставку оружия в Фессалию, Эпир и на Крит, подготовил проект русско-греческого договора, имевшего антибританскую направленность, который, правда, не одобрил Горчаков. Напористость и энергичность Сабурова заметили и должным образом оценили в Петербурге. Во многом благодаря поддержке Милютина в декабре 1879 г. его перевели на одну из важнейших дипломатических должностей — посла

---

[45] *Милютин Д.А.* Дневник. Т. 3. С. 170.
[46] Новое время. 1879. 24 ноября.
[47] *Карцов Ю.С.* Указ. соч. С. 356.
[48] Очерк истории Министерства иностранных дел... С. 4.
[49] Цит. по: *Сказкин С.Д.* Указ. соч. С. 92.

в Берлине[50]. Комментируя это назначение, влиятельная венская газета «Politische Correspondenz» писала, «что в его лета в России редко дослуживаются и до звания посланника»[51]. Используя доверительные отношения с руководителем германской внешней политики кн. О. фон Бисмарком, Сабуров строил грандиозные планы окончательного решения Восточного вопроса в интересах России при содействии Германии[52]. Это, в свою очередь, должно было распахнуть перед ним двери министерского кабинета в здании у Певческого моста. Амбиции Сабурова подкреплялись тем, что его младший брат Андрей Александрович в апреле 1880 г. стал министром народного просвещения[53].

Гирс, полагавший, что «наследство Горчакова» уже досталось ему, разгадал честолюбивые устремления Сабурова, и между двумя дипломатами, несмотря на их принадлежность к германофильской группировке, произошла серьёзная размолвка. В итоге последний не только не получил вожделенного поста, но в 1884 г. был вынужден подать в отставку и навсегда уйти из МИД[54]. Более того, в 1887 г. Гирс, воспользовавшись оплошностью Сабурова, показавшего редактору «Московских ведомостей» М.Н. Каткову воспоминания, содержащие информацию о секретном на тот момент «Союзе трёх императоров», указал на него как на основного виновника разглашения сведений, и тот с трудом избежал обвинения в государственной измене[55].

Александр II не успел решить вопрос о главе МИД, и Горчаков, бóльшую часть времени проводивший на лечении за границей, формально оставался на посту. И только Александр III произвёл перемену, назначив 28 марта 1882 г. министром Гирса. Этот выбор полностью соответствовал представлениям нового императора о министерстве как инструменте реализации внешнеполитической линии монарха[56]. Именно его стремлением твёрдо держать в руках руководство внешней политикой страны, а также умением Гирса лавировать между различными придворными группировками и укреплением позиций германофильской партии, добившейся в июне 1881 г. восстановления «Союза трёх императоров», и объясняется этот выбор. «Кто бы мог подумать, — писал Карцов, — пройдут какие-нибудь два-три года — и, одного за другим, преодолевая влиятельных противников в области нашей внешней политики, Н.К. Гирс сделается полновластным хозяином... Между Сциллой и Харибдою свою маленькую лодочку Николай Карлович провёл так искусно, что нигде и не зацепил»[57].

---

[50] В 1879 г. Россия имела дипломатические представительства, возглавлявшиеся послами, лишь в шести государствах (Австро-Венгрия, Великобритания, Германия, Италия, Франция и Турция).

[51] Цит. по: Голос. 1879. 27 декабря.

[52] АВПРИ, ф. 138, оп. 467, д. 39/43, л. 136—138.

[53] Высшие и центральные государственные учреждения... Т. 3. СПб., 2002. С. 118.

[54] *Куликов В.И.* П.А. Сабуров — «либеральный бюрократ» в МИДе // Проблемы социальной и политической истории России / Под ред. Р.Г. Пихои. М., 2009. С. 257—264.

[55] Александр III, по распоряжению которого проводилось расследование об утечке секретной информации, первоначально был настроен очень решительно и написал: «Если он это узнал, то только от изменника, требую, чтобы Катков назвал личность, от кого получил все эти сведения» (*Феоктистов Е.М.* Воспоминания. За кулисами политики и литературы... С. 253).

[56] Александр III как-то сказал Гирсу: «Доколе в России самодержавие... об ответственности министра иностранных дел не может быть и речи» (*Карцов Ю.С.* Указ. соч. С. 358).

[57] *Карцов Ю.С.* Указ. соч. С. 355—356.

Как Н.К. Гирс возглавил Министерство иностранных дел Российской империи

Андрей Мамонов

How N.K. Girs headed the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire

Andrey Mamonov
(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870012936-0

Обстоятельства отставок и назначений ключевых фигур, влиявших на политику великих держав, вызывают у историков вполне оправданный интерес. В них так или иначе проявлялись характерные черты различных политических режимов и административных механизмов с присущей им системой отбора лиц, которые затем уже придавали тот или иной оттенок соответствующим институтам и их деятельности. Вместе с тем при этом обнаруживалось и значение, порою решающее, множества ситуативных, субъективных и просто случайных факторов, анализ которых позволяет судить о заданности или вариативности происходившего. Это сочетание коренного и мимолётного и заставляет всматриваться в калейдоскоп перестановок в правящих кругах. Разумеется, они не обходились без интриг и разного рода карьерных расчётов, однако всегда ли дело доходило до «ожесточённой борьбы» сплочённых группировок, отстаивавших свои «программы» и представления? И, в частности, наблюдалось ли нечто подобное при назначении Н.К. Гирса сперва управляющим Министерством иностранных дел, а затем и главой дипломатического ведомства?

В.И. Куликов справедливо увязывает возвышение Н.К. Гирса во второй половине 1870-х гг. с упорным нежеланием быстро дряхлевшего кн. А.М. Горчакова покидать министерский пост и с соперничеством потенциальных преемников последнего канцлера Российской империи. Впрочем, следует учесть, что и прежде положение кн. Горчакова не раз казалось непрочным.

В апреле 1856 г., когда князь возглавил МИД, едва ли кто-нибудь мог предположить, что он продержится в должности более четверти века и даже переживёт Александра II. Напротив, вопреки образу, созданному в позднейшей историографии, он выглядел тогда скорее «переходной», если не «проходной» фигурой. Как известно, гр. К.В. Нессельроде оценивал способности своего преемника скептически и бесцеремонно обращался с его рекомендациями в конце Крымской войны[1]. Неудивительно, что князь, в конце 1855 г. возражавший против согласия на австрийский ультиматум[2], остался в стороне от подготовки Парижского мира, хотя ещё недавно именно он, по личному решению императора и вопреки мнению канцлера, представлял Россию на Венских конференциях и выступал главным «миротворцем» и «переговорщиком» Петербурга. Но по окончании Восточной войны Александр II и

© 2021 г. А.В. Мамонов

[1] Князь Александр Михайлович Горчаков в его рассказах из прошлого // Русская старина. 1883. № 10. С. 168—169; *Пономарёв В.Н.* Финал долгой карьеры. К.В. Нессельроде и Парижский мир // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 192—193.

[2] *Барон А.Г.* Жомини. Россия и Европа в эпоху Крымской войны / Публ. К.А. Ваха и О.В. Анисимова. М., 2017. С. 555—556.

гр. А.Ф. Орлов (чьё влияние отчётливо прослеживалось в назначениях первых лет нового царствования) сочли кн. Горчакова вполне подходящим для руководства российской дипломатией. Действительно, он как никто другой мог успокоить и примирить с внешней политикой правительства тех, кто возмущался «позором» подписанного 18(30) марта трактата, его не нужно было убеждать в желательности сближения с Францией (непрерывно противостоявшей России с 1830 г.) и в справедливости «наказания» Австрии.

Любопытно, что и гр. Нессельроде убеждал князя не отказываться от предложенного ему поста. Конечно, трудно не заподозрить старого дипломата в лукавстве. Однако он, по-видимому, был искренен, когда говорил кн. Горчакову, что «теперь в России министру иностранных дел, после заключения парижского мира, совершенно нечего будет делать»[3]. Во всяком случае, это утверждение вполне соответствовало известной записке, составленной канцлером вместе с бароном П.К. Мейендорфом 11 февраля 1856 г. и ставшей их «политическим завещанием». В ней констатировалось, что «война вызвала для России неотлагаемую необходимость заняться своими внутренними делами и развитием своих нравственных и материальных сил. Эта внутренняя работа является первою нуждою страны, и всякая внешняя деятельность, которая могла бы тому препятствовать, должна быть тщательно устранена»[4]. Соответственно следовало изменить прежнюю «систему внешней политики», уклоняться от «всяких новых обязательств», придерживаться прежних договоров и соглашений, исключительно «сообразуясь с требованиями русских интересов», и вступать в вооружённую борьбу «лишь в том случае, когда будет сознательно явствовать неуклонная необходимость или явная выгода оной для России»[5].

Согласно «нашей новой системе», признавалось желательным «осторожное сближение с Францией», рассматривавшееся «как средство к тому, чтобы расторгнуть сплотившуюся против нас коалицию». Но идти на «положительный и тесный союз» с Наполеоном III авторы записки не рекомендовали. Более того, они напоминали, что «на почве политики всякое тесное сближение равносильно обязательству». При этом уже в 1856 г. отчётливо просматривались очертания будущих кризисов, связанных со стремлением II империи найти себе опору «в революционных страстях или в угнетённых национальностях», а также «захватить левый берег Рейна». России это грозило осложнением ситуации в Польше и вмешательством в польские дела враждебной коалиции европейских держав, на что прямо указывалось в записке. Правда, тут же отмечалось, что «с раздела Польши между Россиею, Австриею и Пруссиею установилось взаимоохранение интересов (*une solidarité d'intérêts*), соблюдение коего, из этих трёх держав, наинеобходимее именно для нас», и «польское восстание послужило тому достаточным доказательством (*la revolution de la Pologne l'a bien prouvé*)».

---

[3] Князь Александр Михайлович Горчаков... С. 171.

[4] Записка канцлера графа К.В. Нессельрода о политических соотношениях России // Русский архив. 1872. № 2. Стб. 337—344. Характерно, что сам граф в 1856 г., покинув МИД, занялся как раз «внутренними делами», погрузился в деятельность Комитета финансов, а в 1858 г. возглавил Комитет железных дорог. Управляющим делами при нём стал молодой статс-секретарь М.Х. Рейтерн, пользовавшийся, по словам его биографов, «исключительным доверием и дружбою престарелого канцлера», дожившего до назначения в январе 1862 г. своего помощника управляющим Министерством финансов (*Куломзин А.Н., Рейтерн-Нолькен В.Г.* М.Х. Рейтерн. Биографический очерк. СПб., 1910. С. 7). Посещал графа и А.А. Абаза — также будущий министр финансов, а в то время — начинающий делец и член правления Главного общества российских железных дорог (ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 3, с. 161).

[5] Записка канцлера графа К.В. Нессельрода... Стб. 337—344.

Поэтому авторы настаивали на том, что «политика наша в прямых интересах и России, и династии должна оставаться по-прежнему монархическою и антипольскою». Соответственно нужно было беречь «добрые и полезные сношения с Пруссией» и несмотря ни на что «щадить» Австрию, тогда как «более тесный союз» с Францией допускался «лишь в том случае, если бы того потребовали благоприятные обстоятельства»[6]. Руководствуясь этими соображениями, гр. Нессельроде и барон Мейендорф полагали, что «среди неопределительности отношений, какие последуют за заключением мира, немало времени пройдёт, пока мы усмотрим возможность каких-либо новых политических комбинаций»[7].

А кн. Горчакову, по замыслу его предшественника, предстояло просто пробыть на видном посту в период, когда Россия была вынуждена отказаться от активной внешней политики, сосредоточившись на том, чтобы избегать несвоевременных международных конфликтов и сдерживать порывы энергичных генералов, пытавшихся как-то компенсировать болезненные поражения в Европе успехами на Кавказе и Дальнем Востоке. Император естественно их поощрял, а главе МИД надлежало присматривать, чтобы они не зашли слишком далеко и не вызвали своими победами большую войну. На столь неблагодарном поприще любой нажил бы себе врагов, в том числе в ближайшем окружении царя, и вскоре бесславно сошёл бы со сцены. Причём в условиях всплеска антинемецких настроений во второй половине 1850-х гг. для такой задачи требовался дипломат с русской фамилией из числа тех, кем император и канцлер легко бы пожертвовали в дальнейшем. Вероятно, только поэтому гр. Нессельроде, который, несмотря на резкую критику его политики в обществе, продолжал пользоваться особым уважением в царской семье[8], смирился с тем, что его преемником будет, пожалуй, самый неприятный ему из всех возможных претендентов. При этом канцлер не скрывал от Александра II, что, наблюдая за службой князя 30 лет, он «никогда не считал его пригодным ни к чему серьёзному»[9]. И судя по тому, что кн. Горчаков, отличавшийся крайним самолюбием и считавший себя незаслуженно обиженным и обделённым вниманием начальства при Николае I, принял министерский портфель не без колебаний, уговоров и театральных сцен[10], он чувствовал в сделанном ему предложении подвох. Но устоять не смог.

---

[6] Там же.

[7] Там же. Стб. 343.

[8] В последний день своей жизни, 11 марта 1862 г., гр. Нессельроде (до конца сохранявший острый ум и самообладание) «пожелал видеть» вел. кн. Константина Николаевича, которого «благословил». При этом царский брат, отличавшийся резким характером и находившийся тогда на пике своего влияния, поцеловал руку умирающего. Не менее трогательно проходило затем и прощание с императором, хотя старик уже едва мог произнести пару слов. На панихиде 12 марта Александр II «очень плакал» (Из дневных записок Владимира Алексеевича Муханова // Русский архив. 1897. № 1. С. 63—64. См. также запись в дневнике А.А. Половцова: ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 3, с. 213—215).

[9] Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. В 2 т. / Под ред. П.А. Зайончковского. Т. 1. М., 1961. С. 102.

[10] На склоне лет кн. Горчаков рассказывал М.И. Семевскому о повторном объяснении с царём перед Пасхой: «Известно, что император Александр Николаевич говорил весьма убедительно и красноречиво. Я уступил. Но прежде чем оставить кабинет государя, который меня обнял в знак своей признательности, я обратился с просьбою к его величеству: “Государь! Возложите на меня собственноручно крест!”. Государь отступил назад и удивлёнными глазами взглянул на меня; видимо, тень неудовольствия промелькнула по его прекрасному лицу. “ — Какой крест, какой крест?!” — спросил его величество. “Не звезды прошу я у Вас, а крест, буквально крест, Ваше величество. Снимите с одного из образов Ваших крест и возложите на меня. Да дарует он мне силы к поднятию

Во второй половине 1850-х гг. руководство сменилось практически во всех ведомствах, кроме Министерства императорского двора и Министерства юстиции. Назначенные тогда министры, как правило, принадлежали к тому же поколению, что и кн. Горчаков. По сути, это были сверстники Николая I, которые родились в 1790—1804 гг. и поступили на службу в конце 1810-х — начале 1820-х гг. Несмотря на поддержку, обещанную молодым монархом, в условиях финансового кризиса и общественного возбуждения мало кому из них удалось добиться успеха. В начале 1860-х гг. почти все они уступили свои места ровесникам Александра II. К 1863 г. из тех, кто вступил в занимаемую должность в 1850-е гг., оставались, помимо кн. Горчакова, лишь министр двора гр. В.Ф. Адлерберг и шеф жандармов кн. В.А. Долгоруков[11].

Однако гр. Адлерберг и кн. Долгоруков были давно и крепко связаны с императором, тогда как кн. Горчаков в 1820—1855 гг. служил за границей и не имел особого веса в Петербурге[12]. Между тем среди дипломатов следующего поколения у него имелся готовый преемник — барон А.Ф. Будберг, который, по словам лорда А. Лофтуса, «был воспитан в школе гр. Нессельроде»[13]. Будучи всего на год старше Александра II, он начинал карьеру секретарём в канцелярии графа в 1842—1845 гг., а затем хорошо проявил себя во Франкфурте в период революции 1848—1849 гг., в Берлине после Ольмюца и при правительстве «новой эры», в Вене непосредственно после Крымской войны. Именно его в 1856 г. гр. Нессельроде рекомендовал назначить министром[14]. С 1862 г. он являлся послом в Париже. По выражению молодого чиновника архива МИД и будущего наркома Г.В. Чичерина (чей отец служил при Будберге советником посольства в Париже), барон «был боевой дипломат по преимуществу»[15].

Любая ошибка могла лишить кн. Горчакова «креста великих трудов». Поэтому он сразу же занялся укреплением и расширением своих придворных связей и завоеванием популярности в обществе. Уже в апреле 1856 г. князь включился в разработку программы обучения наследника престола вел. кн. Николая Александровича, что позволило сблизиться с императрицей Марией Александровной[16]. Другую опору он нашёл в председателе Департамента за-

---

того креста великих трудов, которые Вы возлагаете на меня с обязанностью министра иностранных дел". Лицо государя просветлело удовольствием. Он вынес мне из соседней комнаты небольшой серебряный крестик и, возлагая на меня, сказал: "Примите это, князь. Этот крест всюду меня сопровождал. Да укрепятся Ваши силы"». После слов канцлера о том, что ему «совершенно нечего будет делать», столь пафосная просьба выглядела особенно курьёзно (Князь Александр Михайлович Горчаков... С. 171—172).

[11] Если учитывать структуру Государственного совета, то к ним можно добавить председателя Департамента духовных и гражданских дел принца П.Г. Ольденбургского и государственного секретаря В.П. Буткова. Но оба они принадлежали как раз к поколению, выдвинувшемуся в начале 1860-х гг.

[12] Первоначально он мог опереться лишь на поддержку принцессы Вюртембергской — вел. кн. Ольги Николаевны (Дневник П.А. Валуева... Т. 1. С. 102).

[13] Лофтус, в 1870-е гг. — британский посол в Петербурге, служил ранее в одно время с Будбергом в Берлине и считал его «наиболее способным из русских дипломатов». См.: The diplomatic reminiscences of lord Augustus Loftus. 1837—1862. Vol. 2. L.; P.; Melbourne, 1892. P. 233.

[14] Дневник П.А. Валуева... Т. 1. С. 102.

[15] *Чичерин Г.В.* Исторический очерк дипломатической деятельности А.М. Горчакова / Публ. В.Л. Телицына. М., 2009. С. 240.

[16] Подробнее см.: *Чернуха В.Г.* Утраченная альтернатива: наследник престола великий князь Николай Александрович (1843—1865 гг.) // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX—XX веков. СПб., 1999. С. 238—239; *Мелентьев Ф.И.* Воспитание и образова-

конов Государственного совета (а с 1861 г. — председателе Государственного совета и Комитета министров) гр. Д.Н. Блудове, с которым в молодости служил в канцелярии гр. И.А. Каподистрии, и в близком к семейству Блудовых генерал-майоре Е.П. Ковалевском, игравшем видную роль в общественной и интеллектуальной жизни столицы, а с осени 1856 г. возглавлявшем Азиатский департамент МИД (в августе 1861 г. его сменил сын петербургского генерал-губернатора Н.П. Игнатьев, тогда как Ковалевский стал сенатором и членом совета министра иностранных дел). Товарищем министра в 1856—1861 гг. состоял И.М. Толстой, в молодости служивший по дипломатическому ведомству, но с 1838 г. находившийся при дворе наследника престола. По отзыву Д.А. Милютина, это был «человек пустой, не имевший других заслуг, кроме близости с самого детства к государю»[17]. Сменивший его Н.А. Муханов до того никогда не служил в МИД, но был близок к вел. кн. Ольге Николаевне. Взяв под покровительство Ф.И. Тютчева, князь мог рассчитывать на сочувствие и содействие поэта и его дочерей-фрейлин, способных влиять на настроения двора и высшего общества[18]. Налаживанию отношений с недовольными исходом Восточной войны славянофильскими кругами способствовало создание под эгидой МИД, с невнятным статусом, Славянского благотворительного комитета в Москве, а затем и его отдела в Петербурге[19].

Вместе с тем кн. Горчаков прибегал и к гораздо более сомнительным приёмам. «В бытность мою посланником в Петербурге, — вспоминал кн. О. фон Бисмарк, — князь Горчаков, неограниченным доверием которого я в то время пользовался, давал мне читать, пока я ожидал его, ещё не распечатанные донесения из Берлина, прежде чем просматривал их сам. Я бывал порой поражён, видя из этих донесений, с каким недоброжелательством мой бывший друг Будберг подчинял задачу сохранения существующих взаимоотношений своей обиде по поводу какого-нибудь случая в обществе или даже просто желанию сообщить двору или министерству остроумную шутку о положении в Берлине». Подобная «доверительность» министра, безусловно, компрометировала русского посланника: даже если Бисмарк не сообщал о прочитанном своему начальству (его отношения с деятелями «новой эры» были не менее сложны, чем у Будберга, да и едва ли проницательный дипломат не догадывался, что им пытаются манипулировать), он никогда об этом не забывал. В глазах немецких родственников Александра II и «в старопрусских кругах Берлина», на которые Будберг ориентировался на рубеже 1840—1850-х гг., соперник кн. Горчакова и «бывший друг» Бисмарка неминуемо должен был погибнуть[20].

Тем временем в начале 1860-х гг. политика кн. Горчакова (пожалованного весной 1862 г., после смерти гр. Нессельроде, в вице-канцлеры), по сути, зашла в тупик. Сближение с Францией вывело Россию из изоляции, но не помогло добиться пересмотра Парижского трактата. Разгром Австрии французскими войсками, за которым в Петербурге в 1859 г. наблюдали не без злорадства, вызвал стремительное объединение Италии, сопровождавшееся падением нескольких тронов (включая дружественный России Неаполь), что при русском дворе уже

ние наследника престола в проектах В.П. Титова 1856—1858 гг. // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. 2017. № 1(5). С. 11—34.

[17] *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1865—1867 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2005. С. 353.

[18] *Экштут С.А.* Тютчев. Тайный советник и камергер. М., 2003. С. 206—276.

[19] *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1858—1876 годах. М., 1960. С. 9—48.

[20] *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания / Под ред. А.С. Ерусалимского. Т. 1. М., 1940. С. 61; Т. 2. М., 1940. С. 201—202.

не приветствовали. Осенью 1860 г. Александр II, вопреки советам кн. Горчакова, даже разорвал отношения с Турином (в 1862 г. их пришлось восстанавливать). Монархия Габсбургов, ослабленная потерей Ломбардии и брожением в Венгрии, оказалась в состоянии финансового и политического кризиса, увеличивавшего её зависимость от западных держав и общественного мнения Германии, а также затруднявшего поддержание порядка в Галиции. Между тем всплеск национальных движений в Европе, вдохновлявшихся примером гр. К.Б. Кавура и Д. Гарибальди, незамедлительно сказался на обстановке в Царстве Польском. Кн. Горчаков всячески способствовал осуществлению там программы, намеченной гр. А. Велёпольским и фактически предусматривавшей передачу управления Польшей в руки поляков, согласных признать верховную власть российского императора, но полностью контролирующих местное законодательство, администрацию, образование, финансы и т.д.[21] На деле это привело лишь к открытому мятежу в январе 1863 г. и удалению польского реформатора. Причём Россия вновь оказалась в одиночестве: даже Пруссия просила не ратифицировать уже заключённую военную конвенцию, направленную против повстанцев, а Франция, Англия и Австрия поощряли их действия официальными заявлениями.

В тот момент, когда демонстрация слабости могла обернуться отставкой, кн. Горчаков, ещё в марте под давлением из Парижа добившийся объявления амнистии восставшим, преобразился и решительно отклонил в своих нотах претензии европейских кабинетов на вмешательство во внутренние дела России. Его эффектная отповедь, прозвучавшая тогда, когда все ждали дальнейших уступок и обещаний, получила громкий резонанс в печати и сделала князя одним из самых популярных людей в стране. Вице-канцлер и виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьёв, жёстко подавлявший мятеж в Литве, как вспоминал Д.А. Милютин, «сделались любимцами всего русского народа, героями дня»: «И тот, и другой были осыпаемы бесчисленными телеграммами, адресами, письмами, выражениями благодарности и сочувствия. Ни один официальный обед, ни одно торжество не обходились без горячих речей и тостов в честь их, а простой народ служил за их здоровье молебствия и подносил им иконы»[22]. Тютчев, обращаясь к князю в стихах, писал (видимо, зимой 1864/65 гг.): «Обманутой, обиженной России / Вы честь спасли, — и выше нет заслуг»[23].

Трудно было представить более странное олицетворение «национальной политики». В декабре 1863 г., как отметил в дневнике А.А. Половцов, «князь Горчаков, приобретший в последнее время страшную популярность за поддержание будто бы нашего народного достоинства, был избран в почётные члены Английского клуба». Когда 7 декабря он пришёл туда обедать, и «толпа стала внимать гласу изобретённого ею государственного мужа», ироничный слушатель отметил: «Говорил к[нязь] Г[орчаков] лучше, чем я ожидал, но тем не менее обнаружил незнание русского языка; слова у него находились, но зато падежи и наклонения беспрестанно не удавались, видно было, что он привык думать на иностранных языках и по заказу силился подбирать русские слова для выражения своих мыслей»[24].

---

[21] Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30—50-е годы XIX в. М., 2016. С. 663, 694—695, 699, 714.

[22] *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1863—1864 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2003. С. 248—249.

[23] *Тютчев Ф.И.* Полное собрание сочинений. Т. 2 / Сост. В.Н. Касаткина. М., 2003. С. 133.

[24] ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 4, л. 38—40.

Но репутация и престиж позволили князю удержаться. 7 ноября 1864 г., упомянув о раздражении министра против посла в Париже, Валуев оставил в дневнике запись: «Его значение, видимо, слабеет и досада, с которою он старается его за собою удержать, приносит ему мало пользы. Мне кажется, что он сохранит свой пост до лета. Пока императрица в пределах Франции и государь, вероятно, располагает быть в Париже, Будберг там нужен. Когда он перестанет быть там нужным, Горчаков будет здесь ненужен». Видимо, позднее Пётр Александрович сделал приписку: «В то время многие так думали. Но государь не легко меняет людей, к которым он привык, и скоро назначение бар[она] Будберга сделалось невозможным, потому что он немец, а кн. Горчаков сделался и отчасти постарался сделаться в глазах нашей прессы представителем русского элемента»[25].

Похоже, эти соображения не составляли секрета и для барона Будберга. Как бы то ни было, ещё весной 1863 г. он сближается в Париже с Н.А. Милютиным, которого, вместе с его братом, возглавлявшим военное ведомство, министром государственных имуществ А.А. Зелёным и М.Н. Муравьёвым, в середине 1860-х гг. будут относить к «русской партии» в правительстве[26]. В начале 1865 г. он принимал, по словам Тютчева, «самое живое участие» в защите от валуевской цензуры «Московских ведомостей» М.Н. Каткова (в то время — главного рупора «русской партии»). А 25 февраля 1866 г., сообщая из Петербурга в Москву дочери А.Ф. Аксаковой о том, что «как раз *сейчас* государь должен сделать выбор между Горчаковым и Будбергом, находящимся здесь», Тютчев отмечал: «Точно определить, в чём состоят разногласия между этими двумя господами, дело нелёгкое. Во всяком случае, тут больше личных мотивов, чем политических... Пикантной подробностью дела является сверхрусский патриотизм Будберга, не признающего никакой осмотрительности, никакого выжидания и явно стремящегося стать русским *Бисмарком*... Нет ничего страшнее русского патриотизма у немца. Это всё равно, что взбунтовавшийся трус... а между тем *необдуманные выходки* сейчас более нежели когда-либо неуместны в нашей политике, которой для достижения успеха нужно лишь понять самое себя и предоставить дело времени и силе вещей»[27].

Со своей стороны, кн. Горчаков постоянно противодействовал той политике, которую проводили в Польше и Западном крае Милютины, Муравьёв и их сторонники. Не случайно Муравьёв в своих «записках» со свойственной ему резкостью заявит, что «кн. Горчаков в полном смысле слова пустомеля, но имеющий, однако желание и стремление быть русским». Признавая большое значение горчаковских нот в 1863 г. для подавления мятежа, Михаил Николаевич тем не менее констатировал, что и до, и после их автор действовал заодно с противниками «русского дела» — вел. кн. Константином Николаевичем, кн. Долгоруковым, Валуевым и др.[28] Весьма показательно было и то, что именно после «ожесточённой стычки» с кн. Горчаковым по церковным делам в

---

[25] Дневник П.А. Валуева... Т. 1. С. 301.

[26] *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1863—1864. С. 137—138; *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1865—1867. М., 2005. С. 298, 353, 573—575; *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868 — начало 1873 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2006. С. 280, 417—418. Подробнее см.: *Комзолова А.А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. С. 111—166.

[27] *Тютчев Ф.И.* Полное собрание сочинений. Т. 6 / Сост. Л.Н. Кузина. М., 2004. С. 93, 131.

[28] «Готов собою жертвовать...». Записки графа Михаила Николаевича Муравьёва об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нём мятежа. 1863—1866 гг. / Сост. К.В. Петров. М., 2008. С. 72—74, 136—137, 165, 182—188.

Царстве Польском 20 ноября 1866 г. Н.А. Милютин перенёс тяжёлый инсульт, навсегда прекративший его государственную деятельность[29].

Фактически же с апреля 1866 г. кн. Горчаков становится важным ситуативным союзником нового шефа жандармов — гр. П.А. Шувалова, сразу же вступившего в борьбу с Милютиными и «русской партией». Возможно, именно это помогло 69-летнему князю, ставшему канцлером по случаю 50-летия службы, безболезненно пережить в 1867 г. громкий скандал, вызванный его ухаживаниями за своей замужней внучатой племянницей Н.С. Акинфьевой[30]. Негодование царя выплеснулось на него зимой 1867/68 гг. в самый разгар дискуссии о принципах политики России на Востоке, затеянной министром с Будбергом и послом в Константинополе Игнатьевым, которого, как поговаривали тогда в Петербурге, императрица продвигала в министры. В итоге три дипломата сошлись на том, что необходимо действовать осторожно[31]. И тут весной 1868 г. барону Будбергу пришлось принять вызов полубезумного барона Р.П. Мейендорфа и выйти из-за дуэли в отставку[32]. Правда, гр. Шувалов в беседе с Валуевым утверждал, что «главным поводом к увольнению Будберга был не разлад с Горчаковым, а гнев самого государя, и гнев не за официальную деятельность посла, а за недостаток официальной любезности к одной даме»[33]. При этом прозрачно намекалось на кн. Е.М. Долгорукову, посещавшую Париж в конце мая 1867 г. во время визита Александра II во Францию. Вполне вероятно, что Будберг, успевший к тому времени переориентироваться на гр. Шувалова, в силу своего порывистого характера мог бесцеремонно обойтись с царской любовницей, не пользовавшейся расположением шефа жандармов. В пользу этого говорит и то, что барон, несмотря на почётное назначение 20 мая 1868 г. членом Государственного совета, никогда больше не привлекался императором к каким-либо делам. В правящих кругах ему сочувствовали, но он так часто менял союзников, что едва ли мог рассчитывать на чью-то поддержку.

На рубеже 1860—1870-х гг., в тени гр. Шувалова, положение кн. Горчакова заметно укрепилось, особенно после триумфальной отмены в 1870—1871 гг. статей Парижского трактата 1856 г., ограничивавших суверенитет России на Чёрном море. Роль князя при этом сводилась преимущественно к сочинению звонких циркуляров, тогда как само решение, о котором в них сообщалось, стало возможно лишь благодаря разгрому империи Наполеона III, сближению монархов России и Пруссии, усилившемуся при подавлении польского мятежа и продолжавшемуся впоследствии, во многом вопреки профранцузским симпатиям значительной части российских дипломатов и генералов, а также позиции, занятой Александром II в самом начале франко-прусской войны (когда глава МИД ещё только возвращался с заграничного отдыха)[34]. Тем не менее

[29] *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1865—1867. С. 365—367.

[30] Подробнее см.: *Экштут С.А.* Надин, или роман великосветской дамы глазами тайной политической полиции. По неизданным материалам Секретного архива III отделения Собственной е.и.в. канцелярии. М., 2001.

[31] Дневник П.А. Валуева... Т. 2. М., 1961. С. 230—234; Граф Н.П. Игнатьев и Православный Восток. Документы, переписка, воспоминания / Публ. О.В. Анисимова и К.А. Ваха. Т. 1. М., 2015. С. 642—671. Подробнее см.: *Хевролина В.М.* Николай Павлович Игнатьев. Российский дипломат. М., 2009. С. 249—252.

[32] Подробнее о Будберге см.: *Черкасов П.П.* Александр II и Наполеон III. Несостоявшийся союз (1856—1870). М., 2015. С. 258—326.

[33] Дневник П.А. Валуева... Т. 2. С. 266.

[34] О роли императора в формировании внешней политики и его разногласиях с кн. Горчаковым подробнее см.: *Захарова Л.Г.* Александр II и место России в мире // Новая и новейшая история. 2005. № 2, 4.

лавры и титул светлости достались кн. Горчакову, как и слава человека, который «точку Архимеда смог отыскать в себе самом» и вернул «нам завещанное море», «не двинув пушки, ни рубля» и проч. Ценой успехов и исключительно благоприятной международной обстановки, в которой Россия пребывала в первой половине 1870-х гг., для него оказалось проведение безальтернативного курса на тесное сотрудничество трёх восточных империй. Однако для руководства внешней политикой в рамках созданного по инициативе Александра II секретного союза трёх императоров едва ли годился министр, который, по словам царя, «не сочувствовал заключённым конвенциям, может быть, только потому, что они были заключенным помимо него»[35]. Такой упрёк, конечно, сильно упрощал позицию канцлера. Неприятие им традиций внешней политики 1830—1840-х гг. (а в союзе трёх императоров отчётливо чувствовалось возвращение к ним) было гораздо более глубоким и искренним. На него уже накладывалось и личное соперничество с кн. Бисмарком, переросшее к началу 1870-х гг. во взаимную неприязнь, и застарелая привычка видеть в австрийцах коварных недоброжелателей, если не врагов. А поскольку всё это сочеталось с упорным противодействием главы МИД расширению российских владений в Средней Азии, необходимость замены князя становилась всё более острой.

К тому же гр. Шувалов, поддерживавший с Бисмарком дружескую связь и являвшийся наиболее влиятельным сановником в Петербурге, всё чаще выполнял различные поручения за границей и вполне мог претендовать на кресло кн. Горчакова, который, по его мнению, «никогда не был человеком деловым». Позднее граф писал: «Он обладал даром слова, но всегда придерживался общих мест. Я был его сослуживцем в течение десяти лет, и ни разу я не видел, чтобы он серьёзно изучал какой-либо вопрос, будь то в области внутренних дел или даже иностранной политики»[36]. Когда летом 1874 г. император внезапно для всех назначил бывшего уже шефа жандармов послом в Лондоне вместо старейшего русского дипломата — гр. Ф.И. Бруннова (который был лишь на год старше кн. Горчакова), в столице заговорили, что гр. Шувалов вскоре вернётся, возглавит МИД и, по примеру Германии, соединит в своих руках правительственную власть[37]. Предположения эти не сбылись; удалившись в Англию, граф лишился прежней роли, но, безусловно, в любой момент мог заменить канцлера.

1875 г. начался для кн. Горчакова неудачно. 15 февраля скоропостижно скончался товарищ министра иностранных дел В.И. Вестман. Свой пост он занимал с 1866 г., а перед тем 20 лет, со времён гр. Нессельроде, заведовал канцелярией МИД. Это был «неразговорчивый»[38], в отличие от канцлера и его приближённых, почти незаметный, но и незаменимый по своему опыту чиновник, не представлявший вместе с тем ни малейшей опасности для своего начальника. Временно должность товарища в 1875 г. исправлял амбициозный П.Н. Стремоухов, почти всю свою жизнь после окончания в 1842 г. Царскосельского лицея прослуживший в Азиатском департаменте МИД (лишь 1856—1858 гг. он провёл генеральным консулом в Рагузе) и с 1864 г. являвшийся его директором. Будучи доверенным сотрудником кн. Горчакова, с трудом ориентировавшегося в восточной политике и нуждавшегося в противовесе её автори-

---

[35] *Милютин Д.А.* Дневник. 1879—1881 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2010. С. 97.
[36] П.А. Шувалов о Берлинском конгрессе 1878 г. // Красный архив. 1933. № 4. С. 106.
[37] *Милютин Д.А.* Дневник. 1873—1875 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2008. С. 124—130; 291—292.
[38] *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1868 — начало 1873. С. 114.

тетному знатоку Игнатьеву, Стремоухов имел все основания рассчитывать на повышение. Хотя в новом качестве он едва ли был бы удобен для канцлера и вполне мог его обойти. Но убедившись на одном из докладов, что император не намерен предлагать ему место Вестмана, Пётр Николаевич, по словам Ю.С. Карцова, «обиделся, бросил службу и уехал в деревню». К концу осени, наблюдая за нарастанием Восточного кризиса, он «успел успокоиться и одуматься» и попытался вернуться. Но князь, сославшись на предубеждённость императора, сказал, что «ничего нельзя сделать»[39].

К тому времени кн. Горчаков, скорее всего, уже нашёл нужного ему человека. Им оказался посланник в Стокгольме Н.К. Гирс (муж племянницы канцлера О.Е. Кантакузен), в начале декабря назначенный сразу сенатором, товарищем министра и управляющим Азиатским департаментом, где начинал свою службу в 1838—1841 гг. 1840—1860-е гг. он провёл в Дунайских княжествах, Египте и Персии и был неплохо подготовлен к новой должности. Бывший лицеист, не имевший покровителей при дворе, но со связями в среде чиновничества среднего звена (его родной брат, член совета министра финансов, принадлежал к числу ближайших сотрудников Рейтерна), Николай Карлович выглядел как скромный, квалифицированный и трудолюбивый помощник князя, но никак не его потенциальный конкурент или преемник. И он умело поддерживал подобное впечатление. Как вспоминал Карцев, «на первых порах... самостоятельности Гирс не проявлял... Согнутый в три погибели, растерянный, он производил впечатление старца комического и беспомощного». По словам мемуариста, директор Департамента личного состава А.Ф. Гамбургер, пользовавшийся особым доверием кн. Горчакова и будто бы посоветовавший канцлеру взять Гирса в товарищи, сделал это лишь потому, что считал его «человеком слабовольным и ничтожным», и далеко не сразу увидел свою ошибку[40]. Но любопытно, что назначение Гирса приветствовал в 1875 г. и Игнатьев, заявлявший даже, будто бы «именно его рекомендовал Горчакову», покидая в 1864 г. Азиатский департамент[41]. 19 декабря 1876 г. обедавший с Гирсом сенатор Половцов описал его в дневнике: «Говорят, не дурной и не совсем глупый человек, но какой-то запуганный, вероятно, всего больше думающий о дороговизне петерб[ургской] жизни, о нарядах жены и дочерей, о зыблемости своего собственного положения и о желании проводить время и дела без особых трудностей и неприятностей»[42].

Однако в разгар Восточного кризиса «трудностей и неприятностей» не мог избежать ни Гирс, ни сам кн. Горчаков. Те, кто «раскачивал» в 1875—1876 гг. «славянское движение» в России, ожидали, что одним из последствий общественного подъёма станут перестановки в правительственных кругах. Канцлера это не могло не настораживать. Между тем открытое противодействие втягиванию империи в балканский конфликт или пассивность дипломатии неизбежно вызвали бы резкую критику в печати и компрометировали бы князя перед императрицей и её воинственно настроенным окружением. Тем самым он рисковал своей репутацией, а вместе с ней и постом. Вмешательство же в турец-

---

[39] *Карцев Ю.С.* За кулисами дипломатии // Русская старина. 1908. № 2. С. 346. Ю.С. Карцев (Карцов) — племянник генерального консула в Белграде А.Н. Карцева, выступавшего посредником между Стремоуховым и кн. Горчаковым.

[40] *Карцов Ю.С.* Семь лет на Ближнем Востоке. 1879—1886. Воспоминания политические и личные. СПб., 1906. С. 355.

[41] *Хевролина В.М.* Николай Павлович Игнатьев... С. 275.

[42] ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 11, л. 96—97.

кие дела, во-первых, требовало реалистичной программы действий (которой не было), а во-вторых, непременно выдвинуло бы на первый план Игнатьева, что совершенно не устраивало канцлера. Оставалось надеяться на то, что выход из кризиса найдут австрийцы, но в Вене внутренних противоречий было не меньше, чем в Петербурге, и ситуация только обострялась. Усугубляло её и то, что «славянские комитеты», по сути, толкавшие Россию в войну, формально находились до 1877 г. в ведении МИД, хотя фактически, после отставки и смерти Ковалевского, никем не контролировались.

В результате, кн. Горчакову приходилось лавировать, его позиция постоянно колебалась. Причём в правящих кругах колебания эти оценивались довольно жёстко. 30 июля Половцов после беседы с Гамбургером (который некогда преподавал ему в пансионе французский язык) писал о канцлере: «Его постоянно и неизменно занимает одно: собственная его личность, неизмеримое его тщеславие. Востока он не знает, Игнатьева ругает, болтает неумолимо, но в сущности не знает, чего хочет, если правильнее — знает, что хочет получать своё жалованье, популярничать пред Россиею и занимать первое место при дворе»[43].

Осенью 1876 г. в Ливадии князь держался воинственнее Игнатьева, пытаясь если не перехватить у него инициативу, то избежать невыгодных для себя разногласий и сравнений. А по возвращении в Петербург он, вместе с Рейтерном, становится рупором тех, кто выступал за сохранение мира любой ценой, что в известной мере дезавуировало действия того же Игнатьева, отправленного на Константинопольскую конференцию. Если бы кн. Горчакову удалось тогда убедить Александра II в возможности уклониться от столкновения с османами, дипломатическая карьера Игнатьева закончилась бы, скорее всего, уже в 1877 г.: вернуться в Турцию он бы не смог, а в Европе оказался бы неудобен. Лондонский протокол, согласованный при участии гр. Шувалова в марте 1877 г., практически решал эту задачу, открывая приемлемый для России путь к отступлению, не требовавший от турок никаких жертв. И лишь его отклонение султаном (уверенным, что русские ограничатся демонстрацией силы, и предпочитавшим рисковать балканскими провинциями, но не жизнью) не оставило царю выбора.

Летом и осенью 1877 г., когда Александр II находился на Дунае, канцлер, как рассказывал позднее Милютину Гирс, «проживал спокойно в Бухаресте, предавался удовольствиям старого развратника и ничего знать не хотел о делах и дипломатии», что, однако, не мешало ему срывать попытки кн. Бисмарка вступить с «русским правительством» в секретные переговоры об условиях завершения войны и возможном содействии Берлина. При этом, разглашая в печати германские инициативы, министр, не задумываясь, компрометировал своего товарища, сообщившего ему о данном предложении, сделанном «совершенно конфиденциально»[44].

Характерно, что кн. Горчаков, не имея сил сопровождать монарха в походе, не пожелал остаться в Петербурге, где при объяснениях с послами выглядел бы устранённым от принятия решений. Конечно, сдерживать растущее влияние Милютина и Игнатьева, лишь ненадолго покидавшего царскую свиту, князь из Бухареста не мог. Но если Игнатьева уже нельзя было остановить, то никто не мешал дать ему зайти слишком далеко при заключении мира. В 1886 г. Гирс

---

[43] ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 11, л. 74.

[44] *Милютин Д.А.* Дневник. 1876—1878 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2009. С. 634—635.

говорил Милютину, что в январе 1878 г. «отправление ген[ерала] Игнатьева в Константинополь делалось с какою-то необыкновенною поспешностью. Канцлер, который прежде не благоволил и не доверял бывшему послу, теперь вдруг почему-то вполне положился на его необычайные способности дипломатические и предоставил ему самому составить для себя инструкцию. Кн. Горчаков, даже не видав составленного Игнатьевым проекта, доложил государю, что инструкция готова». Рассмотреть её в Азиатском департаменте не дали, а вопросы и сомнения Гирса князь с раздражением отметал[45]. Поэтому трудно сказать, действительно ли гр. Игнатьев[46], как он уверял впоследствии, ничего не знал о Рейхштадтских соглашениях 1876 г. и Будапештской конвенции 1877 г.[47], или же решил, что изменившиеся обстоятельства позволят их игнорировать, но подписанный им Сан-Стефанский трактат существенно расходился с обязательствами, принятыми на себя Россией и лично её императором накануне войны. Это дискредитировало империю перед её союзниками, грозило превратить русско-турецкий конфликт в большую европейскую войну, а самому графу создавало громкое имя, широкую популярность в России и Болгарии и одиозную репутацию в европейских столицах, где его действия ассоциировались с вероломством и экспансией. Разумеется, это сделало практически невозможным продолжение его дипломатической службы. После Сан-Стефано гр. Игнатьева кн. Горчаков мог уже не опасаться. А ведь ещё в январе 1877 г. Валуев, которого молва также прочила тогда в министры иностранных дел, провозглашал, что «наследство Горчакова по праву принадлежит Игнатьеву»[48].

Одновременно канцлер сумел удалить из Петербурга другого потенциального соперника: 18 апреля 1878 г. кн. А.Б. Лобанов-Ростовский был назначен на освободившийся пост посла в Константинополе. Князь уже служил там советником, а затем посланником в 1856—1863 гг. Кн. Горчаков в то время именовал его «своим преемником». Однако в 1863 г. из-за скандальной связи с женой французского поверенного в делах кн. Лобанов вынужден был выйти в отставку и уехать в Италию. Вскоре, после смерти г-жи Буркне, он вернулся на службу, но кн. Горчаков и Стремоухов уже не желали видеть его в МИД, и ему пришлось перейти в МВД. После недолгого губернаторства князь с 1867 г. занимал пост товарища министра при Валуеве и А.Е. Тимашеве. Но, по свидетельству приятельствовавшего с ним Половцова, в МВД «его положение было не совсем приятное, особливо в последнее время, когда бульшая часть серьёзных дел была выделена очень умному, деятельному и трудолюбивому Макову»[49].

Возможно, именно поэтому сибарит кн. Лобанов с 1876 г. всё чаще проявлял интерес к зарубежным делам, в споре с товарищем шефа жандармов Н.В. Мезенцовым выражал сочувствие «славянскому движению» и М.Г. Черняеву, сблизился с окружением императрицы[50]. И Тимашев, и кн. Горчаков

---

[45] Там же. С. 636—637.

[46] Его отец, с 1872 г. председательствовавший в Комитете министров, получил графский титул в декабре 1877 г.

[47] Об этом, в частности, он заявил Гирсу (*Милютин Д.А.* Дневник. 1876—1878. С. 638). См. также: Сан-Стефано. Записки графа Н.П. Игнатьева. Пг., 1916. С. 7. Однако и о соглашении, и о конвенции упоминалось как в записках Игнатьева 1876—1877 гг., так и в его позднейших воспоминаниях: Граф Н.П. Игнатьев и Православный Восток... С. 519, 526, 532, 575, 594. Его биограф полагает, что «посла ознакомили лишь с русской записью» Рейхштадтских договорённостей (*Хевролина В.М.* Николай Павлович Игнатьев... С. 283).

[48] ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 13, с. 7.

[49] Там же, с. 194—196.

[50] Там же, д. 11, л. 46, 65—68.

держались в своих креслах непрочно, и кн. Лобанов по праву считался претендентом на место любого из них. А для почти рассыпавшегося в начале 1878 г. канцлера, всё чаще болевшего, терявшего иногда нить разговора и не раз вызывавшего у Александра II раздражение своей старческой немощью, он был особенно опасен. Между тем в этой ситуации кн. Лобанов не мог, не рискуя своим будущим, отказать императору, просившему в критический момент занять исключительно ответственный пост в Константинополе. Поэтому кн. Горчаков не только инициировал его назначение, но и добился, чтобы его посольство считалось не временным («чрезвычайным»), а постоянным, говоря: «Будете ли вы когда-либо иметь посла лучшего, чем Лобанов»[51]. Найти ему замену и впрямь казалось непросто, и канцлера это вполне устраивало.

Но, пожалуй, сильнее всего канцлеру грозила заметно усилившаяся активность гр. Шувалова. В марте 1877 г. он едва не предотвратил русско-турецкую войну, а в 1878 г. во многом именно благодаря ему удалось преодолеть возникший после Сан-Стефано кризис (тогда как гр. Игнатьев предсказуемо провалил в марте переговоры в Вене). Все составляющие найденного и согласованного им в Лондоне компромисса, позволявшего сохранить мир между великими державами, были одобрены в апреле и мае Александром II и его советниками[52]. На Берлинском конгрессе, в сущности, оставалось лишь их оформить и санкционировать. Кн. Бисмарк обещал гр. Шувалову содействие, благодаря которому конгресс выглядел бы триумфом русско-германского сотрудничества. После чего перемены во главе российского МИД напрашивались бы сами собой. Надо отдать должное кн. Горчакову: несмотря на крайнюю немощь, он сделал почти невозможное, чтобы сорвать данную комбинацию.

Прежде всего, вопреки недвусмысленно выраженной царской воле, он буквально вынудил Александра II, во избежание лишнего скандала, смириться с тем, что его канцлер поедет в Берлин и будет там первым уполномоченным. Это сразу же изменило позицию кн. Бисмарка: успех кн. Горчакова не входил в его планы, а чтобы избавиться от него, теперь, казалось, следовало продемонстрировать всем слабость главы русской делегации, нанеся ей чувствительное дипломатическое поражение[53]. Тем временем разглашение в английской печати секретных соглашений между Лондоном и Петербургом (в чём гр. Шувалов в разговорах винил гр. Игнатьева[54]) ударило по британским представителям и существенно сказалось на характере заседаний конгресса: вместо оглашения заранее подготовленных договорённостей они свелись к мелочному торгу и стычкам из-за деталей, не имевших принципиального значения ни для одной из сторон[55]. Причём кн. Горчаков обычно предпочитал болеть, и вся тяжесть пререканий и уступок (каждая из которых требовала утверждения императором) ложилась на гр. Шувалова. Он же превращался в глазах императора и общественного мнения в главного виновника «унижения» России, вынужденной после победоносной войны оправдываться, торговаться и уступать, жертвуя престижем. Между тем никто, кроме самых одержимых приверженцев И.С. Аксакова, не желал разрыва и столкновения держав.

---

[51] Там же, д. 13, с. 196—198.

[52] *Милютин Д.А.* Дневник. 1876—1878. С. 411—434. Подробнее см.: *Чернов С.Л.* Россия на завершающем этапе восточного кризиса 1875—1878 гг. М., 1984. С. 74—97.

[53] П.А. Шувалов о Берлинском конгрессе... С. 99—100.

[54] Там же. С. 85—86.

[55] После Сан-Стефано. Записки гр. Н.П. Игнатьева с примечаниями А.А. Башмакова // Исторический вестник. 1916. № 5. С. 331.

В итоге на Берлинский трактат, выводивший Россию из сан-стефанского тупика и ни в чём не ущемлявший интересы империи, обрушились чуть ли не все. Кн. Горчаков, не без злорадства воспользовавшийся всеобщим разочарованием и негодованием для дискредитации союза трёх императоров[56], рассказывал, что подал Александру II записку со словами: «Берлинский трактат есть самая чёрная страница в моей служебной карьере». И царь будто бы приписал: «И в моей также»[57]. Милютин 5 июля отмечал в дневнике, что «хотя все эти уступки разрешались верховною властью и притом признавались неизбежными, однако ж государь, по-видимому, недоволен результатом и чувствует себя как бы оскорблённым, униженным»[58]. Впрочем, в разговорах, как стало известно гр. Шувалову, «как раз генерал Милютин наиболее громко высказывал своё недовольство результатами конгресса и... наиболее энергично обрушился на полномочных представителей России». При этом граф полагал, что «тот же самый Берлинский трактат не оказался бы столь непопулярным в России, а был бы принят благосклонно, если бы на нём стояла подпись Милютина»[59]. Разумеется, возмущался договором и гр. Игнатьев, утверждавший, что «уступки наши нужны были Австрии и Англии преимущественно для уничтожения нашего преобладания на Балканском полуострове»[60]. То, что за это «преобладание» пришлось бы воевать не только с Турцией, а сил на борьбу уже не было, в подобных рассуждениях стушёвывалось.

Экзальтированные демагоги, вроде Аксакова, не жалели красноречия, клеймя «это предательство, эту измену историческому завету, призванию и долгу России»[61]. В прессе стремительно формировался «миф о том, что именно на Берлинском конгрессе Россия потерпела дипломатическое поражение»[62]. Но этот миф, вставший на пути нового возвышения гр. Шувалова, охотно поддерживался и военным министром, и канцлером, и Гирсом, и дипломатами игнатьевского круга, и, наконец, самим императором (возможно, и тут проявилось враждебное графу влияние кн. Долгоруковой)[63].

---

[56] Подробнее см.: История внешней политики России. Вторая половина XIX века (от Парижского мира до русско-французского союза). М., 1997. С. 217.

[57] Князь Александр Михайлович Горчаков... С. 179. Эти известные слова исследователи, как ни странно, обычно приводят именно по «рассказам», а не по самой записке: *Киняпина Н.С.* Внешняя политика России второй половины XIX в. М., 1974. С. 188; *Чернов С.Л.* Россия на завершающем этапе... С. 116; *Виноградов В.Н.* Балканская эпопея кн. А.М. Горчакова. М., 2005. С. 266.

[58] *Милютин Д.А.* Дневник. 1876—1878. С. 452.

[59] П.А. Шувалов о Берлинском конгрессе... С. 100—101. Характерно, что во время конгресса Милютин писал в дневнике: «Ужели можно было надеяться, что Европа даст нам полную волю распорядиться судьбой Оттоманской империи? Да мы и сами, начиная войну, отнюдь не имели такого притязания; если ж осуществятся те изменения в политическом и гражданском устройстве христианских областей Турции, на которые Европа уже соглашается, то результат будет громадный и России можно будет гордиться достигнутыми успехами» (*Милютин Д.А.* Дневник. 1876—1878. С. 441). Берлинский трактат вполне допускал подобную интерпретацию, весьма далёкую от мыслей о «дипломатическом поражении».

[60] После Сан-Стефано... С. 335.

[61] Подробнее см.: *Цимбаев Н.И.* Речь И.С. Аксакова о Берлинском конгрессе и закрытие Московского славянского общества // Россия и восточный кризис 70-х годов XIX в. М., 1981. С. 184—193.

[62] Его критический анализ см.: *Рыбачёнок И.С.* Берлинский конгресс 1878 г.: мифы и реальность // Внешнеполитические интересы России: история и современность. Самара, 2016. С. 173—181.

[63] В переписке Александра II с кн. Долгоруковой в 1876—1878 гг. живо обсуждались международные события. Подробнее см.: *Сафронова Ю.А.* Екатерина Юрьевская. Роман в письмах. СПб., 2017. С. 208—212.

Лишь поздней осенью 1878 г. до царя, императрицы, цесаревича и высшего общества дошёл одинокий голос Б.Н. Чичерина, доказывавшего, что «государственные люди, заключившие Берлинский трактат, несомненно, потеряли в России популярность, но они имеют право на благодарность всякого русского человека, который трезво смотрит на вещи и ищет в политике не искупаемых потоками крови филантропических мечтаний, а действительно достигаемых целей, при возможно меньшем кровопролитии»[64]. Император во многом согласился с его доводами, но они не могли вытеснить память о бурных летних переживаниях, когда Александр II писал кн. Долгоруковой: «Признаюсь, всё во мне кипит от злости»[65].

Отправляясь на Берлинский конгресс, кн. Горчаков не мог не понимать, что не принесёт на заседаниях никакой пользы, но сильно рискует своей репутацией, которой он так дорожил. Видимо, сохранение кресла казалось ему важнее. Но, устраняя угрозу со стороны гр. Шувалова, князь окончательно уничтожил свой престиж. «Здесь он разыгрывает поистине недостойную роль, — писал А.И. Нелидов 9(21) июня из Берлина гр. Игнатьеву. — Не будучи в состоянии ходить, потеряв память, не схватывая уже смысл новых для него предложений и не различая оттенков, он говорит вкось и вкривь, горячится, важничает и путает, добавляя, таким образом, предлог к насмешкам и уже тяжкому нашему положению. К тому же ни один из наших уполномоченных никогда не видел Востока и никакого понятия не имеет, что до него касается». Покидая Германию, кн. Горчаков думал о будущем и не без хитрости говорил, что «если государь будет настаивать, он согласится сохранить должность до октября». Между тем 1(13) июля Нелидов констатировал, что «в настоящую минуту необходим более, нежели когда-либо, новый руководитель, молодой, деятельный, предприимчивый, который бы основал на новом положении новую систему дипломатической деятельности»[66].

Но кто мог заменить канцлера в конце 1870-х гг.? Графы Игнатьев и Шувалов оказались умело дискредитированы. Причём против гр. Шувалова было не только общественное мнение и нерасположение кн. Долгоруковой, но и заметно возросшее в 1876—1878 гг. влияние Милютина, получившего после войны графский титул. Решение проблем, с которыми сталкивалась тогда Россия, как никогда требовало слаженной работы военного и дипломатического ведомств. Кн. Горчаков для этого не годился, и на совещаниях у императора его функции всё чаще переходили к гр. Игнатьеву, а затем к Гирсу. Оба они признавали первенство Милютина и ориентировались на него в своих действиях. Назначение же министром иностранных дел гр. Шувалова — главного антагониста военного министра, восемь лет всеми силами добивавшегося его отставки, опрокинуло бы уже почти налаженную работу. Александру II пришлось бы формировать внешнюю политику, имея ближайшими сотрудниками людей не просто разных взглядов, но глубоко ненавидевших и подозревавших друг друга в самых худших намерениях. Вскоре императору всё равно пришлось бы выбирать между ними.

---

[64] РГИА, ф. 1154, оп. 1, д. 42, л. 24. О записке Б.Н. Чичерина и царских пометах на ней см.: *Сказкин С.Д.* Дипломатия А.М. Горчакова в последние годы его министерства // *Сказкин С.Д.* Избранные труды по истории. М., 1973. С. 414—422; *Чернов С.Л.* «Берлинский мир перед русским общественным мнением» (об одной историографической ошибке) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1997. № 1. С. 3—20.

[65] Цит. по: *Сафронова Ю.А.* Екатерина Юрьевская... С. 211.

[66] После Сан-Стефано... С. 332, 334.

Нелидов летом 1878 г. считал, что «самый серьёзный кандидат» на роль руководителя МИД — кн. Лобанов. Возможно, Нелидов надеялся, что тогда освободится пост посла в Константинополе, на который он мог бы претендовать сам. Князь, похоже, уже предвкушал вступление в новую должность. Во всяком случае, дружески беседовавший с ним в мае 1879 г. на Босфоре Половцов отметил, что «очень занят он судом потомства». Тогда же сенатор писал: «Весьма вероятно, что Л[обанов] будет преемником Горчакова»[67]. Лишь гр. Милютин в те дни «догадывался» о намерении царя перевести кн. Лобанова на место гр. Шувалова, просившего об увольнении. Характеризуя князя, просидевшего у него более часа, военный министр 8 мая признал: «С ним вести дело приятно, он человек живой, хотя несколько поверхностный». В ноябре ему даже казалось, что «князь Лобанов будет нулём в Лондоне»[68].

Отправляя кн. Лобанова в апреле 1878 г. в Турцию, а в октябре 1879 г. — в Англию, Александр II сулил ему в скором времени портфель кн. Горчакова[69]. Половцов в декабре 1879 г. не без иронии утверждал, что «Лобанов, благодаря своей особенной сдержанности и умению молчать, как скоро идёт речь о чём-нибудь серьёзном, независимо от услуг, оказанных им в Константинополе, приобрёл особенное расположение государя; неоднократные пребывания его в Ливадии за последний год особенно сблизили его с государем, который любит в окружающих его отсутствие чего бы то ни было выдающегося». Правда, «по счастью, на этот раз эта внешняя бесцветность прикрывает не пустоту или пошлость, как это обыкновенно бывает, а несомненный ум, честность и даровитость, не без примеси, впрочем, сильного легкомыслия и привычки валить с плеча». Но и в этом отношении «полуторагодовое пребывание в Константинополе, полное труда и ответственности, много укрепило в нём хорошие стороны его ума и характера, ослабив всё, что в нём умножила петербургская праздность и мелочность суетной чиновнической, полупридворной жизни»[70].

В ходе общения с императором у кн. Лобанова сложилось стойкое впечатление, что «государь ненавидит и Горчакова, и Шувалова». И хотя «последнего не приглашают больше ни на какие советы, но участие первого в делах приносит им большой вред». Князь будто бы даже делился своими наблюдениями с гр. Милютиным, и они «решились высказать эту мысль государю». Вместе с тем, как отмечал Половцов, «Лобанову сделать это труднее, потому что в нём всякий заподозревает желание наследовать Горчакову»[71]. Судя по всему, и военный министр не стал напрямую говорить с Александром II про «этот щекотливый предмет»[72]. Характерно, что, выжидая своего часа, кн. Лобанов добивался расположения гр. Милютина, демонстрируя, в частности, готовность содействовать осуществлению его планов в Средней Азии, чему обычно препятствовал кн. Горчаков[73].

Однако к осени 1880 г. кн. Лобанов незаметно растерял имевшиеся у него шансы. Во всяком случае, в конце сентября в беседе с Половцовым министр внутренних дел гр. М.Т. Лорис-Меликов, оказывавший тогда преобладающее

---

[67] ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 15, с. 14.

[68] *Милютин Д.А.* Дневник. 1879—1881. С. 62, 113.

[69] *Рыбачёнок И.С.* Министр иностранных дел России А.Б. Лобанов-Ростовский // Новая и новейшая история. 1992. № 3. С. 97.

[70] ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 15, с. 114—115.

[71] Там же, с. 129—130.

[72] *Милютин Д.А.* Дневник. 1879—1881. С. 98—99.

[73] Там же. С. 133—134.

влияние на перестановки в правительственных кругах, скептически отзывался о возможности назначения князя главой МИД. Граф упомянул, что «имеет с Лобановым теперь постоянные сношения», но «очень он лёгок и поверхностен». Фактически это было повторением оценки гр. Милютина. Да и сам гр. Лорис-Меликов не скрывал, что старался избегать разногласий с военным министром, даже когда их мнения о внешней политике расходились[74].

Формально кн. Горчаков вновь удержался на своём посту. Но на сей раз ценой его сохранения стало фактическое отстранение канцлера от реального руководства дипломатическим ведомством. Окончательный перелом произошёл, видимо, осенью 1879 г., когда кн. Горчаков отдыхал за границей, Александр II находился в Ливадии, где его сопровождали среди прочих гр. Милютин и Гирс, а кн. Бисмарк, обострившийперед тем до предела русско-германские отношения и заставивший Вильгельма I заключить оборонительный союз с Австро-Венгрией, инициировал переговоры с Петербургом о возобновлении соглашения между империями. Ещё летом кн. Бисмарк, обедая с русским посланником в Афинах П.А. Сабуровым, начал жаловаться на действия кн. Горчакова во время войны. Когда же Александр II по совету гр. Милютина и Гирса проявил интерес к продолжению этих бесед и стали вырисовываться контуры возможного договора, в Ливадии было «признано необходимым всё это дело держать в совершенной тайне от нашего канцлера и Министерства иностранных дел». На словах кн. Бисмарк «даже выразил готовность встретиться с князем Горчаковым и предать забвению прошлые размолвки». Но гр. Милютин и Гирс убедили императора в том, что «если ведение дела будет поручено настоящему нашему послу в Берлине, под высшим руководством князя Горчакова, то... лучше вовсе и не начинать». К тому времени Александр II уже не раз отзывался о канцлере «как о человеке, выжившем из ума и впавшем в детство». По мнению же военного министра, «князь Горчаков так отстал от дел и так ослабел умственными способностями, что даже опасно допустить его входить в серьёзные разговоры с Бисмарком». Поэтому было решено направить Сабурова послом в Берлин с тем, чтобы руководство его деятельностью осуществлялось лично царём при участии гр. Милютина и Гирса (в Ливадии к составлению инструкций привлекался и кн. Лобанов)[75].

После этого роль кн. Горчакова в МИД стала сугубо номинальной. В ноябре, при первой встрече со своим товарищем в Петербурге, князь «хотел было озадачить Гирса, приняв грозный, начальственный тон; по словам Гирса, произошла сцена довольно бурная: Гирс разгорячился, поднял голос, и канцлер укротился». Император хотя и делал вид, «как будто не замечает слабоумия князя Горчакова», но, по сути, его игнорировал. Между тем болезнь прогрессировала, и в конце мая 1880 г. Александр Михайлович уехал за границу лечиться, избавив Гирса «от необходимости исполнять личные приказания государя украдкой от своего прямого начальника, дабы не раздражать старика и беречь его, как балованного ребёнка»[76].

Создавшееся положение, по-видимому, устраивало всех. «Государь, — по словам Милютина, — уже привык смотреть на себя как на настоящего министра иностранных дел и, без сомнения, Гирсу останется по-прежнему скром-

---

[74] ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 17, л. 79—81.

[75] *Милютин Д.А.* Дневник. 1879—1881. С. 76—77, 87—106. Подробнее см.: *Сказкин С.Д.* Конец австро-русско-германского союза. М., 1974. С. 87—152.

[76] *Милютин Д.А.* Дневник. 1879—1881. С. 112, 200.

ная роль секретаря, на котором лежит редактирование депеш по указаниям государя, да по временам личные объяснения с иностранными дипломатами»[77]. Но именно в этом качестве Гирс был исключительно удобен для Александра II и ловко подлаживался под его привычки и прихоти. В Ливадии, когда император желал заниматься делами, а дипломатической почты не было, он выдумывал проекты депеш и т.п.[78] Заменяя кн. Горчакова в 1878—1879 гг., постепенно он стал привычен и необходим для монарха. Гр. Милютин, называвший Гирса «негласным работником» МИД, относился к нему с уважением и симпатией. Они сблизились ещё в 1876 г., а в 1878—1880 гг. в Ливадии «были почти неразлучны»[79]. Мировоззренчески и психологически просвещённый бюрократ Гирс был гораздо ближе военному министру, чем, к примеру, кн. Лобанов — светский аристократ и многолетний сотрудник Валуева, Тимашева, гр. Шувалова. Наконец, уязвимость позиции делала Гирса сговорчивее, тогда как тот же кн. Лобанов мог бы держаться более самостоятельно, а при возникновении разногласий даже пойти на конфликт с гр. Милютиным. После бесконечных пререканий с кн. Горчаковым Дмитрий Алексеевич ценил установившееся между ним и Гирсом взаимопонимание и сотрудничество, которое обеспечивало графу доминирующее влияние на внешнюю политику. Но и Гирс извлекал из такой ситуации максимальную выгоду: ещё в начале 1878 г. в случае отставки кн. Горчакова он не имел никаких шансов занять его пост, но с каждым годом управления министерством его значение быстро росло, и к 1881 г. он фактически уже являлся преемником князя — при Александре II и гр. Милютине он легко обошёл бы других соперников. Для канцлера же Гирс, как ни странно, также оказался оптимальной фигурой, заинтересованной в том, чтобы выиграть время, откладывая окончательную отставку министра.

Сталкивались ли при этом некие «группировки», объединённые различными внешнеполитическими концепциями? И были ли они вообще? К примеру, заключение союза с Германией действительно поддерживали и гр. Шувалов и гр. Милютин, находившиеся в состоянии давней вражды, и соперничавшие Сабуров и Гирс. Но никакой сколько-нибудь единой «группировки», сопоставимой хотя бы с «русской партией» 1860-х гг. или с «шуваловской партией» начала 1870-х гг., они, конечно, не составляли. Более того, именно гр. Милютина в Берлине считали главным противником Германии в России[80].

Ещё труднее отыскать в то время некую «профранцузскую группировку». Конечно, симпатии к Франции были достаточно сильны среди русских военных и дипломатов второй половины XIX в. Их разделяли и кн. Горчаков, и гр. Милютин и его ближайший сотрудник конца 1870-х гг. Н.Н. Обручев (оба женаты на француженках), и многие другие. Но, кажется, все отчётливо понимали, что ослабленная франко-прусской войной и политическими кризисами Франция не могла выступать тогда сколько-нибудь надёжным союзником. 8 октября 1879 г. Обручев писал гр. Милютину: «Посещая часто Францию, я никогда не видел её в таком неустойчивом положении, как ныне. Смятение в умах невыразимое. Желали-желали республики. Но стали в её главе буржуа-адвокаты, и для большинства общества она сделалась ненавистной». Поэтому какие-либо ответственные соглашения с Парижем в обозримом будущем

[77] Там же. С. 200.
[78] ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 15, с. 210.
[79] *Милютин Д.А.* Дневник. 1891—1899 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2013. С. 348—349.
[80] *Бисмарк О.* Указ. соч. Т. 2. С. 216.

признавались невозможными: «Постоянные перемены правительств создали страшное фарисейство, усилили до крайности эгоизм, подточили патриотизм. Только прочная, проведённая через несколько поколений правительственная система в состоянии будет излечить эти недуги»[81].

За М.Д. Скобелевым никакой «партии» ни в Военном министерстве, ни в войсках не стояло. Несмотря на незаурядные качества, проявленные в 1877—1878 гг., и широкую популярность, генерал пользовался в правительственных сферах весьма незавидной репутацией. В мае 1879 г., расспросив служащих и посетителей русского посольства в Константинополе, Половцов заключал: «О Скобелеве у всех один отзыв. Умён, храбр, ловок на фокусы и штучки, лжец, обманщик, не заслуживает ни доверия, ни уважения»[82]. Гр. Лорис-Меликов уже после смерти Михаила Дмитриевича вспоминал, как тот, обидевшись на Александра III, «пошёл нести какую-то нервную ахинею», намекая на готовность совершить переворот силами своего корпуса. Сам же граф полагал, что «Скобелев был неспокойный ум, без принципов» и «это мог быть роковой для России человек — умный, хитрый и отважный до безумия, но совершенно без убеждений»[83]. Гр. Валуев в начале 1882 г. также иронически отмечал, что Скобелев «начинает походить на испанского генерала с будущими *pronunciamentos* в кармане»[84]. Но до возвращения в 1881 г. из Ахалтекинской экспедиции никаких громких политических заявлений генерал себе не позволял.

Вообще в конце 1870-х гг. военный министр контролировал своё ведомство, как никогда ранее. От «оппозиции», действительно существовавшей в нём на рубеже 1860—1870-х гг., не осталось и следа. Кн. А.И. Барятинский, на которого она тогда опиралась, весной 1878 г., по сути, примирился с Милютиным и его окружением, а 25 февраля 1879 г. генерал-фельдмаршала не стало. Престиж Милютина за время войны заметно вырос, тогда как авторитет его оппонентов, напротив, оказался подорван. М.Г. Черняев, связавшийся в 1875—1876 гг. со славянскими комитетами, был дискредитирован своей сербской авантюрой, перечеркнувшей славу покорителя Ташкента. Р.А. Фадеев, всегда вызывавший у славянофилов недоверие, теперь убеждал Милютина в своей лояльности, искал расположения гр. Лорис-Меликова и служил посредником между ним и гр. И.И. Воронцовым-Дашковым. Летом 1881 г., после отставки гр. Милютина, Фадеев вновь попытался инициировать пересмотр военных реформ 1860—1870-х гг., но его идеи не нашли поддержки ни у нового министра П.С. Ванновского, ни у большинства генералов, обсуждавших планы реорганизации управления вооружёнными силами в комиссии под председательством гр. П.Е. Коцебу (в том числе, кстати, и у Скобелева)[85]. Если «славянофильская общественность» и связывала на рубеже 1870—1880-х гг. какие-либо надежды с гр. Игнатьевым, кн. А.М. Дондуковым-Корсаковым или гр. Э.И. Тотлебеном,

---

[81] ОР РГБ, ф. 169, к. 71, д. 61, л. 22—23. Подробнее см.: *Айрапетов О.Р.* Забытая карьера «русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев (1830—1904). СПб., 1998. С. 212—223; *Рыбачёнок И.С.* «Первая наша забота — стоять твёрдо в Европе» // Армия и флот в геополитических интересах России. М., 2019. С. 123—124.

[82] ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 15, с.18.

[83] *Кони А.Ф.* Граф М.Т. Лорис-Меликов // *Кони А.Ф.* Собрание сочинений в 8 томах / Под ред. В.Г. Базанова, Л.Н. Смирнова и К.И. Чуковского. Т. 5. М., 1968. С. 200—201.

[84] *Валуев П.А.* Дневник. 1877—1884 / Под ред. В.Я. Яковлева-Богучарского и П.Е. Щёголева. Пг., 1919. С. 181.

[85] Подробнее см.: *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий. 1881—1903. М., 1973. С. 92—102; *Кузнецов О.В.* Р.А. Фадеев: генерал и публицист. Волгоград, 1998. С. 111—156.

то этого всё же было совершенно недостаточно для образования «влиятельной группировки». Каждый из этих сановников действовал вполне самостоятельно и, в сущности, их мало что объединяло, кроме того, что в 1879—1881 гг. все они оказались на генерал-губернаторских должностях и в стороне от внешней политики.

Катастрофа 1 марта 1881 г., казалось, изменила всё. Александра III с Гирсом ничего особо не связывало. Графы Милютин и Лорис-Меликов вскоре покинули правительство. Ненадолго вновь взошла звезда гр. Игнатьева, к которому недоверчивый самодержец выражал в 1881—1882 гг. исключительное расположение. Друг молодости нового императора кн. Н.А. Орлов с 1871 г. занимал пост посла в Париже и вовсе не считал это вершиной своей карьеры. По темпераменту царю были ближе увлекающиеся Нелидов или Сабуров, а не осторожный Гирс. Но именно Николай Карлович лучше всех соответствовал тем критериям, которых придерживался Александр III, подбирая себе министров. Конфликт императора со сторонниками либеральной программы гр. Лорис-Меликова объяснялся не столько их мнимыми «конституционными» стремлениями, сколько его опасением попасть «в лапы» своих более компетентных, опытных, ловких и авторитетных советников, способных навязать ему собственную политику и лишить возможности править по-своему, а не в строгом соответствии с тем или иным, пусть даже им самим одобренным планом. Поэтому во главе министерств он предпочитал видеть либо чиновников, отличавшихся сравнительно мягким характером (Н.Х. Бунге, П.С. Ванновский, Н.К. Гирс, И.Д. Делянов, И.Н. Дурново, А.С. Ермолов, М.Н. Островский, Д.М. Сольский), от которых трудно было ожидать какого-либо давления, либо людей, изначально чуждых бюрократической среде (И.А. Вышнеградский, С.Ю. Витте) или находившихся в остром конфликте со значительной её частью (гр. Д.А. Толстой).

Но и в международных делах Александр III рисковал оказаться орудием и заложником чужой «системы». Желая избежать этого, он так и не подпустил к ним гр. Игнатьева, отстранил от них Сабурова, не приближал к себе ни кн. Орлова, ни Нелидова. Кроме того, давала о себе знать и грубость суждений самодержца, склонного резко разочаровываться в тех, кто прежде пользовался его благоволением. Жертвой подобной «переоценки» стал, в частности, кн. Лобанов. Если в апреле 1878 г. цесаревич поддерживал его возвращение на дипломатическую службу, то в 1886 г. император, наблюдая за деятельностью князя, переведённого в 1882 г. в Вену, решил, что он «обленился» и «плохо отстаивает наши интересы», из чего тут же следовал вывод: «Не пора ли подумать о другом назначении». И лишь по просьбе Гирса эта резолюция осталась без последствий[86].

В Гирсе же Александр III, как сам царь однажды признался М.Н. Каткову, видел лишь «флюгер», лишённый всякого самостоятельного значения и потому не вызывавший никаких подозрений. Впрочем, и некоторым подчинённым он запомнился как «министр-бюрократ, министр “чего изволите”, министр на побегушках» — «при абсолютном монархе»[87]. Более того, даже гр. Милютин, узнав о смерти Гирса, 18 января 1895 г. признал: «Николай Карлович не отли-

---

[86] *Милютин Д.А.* Дневник. 1876—1878. С. 417; Дневник В.Н. Ламздорфа (1886—1890) / Под ред. Ф.А. Ротштейна. М.; Л., 1926. С. 6. Подробнее об отношении Александра III к кн. Лобанову см.: *Рыбачёнок И.С.* Министр иностранных дел России... С. 97—98.

[87] *Карцов Ю.С.* Семь лет на Ближнем Востоке... С. 359, 385.

чался твёрдостью характера, стойкостью убеждений, ни дипломатической прозорливостью; но привлекал к себе мягкостью форм, скромностью, ровностью в обращении и честностию как в личных отношениях, так и в исполнении служебных обязанностей... Но оба императора... одинаково смотрели на своего министра иностранных дел не как на ответственного руководителя внешнею политикой империи, а только как на своего верного секретаря... В этом отношении Александр III шёл по стопам своего предшественника и вёл самолично внешнюю политику»[88].

В первый год царствования Александр III, похоже, присматривался к Гирсу и не задумывался о переменах в МИД. Кн. Горчаков летом 1881 г. ненадолго приезжал в Россию, но гр. Игнатьев, возглавлявший тогда МВД, отговорил его подавать в отставку. Судя по всему, граф ещё надеялся вскоре вернуться в гораздо лучше ему знакомое ведомство[89]. Между тем в начале 1882 г. император убедился, что отсутствие полноправного министра иностранных дел провоцирует, вопреки официальным декларациям и конвенциям, толки о надвигающейся войне, которую будто бы не то готовил, не то предсказывал гр. Игнатьев. Даже в эпатажных речах Скобелева в Париже перед сербскими студентами о неизбежности столкновения немцев с союзом французов и славян усматривали «результат соглашения с гр. Игнатьевым, г. Аксаковым и К°» или, по меньшей мере, «московско-игнатьевских внушений». В марте Скобелев, срочно вызванный после скандала в Петербург, толковал в Английском клубе с гр. Валуевым о том, что «возбуждением воинственного патриотизма можно парализовать и даже подавить нигилизм», а «война будто нужна для восстановления “престижа” династии, утраченного вследствие её роли в минувшую войну». Дружбы с гр. Игнатьевым он не скрывал, хотя, конечно, только вредил ему своими заявлениями[90].

В этой атмосфере продолжались интриги дипломатов. Трения и «рознь» между Сабуровым и Гирсом возникли ещё в декабре 1879 г. Но тогда их сдерживал гр. Милютин, на которого оба они ориентировались, периодически жалуясь ему друг на друга. После отставки и отъезда графа в Крым, «видя колебания государя в выборе преемника князю Горчакову, Сабуров дожидался смерти нашего канцлера, считая себя кандидатом на этот пост». Определённым основанием для «честолюбивых надежд» служила его роль в возобновлении в 1881 г. союза трёх императоров и личное расположение к нему кн. Бисмарка[91]. Впрочем, Александра III это могло лишь отпугнуть: потребности в «русском Бисмарке» он не испытывал. К тому же Сабуров был известен как «карьерист в полном смысле слова, жертвующий всем для успешного повышения». Как утверждал Половцов, «он долго был секретарём Бруннова в Лондоне и остался его сердечным подражателем, с тою разницею, что Бруннов б[ыл] несравненно его даровитее, и Сабуров остался при уловочках, штучках, ухищрениях, несравненно менее обильных содержанием. Его карьеру сделало в особенности подобострастие его пред князем Горчаковым, а также то обстоятельство, что Сабуров по старшинству стоял пред сыном Горчакова, так что для повышения

---

[88] *Милютин Д.А.* Дневник. 1891—1899. С. 349. Ср. весьма схожий отзыв С.Ю. Витте: Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания / Публ. Б.В. Ананьича, Р.Ш. Ганелина, С.В. Куликова, С.К. Лебедева и И.В. Лукоянова. Т. 1. Ч. 1. СПб., 2003. С. 342—343, 416—417.

[89] Дневник Е.А. Перетца (1880—1883) / Публ. А.А. Сергеева. М.; Л., 1927. С. 86—87.

[90] Там же; *Валуев П.А.* Дневник. 1877—1884. С. 183—189.

[91] *Милютин Д.А.* Дневник. 1879—1881. С. 123; *Милютин Д.А.* Дневник. 1882—1890 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2010. С. 125—126, 133—134.

последнего приходилось повышать Сабурова»[92]. О широких геополитических замыслах посла, стремившегося к установлению русского контроля над Босфором и Дарданеллами и к новому Ункяр-Искелесийскому договору[93], сенатор явно не догадывался.

Так или иначе, простейшим способом успокоить публику в России и Европе, отмежеваться от воинственных речей и нормализовать внутриведомственные отношения являлось увольнение кн. Горчакова и назначение Гирса министром, состоявшееся на Пасху, 28 марта 1882 г. По словам гр. Милютина, «назначение Гирса должно было всех успокоить: всем был он известен за человека честного, спокойного, миролюбивого, чуждого всяких односторонних, национальных и тщеславных порывов». И прежде всего оно должно было устранить сомнения «берлинского двора» в стабильности положения России и её внешней политики[94]. Рядом с императором, склонным к резким суждениям и поворотам, вплоть до конца царствования оставался надёжный «секретарь», исподволь приучавший своего повелителя к выдержке и осторожности.

---

[92] ГА РФ, ф. 583, оп. 1, д. 15, с. 121—122.
[93] Подробнее см.: *Сказкин С.Д.* Конец австро-русско-германского союза... С. 123—152.
[94] *Милютин Д.А.* Дневник. 1882—1890. С. 127—128.

Капитан П.М. Михайлов и «младотурки»

Антон Фомин

Captain P.M. Mikhailov and the «Young Turks»

Anton Fomin
(Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences)

DOI: 10.31857/S086956870015465-2

В историографии можно встретить упоминания о кружке офицеров русской армии, члены которого, по аналогии с турецкими военными заговорщиками, получили в начале XX в. полуироничное прозвище «младотурки»[1]. При этом исследователи приводят отрывочные и противоречивые сведения о деятельности этого кружка, его целях и составе участников. Они заставляют задуматься о степени вовлечённости российского офицерства в политическую борьбу в годы третьеиюньской монархии.

Капитан П.М. Михайлов редко попадал в поле зрения историков[2], но именно он оказался в центре крупного конфликта, в котором были замешаны высокопоставленные армейские чины и депутаты Государственной думы. Пётр Михайлович родился 12 мая 1865 г. в семье потомственного дворянина, заслуженного ординарного профессора юридического факультета Санкт-Петербургского императорского университета, действительного статского советника М.М. Михайлова, являвшегося какое-то время членом Харьковской судебной палаты, а затем директором Санкт-Петербургского тюремного комитета[3]. Видимо, домашняя обстановка сказалась на его сыне. Пётр владел четырьмя языками: французским и немецким — свободно, а также английским и итальянским[4]. Избрав в 1882 г. военную стезю, в 1897 г. Михайлов поступил в Николаевскую академию Генерального штаба[5], но не выдержал переводные экзамены на 3-й («дополнительный») курс, а потому считался окончившим её по «2-му разряду», без права на зачисление в корпус офицеров Генерального штаба. Он нигде не задерживался надолго и за 10 лет успел побывать в трёх

© 2021 г. А.Ю. Фомин

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 19-39-90046.

[1] *Айрапетов О.Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию (1905—1917). М., 2003. С. 12—21; *Хутарев-Гарнишевский В.В.* Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи. М., 2020. С. 124—130; *Кожевин В.Л.* Российское офицерство и февральский революционный взрыв. Омск, 2011. С. 43; *Fuller W.* Civil—Military Conflict in Imperial Russia, 1881—1914. Princeton, 1985. P. 192—205.

[2] *Соловьёв К.А.* Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906—1914). М., 2011. С. 462—463; *Фуллер У.* Внутренний враг: шпиономания и закат императорской России. М., 2009. С. 105—106; *Чирков А.А.* Взаимоотношения думской комиссии по государственной обороне с Военным и Морским министерствами в 1907—1917 гг. // Военно-исторический журнал. 2016. № 2. С. 38—39.

[3] РГИА, ф. 1278, оп. 9, д. 1133, л. 4.

[4] Там же.

[5] Там же, ф. 400, оп. 17, д. 29763, л. 2.

полках и отдельном резервном батальоне, а в 1894—1896 гг. уже служил при Главном штабе. Затем он был отправлен в уже четвёртый по счёту полк, но там практически не появлялся, проведя год в отпуске за границей. С 1901 по 1904 г. Михайлов снова числился при Главном штабе: сначала в Военно-исторической комиссии, потом — в Военно-статистическом отделении. 7 января 1905 г. его назначили в офицерский резерв действующей армии[6]. На театре военных действий Михайлов получил малозначительную должность в управлении генерал-квартирмейстера и параллельно писал корреспонденции по заданию «Русского инвалида» — официальной газеты военного ведомства[7].

Карьера Михайлова буксовала: на 26-м году службы он всё ещё оставался обер-офицером, тогда как обычно оканчивавшие Академию «по 2-му разряду» уже получали штаб-офицерский чин, даже не имея опыта службы в центральном аппарате военного ведомства. Вероятно, это объяснялось конфликтным, неуживчивым характером и нечистоплотностью в денежных делах. В Главном штабе Михайлов постоянно занимал и не отдавал долги (даже своему начальнику генералу Д.К. Гершельману)[8], не раз взыскивавшиеся в судебном порядке. В 1909 г. за капитаном ещё числилась задолженность перед кассой при Главном штабе[9]. По словам сокурсника, он пользовался «весьма нелестной репутацией» и среди слушателей Академии Генштаба[10]. На Дальнем Востоке Михайлов заведовал «писарской командой», но был отчислен от штаба вследствие «неудовлетворительности работы и неумения вести денежные дела»[11]. Вернувшись с войны, Пётр Михайлович отправился в четырёхмесячный отпуск, а затем был переведён в разряд «эвакуированных»[12]. При этом он продолжал заниматься журналистикой и весной 1906 г. стал корреспондентом «Русского инвалида» в I Государственной думе[13].

По мере того, как определялось политическое «лицо» народного представительства, тон репортажей Михайлова становился всё более критическим. Сохраняя форму сухого, беспристрастного отчёта, он довольно искусно создавал максимально непривлекательный для читателей образ Думы. Избегая оценочных суждений, нигде прямо не высказывая свою позицию, Михайлов манипулировал словами депутатов и выставлял их предложения в нелепом виде, не ставя под сомнение сам принцип народного представительства[14]. Из этих репортажей можно было сделать единственный вывод: революционно настроенные, некомпетентные, не способные даже организовать прения депутаты не принесут пользу стране и их следует распустить. При освещении работы II Думы приёмы Михайлова остались прежними, но действовал он несколько иначе[15]. Основное внимание корреспондент «Русского инвалида» уделял теперь не репликам депутатов (даже правых), а заявлениям правительства, глава которого, П.А. Столыпин, отказавшись от пассивной тактики своего преемника

---

[6] Там же, л. 3—4.

[7] *Айрапетов О.Р.* Пресса и цензура в Русско-японскую войну // Русско-японская война 1904—1905: взгляд через столетие. М., 2004. С. 348.

[8] РГИА, ф. 1278, оп. 9, д. 1133, л. 80 об.

[9] Там же, л. 28.

[10] Там же.

[11] Там же, л. 81.

[12] Там же, л. 73.

[13] РГВИА, ф. 400, оп. 3, д. 2892, л. 8.

[14] Русский инвалид. 1906. 28 апреля; 30, 31 мая, 2, 10, 17, 28 июня; 1 июля.

[15] РГИА, ф. 1278, оп. 1, д. 673, л. 1.

И.Л. Горемыкина, не раз выступал в Думе с программными речами. Смысл нового подхода редакции очевиден — продемонстрировать активность правительства, отодвинув саму Думу на второй план.

Со временем офицера-журналиста заметили. В 1908 г. Михайлов покинул армию и поступил на службу в Канцелярию Государственной думы, руководство которой нуждалось в чиновниках, хоть сколько-нибудь компетентных в военных делах. В ноябре 1907 г. по инициативе депутатов из фракции «Союза 17 октября» была образована Комиссия по государственной обороне, но её членам, не исключая и отставных офицеров, явно не хватало специальных знаний для анализа законопроектов военного и морского ведомств. Председатель комиссии А.И. Гучков, опасаясь последствий подобной некомпетентности, желал видеть на должности делопроизводителя профессионального военного. В Главном штабе ему рекомендовали Михайлова, и Гучков лично добился его назначения, хотя против выступали секретарь Думы И.П. Созонович и фактический начальник её канцелярии Я.В. Глинка[16]. По свидетельству Михайлова, Александр Иванович даже угрожал секретарю Думы, заявив: «Если капитан Михайлов не будет назначен делопроизводителем, я принужден буду сложить с себя звание председателя Комиссии по государственной обороне»[17]. На первый взгляд это был весьма подходящий кандидат, имевший необходимое образование, умевший владеть пером и знакомый с думской «кухней». В августе 1908 г. Михайлов приступил к исполнению своих новых обязанностей, а 6 ноября его официально назначили делопроизводителем VI класса законодательного отдела Канцелярии Государственной думы с переводом на гражданскую службу и переименованием в коллежские асессоры[18].

Однако Гучков быстро разочаровался в своём выборе. По его словам, Михайлов «оказался как канцелярист никуда не годным, плохо писал доклады, был ленив и хамски груб со своими подчинёнными»[19]. Вместе с тем он не был удовлетворён положением технического сотрудника и хотел сам поучаствовать в большой политике. «Гучков, несомненно, видел в нём своего человека и пользовался, очевидно, мелкими услугами его, не касающимися его службы. Худшее, что только может быть. Михайлов же, будучи крайне бестактным, бесталанным и глупым человеком, всячески старался показать, что он находится под покровительством человека, имеющего вес и значение. Он возмечтал о себе и старался даже всей Канцелярии всячески показать, что он играет крупную роль в делах обороны государства», — писал в дневнике Я.В. Глинка 4 декабря 1910 г.[20] 8 марта 1910 г. Гучков был избран председателем Думы. Уже весной он, по словам Глинки, «указал Михайлову, что ему надо принять меры к подысканию другой должности, так как служить в Канцелярии Государственной думы ему нельзя. Михайлов обещал»[21]. Но в июле Гучков сложил с себя

---

[16] *Глинка Я.В.* Одиннадцать лет в Государственной Думе, 1906—1917: Дневник и воспоминания / Публ. Б.М. Виттенберга. М., 2001. С. 74.

[17] РГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 111, л. 2.

[18] РГИА, ф. 1278, оп. 9, д. 1133, л. 7.

[19] *Гучков А.И.* Александр Иванович Гучков рассказывает...: Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 81. В одном из писем Михайлов многословно оправдывается перед Гучковым за невыполнение работы в срок, сетуя на неправильную постановку дела в думской Канцелярии (ГА РФ, ф. 555, оп. 1, д. 999, л. 1—2).

[20] *Глинка Я.В.* Указ. соч. С. 74.

[21] Там же.

председательские полномочия, поскольку ему предстояло отбывать наказание за дуэль с гр. А.А. Уваровым[22].

Тем временем, разойдясь со своим бывшим покровителем, Михайлов сочинил донос, компрометировавший Гучкова и связанных с ним лиц. Написан он слишком обстоятельно и литературно для такого жанра, события излагались от первого лица, в хронологическом порядке, с массой мемуарных деталей, отступлений и бытовых зарисовок, заставлявших сопереживать автору, разделять его удивление и негодование. Перед читателем постепенно раскрываются «преступные» замыслы Гучкова.

Вначале Михайлов декларировал свои убеждения. При знакомстве секретарь Думы будто бы спросил его: «Вы — офицер, не революционер?», на что Пётр Михайлович ответил: «Как был всегда честным слугой и верноподданным своего самодержавного монарха, таким и останусь до конца дней своих. Кроме того, я никогда не забываю, что мои скромные имя и фамилия вместе с дворянским званием были удостоены чести носиться великим императором Петром 1-м»[23]. Далее скромный тёзка бомбардира Петра Михайлова давал нелицеприятную характеристику чиновников думской Канцелярии: «Присматриваясь к моим новым сослуживцам, я заметил, что большинство из них настроено оппозиционно к современному образу правления, т.е. по своему политическому “credo” они, в лучшем случае, октябристы, в худшем — кадеты. Покойный делопроизводитель переселенческой комиссии А.Д. Шипов иначе меня не приветствовал и не упускал случая заметить, что “вот идёт самый мрачный представитель черносотенства”; на это я ему отвечал: “горжусь быть черносотенцем; как исконное русское имя, оно, конечно, непереносимо для кадетоидов и жидов, которых полагал бы или повесить, или выселить из России; а ещё больше терпеть не могу жидовствующих русских”. Обращаясь затем к начальникам отделов, я убедился, что г. Глинка и г. Маиевский — ярые кадеты, самого левого оттенка, а г. Шеин — как бы беспартийный, иногда, по виду, он правый, а если нужно, то октябрист, а то и втайне — кадет. Равным образом и прочие служащие в отделах общем и финансовом — большинство — кадеты»[24].

Ещё большее беспокойство вызывали у Михайлова конфиденциальные поручения председателя думской комиссии. Однажды во время разговора Гучков «сказал мне: “Вам известно, что с нами работает группа офицеров Генштаба с генералом Гурко во главе?” Я ответил, что “мне это известно”. “Ну-с, так вот, я прошу вас, как только будут поступать законопроекты и сметы, тотчас отсылать их к генералу Гурко, а также и к капитану Л.З. Соловьёву”»[25]. Такое задание показалось Михайлову подозрительным: «Я никак не мог представить себе существование такой “группы” наряду с Военным министерством и с Комиссией по государственной обороне Госдумы. Каковы её цели, назначение, что она преследует? ... Я отправился на квартиру генерала Гурко и, застав его одного дома, сказал о поручении, данном мне А.И. Гучковым. Генерал Гурко со свойственной ему манерой говорить просил меня аккуратно доставлять

---

[22] Подробнее см.: *Иванов А.А.* «Дело чести»: депутаты Государственной думы и дуэльные скандалы (1906—1917). СПб., 2018. С. 246—296.

[23] РГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 111, л. 5.

[24] Там же, л. 13—14.

[25] Там же, л. 9.

законопроекты, дабы своевременно их можно было бы обсуждать с членами Госдумы... Убедившись в существовании “группы офицеров Генштаба”, я решил выяснить состав её, для чего начал производить свои наблюдения»[26].

Таким образом, Михайлов якобы сразу начал «двойную игру»: исполняя поручения Гучкова, он собирал информацию о его делах и сотрудничестве с кружком военных, которое изображалось как грубое нарушение дисциплины и даже посягательство на прерогативы «верховного вождя» армии. Не желая участвовать в этом сговоре, Михайлов будто бы перестал посылать документы генералу Гурко и капитану Соловьёву и этим на несколько месяцев фактически приостановил работу кружка[27]. Однако едва ли его участники стали бы терпеть столь дерзкое поведение скромного канцеляриста. Тем более что, по его же собственным словам, передача бумаг возобновилась после повторного приказания Гучкова[28]. Тем временем в 1909 г. Гучков «уехал в Турцию и вернулся оттуда лишь 27 февраля. По приезде в С[анкт]-П[етер]б[ург] он вызвал меня к себе для доклада текущих дел. Во время моего доклада его часто отрывали звонки / к телефону. С кем А.И. Гучков говорил я, конечно, не знаю, но кому-то он объяснял, что “младотурки — это те же октябристы” и что “особенно благоприятное впечатление производит председатель меджлиса Ахмед Риза паша, которому он, А.И. Гучков, обещал выслать некоторые законопроекты и документы, касающиеся реформ местного самоуправления, городского благоустройства и т.п.”. Дня через два я получил от А.И. Гучкова распоряжение: запаковать некоторые доклады по этим вопросам (доклады были уже в руках А.И. Гучкова) и отправить этот пакет почтой через 2-го драгомана нашего посольства в Турции Андрея Николаевича Мандельштама для передачи его превосходительству Ахмеду Ризе паше от А.И. Гучкова»[29].

Затем в руки Михайлова якобы попал документ, разоблачавший Гучкова и Гурко: «После пасхальных вакаций в апреле месяце в делопроизводство пришёл секретарь комиссии А.И. Звегинцев и передал мне несколько исписанных листов и просил меня, чтобы я приказал перепечатать на машинке в пяти экземплярах возможно скорее. Я спросил его: “это служебный документ или частный?” А.И. Звегинцев ответил: “о да, это совершенно частная работа, к делопроизводству не относящаяся”... Прежде чем дать в перепечатку эти листы, рассмотрел, что именно это за работа. 5 или 7 страниц листовой бумаги, кругом исписанные, носили общий заголовок “К обсуждению военного бюджета”. На последней странице рукой А.И. Звегинцева было написано карандашом: “результаты совместной работы за 1908—1909 гг.”. Затем написаны карандашом тоже рукой А.И. Звегинцева фамилии: “Генерал Гурко, полковник Хотяинцев, полковник Новицкий, полковник Беляев, полковник Ниве, полковник барон Корф, капитан Соловьёв (ныне подполковник), А.И. Гучков, А.И. Звегинцев, Н.В. Савич”. Прочтя эти фамилии, я сразу догадался, что это и есть та “группа офицеров Генштаба”, которая “работает совместно с членами Госдумы”... Отрезав эти карандашные заметки, я отдал в печать эти листы, и когда была готова работа, т.е. 5 экземпляров, я их отнёс в общее собрание и передал вместе с черновиками и отрезанными бумажками с фамилиями А.И. Звегин-

[26] Там же, л. 10.
[27] Там же, л. 16—17.
[28] Там же, л. 18—19.
[29] Там же, л. 19—20.

цеву, который поблагодарив меня, передал мне экземпляр, сказав: “а это вам, на память себе возьмите”. Я взял этот экземпляр и в тот же вечер ознакомился с его содержанием»[30].

На этом месте сохранившаяся часть рукописи Михайлова обрывается, и уже невозможно установить, о каком, собственно, документе шла речь. Очевидно лишь, что он не содержал ничего секретного, если его могли оставить в виде подарка «на память». Тем не менее даже данный эпизод использовался Михайловым для того, чтобы создать впечатление, будто Гучков создаёт в России организацию наподобие той, которая совершила переворот в Турции. Такие серьёзные и отчасти правдоподобные (поскольку неформальные контакты депутатов с военными действительно имели место) обвинения, несомненно, должны были заинтересовать думских монархистов, для которых на первом листе стоит пометка: «Совершенно доверительно, не подлежит оглашению за пределами партии правых»[31]. Но главным адресатом являлись всё же не они, а военный министр В.А. Сухомлинов.

Его предшественник А.Ф. Редигер стремился к сотрудничеству с «третьеиюньской» Думой и не избегал неформальных контактов с депутатами. В начале декабря 1907 г. по просьбе Гучкова он пригласил к себе тех членов Комиссии государственной обороны, при которых мог говорить «откровенно», и, очертив «все дефекты военного ведомства», сообщил, что на «потребности и более или менее обоснованные пожелания наши нам нужно около двух миллиардов рублей»[32]. В дальнейшем, «если нужны были секретные объяснения, то они давались Гучкову или двум-трём делегатам комиссии»[33]. Однако, по мнению председателя, ей необходимы были регулярные консультации с экспертами. Поэтому Гучков обратился к генералу Гурко, которого хорошо знал со времён своей поездки к бурам. Получив согласие военного министра, Гурко стал работать с думцами[34], а в 1908 г. возглавлял Военно-историческую комиссию по описанию Русско-японской войны. В неё входили: К.М. Адариди, М.В. Грулёв, П.Н. Симанский, Ф.П. Рерберг, С.П. Илинский, А.М. Хвостов, В.Н. Минут, Н.Н. Сиверс, А.В. фон Шварц, Н.А. Корф и К.К. Агафонов[35]. Из них по меньшей мере трое (Рерберг, Корф и Илинский) сотрудничали с депутатами[36]. На заседаниях образовавшегося вскоре кружка обычно присутствовали 10—12 военных[37]. Совещания продолжались более двух лет, помимо самого Гурко в них участвовали М.В. Алексеев, Ю.Н. Данилов, В.И. Марков, Ф.П. Рерберг, Н.А. Корф, С.П. Илинский, В.Ф. Новицкий, С.А. Хотяинцев, В.В. Беляев, П.А. Ниве, Л.З. Соловьёв, помощник военного министра А.А. Поливанов. Почти все они были причислены к корпусу офицеров Генштаба или по меньшей

---

[30] Там же, л. 21—22.

[31] Там же, л. 4.

[32] *Редигер А.Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 2. М., 1999. С. 187.

[33] Там же. См. также: *Гучков А.И.* Указ. соч. С. 55.

[34] *Схиммельпенник ван дер Ойе Д.* Отношения между военными и гражданскими в III Думе // Последняя война императорской России. М., 2002. С. 25.

[35] *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в. СПб., 2008. С. 40.

[36] *Рерберг Ф.П.* Исторические тайны великих побед и необъяснимых поражений. Записки участника Русско-японской войны 1904—1905 гг. и члена военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны 1906—1909 гг. Мадрид, 1967. С. 301; *Чирков А.А.* Взаимоотношения думской комиссии... С. 42.

[37] *Гурко В.И.* Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914—1917. М., 2007. С. 314; *Чирков А.А.* Взаимоотношения думской комиссии... С. 43.

мере являлись выпускниками Академии, как Корф и Соловьёв, служивший в ГУГШ. Со стороны думцев ведущую роль играл Звегинцев — офицер Генштаба в отставке, секретарь Комиссии обороны и правая рука Гучкова.

В кружке обсуждали прежде всего те самые законопроекты военного ведомства, которые якобы отказывался рассылать Михайлов. Однако участники этих встреч не были стеснены регламентом и могли высказываться по любому вопросу. Разумеется, такие беседы не годились для подготовки государственного переворота по турецкому образцу, но между военными и депутатами складывалась определённая политическая солидарность. В частности, и те и другие признавали, что при наличии Думы преобразования в армии уже нельзя провести без широкого публичного обсуждения.

У. Фуллер полагает, что Редигер не сообщал Николаю II о кружке Гурко и своих контактах с депутатами[38]. Однако их трудно было скрыть от царя и министра внутренних дел, возглавлявшего правительство. Так или иначе, министр был отправлен в отставку после того, как частично согласился с Гучковым, заявившим в начале марта 1909 г., что из всех командующих приграничными округами лишь один[39] соответствовал занимаемой должности[40]. По мнению В.С. Дякина, это выступление против «негодных» высших армейских начальников могло быть заранее согласовано между Редигером, Гучковым и Столыпиным[41]. Однако в таком случае они явно не предусмотрели возможные последствия. Император болезненно воспринимал подобное вторжение в сферу своих прерогатив.

Если Редигер считал, что «по военной части многие реформы удалось провести лишь ввиду наличия Думы»[42], то сменивший его Сухомлинов предпочитал искать опору в доверии монарха, который приказал ему даже не появляться в Думе без особой необходимости[43]. Взаимодействовать с народным представительством теперь приходилось помощнику военного министра Поливанову, но и он в апреле 1912 г. был снят с должности за излишне доверительные отношения с депутатами и лично Гучковым[44]. В этих условиях судьба кружка Гурко была предрешена, а обвинения Михайлова, сколь бы нелепо они ни звучали, пришлись как нельзя кстати. Сухомлинов воспользовался ими, чтобы удалить занявшихся политикой генералов и офицеров из столицы[45].

В 1930-е гг., беседуя с Н.А. Базили, Гучков вспоминал, что Михайлов был «приставлен» к Комиссии обороны в «качестве соглядатая» и составил «обстоятельный донос... где говорилось о создании в армии такого кружка, который должен подготовлять антимонархические течения, а может быть, и действия, в самой армии»[46]. Но кто мог «приставить» Михайлова, если сам Гучков добивался его назначения?

---

[38] *Fuller W.* Op. cit. P. 202.

[39] Командующий Киевским военным округом генерал Н.И. Иванов — хороший знакомый Гучкова.

[40] Государственная дума. Стенографические отчёты. Созыв III. Сессия II. СПб., 1908. Ч. 2. Стб. 2226.

[41] *Дякин В.С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. Л., 1978. С. 135.

[42] *Редигер А.Ф.* Указ. соч. С. 284.

[43] *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. Т. 1. М., 1924. С. 67.

[44] *Савич Н.В.* Воспоминания. СПб., 1993. С. 149—150.

[45] *Сухомлинов В.А.* Воспоминания. М.; Л., 1928. С. 190—191.

[46] *Гучков А.И.* Указ. соч. С. 81.

Гучков уверял Базили, что решил уволить Михайлова, поскольку контрразведка подозревала его в шпионаже[47]. В 1915 г. в своих показаниях по делу о «причинах несвоевременного и недостаточного пополнения запасов военного снабжения армии», возбужденному против Сухомлинова, Гучков вспомнил о Михайлове и явно хотел показать, что полковник С.Н. Мясоедов был не единственным офицером-изменником в окружении бывшего военного министра. Тогда же показания против Михайлова дал депутат П.Н. Крупенский — один из ближайших сотрудников Гучкова по Комиссии обороны, в квартире которого часто проходили совещания кружка[48]. По его словам, в 1909 г. он якобы «узнал из-за границы, что в Комиссии государственной обороны на службе находится капитан Михайлов, и что [он] должен быть под надзором в смысле недопущения его к государственным секретам»[49]. О своих подозрениях депутат сообщил Гучкову и Сухомлинову, но последний лишь спросил: «Михайловых много, как его имя?» и не предпринял никаких действий[50]. Между тем «вскоре А. Гучков обнаружил, что Михайлов интересуется главное документами секретного шкафа комиссии, и решил его удалить, но тому мешал... секретарь Государственной думы Созонович. Основания его были, думаю, либо то, что как крайний правый он не желал поддерживать лидера октябристов, либо получил от капитана Михайлова записку, о которой говорили. В которой Михайлов, желая себя защитить, указывал, что его гонят за то, что он обнаруживает Гучкова, Савича и меня в младотуречестве и что он об этом писал, кому следует, не знаю, правда ли это, но допускаю, что так. Во всё это вмешалось совещание Государственной думы и с трудом Михайлов был удалён»[51].

Гучков, в свою очередь, заявил, что просил Поливанова проверить подозрения насчёт Михайлова, и вскоре получил справку от начальника контрразведки, подтвердившую его опасения[52]. Он также сообщил, что адресатом доносов Михайлова был Сухомлинов: «Об этом заговоре им была составлена подробная докладная записка, экземпляр которой был им, между прочим, передан генералу Сухомлинову, после чего генерал Сухомлинов, как мне говорили, не раз вызывал его к себе для личных показаний»[53]. И Гучков, и Крупенский настаивали на том, что именно нависшее над ним подозрение в измене заставило Михайлова выступить с разоблачением заговорщиков-младотурок.

Между тем справка Гучкову, присланная Поливановым и подписанная заведующим Особым делопроизводством ГУГШ полковником Н.А. Монкевицем 1 ноября 1910 г., сохранилась[54]. Однако и в ней нет даже косвенных доказательств причастности Михайлова к шпионажу. Выдвинутое против него обвинение основывалось на неясных слухах и смутных подозрениях отдельных лиц, которые даже не могли вспомнить(!), что заставило их усомниться в «надёжности» Михайлова[55].

Тем не менее этот документ помог Гучкову добиться увольнения своего об-

---

[47] Там же. С. 82.
[48] *Поливанов А.А.* Указ. соч. С. 41.
[49] ГА РФ, ф. 1467, оп. 1, д. 737, л. 24.
[50] Там же.
[51] Там же, л. 24—25.
[52] Там же, л. 31—32.
[53] Там же, л. 32.
[54] РГИА, ф. 1278, оп. 9, д. 1133, л. 79.
[55] Там же, л. 80—81.

личителя. Момент был выбран удачно: незадолго до появления справки Монкевица в Думе произошёл настоящий шпионский скандал. Корреспондент Австрийского телеграфного агентства, российский подданный барон Э.П. Унгерн-Штернберг передал австро-венгерскому военному атташе гр. Спанокки добытый в Думе законопроект о контингенте новобранцев на 1909 г., а также доклад Комиссии обороны о проведении призыва на воинскую службу в 1910 г. Разоблачил Унгерн-Штернберга австрийский полковник Альфред Редль, работавший на российского военного агента в Вене М.К. Марченко[56]. 28 октября 1910 г. суд приговорил барона за измену к 4 годам каторги с лишением прав состояния[57]. Михайлов был непричастен к передаче секретных документов. Из военного министерства в Думу поступило 550 экземпляров законопроекта о контингенте новобранцев на 1909 г., значительная их часть была роздана депутатам[58]. Унгерн-Штернберг попросту купил забытый в зале заседаний экземпляр законопроекта у кого-то из прислуги Таврического дворца за 2 руб., доклад Комиссии обороны достался ему таким же путём[59]. Следствие по данному делу подтвердило, что в Думе небрежно относились к секретным документам[60]. Михайлов выступал на процессе Унгерн-Штернберга в качестве свидетеля и, по словам Я.В. Глинки, охотно рассказывал про «непорядки, царящие в Канцелярии и в Комиссии по обороне, чем окончательно разозлил Гучкова», вернувшегося 29 октября на пост председателя Думы[61].

Несмотря на то что ни следствие по делу Унгерн-Штернберга, ни контрразведка не выявили никаких компрометирующих Михайлова фактов, его репутация была безнадёжно испорчена. Фракция правых уже не могла ничего сделать, и в начале декабря ему пришлось согласиться подать прошение об отставке. 4 декабря 1910 г. Глинка уже записал в дневнике, что «Михайлов уволен»[62]. 26 февраля 1911 г. было официально оформлено увольнение Михайлова из Канцелярии Государственной думы.

Самое удивительное, что Михайлов давно уже находился в поле зрения контрразведки, собравшей на него обстоятельное досье с данными наружного наблюдения. «Михайлов известен с 1904 года, — отмечалось в деле, — когда он, состоя на службе в Главном штабе, был замечен в сношениях с неизвестным иностранцем, оказавшимся затем австрийским подданным бароном Адольфом Одколен; 29 сентября того же года Одколен, при встрече с Михайловым, передал что-то последнему. Кроме того, Михайлов часто посещал: редакцию газеты “Русь”, помещавшуюся в доме № 27 по Итальянской улице, Павловского Николая Александровича, коллежского асессора, и проживавшую в доме № 53 по набережной Фонтанки вдову чиновника Софью Михайловну Бакланову, с которой встречался почти ежедневно, находясь, видимо, с ней в интимных отношениях»[63]. Во второй раз Михайлова взяли под наблюдение в связи с делом Унгерн-Штернберга, но уличить его в чём-либо не удалось. Впрочем,

---

[56] *Markus G.* Der Fall Redl. Vienna, 1984. S. 127—144.

[57] РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 467, л. 244.

[58] Там же, ф. 1278, оп. 2, д. 1157, л. 8.

[59] *Markus G.* Op. cit. S. 138.

[60] *Зверев В.О.* Система мер противодействия угрозам военной безопасности Российской империи (1904—1914 годы). Дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 2017. С. 225—226.

[61] *Глинка Я.В.* Указ. соч. С. 74.

[62] Там же. С. 75.

[63] РГВИА, ф. 2000, оп. 16, д. 1, л. 4.

было зафиксировано, что в декабре 1910 г. Михайлов «стал усиленно посещать лиц, имеющих видное положение»[64]. К сожалению, имена не указывались, но, скорее всего, среди них был военный министр, которому Михайлов именно тогда рассказывал о «младотурках».

Контрразведка продолжала собирать сведения о Михайлове и после его ухода из Думы. В досье отмечается, что в начале 1912 г. Пётр Михайлович перебрался из Петербурга в Киев, где жил на широкую ногу, добывая крупные суммы «аферами по покупке и продаже имений»[65]. В досье, составленном 22 августа 1916 г., Михайлов стал фигурантом дела Сухомлинова.

После начала Первой мировой войны Михайлов ходатайствовал перед императором о возвращении на военную службу. В прошении он изложил кратко историю своего конфликта с Гучковым: «Различие в политических взглядах моих как офицера и потомственного дворянина Российской империи, воспитанного в строго монархической семье, в духе военной дисциплины, привыкшего служить по долгу присяги, не за страх, а за совесть, несомненно должно было привести к резкому столкновению моему с политическим авантюристом А. Гучковым, в результате чего я принуждён был подать прошение об увольнении в отставку, которая и явилась актом политической мести ко мне со стороны А. Гучкова. Подробности этого столкновения моего с А. Гучковым, имеющие совершенно доверительный, негласный характер, может доложить Вашему императорскому величеству лишь военный министр генерал-адъютант Сухомлинов, которому я лично докладывал все данные по этому делу. Убедившись, что в Госдуме служат не столько делу, сколько лицам в зависимости от их политических взглядов, глубоко сожалея об уходе своём с военной службы, с которой я сроднился в течение 26 лет, ныне пробыл в отставке 3,5 года, я беру на себя смелость повергнуть к священным стопам Вашего императорского величества мою всеподданнейшую просьбу об определении меня вновь на военную службу, дабы в путях монаршего милосердия мне была дарована с высоты престола возможность продолжать служить Вашему императорскому величеству, по примеру моих предков до конца моей жизни»[66].

Прошение было удовлетворено. Михайлов вернулся в армию капитаном и почти всю войну провёл в тыловых штабах, запасных и хозяйственных частях[67]. Февральскую революцию он встретил, находясь в резерве при штабе Минского военного округа. 15 марта 1917 г. «Русское слово» напечатало большую анонимную статью о деле Сухомлинова, в которой характеризовались якобы замешанные в тёмных делах лица из окружения бывшего министра. Михайлов упоминался там среди «изменников» и авантюристов в одном ряду с Мясоедовым, А. Альтшиллером, Н.М. Гошкевичем и др. Прямо утверждалось, что Михайлов являлся соучастником Унгерн-Штернберга[68].

---

[64] Там же, л. 4—5.

[65] Там же, л. 5. Так, Михайлов купил имение Стыдыня с 4 544 десятинами земли в Волынской губ. у разорившегося владельца за 73 тыс. руб. (согласившись при этом оплатить его долги), а затем получил в Дворянском банке ссуду в 296 тыс. руб. под залог этого имения. Все операции Пётр Михайлович из предосторожности совершал в качестве поверенного своей жены (Там же, ф. 248, оп. 1, д. 44, л. 8—32).

[66] Там же, ф. 962, оп. 2, д. 111, л. 23—24.

[67] Там же, ф. 400, оп. 17, д. 29763, л. 2.

[68] Русское слово. 1917. 15 марта.

Статья, очевидно, была написана если и не со слов Гучкова и Крупенского, то на основании их показаний 1915 г. Текст изобилует ссылками на них, и в целом политики преподносятся принципиальными борцами с «заговором», во главе которого будто бы стоял Сухомлинов. Уже на следующий день после выхода номера «Русского слова» Михайлова арестовали в Смоленске, где находился штаб Минского округа, по распоряжению исполкома местного Совета рабочих и солдатских депутатов, сделанному на основании газетной публикации[69]. Сидя под арестом, Михайлов написал письмо в редакцию газеты «Смоленский вестник», в котором решительно отрицал все обвинения и настаивал на том, что до суда даже не знал о существовании Унгерн-Штернберга, против Гучкова никогда не интриговал и никаких контактов с Сухомлиновым не имел. Более того, капитан заявил, что как раз Сухомлинов хотел удалить его из Канцелярии Думы, не пояснив, правда, зачем это нужно было бывшему министру[70].

В конце марта 1917 г. Гучков, ставший военным и морским министром Временного правительства, отправился инспектировать войска Западного фронта, во главе которого он, по согласованию с Алексеевым, поставил Гурко. О совместной работе с ним Александр Иванович вспомнил 30 марта, выступая перед Минским советом: «Задолго до войны вопрос о военных реформах в России, а в частности в военном деле, волновал многих. Ещё тогда организовался кружок членов Государственной думы, поставивший себе задачей провести ряд необходимых мероприятий и реформ в армии. Этот кружок нашёл сочувствие в группе офицеров, во главе которой был мой старый добрый друг, а ваш главнокомандующий, тогда ещё молодой офицер... Мы трудились, работали, болели душой, но не встречали сочувствия. Напротив, вы, вероятно, знаете, чем тогда ответил Сухомлинов. Он обвинил нас в “младотуречестве” и подверг всяческим гонениям. Мы были названы изменниками и предателями»[71]. В тот же день министр приказал отконвоировать Михайлова из Смоленска в Петроград и отдать в распоряжение коменданта Петропавловской крепости. Гучков явно стремился привязать капитана к «делу Сухомлинова», который якобы не только свернул сотрудничество с Думой, но и пытался дискредитировать истинных поборников укрепления военного могущества России, пользуясь услугами «шпиона» и поддерживая его клеветнические измышления о «младотурецком» заговоре. В таком ключе Александр Иванович высказывался и во время суда над генералом, противопоставляя его Редигеру, шедшему навстречу депутатам[72].

1 апреля 1917 г. Михайлова доставили в Петропавловскую крепость, но не стали помещать в Трубецкой бастион к бывшим сановникам, а оставили на вахте. Там 7 апреля он дал краткие показания товарищу прокурора Петроградской судебной палаты Костенко, вновь отметив, что в заметке «Русского слова» содержалась «сплошная ложь и клевета», и заявив о своей лояльности новой власти: «К изложенному считаю необходимым добавить, что вообще в г. Смоленске революционное движение прошло тихо, все сразу объединились, никаких кровавых эксцессов не было и все твёрдо решили поддерживать

[69] ЦГИА СПб, ф. 1695, оп. 3, д. 8, л. 5.
[70] РГВИА, ф. 962, оп. 2, д. 111, л. 2—3.
[71] Русское слово. 1917. 31 марта.
[72] Там же. 20 августа.

Временное правительство, в чём единодушно принесли присягу»[73]. Участвовал ли Михайлов в других следственных действиях, неизвестно. После того как Гучков оставил министерский пост, капитана отпустили за отсутствием каких-либо доказательств вины. 28 августа 1917 г. он уже находился на свободе и выступал в качестве свидетеля на процессе Сухомлинова. В своей речи он заявил, что препятствовал нелегальной, как ему тогда казалось, работе кружка Гурко, и за это подвергся всяческим преследованиям со стороны Гучкова, выдумавшего нелепые обвинения в шпионаже[74]. О том факте, что сведения о кружке передавались Сухомлинову в искажённом виде, Михайлов предпочёл умолчать.

Таким образом, в судьбе политического авантюриста причудливо переплелись думские, армейские и его собственные интриги, ложные обвинения, к которым прибегал и он сам, и его недруги. История Михайлова и «младотурок» являлась частным эпизодом в остром мировоззренческом конфликте, раскалывавшем военную элиту третьеиюньской монархии. Попытки проводить умеренные «прогрессивные» реформы с опорой на народное представительство встречали систематическое сопротивление «консерваторов», пользовавшихся симпатиями императора и имевших прочные позиции в Государственном совете и при дворе.

[73] ЦГИА СПб, ф. 1695, оп. 3, д. 8, л. 5.
[74] День. 1917. 29 августа; Новое время. 1917. 29 августа.

Б.А. Энгельгардт — офицер, политик, мемуарист

Пётр Акульшин, Игорь Гребёнкин

B.A. Engelgardt — officer, politician, memoirist

Petr Akulshin, Igor Grebenkin
(both — S.A. Yesenin Ryazan State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870015466-3

Процесс превращения людей, игравших видную роль в дореволюционной России, в граждан СССР уже рассматривался историками[1]. В наше время порой кажется, что после 1917 г. им были уготованы лишь эмиграция или «жернова ГУЛАГа». Между тем их подлинные судьбы складывались гораздо сложнее. Так, известные мемуаристы, деятели Государственной думы Я.В. Глинка и В.В. Шульгин, генералы В.М. Ткачёв и гр. А.А. Игнатьев, пережив гонения, на склоне лет стали частью советского общества[2]. В этом ряду достойное внимания место принадлежит Б.А. Энгельгардту — наследнику старинного дворянского рода, камер-пажу императрицы, гвардейскому улану, офицеру Генерального штаба, успешному помещику-предпринимателю, депутату Государственной думы, военному коменданту революционного Петрограда, участнику Белого движения, эмигранту во Франции и Латвии, политическому арестанту и ссыльному в СССР и, наконец, служащему ипподрома в Риге и пенсионеру.

Первые Энгельгардты появились на русской земле в XVII в. как наёмники на службе польских королей. Впоследствии большинство представителей этого рода стали землевладельцами Смоленской губ. Вплоть до первого раздела Польши в 1772 г. этот край оставался пограничным, и местная шляхта служила царям на особых условиях. Но уже в XIX в. Энгельгардты стали российскими дворянами не только по подданству, но и по культуре и образу мысли.

В семье, в которой 7 июля (ст. ст.) 1877 г. родился Борис Александрович, четыре поколения посвятили свою жизнь воинскому делу. Его отец, генерал-лейтенант Александр Петрович Энгельгардт, — выдающийся учёный-артиллерист, признанный изобретатель; мать, Клавдия Карловна, — дочь героя обороны Севастополя генерала К.Ф. Шейдемана. С детства Бориса окружали представители военной интеллигенции — сослуживцы отца по Михайловской артиллерийской академии и Главному артиллерийскому управлению[3]. Семейные традиции предопределили интересы и дальнейшую судьбу молодого человека. Высокие чины деда и отца давали возможность отправить его в 1887 г. в одно из самых привилегированных учебных заведений Российской империи — Пажеский корпус. Там его однокашником оказался молодой гр. А.А. Игнатьев, не раз упоминавший его в своих мемуарах[4]. «В нашем выпуске, — вспоминал Борис Александрович, —

© 2021 г. П.В. Акульшин, И.Н. Гребенкин

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 19-09-00117А.

[1] См., в частности: *Смирнова Т.М.* «Бывшие люди» Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции. 1917—1936 годы. М., 2003.

[2] *Глинка Я.В.* Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906—1917. М., 2001; *Шульгин В.В.* Годы. Дни. 1920 год. М., 1990; *Ткачёв В.М.* Крылья России. Воспоминания о прошлом русской военной авиации. 1910—1917 гг. СПб., 2007; *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1986.

[3] ОР РГБ, ф. 218, д. 305, к. 1, л. 8.

[4] *Игнатьев А.А.* Указ. соч. С. 45.

трое моих товарищей после сравнительно короткой службы получили высокие посты губернаторов, посты, которые открывали ход к высшим должностям в империи. Все трое были люди толковые, но по предыдущей деятельности совершенно не подготовленные к своей новой роли. Тут сказалась близость к царской семье ещё в камер-пажеское время: один был камер-пажом царя, другой-жены царя во время коронации Николая II»[5]. Сам Энгельгардт состоял камер-пажом императрицы Марии Фёдоровны. В годы учебы в корпусе ему выпало стать участником похорон Александра III и коронации Николая II. В августе 1896 г. император поздравил недавних пажей с первым офицерским чином.

Выпускник Пажеского корпуса или военного училища был обязан провести три года на действительной военной службе. Окончив корпус одним из первых, Энгельгардт вышел корнетом в сравнительно «скромный» по неписаной гвардейской иерархии лейб-гвардии Уланский его величества полк, стоявший в Варшаве. Выбор его был мотивирован тем, что «там поощрялся конский спорт, а я смолоду имел к нему пристрастие, потом в полку служил мой старший брат и, наконец, Варшава привлекала меня — хотелось самостоятельной жизни без родительской опеки»[6]. Во второй половине 1890-х гг. Энгельгардт регулярно выступал на скачках в Варшаве, Петербурге и Красном Селе, заняв первое место в списке «ездоков-охотников»[7].

Весной 1900 г., Энгельгардт встретился с гр. Игнатьевым, который к тому времени уже поступил в Николаевскую академию Генерального штаба и убеждал своего товарища в том, что «нельзя вечно жить лишь интересами хлыста и шпор, что пора расширить свои горизонты образованием», дабы затем «выйти на широкую дорогу общественной и государственной деятельности»[8]. Эти доводы убедили молодого улана. Летом 1900 г. Энгельгардт пополнил ряды слушателей Академии. Чин гвардейского поручика он получил в декабре уже в её стенах. Среди его сокурсников были А.А. Балтийский и А.П. Перхуров, И.П. Романовский и А.А. Свечин, которых впоследствии судьба разделила на «красных» и «белых».

Вспоминая об Академии, её выпускники обычно отмечали как основательность академического курса в общеобразовательном и военно-теоретическом отношении, так и недостаток полученных ими практических знаний[9]. Как писал Энгельгардт, «давались разрозненные образцы военного искусства в различные времена, но не было окончательной сводки принципов военного дела, в соответствии с современной эпохой — с уровнем развития техники»[10].

Благодаря своим способностям и материальному достатку Энгельгардт не знал тягостной зубрёжки и не искал дополнительных заработков. По собственному признанию, он прошёл курс «на облегчённой рыси», окончив его по 1-му разряду с производством за успехи в науках в штабс-ротмистры с причислением к Генеральному штабу. По установленному порядку ему предстояло затем освоить годичный курс Офицерской кавалерийской школы. В ноябре

---

[5] ОР РГБ, ф. 218, д. 305, к. 1, л. 42.

[6] Там же, к. 2, л. 2.

[7] Там же, л. 17—19.

[8] Там же, л. 31—32.

[9] См., например: *Деникин А.И.* Путь русского офицера. М., 1991; *Самойло А.А.* Две жизни. Л., 1963; *Геруа Б.В.* Воспоминания о моей жизни. Т. I. Париж, 1969; *Игнатьев А.А.* Указ. соч.

[10] ОР РГБ, ф. 218, д. 305, к. 2, л. 45.

1903 г. он даже приступил к занятиям, но круто поменяло дальнейшие планы известие о войне с Японией. Энгельгардт, как и многие его товарищи, стремился скорее отбыть на театр военных действий. 3 марта 1904 г. его перевели во вновь формируемый 2-й Нерчинский полк Забайкальского казачьего войска, с переименованием в есаулы[11], а 31 марта Энгельгардт присоединился к полку на станции Маньчжурия и принял 1-ю сотню. Новые подчинённые, казаки-забайкальцы, зачастую не имели строевых навыков и по-своему понимали воинскую дисциплину, но всё же обладали отличными боевыми качествами. Большинство офицеров в полку и дивизии составляли добровольцы, переведённые из регулярной кавалерии, среди которых служили хорунжий барон П.Н. Врангель и есаул Арсен Карагеоргиевич, незадолго до этого ставший сербским принцем.

В апреле—мае 1904 г. Забайкальская казачья дивизия под командованием генерала П.К. Ренненкампфа, сосредоточившись у Ляояна, двинулась в направлении Мукдена. Характер боевых действий Энгельгардт описывал с долей иронии: «Мы тащились длинной кишкой в 15—20 сотен по тяжёлой каменистой дороге, перебирались через разлившиеся после дождя горные речки, преодолевали высокие перевалы, потом, добравшись до передовых японских частей, с ними вступали в перестрелку две, много три сотни и потом весь отряд откатывался на исходный пункт»[12]. Боевой путь Энгельгардта оказался недолгим. В начале июня 1904 г. в столкновении на Феншулинском перевале он был ранен в ногу и переправлен в Ляоян, где размещался 1-й Георгиевский госпиталь Красного Креста.

Перебитая японской пулей нога заживала долго, и в конце июля Энгельгардта эвакуировали для лечения в Петербург, где его приняла вдовствующая императрица Мария Фёдоровна, а затем в санаторий, открытый одним из великих князей в Каннах. За участие в боях он получил орден Св. Анны 4-й степени, «золотую» саблю с надписью «За храбрость» и орден Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Вернувшись в столицу в конце 1904 г., Энгельгардт стал свидетелем событий «Кровавого воскресенья». Годы спустя он вспоминал: «Меня поражала не столько жестокость акта расстрела 9 января, сколько неумение царской власти использовать возможность укрепить свой царский авторитет, хотя бы частично удовлетворив запросы рабочих»[13].

К весне рана окончательно зажила, и хотя кости срослись неправильно, из-за чего левая нога стала короче правой на 3 см, Энгельгардт вернулся в действующую армию. Прибыв 20 июля 1905 г. в штаб 1-й Маньчжурской армии, он занял должность помощника старшего адъютанта Управления генерал-квартирмейстера и месяц спустя, при утверждении, причислен к Генеральному штабу с переименованием в капитаны[14]. Однако война уже подходила к концу, а в России разразилась революция.

Эвакуация армии из Маньчжурии и расформирование её учреждений и штабов продолжались всю осень. Тем временем забастовка железнодорожников парализовала движение по Транссибирской магистрали. Поэтому Энгельгардт предпочёл отправиться в Центральную Россию морским путём. В ноябре 1905 г. он отплыл из Владивостока в Японию, где стал свидетелем торжественной встречи войск, возвращавшихся с театра военных действий. По дороге на роди-

---

[11] РГВИА, ф. 409, оп. 2, д. 9867, л. 21.
[12] ОР РГБ, ф. 218, д. 305, к. 2, л. 77.
[13] Там же, л. 114.
[14] РГВИА, ф. 409, оп. 2, д. 9867, л. 21 об.

ну Энгельгардт посетил также Шанхай, Гонконг, Сайгон, Сингапур, Коломбо, Порт-Саид. Прибыв в Петербург в феврале 1906 г., он вернулся к занятиям в Офицерской кавалерийской школе, а после её успешного окончания осенью в Варшаве принял 4-й эскадрон лейб-гвардии Уланского его величества полка для годичного цензового командования. Вскоре последовало назначение на должность старшего адъютанта штаба 8-й пехотной дивизии. Однако в августе 1907 г. скончался его отец и пришлось задуматься об управлении имениями, составлявшими 3 тыс. десятин. Кроме того, как вспоминал Борис Александрович, «хотелось, чтобы при этом и сама работа давала бы известное удовлетворение. А этого-то я не видел перед собой... Оценив служебное и семейное положение, я без большого колебания подал в отставку»[15]. Выслуга лет и боевое ранение позволяли рассчитывать на увольнение с мундиром, пенсией и производством в следующий чин. 14 июля 1908 г. Энгельгардт покинул службу подполковником с пенсией 460 руб. в год[16].

Новый период его жизни был связан с поместьем Печерская Буда, приобретённым отцом в Мстиславском уезде Могилевской губ. в 30 верстах от станции Риго-Орловской железной дороги «Энгельгардтовская». 1 400 десятин различных угодий, не обременённых долгами, мельница, винокуренный завод — всё это требовало внимания. Энгельгардт с энтузиазмом взялся за новое дело и за несколько лет ему удалось наладить интенсивное и прибыльное хозяйство. В 1912 г. он побывал в Дании для знакомства с опытом животноводческих хозяйств. Его стараниями были образованы и успешно работали кредитное товарищество и потребительский кооператив, планировалось создание кооператива по сбыту. В поместье Борис Александрович брался за любую работу. Однажды его мать и старший брат стали свидетелями, как он с хворостиной в руках загоняет на весы огромного борова. «Мамочка! — воскликнул Александр Александрович, — посмотри на эту картину. Боря гонит свинью! Неужели стоило кончать академию, чтобы потом пасти свиней!»[17].

Амбиции Энгельгардта, конечно, не ограничивались хозяйственными заботами, и при первой возможности он обратился к общественной деятельности. По предложению могилевского губернатора А.И. Пильца он стал членом уездного комитета по делам земского хозяйства, а впоследствии был избран земским гласным. Возглавляя в губернском земстве страховую комиссию, он снискал репутацию защитника крестьянских интересов. Осенью 1912 г., накануне выборов в IV Государственную думу, губернатор попросил Энгельгардта не выдвигать свою кандидатуру в депутаты, поскольку это мешало осуществлению достигнутых властями договоренностей с выборщиками. Однако сведения о закулисном сговоре только усилили у отставного офицера желание баллотироваться. В губернии избирательная кампания не носила выраженного политического характера: по существу отсутствовали партийные группы, кандидаты в своих выступлениях ограничивались расплывчатыми заявлениями. «Признаюсь, — писал позднее Энгельгардт, — и я не нашёл ничего что сказать, кроме общих рассуждений о необходимости укрепления военной мощи страны»[18]. Несмотря на интриги администрации, во втором туре Борис Александрович одержал убедительную победу, собрав 109 голосов из 125. Решающую роль в этом сыграли

[15] ОР РГБ, ф. 218, д. 305, к. 3, л. 21—22.
[16] РГВИА, ф. 409, оп. 2, д. 9867, л. 10—11.
[17] ОР РГБ, ф. 218, д. 305, к. 3, л. 58.
[18] Там же, л. 52.

голоса выборщиков от крестьян, поляков и евреев, которым импонировала земская деятельность кандидата и его беспристрастное отношение к национальному вопросу. Депутат имел все основания для торжества: «Самолюбие было удовлетворено. Передо мной раскрывались широкие перспективы государственной деятельности, и хоть я сознавал в глубине души свою неподготовленность, но хотел серьёзно работать в Думе и не сомневался, что в дальнейшем справлюсь с предстоящей задачей»[19].

В Думе Энгельгардт оказался в непривычной для него атмосфере политических страстей и соперничества партий и фракций. Его собственные взгляды сводились к тому, чтобы не допустить «никакой крупной ломки»: «Для сохранения существующего порядка надо быть готовым идти на известные уступки и жертвы, чтобы удовлетворять справедливые требования масс, хотя бы в минимальной степени». Оставалось «внести выборный элемент в правительственную структуру учреждением Государственной думы» и «расширить опорную базу в населении столыпинской земельной реформой»[20]. Энгельгардту импонировали идейные установки как конституционных демократов, так и «Союза 17 октября». Однако первоначально он присоединился к фракции Центра, которая в политическом спектре Думы находилась правее октябристов: «Строго говоря, это была не партия, а собрание беспартийных, почти не связанных партийной дисциплиной, т[ак] к[ак] и определённой программы во фракции не было. Вхождение в эту группировку оставляло за мной достаточную свободу действий и в то же время обеспечивало мне получение желаемого места в комиссии»[21].

В декабре 1912 г. Энгельгардт вошёл в Комиссию по военным и морским делам и вскоре стал основным докладчиком по законопроектам, связанным с обороной. При этом он тесно сотрудничал с генералами А.А. Брусиловым, А.А. Поливановым, Н.А. Даниловым[22] и неоднократно критиковал военного министра В.А. Сухомлинова, указывая на отсутствие последовательности и преемственности в его работе. Как и другие военные интеллектуалы, поддерживавшие профессора Николаевской академии полковника Н.Н. Головина, Энгельгардт считал, что будущая война станет всеобщей и окажется испытанием всего хозяйственного и общественного потенциала страны[23]. Сделанный им весной 1914 г. доклад о «Большой» программе вооружений запомнился императору[24].

Когда война прервала думские дебаты, Энгельгардт не сомневался, что его место на фронте. Получив назначение в штаб Гвардейского корпуса, он немедленно отбыл к месту его дислокации в крепости Новогеоргиевск. Командир корпуса генерал В.М. Безобразов слыл хорошим строевиком и пользовался поддержкой верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича. Начальник штаба корпуса гр. Г.И. Ностиц находился в сложных отношениях с командиром и фактически устранился от исполнения обязанностей, передав планирование боевых действий в руки энергичных штабных офицеров, среди которых выделялся своими способностями однокурсник Энгельгардта по Ака-

---

[19] Там же, л. 58.

[20] Там же, л. 62—63.

[21] Там же, л. 63—64. (См.: *Дёмин В.А.* Центра фракция // Государственная дума Российской империи: 1906—1917. Энциклопедия. М., 2008. С. 664—665).

[22] ОР РГБ, ф. 218, д. 305, к. 3, л. 76.

[23] См.: *Айрапетов О.Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию. 1907—1917. М., 2003. С. 14—16; *Гребенкин И.Н.* Долг и выбор: Русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914—1918 гг. М., 2015. С. 65—66.

[24] ОР РГБ, ф. 218, д. 306, к. 2, л. 63.

демии полковник В.Н. Доманевский. Борис Александрович руководил в штабе разведывательным отделением[25].

Положение депутата выделяло Энгельгардта среди офицеров. Безобразов неоднократно отправлял его в Ставку с докладами вел. кн. Николаю Николаевичу, а во время боев под Ивангородом в октябре 1914 г. доверил ему исполнение обязанностей начальника штаба корпуса. Британский военный представитель полковник А. Нокс, который провёл первые военные месяцы вместе с русской гвардией, отмечал в дневнике, что капитан Энгельгардт — «самый талантливый офицер в штабе»[26].

В январе 1915 г., пока корпус находился в резерве, Энгельгардт получил краткий отпуск, выехал в столицу и принял участие в нескольких думских заседаниях, выступив с докладом о положении на фронте. Как профессионал и очевидец он утверждал, что военные успехи всецело зависят от экономической мощи страны и её социального благополучия. Этот доклад Энгельгардт собирался повторить в Государственном совете, но, поскольку гвардия выступила на фронт, ему пришлось выехать в штаб корпуса, находившийся в Ломже.

Фронтовая служба Бориса Александровича закончилась в июле 1915 г. Во время очередной командировки в Ставку он не поддержал командира корпуса в конфликте с командующим 3-й армией генералом Л.В. Лешем. Несмотря на своё расположение к Безобразову, вел. кн. Николай Николаевич освободил его от должности, после чего и Энгельгардт получил официальное разрешение уволиться от военной службы для занятий в Думе.

На фоне военных неудач весны—лета 1915 г. правительство шло на уступки представителям цензовой общественности, привлекая их к участию в «Особых совещаниях», создававшихся для координации управления различными отраслями военного хозяйства. Энгельгардт включился в работу наиболее влиятельного из них — Особого совещания по обороне. «Положения члена этого совещания добивались многие, — вспоминал Борис Александрович. — Оно не давало никаких немедленных материальных выгод, но вводило человека в высшие правительственные круги и ставило его “на виду”»[27]. Членами Совещания от Государственной думы становились главы фракций, но председатель Думы М.В. Родзянко, ценивший Энгельгардта как специалиста по военным вопросам, провёл его от одной из октябристских групп. Современники и историки нередко скептически оценивали вклад Особого совещания в организацию материального снабжения фронта[28]. Однако Энгельгардт настаивал: «Нужно всё же признать, что в это тяжёлое для России время, среди тех людей, которые не склонны были к коренной ломке существующего порядка, нашлись такие, которые, несмотря на все трудности, стоящие на их пути, сумели добиться хоть временного удовлетворения нужд армии»[29]. Вместе с тем Энгельгардт участвовал в подготовке новой редакции Устава о воинской повинности, расширявшей возможности пополнения армии и одновременно учитывавшей потребности хозяйства. Его соображения, изложенные в Думе и в Ставке, встретили поддержку депутатов и начальника штаба верховного главнокомандующего М.В. Алексеева.

---

[25] Там же, к. 1, л. 40—43. Доманевский и Энгельгардт в числе первых были награждены Георгиевским оружием за участие корпуса в боях под Люблином в конце августа 1914 г.

[26] *Нокс А.* Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914—1917. М., 2014. С. 145.

[27] ОР РГБ, ф. 218, д. 306, к. 2, л. 110.

[28] *Маниковский А.А.* Боевое снабжение русской армии в войну. М., 1937. С. 71—72.

[29] ОР РГБ, ф. 218, д. 306, к. 2, л. 121.

В апреле—июне 1916 г. делегация членов Государственного совета и Государственной думы совершила визит в Великобританию, Францию и Италию. По настоянию Родзянко Энгельгардт был приглашён в состав делегации как единственный среди думцев офицер и фронтовик. Он сознательно уклонился от поездки в Италию, желая лучше изучить работу французской промышленности и выполнение ею русских оборонных заказов. Пользуясь своими дружескими отношениями с военным агентом полковником гр. Игнатьевым, Борис Александрович посетил несколько участков Западного фронта. Позднее он обобщил свои наблюдения: «Глядя на весь этот комфорт, который окружал английского солдата, я невольно себя спрашивал, как могли бы воевать англичане, если их перенести в условия русского фронта. Уж не говоря о недохвате оружия и боевых припасов, а лишь бытовые условия, которые с таким мужеством и самоотвержением переносил русский солдат, способны были привести в отчаяние англичанина»[30].

По свидетельству гр. Игнатьева, политические взгляды Энгельгардта в тот момент были близки к программе Прогрессивного блока. В дружеской беседе он сетовал на безволие царя и происки «тёмных» сил. На вопрос графа, каким способом патриотическая общественность намерена им противостоять, Энгельгардт не вполне уверенно отвечал: «Да, пожалуй, придётся революционным... Опасаемся только, как бы “слева” нас не захлестнуло»[31].

Осенью 1916 г. критика царя и правительственной политики всё чаще звучала в думских кулуарах, аристократических клубах и офицерских собраниях. По словам Энгельгардта, «настроения, которые в то время назрели в верхах петроградского общества, создавали благоприятную почву для заговоров всякого рода»[32]. Свой вклад в эту атмосферу вносил и Прогрессивный блок, видным участником которого являлся Борис Александрович. Сблизившись с Родзянко, в конце 1916 — начале 1917 г. Энгельгардт присутствовал на многих неофициальных собраниях членов блока, обсуждавших планы политических перемен, вплоть до государственного переворота[33]. При этом он «надеялся на то, что мы сумеем добиться желаемого путём последовательной парламентской борьбы, шаг за шагом завоёвывая позиции»[34].

Февральские события 1917 г. Энгельгардт встретил, уже не веря в возможность сохранения монархии. Позднее он констатировал: «То, что происходило 27 февраля, окончательно убедило меня в полной неспособности царского правительства удержать власть в руках и защитить порядок, полной ломки которого я не мог желать»[35]. Подчинившись указу о перерыве думской сессии, Борис Александрович провёл 27 февраля в Новом клубе и лишь вечером узнал о создании Временного комитета Государственной думы (ВКГД) под председательством Родзянко. Переодевшись в штатское платье, Энгельгардт немедленно отправился в Таврический дворец и застал членов комитета в тот момент, когда они собирались принять на себя власть в столице. По предложению В.Н. Львова полковника кооптировали в состав комитета, а Родзянко настоял на его назна-

---

[30] Там же, д. 306, к. 3, л. 52.

[31] *Игнатьев А.А.* Указ. соч. С. 572.

[32] ОР РГБ, ф. 218, д. 306, к. 3, л. 93.

[33] См.: *Родзянко М.В.* Крушение империи. Харьков, 1990. С. 199—200; *Шульгин В.В.* Указ. соч. С. 314—322.

[34] ОР РГБ, ф. 218, д. 306, к. 3, л. 100.

[35] Там же, л. 102.

чении председателем Военной комиссии — импровизированного штаба восстания, за влияние над которым боролись ВКГД и Совет рабочих депутатов. Одновременно Энгельгардт принял на себя обязанности коменданта Петрограда и Таврического дворца, а также начальника столичного гарнизона. К работе в Военной комиссии он привлёк офицеров Генерального штаба: генерал-майора Г.Д. Романовского, полковников Г.А. Якубовича, кн. Г.Н. Туманова, Л.С. Туган-Барановского, У.И. Самсон-Гиммельшерну, П.А. Половцова, подполковников В.П. Гильбиха и В.Л. Барановского. Их участие в комиссии, по признанию очевидцев, ограничивало влияние представителей Совета[36].

В Военную комиссию не раз обращались делегаты воинских частей, предлагавшие узаконить права солдат и установить новые правила в их отношениях с офицерами. Энгельгардт и лидеры ВКГД не решились на этот шаг, тогда как Совет рабочих и солдатских депутатов, выпустив «Приказ № 1», перехватил инициативу и овладел революционной стихией. Впоследствии Энгельгардт вынужден был признать: «Мы приняли революцию как свершившийся факт и в течение трёх дней с виду якобы возглавляли её, а фактически плелись за событиями, делая в то же время безнадёжные попытки задержать её развитие»[37].

В начале марта Энгельгардт считался одним из реальных претендентов на пост военного министра[38]. Но когда состоялось назначение А.И. Гучкова, Борис Александрович уступил ему пост главы Военной комиссии, сосредоточившись, по предложению Родзянко, на ведении пропаганды от имени Государственной думы за продолжение войны. В марте он стал членом Исполнительного комитета Совета офицерских депутатов, петроградского гарнизона и его окрестностей, Балтийского флота и отдельного корпуса пограничной стражи, а также вошёл в состав комиссии по подготовке реформы вооружённых сил под председательством генерала А.А. Поливанова, возглавив в ней подотдел, отвечавший за связь с войсками.

Принадлежа к военной элите, Энгельгардт не мог примириться с процессами «демократизации», считая её главной причиной разложения армии. Это сближало его с М.В. Алексеевым, Л.Г. Корниловым, А.В. Колчаком, с которыми он встречался весной—летом 1917 г. Им казалось, что государственный порядок, разрушенный революцией, ещё возможно восстановить силовыми мерами.

В смутной обстановке 1917 г. Энгельгардт не избегал контактов с тайными контрреволюционными организациями, такими как «Республиканский центр», лидеры которого, К.В. Николаевский и П.Н. Финисов, стремились к установлению в России власти военного диктатора, которым должен был стать один из влиятельных военачальников. Необходимую для этого подготовительную работу в среде офицерства должна была вести военная секция Центра. Возглавить её предложили Энгельгардту. Он согласился присоединиться к секции, но хотел видеть её руководителем своего фронтового товарища полковника Доманевского. Вместе с тем Энгельгардт безуспешно пытался вовлечь в заговор командующего войсками столичного округа генерала П.А. Половцова и коменданта Петропавловской крепости Н.А. Апухтина. Скромные результаты

---

[36] *Мстиславский С.* Пять дней. Начало и конец Февральской революции. Берлин, 1922. С. 43—44.

[37] ОР РГБ, ф. 218, д. 306, к. 3, л. 95.

[38] См.: *Половцов П.А.* Дни затмения. Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П.А. Половцова в 1917 году. М., 1999. С. 35.

этих усилий Энгельгардт объяснял ничтожностью средств, имевшихся в распоряжении Центра, и склонностью его малочисленных сторонников к импровизации[39].

В августе 1917 г. Энгельгардт участвовал в Государственном совещании в Москве. В это время в его окружении открыто говорили о военном перевороте и захвате власти. В Москве подобные планы с ним обсуждали близкие к Корнилову британский военный корреспондент и офицер А.Ф. Аладьин и В.Н. Львов[40]. Корниловское выступление застало Энгельгардта в Петрограде. Как эмиссар «Республиканского центра» он посетил несколько запасных полков гвардии, чтобы «уяснить их настроения», но быстро убедился в неподготовленности действий заговорщиков, которые ничем не могли помочь верховному главнокомандующему. В воспоминаниях Борис Александрович не скрывал, что «наша неспособность оказать эту помощь, рисующая всю бессмысленность деятельности пресловутого Республиканского центра, собиравшегося сыграть решающую роль в организации власти в стране, меня глубоко огорчала»[41]. Не обладая той долей авантюризма, которой отличались иные его единомышленники, полковник отошёл от данного предприятия.

В конце сентября Энгельгардт оставил столицу и отправился в Буду, намереваясь вернуться к хозяйству и, возможно, рассчитывая занять видное место в земстве. Он живо включился в дела Всероссийского союза земельных собственников и сельских хозяев, созданного в Москве в мае 1917 г. На выборах в Учредительное собрание эта правая организация выставила списки в 15 губерниях. В Могилевской губ. от неё баллотировался Энгельгардт, но в ходе голосования 12—14 ноября список Союза там поддержали всего 1,4% избирателей (около 10 тыс. человек)[42]. Крестьянство добивалось передела собственности. Опасаясь разгрома винокуренного завода, Энгельгардты уничтожили имевшиеся запасы спирта. Разграблению кирпичного завода хозяева уже не препятствовали. В начале декабря живность и инвентарь в их имении описали, оставив в распоряжении семьи минимальную часть имущества. В обновленном земском собрании прежних гласных почти не осталось, а новые считали Энгельгардта символом прошлого. «Я начинал чувствовать себя выкинутым из общественной жизни, — признавался он в мемуарах. — Политическая деятельность, которой я отдался в последние годы, была мне недоступна больше. Военная служба при том состоянии, в котором находилась армия в то время, при недоверии, которое царило в солдатской массе по отношению к офицерам, представлялась мне совершенно для меня неподходящей. Новое земство меня сторонилось. Землю и моё хозяйство у меня отнимали»[43].

В январе 1918 г. Энгельгардт вернулся в Петроград. Попытки устроиться на службу в советские учреждения не имели успеха. Используя прежние связи, Эн-

---

[39] ОР РГБ, ф. 218, д. 384, л. 66—72.

[40] Там же, л. 94—98.

[41] Там же, л. 103.

[42] Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия / Сост. Л.Г. Протасов. М., 2014. С. 86, 252, 406. См. также: *Воробьёв А.А.* Выборы во Всероссийское Учредительное собрание на территории Белоруссии и соседних российских губерниях. Могилёв, 2010. О выборах в Мстиславском уезде, где располагалось поместье Энгельгардта, см.: *Воробьёв А.А.* Выборы в Учредительное собрание на территории Мстиславского и Климовичского уездов Могилевской губернии // Вестник Мозырского государственного педагогического университета им. И.П. Шамякина. 2009. № 2(23) С. 25—29.

[43] ОР РГБ, ф. 218, д. 384, л. 126.

гельгардт пытался вести комиссионные и посреднические операции, но к концу лета ему, как и другим «бывшим», находиться в городе стало небезопасно. В сентябре по подложным документам он выехал на Украину, где существование гетманского режима обеспечивала германская оккупация. В Киеве Энгельгардт примкнул к праволиберальному «Национального центру» и по предложению главы представительства Добровольческой армии генерал-лейтенанта П.Н. Ломновского взял на себя заведование её политической частью и обеспечение связи с основными антисоветскими объединениями[44].

После падения власти гетмана П.П. Скоропадского и вступления в Киев войск С.В. Петлюры представительство Добровольческой армии по приказу Ломновского в конце декабря 1918 г. переехало в Одессу. Задачи политической части при этом несколько расширились и включали теперь контакты с командованием французского контингента и пропаганду идей Добровольческой армии. Однако Энгельгардт желал занять более заметное место в белой борьбе. При первой возможности он воспользовался предложением доставить донесение А.И. Деникину и морем отбыл из Одессы в Новороссийск, а оттуда в столицу белого Юга России — Екатеринодар[45].

Однако и там Борис Александрович почувствовал весьма сдержанное к себе отношение: сказывалась репутация деятеля Февральской революции. В политическом аппарате Вооружённых сил на Юге России (ВСЮР) он получил скромную должность помощника управляющего отделом пропаганды Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР. Отдел размещался в Ростове-на-Дону — ближе к фронтам и густонаселённым районам России, где предполагалось вести агитацию. Руководил им известный юрист К.Н. Соколов. Однако в июне 1919 г. он отправился с делегацией в Париж, фактически передав отдел Энгельгардту. Помимо административной работы и назначений, ему пришлось направлять устную и печатную пропаганду, контролировать периодическую печать, книжное дело, театр, кино. В его подчинении находились специальные подразделения, проводившие работу на фронте, в том числе четыре агитпоезда. Не прекращал он сотрудничества и с «Национальным центром», пользовавшимся поддержкой высшего командования ВСЮР и лично Деникина[46].

Впрочем, сам Энгельгардт «считал, что вся наша пропаганда ни к чему, поскольку мы не удовлетворяем запросов многомиллионного населения страны»[47]. В разгар наступления деникинской армии на Москву он предложил Особому совещанию немедленно признать раздел помещичьих земель, совершенный крестьянами[48], дабы сделать крестьянство надёжной опорой Белого движения. Свои идеи он излагал и Деникину, но тот, будучи поглощённым военными вопросами, не стал в них вникать[49]. Энгельгардт успешно провёл эвакуацию сотрудников и имущества своего Отдела из Ростова в Новороссийск[50]. Там в начале 1920 г. Отдел был расформирован, а Энгельгардт в марте отплыл с семьёй на

---

[44] Там же, л. 128—148.

[45] Там же, л. 168—170.

[46] Всероссийский национальный центр. М., 2001. С. 256—257.

[47] ОР РГБ, ф. 218, д. 384, л. 210.

[48] Скорее всего, данная инициатива была выдвинута им на заседании Особого совещания 4 октября 1919 г. (Журналы заседаний Особого совещания при главнокомандующем Вооружёнными силами на Юге России А.И. Деникине. Сентябрь 1918-го — декабрь 1919-го года. М., 2008. С. 718).

[49] См.: *Соколов К.Н.* Правление генерала Деникина (из воспоминаний). София, 1921. С. 188—189; ОР РГБ, ф. 218, д. 384, л. 211—216.

[50] *Соколов К.Н.* Указ. соч. С. 237—238.

итальянском пароходе в Константинополь. На Босфоре он недолго сотрудничал в местном Информационном бюро ОСВАГа и стал свидетелем убийства 23 марта (5 апреля) 1920 г. своего сокурсника генерал-лейтенанта Романовского. Бывший начальник штаба ВСЮР погиб от руки сотрудника ОСВАГа в Константинополе поручика М.А. Харузина, придерживавшегося радикально-монархических взглядов[51].

В конце 1920 г. Энгельгардт перебрался в Париж. Некоторое время ему довелось работать кассиром в кредитном обществе, основанном русскими эмигрантами, но оно быстро обанкротилось. Полковник стал ночным таксистом. «В 8 ч. вечера садился за руль своего маленького двухместного такси фирмы Рено, типа, который ходил среди французских шофёров под кличкой “клоп”, в 5 ч. утра обычно лежал уже в кровати, вставал часов в 12 и, если был при деньгах, ехал на скачки или бега, которые в Париже, в течение круглого года, имеют место ежедневно»[52]. Ему пришлось сдавать экзамены на право вождения и работы таксистом, конкурировать за место стоянок у ночных ресторанов, заводить постоянных клиентов среди проституток, овладевать сложным искусством выживания в огромном чужом городе. «Поглощённый непрерывными заботами о добывании средств к существованию, я понемногу окончательно отстранился от всякой общественной деятельности: на заседания парламентского комитета ездить перестал, с политическими деятелями больше не встречался, да и со знакомыми обывателями виделся редко»[53].

В ходе аграрной реформы, начатой в Латвии в 1920 г., большая часть дворянских имений была конфискована, но бывшим владельцам сохранили участки до 50 га. Так жена Энгельгардта в 1926 г. оказалась хозяйкой хутора в Латгалии. Неожиданно обретя земельную собственность, Энгельгардты предполагали продать её и на вырученные деньги начать новую жизнь в Париже, купив автомобиль для собственного таксомоторного предприятия. Однако денег хватило только на аренду другого латгальского хутора. Бывший крупный землевладелец Могилёвской губ. проявил незаурядную энергию в качестве крестьянина-арендатора. Вместе с соседями он основал товарищество по сбыту молока, исполняя в нём обязанности бухгалтера. Дела шли успешно несколько лет, но затем в Восточной Европе разразился аграрный кризис. Владелец продал хутор, а покупатель предложил крайне невыгодные условия. В этот сложный момент Энгельгардт получил работу технического руководителя рысистых и скаковых соревнований в Армейском конноспортивном клубе в Риге. Одновременно он состоял библиотекарем при Русском клубе. Доходов хватало на то, чтобы вести скромную жизнь мелкого служащего[54].

Тем временем в 1934 г. в Латвии произошёл государственный переворот, установивший авторитарную диктатуру К. Улманиса. В 1937 г. Энгельгардта как представителя национального меньшинства понизили до должности составляющего программу бегов на ипподроме. 8 июля 1940 г. полиция ещё независимой Латвии задержала его и передала НКВД. Энгельгардта доставили в Москву, где он почти целый год провёл в Бутырской и Лефортовской тюрьмах.

---

[51] *Агапеев В.П.* Убийство генерала Романовского // Белое дело. Т. 6. Поход на Москву. М., 1996. С. 361—364.

[52] ОР РГБ, ф. 218, д. 384, л. 266.

[53] Там же. Русский парламентский комитет действовал в Париже под председательством А.И. Гучкова и В.И. Гурко, включал бывших членов Государственной думы и Государственного совета.

[54] Там же, л. 266, 268—269.

Его допрашивали, пытаясь получить сведения о Российском общевойсковом союзе, членом которого Энгельгардт никогда не был, завершив свою антисоветскую деятельность в 1920 г.[55]

В итоге Бориса Александровича приговорили к административной высылке на пять лет в Хорезмскую обл., куда он прибыл 22 июня 1941 г.[56] Жизнь в Ургенче воспринималась им как «полная свобода»: «После года тюрьмы, регистрационные явки в НКВД каждые десять дней казались простой формальностью. Открывались новые условия жизни, и я с присущим мне оптимизмом надеялся на лучшее»[57]. На протяжении пяти лет пребывания в Узбекистане Энгельгардт побывал художником в музее в Хиве, тренером в государственной конюшне и сторожем на пчельнике в Ургенче, агрономом и кладовщиком на заготовительном пункте, а потом наблюдателем на ипподроме в Ташкенте. В 1943 г. он обратился к И.В. Сталину с просьбой о зачислении в ряды Красной армии. Медицинская комиссия признала его годным по состоянию здоровья, но призыва на службу не последовало. После окончания войны он вновь направил письмо к Сталину и получил в сентябре 1946 г. разрешение вернуться в Ригу, где проживала его жена. Проезжая через Москву, Энгельгардт встретился со своим однокашником по Пажескому корпусу, тогда уже советским генералом А.А. Игнатьевым.

В Риге Энгельгардт устроился старшим специалистом по международным сношениям в Управление гидрометеослужбы Латвийской ССР, по сути, став переводчиком с английского, немецкого и французского языков. С 1950 г. он занимал различные должности на Рижском ипподроме. Больших усилий ему стоили хлопоты по оформлению пенсии, поскольку основная часть его жизненного пути не подпадала под действие советского пенсионного законодательства. Материальные трудности облегчались лишь небольшой денежной поддержкой, регулярно поступавшей от Игнатьева к 1 мая и 7 ноября вплоть до его смерти в 1954 г.

---

[55] В мемуарах Энгельгардт вспоминал, что смог уклониться от двух попыток вовлечения его в активную антисоветскую деятельность. Когда Борис Александрович направлялся в Прибалтику, генерал Головин обратился к нему «с секретнейшей просьбой: от имени великого князя, он просил меня по приезде в Латвию выяснить и о результатах сообщить ему, держится ли в русском населении в Латвии и в среде былых солдат русской армии вообще воспоминание о Николае Николаевиче как верховном главнокомандующем и не могло ли появление его в Латвии вызвать подъём патриотических чувств в русских людях. Не может ли Латвия на этом основании послужить базой для нового контрреволюционного наступления на Советский Союз, на этот раз под личным водительством Николая Николаевича» (ОР РГБ, ф. 218, д. 384, л. 267). Энгельгардт быстро убедился в беспочвенности таких расчётов, но через несколько лет на одном из русских хуторов он встретил приехавшего из Праги руководителя созданной в эмиграции Трудовой крестьянской партии С.С. Маслова, который, «узнав, что я проживаю в Латгалии, километрах в 20—25 от границы Советского Союза, предложил мне заняться переброской агитационных листовок в СССР при помощи детских воздушных шаров, отправляемых с попутным ветром на восток с подвязанными к ним прокламациями. Он предлагал деньги на расходы, и приборы и материалы для изготовления шаров, и конечно эсеровские прокламации» (Там же, л. 268). Это предложение также было отклонено. О Маслове и Трудовой крестьянской партии см.: *Соколов М.В.* Соблазн активизма: русская республиканско-демократическая эмиграция 20—30-х гг. XX в. и ОГПУ СССР. М., 2011.

[56] В то же время его родственник полковник ВСЮР Б.В. Энгельгардт, живший на территории Эстонии и активно участвовавший в деятельности РОВС и «Братства русской правды», 20 июня 1940 г. был арестован эстонской полицией и передан НКВД, 18 июня 1941 г. приговорён к высшей мере наказания, а 15 июля расстрелян (Русские деятели в Эстонии XX века / Сост. С. Исаков. Тарту, 2005. С. 204—237).

[57] ОР РГБ, ф. 218, д. 384, л. 274.

Скончался Борис Александрович 2 сентября 1962 г. в возрасте 85 лет.

В течение нескольких десятилетий он работал над воспоминаниями. Первые их наброски появились в издаваемой В.Л. Бурцевым газете «Общее дело» ещё в Париже[58]. В 1937—1938 гг. в рижской русскоязычной газете «Сегодня» были напечатаны три мемуарных фрагмента, а в 1939 г. в местном журнале «Для Вас» вышел первый вариант «Воспоминаний камер-пажа»[59]. Продолжить свой труд автор смог только после возвращения в Ригу в 1946 г. Именно тогда он рассказал о пережитом после Февраля 1917 г.

Свои воспоминания Энгельгардт писал и редактировал до конца жизни, создав произведение, охватившее около 60 лет — от царствования Александра III до окончания Великой Отечественной войны. В нём сохранилось немало ценных свидетельств о военной и политической элите Российской империи, событиях революции 1917 г. и Гражданской войны. В 1952—1953 гг. его мемуарные тексты «Потонувший мир» и «Контрреволюция» приобрела Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина[60]. Но Энгельгардт продолжал работу[61] и к 1961 г. создал сокращённый вариант мемуаров, поступивший позднее вместе с большей частью его личного архива в Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (ф. 1052). Другая часть личного архива попала к рижскому историку Ю.И. Абызову, а затем в архив Бременского университета (ФРГ).

В 1940—1950-х гг. Энгельгардт старался соблюдать сложившиеся к тому времени советские каноны мемуарной литературы. Будучи крайне далёк от социал-демократов и особенно от большевиков, он тщательно припоминал все случаи своего соприкосновения с этой средой: не забыл ни о родственнике А.К. Лозина-Лозинском, который его познакомил с работами В.И. Ульянова (Ленина), ни о завершившейся рукопожатием беседе с членом большевистской фракции IV Государственной думы. Автор цитировал работы Сталина и Ленина, которые вряд ли читал в начале XX в. Вместе с тем в редакции 1961 г. исчезли все ссылки на высказывания Сталина, приводившиеся в 1952—1953 гг. Это было не банальным приспособленчеством, а стремлением следовать нормам, установленным государством, лояльным гражданином которого он стремился быть.

Рассказывая о происходившем в стане контрреволюции («парламентской», «военной» и «заговорщицкой», как он сам её определял), Энгельгардт приводил множество интересных фактов и наблюдений, но старался писать о них отстра-

---

[58] *Б.Э.* Революционные дни (Воспоминания участника февральских дней 1917 г.) // Общее дело. 1921. 16, 17, 18 марта.

[59] *Энгельгардт Б.А.* Двадцать лет тому назад: Почему антиреволюционная Государственная дума возглавила революционное движение в 1917 г. (Из воспоминаний бывшего члена Государственной думы) // Сегодня. 1937. № 97, 98; Первые сумбурные дни революции 1917 г. // Там же. № 116; Графиня Ностиц (из недавнего прошлого) // Там же. 1938. № 237; *Энгельгардт Б.А.* Воспоминания камер-пажа // Для вас. 1939. № 15—43. Текст был впоследствии переиздан в конце 1990-х гг. (*Энгельгардт Б.А.* Воспоминания камер-пажа // Балтийский архив. 1996—1997. Т. 2, 3). Подробнее об этих изданиях см.: Газета «Сегодня». 1919—1940. Роспись. В 2 ч. / Сост. Ю. Абызов. Рига, 2001; *Равдин Б., Флейшман Л., Абызов Ю.* Русская печать в Риге: из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов. Stanford, 1997; *Абызов Ю.* Рижско-парижский журнал «Для вас». Опыт прочтения «Парижских огней» // Балтийский архив. Письма. Мемуары. Библиография. Т. 10. Рига, 2005. С. 397—427.

[60] ОР РГБ, ф. 218, д. 305, 306, 384.

[61] См.: *Мунжукова С.И.* Б.А. Энгельгардт и судьба его воспоминаний. 1940-е — 1960-е гг. // Новейшая история России. 2016. № 1. С. 134—145.

нённо, скорее как свидетель, а не как участник. Только очень внимательный читатель мог оценить подлинную роль автора в борьбе против революции и советской власти. Иногда в тексте возникала и «фигура умолчания», например, не говорилось об участии мемуариста в выборах в Учредительное собрание.

Энгельгардт признавал все совершившиеся в стране перемены как данность, но и не отказывался от своей позиции. В 1961 г. в письме к писателю В.Г. Финку он рассуждал: «Подводя итог к роли Белого движения в жизни нашей Родины, следует признать, что оно принесло вред, затормозив, задержав развитие самодеятельности и творческих сил русского народа. Но Белое движение являлось естественным наследием великого национального прошлого России. Ведь 90% населения страны были с молоком матери воспитаны в твёрдо установившихся представлениях о политическом и экономическом строе в стране. Вера в незыблемость частной собственности зародилась в людях не со вчерашнего дня, и попытки в кратчайшей срок изменить весь старый уклад не могли не встретить протесты значительной части населения. Белое движение можно осуждать, но следует и понять причины его возникновения. А всё понять — значит, многое простить, — гласит французская поговорка»[62].

Первую попытку опубликовать свои мемуары в СССР Энгельгардт предпринял ещё в 1948 г., передав «Воспоминания камер-пажа» в «Новый мир». В подготовке текста к печати ему помогали Э.Г. Казакевич (редактор выходившего в 1956 г. альманаха «Литературная Москва»), Л.В. Успенский (работавший в 1957—1958 гг. в редакциях журналов «Звезда» и «Нева»), А.Т. Твардовский (собиравшийся поместить фрагменты мемуаров в «Новом мире» в 1960 г.)[63], историки П.А. Зайончковский и В.Д. Поликарпов[64]. Но колебания идеологических установок и перипетии редакторской политики так и не позволили тогда его труду выйти в свет.

Впервые в СССР отрывок из воспоминаний Энгельгардта появился в 1964 г. на страницах «Недели» — еженедельного приложения к газете «Известия»[65]. В том же году фрагменты редакции 1961 г. разместил «Военно-исторический журнал»[66]. В конце XX — начале XXI в. отдельные части мемуаров Энгельгардта вышли в Латвии[67] и Российской Федерации[68], но все они носили фрагментарный характер и отражали возникший в обществе ажиотажный интерес к российской монархии и контрреволюции. В 2003 г. А.Б. Николаев подгото-

---

[62] ОР РНБ, ф. 1052, оп. 1, д. 109, л. 21—22.

[63] Там же, д. 158, л. 1; д. 124, л. 2; д. 135, л. 4; д. 133, л. 1; д. 134, л. 5. Подробнее см.: *Мальцев А.Д.* Из истории публикаций «Воспоминаний» Б.А. Энгельгардта: по переписке автора // Русская литература. 1996. № 4. С. 133—157.

[64] ОР РНБ, ф. 1052, оп. 1, д. 135, л. 4; д. 148, л. 6.

[65] *Энгельгардт Б.А.* Крушение империи. Бывший депутат Государственной думы рассказывает о падении царизма // Неделя. 1964. № 51. 13—19 декабря. С. 6—7.

[66] Военно-исторический журнал. 1964. № 1, 5, 8—10.

[67] *Энгельгардт Б.А.* Революция и контрреволюция // Балтийское время. 1992. № 3—9; *Энгельгардт Б.А.* Революция и контрреволюция (отрывок рукописи) // Рижский альманах. 1996. Кн. 4. С. 154—171; *Энгельгардт Б.А.* Революция и контрреволюция // Балтийский архив. 2004. Т. 8. С. 7—319.

[68] Воспоминания камер-пажа / Публ. В.А. Авдеева // Военно-исторический журнал. 1993. № 12; 1994. № 1—7, 9; 2002. № 12; 2003. № 2, 3, 6, 8, 9; 2004. № 2—4; Контрреволюция. Из воспоминаний начальника Отдела пропаганды Добровольческой армии / Публ. В.А. Авдеева // Диалог. 1996. № 1—8.

вил первую научную публикацию главы «Февральская революция»[69]. В 2020 г. был издан полный текст редакции 1961 г.[70]

Долгая жизнь Б.А. Энгельгардта, наполненная событиями и трудами, позволила ему стать летописцем своего времени. Он не являлся тем, чьи деяния имели судьбоносное значение для истории Отечества, но находился в первом ряду свидетелей эпохи войн и революций начала XX в.

---

[69] *Энгельгардт Б.А.* Февральская революция / Подгот. текста, вступ. ст. и примеч. А.Б. Николаева // Клио. 2003. № 1(20). С. 180—197.

[70] Потонувший мир Б.А. Энгельгардта: «Воспоминания о далёком прошлом (1887—1944)» / Публ. Н.Н. Смирнова, С.И. Мунжуковой, М.Ю. Борисовой-Лебедевой, И.В. Петрова. СПб., 2020.

Хлебозаготовительная кампания 1934 г. в Западно-Сибирском крае

Владимир Ильиных

Grain collection campaign of 1934 in West Siberian region

Vladimir Ilinyh
(Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk)

DOI: 10.31857/S086956870015467-4

Важнейшие структурные особенности экономики СССР были заложены в рамках форсированной военно-индустриальной модернизации. Её проведение обеспечивалось имевшей преимущественно внеэкономический характер перекачкой материальных ресурсов из аграрного сектора в индустриальный за счёт внутренних ресурсов[1]. Переход от нэповской экономики к мобилизационной обеспечила насильственная коллективизация. Стержневым механизмом мобилизационной экономики являлось налогово-податное обложение деревни.

Основной натурально-продуктовой податью — как по субъективной тяжести для крестьян, так и по объёмам и стоимости изъятия — являлись централизованные хлебозаготовки, в рамках которых, вне зависимости от официального наименования методов их осуществления, происходило отчуждение в государственный фонд произведённого в колхозах, совхозах и единоличных хозяйствах зерна. Без изучения заготовок невозможно понять особенности функционирования мобилизационной экономики и методы управления ею.

Ежегодное проведение хлебозаготовок традиционно приобретало характер хозяйственно-политических кампаний. На их организацию направлялись основные усилия органов партийного и государственного управления в аграрной сфере. Целостную картину функционирования и развития заготовительной системы невозможно реконструировать без детального изучения региональной специфики. Одним из главных хлебопроизводящих районов в 1930-х гг. оставалась Сибирь, роль которой традиционно возрастала при неурожае в европейской части страны. Подобная ситуация и наблюдалась в 1934 г. Задача данной статьи состоит в реконструкции хода заготовительной кампании в Западно-Сибирском крае[2]. Её исследование позволит определить базовые черты и специфику проведения аграрной политики государства.

Анализ литературы по истории хлебозаготовок 1930-х гг. показывает, что лучше всего исследовано начало этого десятилетия[3]. Применительно к его

© 2021 г. В.А. Ильиных

[1] *Кондрашин В.В.* Влияние коллективизации на судьбы России в XX в. // Российская история. 2018. № 4. С. 4.

[2] В Западно-Сибирский край в границах 1930—1934 гг. входили основные зернопроизводящие районы Западной и Восточной Сибири.

[3] См.: *Мошков Ю.А.* Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929—1932 гг.). М., 1966; *Дэвис Р., Уиткрофт С.* Годы голода: сельское хозяйство

середине проблема рассматривалась в рамках изучения смежных проблем — коллективизации, антикрестьянских репрессий, деятельности политотделов, налогообложения крестьянства, истории национальной деревни и др.[4] Особенности кампании 1934 г. изучены недостаточно. Крупнейшим достижением постсоветской исторической науки стало издание серии документальных сборников, посвящённых коллективизации, голоду, хлебозаготовкам, в которых опубликованы источники по истории данной кампании.[5]

В начале 1930-х гг. основным методом проведения заготовок являлась контрактационная система. В заключавшихся договорах (контрактах) фиксировались обязательства производителей поставить уполномоченному государством заготовительному органу выращенное зерно. Размеры поставок зависели не от объёма произведённой продукции, а от заданий, устанавливавшихся центром и разверстывавшихся на регионы, районы, сельсоветы, колхозы и единоличные хозяйства. Отличительная черта контрактационной системы — нестабильность планов, которые в течение года могли неоднократно меняться в сторону увеличения. Данный порядок подрывал экономику колхозов и лишал их стимулов расширять производство, являлся одной из основных причин массового голода в деревне.

С целью исправления ситуации в 1933 г. провели реформу заготовительной системы. Базовой натуральной податью стали обязательные поставки хлеба государству, официально имевшие статус налога. Их объёмы определялись по единым для каждого сельского района и неизменным в течение года нормам сдачи с каждого гектара запланированного посева. Для колхозов, не обслуживавшихся МТС, вводились более высокие нормы хлебосдачи, а для единоличных хозяйств они превышали колхозные.

К централизованным заготовкам также относились: взимаемая с колхозов натуроплата МТС, хлебосдача совхозов, возврат натуральных ссуд, взятых колхозами и совхозами у государства в предыдущие годы. Размеры натуроплаты рассчитывались исходя из плавающих поразрядных расценок отдельных видов сельхозработ (весновспашка, взмёт зяби, обработка паров, боронование и сев), зависевших от уровня урожайности. Хозяйство, отнесённое в более высокий разряд урожайности, платило МТС больше. Также предусматривалось процентное отчисление от общего объёма намолота молотилками и комбайнами

СССР, 1931—1933. М., 2011; *Кондрашин В.В.* Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и её результаты (1929—1933 гг.). М., 2014; и др.

[4] См.: *Гущин Н.Я.* Сибирская деревня на пути к социализму (социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926—1937 гг.). Новосибирск, 1973; История советского крестьянства. Т. 2. Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства, конец 1927—1937 / Отв. ред. И.Е. Зеленин. М., 1986; *Белковец Л.П.* «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири. Конец 1920-х — 1930-е годы. М., 1995; *Папков С.А.* Сталинский террор в Сибири. 1928—1941. Новосибирск, 1997; *Шевляков А.С.* Политотделы МТС и совхозов. Чрезвычайные партийно-государственные органы управления в сельском хозяйстве Западной Сибири в 1930-е годы. Томск, 2000; *Павлова И.В.* Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001; *Ильиных В.А.* Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х — начало 1950-х гг. Новосибирск, 2003; *Кондрашин В.В.*, *Мозохин О.В.* Политотделы МТС в 1933—1934 гг. М., 2017; и др.

[5] См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы. Т. 4 / Сост. В.П. Данилов. М., 2004; Голод в СССР. 1929—1934. Сборник документов. Т. 3 / Сост. В.В. Кондрашин. М., 2013; Политика раскрестьянивания в Сибири: хроникально-документальный сборник. Вып. 2 / Сост. В.А. Ильиных. Новосибирск, 2002.

МТС. Совхозы сдавали хлеб в соответствии с производственными планами. Все виды заготовок должны были осуществляться в строгом соответствии с установленными для каждого региона календарными сроками[6]. Дополнительными каналами поступления зерна в государственный и местные фонды служили также гарнцевый сбор, которым облагались мукомольные предприятия, и закупки хлеба потребкооперацией по заданию государства. Однако в предметную область настоящего исследования они не входят.

Упорядочение налогово-податного обложения деревни в сочетании с относительным укреплением колхозного и совхозного производства из-за более высокого, чем в предыдущие годы, урожая зерновых позволили властям добиться увеличения объёмов заготовок и выполнения государственного задания в сжатые сроки. В 1933/34 г. по всему СССР в централизованном порядке хлеба заготовили на 26%, а в Западно-Сибирском крае — на 18% больше, чем годом ранее[7]. Существенно выросли размеры выдачи зерна в счёт оплаты труда колхозников. Это позволило не допустить массового голода[8].

Закрепить достигнутый успех планировалось в 1934/35 заготовительном году, по итогам которого — отменить карточную систему. Однако на подготовку новой кампании существенное влияние оказал недород. Гибель части озимых посевов и засушливая весна на Украине создали угрозу существенного снижения урожайности. Стабилизировать ситуацию могло увеличение заготовок в более урожайных восточных регионах, включая Западную Сибирь. При этом бóльшую часть хлеба надлежало получить уже в первом квартале.

Утверждённый для Западно-Сибирского края государственный план на 1934/35 г. составлял 116,1 млн пудов (обязательные поставки колхозами — 71, единоличниками — 6, натуроплата — 22,1, хлебосдача совхозов — 15,6, возврат государственных ссуд — 1,4). В предыдущем году в крае заготовили 100,4 млн пудов[9]. Краевое задание превышало государственное, поскольку в него включались также страховые надбавки и отчисления в региональный и местные продовольственные фонды.

4 июля в адрес крайкома и крайисполкома пришла шифротелеграмма, подписанная И.В. Сталиным и В.М. Молотовым[10], в которой сообщалось, что ЦК ВКП(б) и СНК СССР в соответствии с законодательно установленными сроками хлебосдачи по секторам и видам заготовок утвердили для края план поступления зерна на первый квартал 1934/35 заготовительного года в размере 43,9 млн пудов (в том числе по зернопоставкам — 25,5, по натуроплате — 11,7 и по хлебосдаче совхозов — 6,7). Однако его надлежит рассматривать как минимальный и обязательно перевыполнить. Основанием для этого служили результаты хлебопоставок в первом квартале 1933/34 г. Тогда по краю заготовили 50,8 млн пудов. В текущем году уборочная кампания на юге Западной Сибири, утверждали авторы записки, началась раньше, и поэтому зерна должно поступить не меньше, а больше. В связи с этим краевым органам управле-

---

[6] *Ильиных В.А.* Налогово-податное обложение сибирской деревни... С. 90, 107—108, 112—113.

[7] Ежегодник хлебооборота за 1931/32, 1932/33 и предварительные итоги заготовок 1933 г. М., 1934. С. 12; РГАЭ, ф. 8040, оп. 3, д. 29, л. 1; д. 936, л. 19; Государственный архив Новосибирской области (далее — ГА НО), ф. П-3, оп. 2, д. 524, л. 11.

[8] См.: *Дэвис Р., Уиткрофт С.* Годы голода... С. 272—273.

[9] Трагедия советской деревни... Т. 4. С. 66—67; ГА НО, ф. П-3, оп. 2, д. 575, л. 46 об., 132 об.; оп. 7, д. 476, л. 2; РГАЭ, ф. 8040, оп. 3, д. 29, л. 1.

[10] ГА НО, ф. П-3, оп. 2, д. 544, л. 89—91.

ния предлагалось добиться перевыполнения утверждённого плана, заготовив в июле—сентябре 70 млн пудов хлебопродуктов. Обсудив возможности выполнения повышенного квартального заготовительного задания, руководство края направило в центр ходатайство о его снижении до 50 млн, однако получило отрицательный ответ[11].

Датой официального начала заготовительной кампании 1934/35 г. стало 15 июля. С этого дня в соответствии с постановлением ЦК и СНК от 1 июля 1934 г. «Об обязательных поставках зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами из урожая 1934 г.»[12] прекращались колхозная и индивидуальная торговля хлебом, а также его закупка потребкооперацией. Однако, несмотря на уверенность, что валовой сбор зерновых должен существенно превысить уровень 1933 г., темпы заготовок в крае значительно отставали от плановых. В июле хлебосдача оказалась минимальной — 23 тыс. пудов. В августе заготовили 282 тыс., тогда как годом ранее — 10 618 тыс. Минимальный план выполнили на 33%, повышенный — на 20,5%[13].

В конце месяца, когда провал централизованных заготовок стал очевиден, первый секретарь крайкома Р.И. Эйхе и председатель крайисполкома Ф.П. Грядинский направили в адрес Сталина и Молотова письмо[14], в котором ссылались на неблагоприятные погодные условия как основную причину невыполнения задания. Частые дожди и прохладная погода в конце лета значительно затянули созревание хлебов и начало уборочных работ на большей части края. Кроме того, отдельные районы (центральная и восточная часть) охватил недород: длительная засуха (с конца мая по начало июля) и нашествие саранчи практически уничтожили там посевы. Сбор зерновых во многих колхозах не превышал 1—1,5 ц/га. В тех районах центральной зоны, где летом дожди прошли, на состоянии зерновых сказалась нехватка влаги весной, вызванная сухой осенью и малоснежной зимой. Это привело к задержке всходов и созреванию поздних посевов.

Однако Центр не принял во внимание эти аргументы. 31 августа в адрес партийных и советских руководителей Поволжья и Сибири направили очень жёсткую по тону циркулярную телеграмму[15], в которой сообщалось, что в августе текущего года зерна в СССР заготовлено меньше, чем в августе 1933 г. Более того, в конце месяца объёмы заготовок уменьшились. Адресаты циркуляра обязывались «немедленно» принять «соответствующие» меры воздействия по отношению к руководителям отстающих районов и хозяйств и несдатчикам хлеба. Кроме того, предлагалось отозвать из отпусков всех ответственных работников и немедленно направить две трети членов бюро обкомов, крайкомов и президиумов обл- и крайисполкомов на места на весь сентябрь в качестве уполномоченных.

Руководство Западно-Сибирского края резко активизировало организационную деятельность по форсированию хлебозаготовок. В течение сентября вопрос об уборке и заготовках обсуждался на заседаниях бюро крайкома практически ежедневно. 3 сентября бюро утвердило план на сентябрь[16] в ранее

[11] Там же, л. 62—63.
[12] Собрание законов СССР (далее — СЗ СССР). 1934. № 10. Ст. 62.
[13] ГА НО, ф. П-3, оп. 2, д. 469, л. 347; д. 588, л. 89; оп. 7, д. 476, л. 5.
[14] Там же, оп. 2, д. 588, л. 11—12.
[15] Там же, д. 544, л. 99—101.
[16] Там же, д. 575, л. 144 об.

утверждённом размере (55 млн пудов) с добавлением невыполненной части задания на август (11,9 млн), а 7 сентября — порайонные пятидневные задания по заготовкам. Райкомы и райисполкомы должны были довести их до каждого колхоза, сельсовета и единоличного хозяйства[17]. После развёрстки районные власти обязывались ежедневно рассматривать список хозяйств, не выполняющих заданий. «Саботирующие» колхозы следовало лишать права использовать 10% намолоченного зерна для авансирования колхозников[18], «обращая весь намолоченный хлеб полностью для выполнения установленного пятидневного плана», а руководителей таких колхозов «привлекать к ответственности за саботаж»[19].

Особое внимание райкомов и райисполкомов обращалось на организацию выполнения плана зернопоставок единоличниками[20]. Надлежало обеспечить сдачу ими зерна «непосредственно из-под молотилок с общественных токов, своевременно применяя к несдатчикам меры, предусмотренные законом, в том числе штрафы в размере пятикратной рыночной стоимости несданного хлеба и привлечение злостных несдатчиков к судебной ответственности на основании 61 статьи УК». При этом в нарушение законодательства окончательный срок выполнения единоличниками хлебосдачи перенесли с 1 ноября на 1 октября. Местные органы управления в соответствии с постановлением ЦИК и СНК от 11 сентября 1932 г.[21] обязывались начать мобилизацию единоличников вместе с их лошадьми на работы по уборке и вывозу зерна в совхозах и колхозах. Региональные власти также приняли решение перенести на 1 ноября срок выполнения плана государственных заготовок «и этой победой ознаменовать приближающуюся годовщину Октябрьской революции»[22].

Для контроля за ходом заготовок в районы направлялись уполномоченные крайкома и крайисполкома, представители райкомов и райисполкомов выезжали в сёла и колхозы. В начале сентября в Западную Сибирь в ранге уполномоченного ЦК и СНК прибыл Молотов. Направление в Новосибирск главы советского правительства — наглядное подтверждение той роли, которую Москва отводила региону в текущей кампании. Молотов проводил «беседы» с руководителями партийных и советских организаций края, требовал от них принятия «решительных мер» по форсированию хлебозаготовок, участвовал в заседаниях бюро крайкома 6, 7 и 15 сентября, выезжал в районы, информировал Сталина и Политбюро о ситуации, по просьбе руководства принимал решения о выделении краю дополнительных материальных ресурсов[23].

В целях ускорения уборки хлебов для каждого района и хозяйства установили конкретные даты завершения работ по скирдованию. Райкомы, райисполкомы и начальники политотделов МТС обязывались обеспечить участие в уборочных работах всего трудоспособного населения. Правлениям колхозов

---

[17] Там же, л. 153 об.

[18] Колхозам до завершения хлебопоставок дозволялось использовать на внутрихозяйственные нужды, включая натуральное авансирование колхозников, 10% намолоченного зерна (РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 2039, л. 60).

[19] ГА НО, ф. П-3, оп. 2, д. 575, л. 157.

[20] Там же, л. 144 об., 149, 153 об., 176 об.

[21] СЗ СССР. 1932. № 67. Ст. 403.

[22] Советская Сибирь. 1934. 8 сентября. В соответствии с действующим законодательством колхозы обязывались выполнить обязательства по зернопоставкам до 31 декабря.

[23] ГА НО, ф. П-3, оп. 2, д. 575, л. 149, 153 об., 185; д. 581, л. 7; д. 544, л. 137.

предоставлялось право при распределении доходов уменьшать вдвое оплату трудодня колхозникам, уклоняющимся от участия в уборочных работах. Бюро крайкома также приняло решение «ввиду особо тяжёлых условий уборки в совхозах» разрешить директорам в обязательном порядке привлекать к уборочным работам всех трудоспособных, проживающих на их территории[24]. При этом аргументы местных функционеров о том, что недозрелое зерно косить нельзя, а уборка в непогоду приводит к огромным потерям, квалифицировались как «оппортунистические», «зелёные» или «мокрые настроения». Жёсткой критике «подобные настроения» подверг Эйхе[25], который ранее в письме в центр указывал на позднее созревание хлебов как объективный фактор задержки уборочных работ.

Поскольку сушилок для влажного зерна и крытых токов катастрофически не хватало, краевое руководство указало на необходимость использовать для этой цели объекты социально-культурного и бытового назначения, а также жилые помещения[26]. 19 сентября бюро крайкома, рассмотрев вопрос «О сушке хлеба в зерносовхозах», обязало райисполкомы «выделить в прилегающих к совхозам населённых пунктах ряд помещений (церкви, клубы, склады и т.д.) для сушки зерна и необходимое количество людей для перелопачивания зерна на месте работ»[27].

Персональная ответственность за выполнение календарных заданий по уборке и сдаче возлагалась на районных руководителей. Бюро крайкома постоянно заслушивало информацию о ситуации в районах и принимало соответствующие решения. Так, 15 сентября бюро, в заседании которого принял участие Молотов, сделало «особое» предупреждение об исключении из партии и отдаче под суд в том случае, если они не добьются перелома в хлебозаготовках, секретарям райкомов и председателям райисполкомов Калачинского, Косихинского, Минусинского, Немецкого, Поспелихинского, Смоленского и Болотнинского районов, а также директорам и начальникам политотделов Гляденской, Орловской, Сосновской, Серебропольской, Тулинской, Кормиловской, Москаленской, Изылбашской, Красно-Туранской, Новой и Павлоградской МТС. Строгий выговор с предупреждением получили председатель Омского горсовета, секретарь горкома и районный уполномоченный Комитета по заготовкам сельскохозяйственных продуктов при СНК СССР, а также члены бюро райкомов и президиумов райисполкомов Черлакского и Татарского районов, где выполнение сентябрьского плана хлебозаготовок составило соответственно 2 и 7%. Секретарей этих двух райкомов и председателя Татарского райисполкома сняли с работы и отдали под суд. Недавно назначенный на должность председатель Черлакского райисполкома получил строгий выговор с предупреждением. Сняли с работы и отдали под суд директоров и начальников политотделов Калачинской, Зеркальской и Завьяловской МТС[28].

К форсированию хлебозаготовок привлекались органы юстиции и НКВД. В начале сентября краевые суд и прокуратура направили своим местным отделениям директиву об усилении внимания к уборке и хлебозаготовкам. Надлежало

---

[24] Там же, л. 184—185.
[25] Советская Сибирь. 1934. 18 сентября.
[26] ГА НО, ф. П-3, оп. 2, д. 575, л. 157 об.
[27] Там же, л. 185.
[28] Советская Сибирь. 1934. 17 сентября.

разработать план работы и для его исполнения «немедленно» выехать в районы, применяя в случае необходимости меры уголовного преследования против «саботажников»[29]. 19 сентября президиум крайсуда заслушал доклад о работе судебных органов в связи с заготовками. В принятом постановлении работа большинства из них признавалась неудовлетворительной: «Ряд нарсудов до сих пор не провели ни одного процесса, большинство судов включается в работу крайне медленно». В связи с этим строгие выговоры получили народные судьи Здвинского, Калачинского, Каменского, Павлоградского и Ребрихинского районов, в которых не состоялось ни одного процесса «над виновниками срыва хлебопоставок». Судей предупредили, что если они не организуют такие процессы в течение 5 дней, то будут привлечены «к строжайшей ответственности вплоть до предания суду». Строгий выговор с предупреждением также объявлялся судье Татарского района, который «ограничился осуждением в августе месяце 2-х колхозников за плохое обращение с лошадьми и 1 человека за кражу хлеба, не провёл ни одного процесса над конкретными виновниками срыва плана хлебопоставок»[30].

За день до заседания президиума крайсуда — 18 сентября — бюро крайкома приняло постановление «О борьбе с контрреволюцией»[31]. В нём предлагалось: начальнику Управления НКВД по краю Н.Н. Алексееву «в ближайшее время исключительно сосредоточиться на руководстве борьбой с контрреволюцией и саботажем хлебозаготовок»; ему и крайпрокурору И.И. Баркову организовать ряд процессов «с вынесением высшей меры наказания за саботаж хлебозаготовок и вредительство в хозаппарате»; заместителю председателя крайсуда Вежану по согласованию с Алексеевым и Барковым организовать выездные сессии суда для срочного рассмотрения указанной категории дел.

В соответствии с действующим законодательством приговор крайсуда о высшей мере наказания мог быть обжалован в Верховном суде РСФСР. Эта процедура занимала длительное время, что, по мнению руководства края, существенно подрывало «воспитательное» воздействие смертной казни на «саботажников». Данную позицию разделял и Молотов, направивший 19 сентября в ЦК шифротелеграмму с просьбой «предоставить Эйхе право давать санкции на высшую меру наказания в Западной Сибири в течение сентября—октября месяцев». Положительный ответ поступил уже на следующий день, Эйхе получил право рассматривать апелляционные жалобы осуждённых к высшей мере наказания и лично санкционировать приведение приговоров в исполнение[32].

21 сентября бюро крайкома приняло постановление «О мероприятиях по ускорению рассмотрения крайсудом кассационных дел по уборке и хлебопоставкам»[33]. В нём предлагалось «для быстрейшего рассмотрения кассационных дел по хлебозаготовкам» организовать выездные сессии в Бийске, Барнауле, Омске, Славгороде и Ачинске. Органы связи обязывались организовать немедленную доставку дел в адрес кассационных коллегий. Поступающие дела рассматривались в суточный срок, а решения по ним сообщались по телеграфу «для немедленного исполнения приговоров».

---

[29] ГА НО, ф. Р-1027, оп. 8, д. 26, л. 79.
[30] Там же, л. 84—85.
[31] Там же, ф. П-3, оп. 1, д. 600, л. 208.
[32] Там же, оп. 2, д. 643 а, л. 1, 2.
[33] Там же, д. 575, л. 187 об.

Сроки рассмотрения наиболее резонансных дел устанавливались и решения по ним выносились не судами, а представителями краевого руководства. Так, 30 сентября Эйхе, Алексеев, Барков и председатель крайсуда В. Бранецкий от имени бюро крайкома рассмотрели вопрос о делах по «контрреволюционному саботажу» хлебозаготовок и хищению зерна[34]. В частности, было решено: дело о «саботаже» в колхозе «Первое августа» и в с. Койт Косихинского района, по которому к суду привлекались 4 колхозника и 6 единоличников, рассмотреть 1—2 октября в Косихе, к «руководителю» группы единоличников применить высшую меру наказания; дело о «контрреволюционном саботаже» в колхозе «Большевик» Великорусской МТС Калачинского района (7 человек) рассмотреть 1 октября, к «руководителю» группы применить высшую меру наказания. Таким образом, Эйхе сначала определял круг обвиняемых и приговор, а на заключительном этапе прохождения дела рассматривал апелляцию на своё собственное решение.

Репрессии и административное давление на сельских функционеров в сочетании с организационными мерами способствовали увеличению объёмов заготовок. В сентябре в крае заготовили 44 083 тыс. пудов зерновых. Эта цифра менее чем на 2% уступала показателям того же месяца 1933 г. Выполнение повышенного заготзадания на месяц составило 63%[35]. Газета «Советская Сибирь» информировала читателей, что на 1 октября годовой план выполнен на 40,4%, в том числе по колхозам, обслуживаемым МТС, — на 38%, по прочим колхозам — на 47,6, по единоличному сектору — на 86,1, по совхозам — на 21,3%[36]. 30 сентября бюро крайкома утвердило план хлебозаготовок на октябрь[37]. За месяц надлежало выполнить оставшуюся часть годового плана. Райкомы, директора совхозных трестов, начальники политотделов обязывались установить конечный срок выполнения плана для каждого совхоза, колхоза и сельсовета.

Нажим на держателей хлеба усилился, упрощалось и ускорялось прохождение дел по «контрреволюционному саботажу» заготовок. 2 октября бюро крайкома установило для них предельные сроки: «В прокуратуре — до 2-х суток, в краевом суде — не более 2-х дней»[38]. 4 октября крайсуд потребовал от народных судов обеспечить «немедленное» исполнение приговоров по всем таким делам[39]. 5 октября бюро крайкома предложило крайсуду для быстрейшего их рассмотрения отозвать с мест выездные кассационные коллегии, направив в Барнаул, Минусинск, Омск и Томск выездные сессии. Председатель суда и прокурор края обязывались «дать общие указания выездным сессиям и прокурорам о применении суровых мер наказания по делам контрреволюционного саботажа хлебозаготовок ([ст.] 58-14) и др., связанным с зернопоставками и крупными хищениями хлеба, отказавшись от предварительной дачи указаний по применению высшей меры наказания по конкретным делам и лицам». Устанавливался порядок, при котором помощники крайпрокурора после расследования указанной категории дел передавали их председателям выездных сессий крайсуда. Предлагалось все дела, подсудимые по которым приговаривались к высшей мере наказания, немедленно направлять нарочным

[34] Там же, оп. 1, д. 600а, л. 215—216.
[35] Там же, ф. П-3, оп. 2, д. 469, л. 347; оп. 7, д. 476, л. 5
[36] Советская Сибирь. 1934. 2 октября.
[37] ГА НО, ф. П-3, оп. 2, д. 575, л. 208 об.
[38] Там же, оп. 1, д. 600б, л. 154.
[39] Там же, ф. Р-1027, оп. 8, д. 26, л. 91. Данный порядок действовал до 1 ноября 1934 г.

в крайсуд, а суть приговора с указанием, «кто по соцположению приговорён к ВМН», передавать телеграфом[40].

13 октября на заседании Верховного суда РСФСР приняли решение организовать в Новосибирске выездную кассационную сессию для рассмотрения жалоб по делам, связанным с хлебозаготовками. Вынесенные определения должны были считаться «окончательными и подлежащими немедленному приведению в исполнение»[41]. В город также командировали старшего помощника прокурора РСФСР Г.М. Сегала. 27 октября от имени Сегала, председателя выездной кассационной сессии Верховного суда РСФСР В.М. Лебедева, Эйхе и Грядинского в ЦК направили телеграмму с просьбой до 15 ноября сохранить за Эйхе право утверждения приговоров о высшей мере наказания. Просьбу оперативно удовлетворили[42].

В такой обстановке дела о «саботаже» заготовок оказались поставлены на поток. Служащие судов штамповали приговоры и отклоняли апелляции на них, не вникая в подробности. С 5 октября по 4 ноября было рассмотрено 158 дел. По ним провели 108 показательных судебных процессов в сельской местности, 46 процессов — в районных центрах и 26 — в городах. Из 779 человек, осуждённых по ст. 58-14 УК, 194 приговорили к расстрелу, 225 получили по 10 лет лагерей, 113 — от 10 до 5 лет лагерей, 170 — срок от 5 лет до 1 года, остальные — исправительно-трудовые работы. По закону от 7 августа 1932 г. («О колосках») репрессировали 140 человек, из них 46 приговорили к расстрелу. Эйхе до 1 ноября санкционировал исполнение высшей меры наказания в отношении 118 осуждённых. Остальные «расстрельные» приговоры в порядке апелляции передавались в Верховный суд. Всего с начала кампании до 1 ноября суды края по делам, связанным с уборкой и заготовками хлеба, приговорили к различным мерам наказания 7 962 человека. По ст. 61 УК РСФСР осудили 4 218 человек, в том числе 2 283 единоличника, за невыполнение заданий по зернопоставкам в административном порядке оштрафовали 19 470 единоличных хозяйств и 606 колхозов. При этом сумма штрафов, взысканная с единоличников, в 8 раз превышала сумму, полученную от колхозов[43].

В начале октября, наращивая давление на деревню, решили прибегнуть к внесудебным репрессиям — локальной высылке. 4 октября крайком и крайисполком приняли постановление «О хлебосдаче в Калачинском районе»[44], в котором констатировались «грубейшие нарушения закона о зернопоставках со стороны некоторых колхозов и значительного количества единоличников. На 1 октября годовой план зернопоставок выполнен в размере 10 проц[ентов], три колхоза ещё совершенно не участвовали в хлебосдаче, 30 колхозов выполнили годовой план ниже 10 проц[ентов], по трём сельсоветам единоличники не сдали ни одного килограмма хлеба». В постановляющей части перечислялись меры по отношению к «саботажникам». Колхозы «Валгус» Великорусского сельсовета («не сдавший ничего») и «Красная дубрава» Царицынского сельсовета («выполнивший 1,7 проц[ента] годового плана») подлежали роспуску, а их члены — высылке «в северную часть края». Выслать следовало и отдельных членов других колхозов района.

---

[40] Там же, ф. П-3, оп. 1, д. 600б, л. 155.
[41] Там же, л. 33.
[42] Там же, оп. 2, д. 643а, л. 4, 5.
[43] Там же, л. 114—116; д. 647, л. 2; оп. 7, д. 476, л. 7.
[44] Там же, оп. 2, д. 576, л. 3.

Операция по выселению членов распущенных колхозов прошла 7 октября. Избежали её семьи красноармейцев, бывших красных партизан, учителей, членов ВКП(б) и ВЛКСМ, а также крестьяне, вступившие в колхозы в сентябре 1934 г. Всего выслали 460 человек. С них взыскивались все денежные и натуральные налоги и сборы, рассчитанные по более высоким нормам для единоличных хозяйств. На покрытие штрафов и задолженностей перед государством пошло имущество колхозов. Для сбора урожая на их площадях мобилизовали колхозников четырёх соседних хозяйств. Согласно данным районного финансового отдела, штраф, наложенный на «Валгус», взыскали полностью, а с «Красной дубравы» — лишь наполовину, на полную оплату не хватило средств[45].

Тем временем объёмы хлебозаготовок наращивались. За первую пятидневку октября заготовили 13,1 млн, за вторую — 14,3 млн пудов[46]. В середине месяца в Западную Сибирь прибыл ещё один высокопоставленный эмиссар — секретарь ЦК ВКП(б) Л.М. Каганович с поручением на месте проконтролировать ситуацию и добиться форсирования хлебосдачи. 15 октября он участвовал в заседании бюро крайкома, на котором утвердили текст директивного письма всем райкомам, райисполкомам, политотделам и директорам совхозов и МТС. В нём содержалось требование обеспечить выполнение годового плана государственных заготовок к 1 ноября[47]. Четвёртая и пятая пятидневки октября объявлялись «решающими». Местные органы власти обязывались: увеличить количество лошадей, тракторов и автомобилей, занятых в вывозке хлеба, и обеспечить их бесперебойную работу; установить повседневный контроль за выполнением ежедневных заданий по хлебосдаче в каждом колхозе; «прикрепить всех работников, посланных в деревню, к определённым колхозам и крупным бригадам, а в совхозах — к отделениям, не допуская гастролёрских разъездов из колхоза в колхоз»; райкомам дополнительно выделить из райпартактива лучших работников и направить их в отстающие колхозы сроком на 10 дней; председателям райисполкомов «лично» и по каждому сельсовету проверить выполнение единоличниками обязательств по зернопоставкам и «немедленно применять статью 61-ю и досрочное взыскание хлеба к нарушителям закона». В заключение крайком и крайисполком обещали следить за работой каждого райисполкома, райкома и политотдела и наказывать каждого, кто сорвёт выполнение задания.

17 октября в Омске началось двухдневное совещание секретарей райкомов и начальников политотделов МТС и совхозов ряда прилегающих к городу районов («куста») по вопросам хлебозаготовок[48]. В нём приняли участие Эйхе и Каганович, посетивший до этого Алейский, Шипуновский, Бийский, Прокопьевский, Сталинский и Омский районы. В повестке значились краткие сообщения с мест, но на деле совещание превратилось в допрос и разнос местных руководителей. Так, после выступления начальника политотдела Изылбашской МТС, объяснившего неудовлетворительный ход сдачи недостатком транспортных средств для вывоза зерна, Каганович заявил ему: «Вы — кооператор, несчастный кооператор сельского хозяйства старого типа,

---

[45] Там же, д. 645, л. 83; Исторический архив Омской области, ф. Р-437, оп. 9, д. 131, л. 115, 125.

[46] ГА НО, ф. П-3, оп. 2, д. 588, л. 91.

[47] Там же, д. 640, л. 33—34 об.; Советская Сибирь. 1934. 16 октября.

[48] ГА НО, ф. П-3, оп. 2, д. 607 (стенограмма).

а не начальник политотдела. Вы — поверенный в делах худшей части колхоза, а не начальник политотдела».

22 октября бюро крайкома утвердило совместное с крайисполкомом постановление «О ходе хлебозаготовок по Немецкому району»[49]. В нём отмечалось, что, несмотря на предупреждения краевых властей, райком и райисполком, а также политотделы Гольбштадтской и Орловской МТС «систематически срывают выполнение планов хлебозаготовок и своим бездействием, гнилым либерализмом потворствуют кулацким элементам»[50]. В связи с этим приказывалось снять с работы, исключить из партии и отдать под суд председателя райисполкома Динкеля, снять с работы и исключить из партии секретаря райкома Вильгаука и районного прокурора Фриша. Решение вопроса о пребывании в партии и на работе начальников политотделов районных МТС зависело от результатов выполнения пятидневного задания. В район «для проведения соответствующих мер на месте» командировался начальник крайуправления НКВД Алексеев.

Усилия руководства края увенчались успехом. В течение месяца удалось собрать рекордный объём хлеба — 72 млн пудов[51], а месячный план перевыполнить почти на 4%. Более того, к 1 ноября достигли и годового задания: бюро крайкома на состоявшемся в этот день заседании констатировало, что оно выполнено на 101%[52]. 2 ноября в «Советской Сибири» опубликовали адресованный Сталину, Молотову, Кагановичу и Жданову рапорт об этом[53].

Следствием этого стало сворачивание чрезвычайных мер воздействия на «саботажников». Отзывались выездные сессии крайсуда. Восстанавливались процессуальные нормы, в частности прежний порядок прохождения дел, подсудных специальной коллегии краевого суда по ст. 58-14 УК РСФСР[54].

2 ноября состоялось радиосовещание руководителей районов[55]. Вёл его Эйхе, отметивший, что край одержал «крупную» победу, выполнив план на месяц раньше, чем в 1933 г. Заготовлено на 17 млн пудов больше, чем в предыдущем году. Но победа одержана силами передовиков, не все районы закончили хлебосдачу. Эйхе поставил задачу перед выполнившими план районами добиться его выполнения каждым колхозом и единоличником, а перед отстающими — выполнить план к 7 ноября.

Принимались меры к активизации хлебосдачи в совхозах, где на 1 ноября годовое заготовительное задание выполнили лишь на 88,6%. Директор Новосибирского зернотреста Гаврилов назвал следующие причины отставания: «Скверная организация сушки [зерна], затяжка обмолота, крупнейшие недостатки в организации труда и транспорта». По его мнению, «немаловажную» роль также сыграли «растерянность, отсутствие опыта у некоторой части ру-

---

[49] Там же, д. 576, л. 48.

[50] На 20 октября Немецкий район выполнил годовой план хлебосдачи по колхозно-крестьянскому сектору на 49% (Советская Сибирь. 1934. 22 октября).

[51] ГА НО, ф. П-3, оп. 7, д. 476, л. 5.

[52] Там же, д. 576, л. 62 об. По оперативным данным, колхозно-крестьянский сектор выполнил годовой план по зернопоставкам на 100,1%, совхозы план хлебосдачи — на 88,6, план сбора натуроплаты — на 105% (Советская Сибирь. 1934. 1 ноября).

[53] Рапорт Западно-Сибирского края также опубликовали газеты «Правда» и «Известия» 3 ноября.

[54] ГА НО, ф. Р-1027, оп. 8, д. 26, л. 93; ф. П-3, оп. 1, д. 600б, л. 158.

[55] Советская Сибирь. 1934. 5 ноября.

ководителей совхозов, впервые проводящих уборку и хлебосдачу (из 12 совхозов, затянувших хлебосдачу, 9 директоров первый год работают в зерносовхозах и большинство — впервые в сельском хозяйстве вообще)»[56]. 13 ноября бюро крайкома, рассмотрев вопрос «О выполнении плана хлебосдачи Новосибирским зернотрестом»[57], приняло решение за невыполнение плана в установленный срок снять Гаврилова с работы. Сельхозотделу крайкома и новому руководству треста поручалось «проверить каждый совхоз и проработать практические мероприятия по каждому совхозу». 20 ноября бюро, «учитывая необходимость скорейшей сдачи государству всех товарно-хлебных излишков совхозов Омского зернотреста», обязало райкомы сельских районов, на территории которых располагались хозяйства треста, мобилизовать колхозников и единоличников для скирдования и обмолота хлеба. Скирдование следовало завершить за 6 дней, а обмолот — за 23 дня[58].

Поскольку основную массу «товарного» хлеба заготовили в октябре, темпы заготовок в ноябре снизились, составив за первую половину месяца лишь 6 706 тыс. пудов[59]. В середине ноября заготовительная кампания фактически завершилась и хлебосдача перешла в режим дозаготовок. Основные усилия направлялись на обеспечение плановых объёмов сбора гарнца, форсирование хлебозакупа и организацию вывоза зерна из глубинных пунктов.

7 декабря ВЦИК принял постановление о разукрупнении Западно-Сибирского края, согласно которому ряд западных и восточных районов переходили в состав новообразованных Омской обл. и Красноярского края[60]. Изменение административно-территориального деления отразилось на статистике хлебозаготовок. Итоги кампании 1934 г. подводились уже в новых территориальных рамках. Данные об объёмах централизованных заготовок в старых границах выявлены лишь по состоянию на 15 ноября. Всего заготовили 125 902 тыс. пудов хлебопродуктов. Совхозы сдали 14 323 тыс. пудов, единоличники — 10 662 тыс., колхозы в счёт поставок — 71 079 тыс., колхозы в счет натуроплаты — 26 366 тыс., возврат натуральных ссуд составил 3 473 тыс. (см. табл.). Удельный вес совхозов (без учёта возврата натуральных ссуд) равнялся 11,7%, колхозов — 79,6, единоличников — 8,7%. В государственные централизованные фонды передали 122 973 тыс. пудов[61]. Государственный план по всем видам заготовок был выполнен на 105,9%, в том числе колхозами — на 98,1, совхозами — 91,6, единоличниками — на 174,2, госпоставок в целом — 104,1, поступления натуроплаты — 113,4%. К 1 декабря показатели выполнения плана (в старых границах) выросли до 106,8, к 1 января 1935 г. — до 107%[62].

Западная Сибирь внесла весомый вклад в стабилизацию продовольственной ситуации в стране. Ноябрьский (1934) пленум ЦК принял постановле-

---

[56] Советская Сибирь. 1934. 1 ноября; ГА НО, ф. П-3, оп. 1, д. 592, л. 20—21. Отсутствие опыта работы у многих директоров — следствие проведённой политотделами в 1933 г. чистки руководящих кадров совхозов.

[57] ГА НО, ф. П-3, оп. 1, д. 592, л. 1.

[58] Там же, д. 594, л. 16.

[59] Там же, оп. 7, д. 476, л. 5.

[60] Собрание узаконений РСФСР. 1935. № 5. Ст. 56.

[61] Без учёта двухпроцентной надбавки к нормам зернопоставок, расходовавшейся на нужды ряда категорий сельской интеллигенции, и пятипроцентного отчисления от объёма натуроплаты, поступавшего в распоряжение МТС.

[62] ГА НО, ф. П-3, оп. 2, д. 589, л. 127 об.

ние «Об отмене карточной системы по хлебу и некоторым другим продуктам». В нём подчёркивалось, что государство «теперь располагает достаточно большим количеством хлеба для того, чтобы полностью и безусловно обеспечить население без карточной системы путём повсеместного развёртывания широкой торговли хлебом»[63].

Таблица

Итоги хлебозаготовок в Западно-Сибирском крае по видам и секторам на 15 ноября 1934 г.

Вид и сектор заготовок	Общий объём (тыс. пудов)	В том числе государственные заготовки	
		тыс. пудов	выполнение плана (%)
Обязательные поставки	81 741	80 130	104,1
В том числе:			
колхозов	71 079	69 678	98,1
единоличников	10 662	10 452	174,2
Натуроплата МТС	26 366	25 047	113,4
Хлебосдача совхозов	14 323	14 323	91,6
Возврат ссуд	3 473	3 473	247,5
Итого	125 902	122 973	105,9

Составлено по: ГА НО, ф. П-3, оп. 7, д. 476, л. 2, 6.

Однако успех кампании обеспечило сверхнормативное изъятие хлеба. Как следствие, в недородных районах начался голод. Зерно, которое там удалось убрать и высушить, отобрали почти подчистую. Многие колхозы в результате остались без хлеба для выдачи по трудодням. По информации краевого земуправления, в 12 наиболее пострадавших от неурожая районах из 718 колхозов 166 (23%) распределили на трудодень менее 1 кг зерна, 197 (27%) — от 1 до 2 кг[64]. Голодающие крестьяне выходили из колхозов и бежали из деревни. Так, например, секретарь Солонешенского райкома сообщал в крайком, что в 1934/35 г. из района выбыло 1 610 дворов колхозников и единоличников. Кроме того, «около 100 человек умерло от септической ангины. Из-за бескормицы район имел исключительно плохое состояние тяговой силы и потерял 888 рабочих лошадей»[65].

Особенности хлебозаготовительной кампании 1934 г. в Сибири определялись недородом на Украине. Стремясь компенсировать его последствия, центр потребовал от Западно-Сибирского края добиться сокращения сроков хлебосдачи. Контроль за реализацией данной задачи осуществляли высокопоставленные уполномоченные ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Давление на деревню уси-

[63] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. М., 1985. С. 183.

[64] Аграрная политика Советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг. Новосибирск, 2011. С. 246—247.

[65] Там же. С. 233.

лилось, основной упор при этом делался на судебные репрессии. Для усиления эффекта устрашения был максимально упрощён порядок судопроизводства, применялись и внесудебные карательные акции. Сконцентрировав на «хлебном фронте» основные усилия административно-карательного аппарата, властям края удалось добиться досрочного выполнения годового плана централизованных хлебозаготовок. Однако успех был достигнут дорогой ценой. Вновь, как и прежде, сверхнормативное изъятие хлеба вызвало голод, охвативший в первую очередь недородные районы края, и бегство крестьян из деревни.

Несмотря на специфику кампании 1934 г., методы её проведения по сравнению с предыдущими качественно не изменились. Основным способом изъятия необходимых государству объёмов хлеба оставалось внеэкономическое принуждение. Поскольку массовые репрессии ослабляли колхозы, режим пошёл на смягчение хлебозаготовительной политики. В 1935 г. региональные органы власти получили директиву на сворачивание репрессивной деятельности в деревне. В 1935—1937 гг. несколько раз снижали нормативные размеры хлебосдачи[66]. Ставка делалась на организационно-хозяйственное укрепление колхозов. Однако относительная либерализация была недолгой. В конце 1930-х гг. в условиях подготовки к войне произошло усиление налогово-податного обложения колхозов. Вновь расширились масштабы репрессий.

[66] *Ильиных В.А.* Налогово-податное обложение сибирской деревни... С. 115—118, 133.

Аграрная политика и развитие сельского хозяйства СССР в 1953—1959 гг.

Чжуан Шици

Agrarian policy and agricultural development of the USSR in 1953—1959

Zhuang Shiqi
(Institute of Area Studies, Academy for Advanced Interdisciplinary Studies, Peking University, China)

DOI: 10.31857/S086956870015468-5

Сфера аграрно-земельных отношений как нельзя лучше подходит для исследования проблемы соотношения интересов личности и общества. Учитывая то, что аграрные проблемы в списке причин, вызвавших распад СССР, занимали далеко не последнее место, она постоянно находится в центре внимания исследователей. Первые научные публикации на тему советской аграрной политики и развития сельского хозяйства в 1950-х гг. появились в 1970-е гг., но подавляющее большинство авторов обходили острые вопросы и действительную жизнь деревни с её трудностями и противоречиями. Особое внимание к данной теме проявилось в «перестроечный» период, однако методология исследований в значительной степени ограничивалась сначала официальной идеологией, затем стремлением к её «разоблачению». В результате в большинстве исследований многие принципиальные проблемы либо не получили полноценного отражения, либо присутствовали в искажённом виде. Значительное расширение базы источников и методологических подходов в 1990-х гг. привело к тому, что учёные начали рассматривать различные аспекты сельского хозяйства в рамках социального развития села в целом. Речь прежде всего идёт о таких авторах, как В.П. Дрындин, Е.Ю. Зубкова, В.М. Кулёв и В.А. Шестаков[1]. Особое место занимают работы И.Е. Зеленина[2], которые отличаются глубиной теоретических выводов, критической направленностью, сочетающейся с максимальной объективностью.

Предметом исследования данной статьи является аграрная политика СССР в 1953—1959 гг., когда развернулась борьба за главенство между структурами, ответственными за идеологию, с одной стороны, и хозяйственное производство и управление — с другой. Цель статьи — выяснить, как эта обстановка повлияла на стратегию и тактику в изучаемой сфере, выявить их особенности.

После Великой Отечественной войны, выдвинув на первое место восстановление и развитие тяжёлой и военной промышленности, сталинское руководство сохранило отношение к деревне как к источнику финансовых средств для индустрии. Производители по-прежнему имели низкие доходы: с 1929 по

© 2021 г. Чжуан Шици

[1] *Зубкова Е.Ю.* Общество и реформы. 1945—1964. М., 1993; *Кулёв В.М.* Культура труда и быта российской деревни. Вторая половина 50-х — 80-е гг. Самара, 1993; *Дрындин В.П.* Попытки проведения хозяйственных реформ 1953—1964 гг. в контексте специфики российской истории. Оренбург, 2002; *Шестаков В.А.* Социально-экономическая политика советского государства в 50-е — середине 60-х годов. М., 2006.

[2] *Зеленин И.Е.* Аграрная политика Хрущёва и сельское хозяйство. М., 2001.

1953 г. заготовительные цены на зерно поддерживались практически на одном и том же уровне[3]. В 1952 г. из 94 тыс. колхозов СССР 17 тыс. совсем не распределяли денег на трудодни, а в 34 тыс. на трудодень выдавалось менее 40 коп.[4] Все колхозники, имевшие в личной собственности скот, вынуждены были помимо уплаты налогов сдавать всё большее количество продуктов. Закономерным результатом стало снижение заинтересованности работников в производстве. В 1953 г. затраты труда на гектар зерновых планировались на уровне 10—12 трудодней, а в реальности эта цифра достигала 25[5]. По состоянию на 1 июня 1953 г. показатели недосдачи производимого составляли: масла животного — 19 тыс., сыра — 2,2 тыс., цельномолочной продукции (в переводе на молоко) — 86 тыс. т[6]. Постоянно падала заготовка зерна: в 1940 г. по всем категориям хозяйств фактически заготовили 2 225 тыс. пудов, в 1952 г. — 2 118 тыс., а в 1953 г. — 1 850 тыс. При таких показателях производительности сельское хозяйство не могло удовлетворить потребности населения. В то же время спрос на продукты питания в связи со значительным увеличением количества городских жителей и ростом их покупательной способности быстро увеличивался. В 1953 г. расход зерна даже превысил его заготовки на 69 тыс. пудов[7].

Экономические проблемы осложнялись обострением политической борьбы вокруг аграрной стратегии в первый год после смерти И.В. Сталина. Инициативу решения трудностей отрасли стремились взять на себя Г.М. Маленков, который возглавил Совет министров (СМ) СССР, и Н.С. Хрущёв, руководивший партийным аппаратом. Ещё в марте 1953 г. новый глава правительства инициировал меры по укреплению роли правительственного аппарата в управлении ею. Постановлениями СМ СССР создавалась единая, более эффективная схема управления: союзные министерства сельского хозяйства, хлопководства, совхозов, заготовок и лесного хозяйства объединялись в единое Министерство сельского хозяйства и заготовок, к которому также перешли функции упраздняемого Совета по делам колхозов при СМ[8]. В речи на заседании Верховного совета СССР 8 августа Маленков впервые публично изложил свою программу: для стимулирования заинтересованности сельскохозяйственных производителей и, следовательно, увеличения производства необходимо повысить доходы и облегчить тяготы колхозов и их работников[9]. Значительно повышались заготовительные цены на продукцию[10], оплата труда в общественном хозяйстве[11]. Списывалась вся задолженность личных приусадебных хозяйств (ЛПХ) населения по обязательным поставкам продуктов животноводства государству по состоянию на 1 января 1953 г.[12], законом о сельскохозяйственном налоге вводилась новая система обложения ЛПХ по твёрдым ставкам с 0,01 га[13].

---

[3] РГАЭ, ф. 7486, оп. 4, д. 1605, л. 9.
[4] РГАНИ, ф. 2, оп. 1, д. 54, л. 119.
[5] РГАЭ, ф. 7486, оп. 4, д. 1605, л. 28.
[6] ГА РФ, ф. 5446, оп. 1, д. 577, л. 328.
[7] РГАНИ, ф. 2, оп. 1, д. 68, л. 23.
[8] ГА РФ, ф. 5446, оп. 1, д. 574, л. 37, 41, 42.
[9] Правда. 1953. 9 августа. С. 2.
[10] ГА РФ, ф. 5446, оп. 1, д. 586, л. 59.
[11] РГАСПИ, ф. 83, оп. 1, д. 4, л. 8, 9.
[12] РГАНИ, ф. 2, оп. 1, д. 61, л. 60.
[13] Правда. 1953. 10 августа. С. 2.

3—7 сентября состоялся пленум ЦК КПСС, посвящённый сельскому хозяйству. Главный докладчик Хрущёв сделал упор на административные меры, предложив решить проблемы деревни с помощью мобилизации городских жителей: «Если партия обратится с таким призывом к коммунистам промышленных центров, то найдётся много желающих добровольно поехать на село и отдать свои силы и знания делу дальнейшего укрепления колхозного строя»[14]. Одновременно он заявил: «Во многих областях СССР имеются благоприятные условия для выращивания кукурузы. Необходимо принять энергичные меры к увеличению производства зерна кукурузы». Доклад отразил консервативное и догматическое отношение к ЛПХ: «Наступит время, когда развитие общественного животноводства достигнет такого уровня, что личные потребности колхозника в продуктах животноводства будут целиком удовлетворяться общественным хозяйством, и тогда колхознику невыгодно будет иметь скот в личной собственности»[15].

Политическое значение пленума состоит в том, что соотношение сил в управлении сельским хозяйством начало меняться в пользу Хрущёва и партаппарата в целом. Рекомендовалось «значительно сократить управленческий аппарат Министерства сельского хозяйства и заготовок СССР», а также «перестроить работу районного партийного аппарата таким образом, чтобы устранить обезличку и безответственность в руководстве колхозами и МТС»[16]. В соответствии с постановлением пленума единое Министерство сельского хозяйства разделялось на три: сельского хозяйства, совхозов и заготовок. Их деятельность координировал новый орган — Бюро по сельскому хозяйству и заготовкам при СМ СССР. Его председателем стал Хрущёв, введённый в состав членов Президиума правительства[17]. В районах упразднялись управления сельского хозяйства и заготовок[18], устанавливался новый принцип — иметь на каждую машинно-тракторную станцию группу работников во главе с секретарём райкома, которая должна вести партийно-политическую работу в станции и обслуживаемых ей колхозах[19].

С этого времени Хрущёв лидировал в выдвижении инициатив по реформированию отрасли. В письме в Президиум ЦК КПСС от 22 января 1954 г. он отмечал: «У нас ещё ощущается недостаток в зерне и, следовательно, зерновую проблему нельзя признать решённой... Сейчас перед страной стоит задача изыскать возможности резкого увеличения производства зерна»[20]. Это заявление явилось вызовом словам Маленкова, который на XIX съезде партии утверждал, что «зерновая проблема, считавшаяся ранее наиболее острой и серьёзной проблемой, решена с успехом, решена окончательно и бесповоротно»[21]. Исходя из идеи, озвученной ещё на сентябрьском пленуме, первый секретарь полагал, что резкого увеличения производства можно добиться, двигаясь в двух направлениях — осваивая целину и расширяя посевы кукурузы[22]. Маленков пытал-

---

[14] РГАНИ, ф. 2, оп. 1, д. 56, л. 82.
[15] Там же, л. 26—27, 31—32.
[16] Там же, д. 61, л. 65, 67.
[17] ГА РФ, ф. 5446, оп. 1, д. 604, л. 45.
[18] Там же, д. 602, л. 279.
[19] РГАНИ, ф. 2, оп. 1, д. 61, л. 67.
[20] Там же, ф. 5, оп. 45, д. 1, л. 1, 3, 4.
[21] Правда. 1952. 6 октября. С. 5.
[22] РГАНИ, ф. 5, оп. 45, д. 1, л. 4, 13.

ся сопротивляться, в выступлении на пленуме ЦК 1 марта подчеркнул необходимость сохранения и использования потенциала существующих хозяйств, в особенности — по уровню производительности труда (при этом ни словом не обмолвившись ни о целине, ни о кукурузе)[23]. Но позиция главы правительства показалась членам ЦК куда менее привлекательной, нежели «наиболее доступные и наиболее быстрые меры» Хрущёва[24]. 2 марта пленум ЦК поставил задачу расширения посевов зерновых культур в 1954—1955 гг. за счёт освоения залежных и целинных земель. Предполагалось, что в 1955 г. с этих земель будет получено 1 100—1 200 млн пудов. Предусматривалось увеличение посевов пшеницы и проса в колхозах и совхозах этих районов в 1954 г. на 2,3 млн га и в 1955 г. ещё не менее чем на 10,7 млн[25].

Постановление пленума получило широкий отклик. Многочисленные молодые люди, прежде всего комсомольцы, изъявляли желание поехать на целину. Только за первые 5 месяцев численность приехавших превысила 150 тыс.[26] Об энтузиазме свидетельствуют два стихотворения, полученных редакцией газеты «Правда». Комсомолец Л.К. Фомичёв писал: «Задача нынче, цель / Партийных, беспартийных / Впредь на освоение земель / Залежных, целинных / По зову партии родной / В дорогу соберёмся / И дело важности большой / Выполнить клянёмся» («Большое дело»). Комсомолец В. Лобин откликнулся так: «Чтобы в нашей стране величавой / Обилье продуктов создать / Нам партия путь указала / “Целинные земли поднять” / Мы штурмом возьмём эти земли / На радость миллионов сердец / Как брали мы, жизнь не жалея / В семнадцатом, зимний дворец!!!» («На штурм целины»)[27].

В некоторых колхозах и совхозах приехавшим создали нормальные бытовые условия и предоставили работу по специальности. А.И. Кульчицкий, который прибыл весной 1954 г. в колхоз «Октябрьская волна» Кустанайской обл. Казахской ССР, свидетельствовал: «Наша комсомольская бригада по призыву партии и правительства приехала на поднятие целинных и залежных земель. Нас очень хорошо встретили, выдали новые тракторы ДТ-54, С-80. С первых дней нашего прибытия мы горячо взялись за работу. Руководители колхоза заботятся о нас, приобрели библиотеку, купили радиоприёмник, шашки, домино»[28]. Однако во многих других районах отнеслись к приёму безответственно, не проявляя должной заботы ни в организации труда, ни в создании нормальных жизненных условий. Об этом свидетельствует письмо комсомольцев, приехавших на Пятигорский моторемонтный завод Ставропольского края, первому секретарю ЦК ВЛКСМ А.Н. Шелепину: «Прибыв на место 25 марта 1954 г., мы уже в течение 15 дней абсолютно ничем не занимаемся... Дирекция всё ещё только обещает. Когда же начинаешь с них требовать, они говорят: “Не устраивайте нам итальянской забастовки” — или просто: “Разговор с вами я уже окончил”»[29]. Приехавшие имели крайне низкую зарплату. По сообщению одного из них, лучший комбайнёр зарабатывал за месяц 500—660 руб., трактористы — 250—330, а остальные — 100 руб. или даже ниже. Во многих

[23] Там же, ф. 2, оп. 1, д. 76, л. 41, 53, 54.
[24] Там же, д. 68, л. 25.
[25] Там же, д. 62, л. 23, 24.
[26] ГА РФ, ф. 5446, оп. 1, д. 628, л. 221.
[27] РГАНИ, ф. 5, оп. 45, д. 3, л. 53.
[28] Там же, л. 51.
[29] РГАЭ, ф. 7803, оп. 1, д. 1671, л. 124.

колхозах и совхозах «товары, как постельные принадлежности, кровати, одежда, обувь, доставляются редко... Нет в продаже овощей, картофеля и других сельскохозяйственных продуктов»[30]. Уже осенью 1954 г. немало комсомольцев покинули целину. За первые две недели октября на бюро Раменского горкома ВЛКСМ разбирали дела более 30 человек, «причём число возвращающихся всё время растёт»[31].

Тем не менее благодаря мобилизации партийных, советских, комсомольских и профсоюзных органов и в большей степени энтузиазму молодых людей план освоения целинных и залежных земель выполнили ещё к началу августа 1954 г. В связи с этим 13 августа руководство страны призвало значительно перевыполнить установленное задание и к 1956 г. довести посевы всех сельскохозяйственных культур на вновь осваиваемых землях до 28—30 млн га[32]. Это задание тоже выполнили: посевные площади там превысили 28,76 млн[33]. Благодаря этому валовой сбор зерна вырос с 82,49 млн т в 1953 г. до 85,57 млн в 1954 г. и 10,46 млн в 1955 г.[34] При этом объём государственных заготовок и закупок вырос с 31,11 млн т в 1953 г. до лишь 36,82 млн в 1955 г.[35] Его увеличение задерживали ведомственность и бесхозяйственность. На 15 декабря 1954 г. на заготовительных пунктах находилось 4 972,5 тыс. т сырого и влажного зерна. Количество греющегося зерна насчитывало 172,6 тыс. т, а испорченного — 319 тыс.[36]

Маленков тем временем пытался отстаивать идею повышения заинтересованности сельскохозяйственных производителей как коренного способа решения продовольственной проблемы. В проекте речи на январском пленуме ЦК (1955) он отметил: «Серьёзное значение имеет улучшение руководства экономикой колхозов... Проведение... того или другого мероприятия должно исходить из интересов увеличения производства продукции, повышения производительности труда колхозников, роста доходов колхоза». Кроме этого он предлагал расширение самостоятельности и усиление материального поощрения селян[37]. Однако на пленуме эту речь он произнести не смог, будучи снят с должности главы правительства.

Тем не менее он остался влиятельной фигурой, его инициативы частично принимались. К ним относится комплекс мер по стимулированию селян. Во-первых, колхозам и колхозникам стали больше платить. СМ СССР повысил заготовительные и закупочные цены на зерновые культуры в 2,5—3,5 раза[38], обязал соответствующие министерства с 1956 г. перечислять колхозам денежные авансы в размере 50% стоимости сельскохозяйственной продукции, подлежащей сдаче государству в порядке обязательных поставок. Кроме того, он рекомендовал колхозам по решению общих собраний выдавать колхозникам ежемесячно в течение года авансом на трудодни не менее 25% денежных доходов, фактически полученных от всех отраслей общественного хозяйства, и

---

[30] РГАСПИ, ф. 556, оп. 22, д. 30, л. 107, 115.
[31] Там же, д. 7, л. 100.
[32] ГА РФ, ф. 5446, оп. 1, д. 628, л. 221, 222, 223.
[33] РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 5853, л. 228.
[34] РГАНИ, ф. 5, оп. 45, д. 125, л. 10.
[35] Там же, л. 30.
[36] ГА РФ, ф. 5446, оп. 1, д. 634, л. 123.
[37] РГАСПИ, ф. 83, оп. 1, д. 4, л. 24.
[38] ГА РФ, ф. 5446, оп. 1, д. 643, л. 306.

50% денежных средств, получаемых в виде авансов по контрактации закупкам и обязательным поставкам сельхозпродукции[39]. Во-вторых, колхозам предоставлялось больше самостоятельности. Отныне они, исходя из заданий по сдаче государству продукции полеводства и животноводства и обеспечения собственных потребностей в ней, могли по своему усмотрению определять размер посевных площадей по культурам, а также продуктивность животноводства и количество скота по видам (хотя планы всё равно должны были рассматриваться райисполкомами)[40].

Хрущёв, со своей стороны, по-прежнему делал упор на мобилизационные и идеологизированные меры. На январском пленуме 1955 г. он утверждал: «Расширение посевов кукурузы в нашей стране — это крупнейший резерв увеличения производства зерна»[41]. По его мнению, в связи с большим масштабом производства и оснащённостью техникой совхозы имели существенные преимущества над колхозами: «[Им] принадлежит большое будущее в увеличении производства зерна... и [они] могут и должны занять важное место в увеличении продуктивности животноводства в стране»[42]. Первый секретарь даже полагал, что созревали условия для вытеснения ЛПХ: «Общественное животноводство является той базой, опираясь на которую мы можем решить задачу полного удовлетворения потребностей страны в животноводческих продуктах... Колхозы и совхозы являются высокотоварными и выполняют основную ведущую роль в снабжении страны продуктами животноводства»[43].

По его докладу 31 января 1955 г. пленум принял постановление о расширении посевов кукурузы во всех районах страны, провозгласив её наиболее урожайной зерновой культурой, а расширение её посевов — важнейшем резервом увеличения валовых сборов зерна. Ставилась задача к 1960 г. довести посевные площади до 28 млн га[44]. Во исполнение местные органы мобилизовали колхозы и совхозы. В 1955 г. по сравнению с предыдущим годом доля посадок кукурузы на зерно в посевных площадях всех зерновых культур почти удвоилась (с 3,83 до 7,21%)[45], а их размеры выросли с 4 293 тыс. га в 1954 г.[46] до 9 110,7 тыс. в 1955 г.[47] и 9 295 тыс. в 1956 г.[48] Увеличивались также посевы кукурузы на силос и травы: в 1955 г. они достигли 17 917 тыс.[49], а в 1956 г. — 23 930,5 тыс. га[50].

Одновременно ускорились темпы укрупнения общественных хозяйств и превращения коллективных хозяйств в советские. В результате число колхозов сократилось с 93 256 в 1953 г. до 78 168 в 1957 г. За период с 1954 по 1959 г. появилось 2 128 совхозов, на базе государственных подсобных и других хозяйств создано 277 совхозов, в порядке разукрупнения существовавших совхозов организовано 145 новых. Общее число совхозов выросло на 2 550. В то же время 482 мелких совхоза оказались объединены с другими совхозами,

[39] Там же, д. 651, л. 35.
[40] Там же, д. 639, л. 123, 124.
[41] РГАНИ, ф. 2, оп. 1, д. 119, л. 40.
[42] Там же, л. 124.
[43] Там же, л. 55, 56.
[44] Там же, д. 138, л. 121.
[45] РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 5544, л. 2, 4.
[46] Там же, д. 5193, л. 2, 3.
[47] Там же, д. 5545, л. 66, 89.
[48] Там же, д. 5853, л. 66, 89.
[49] Там же, д. 5545, л. 66, 89.
[50] Там же, д. 5853, л. 66, 89.

384 — переданы как подсобные хозяйства государственным организациям и 45 — ликвидированы. Таким образом, общее количество совхозов в стране увеличилось на 1 639[51].

Используя как поводы скармливание скоту хлеба и спекуляцию, в августе 1956 г. руководство страны сочло, что «необходимо ограничить развитие животноводства в личной собственности у городского населения». «Это, конечно, приведёт к некоторому сокращению количества продуктов животноводства, поступающих на рынок от этой категории хозяйств, но это сокращение в ближайшее время будет перекрыто за счёт увеличения производства продуктов животноводства в колхозах и совхозах»[52]. СМ СССР разрешил министерствам совхозов и сельского хозяйства организовать покупку хозяйствами крупного рогатого скота у рабочих и служащих совхозов, колхозников и жителей рабочих посёлков и других населённых пунктов для пополнения ферм. Так, Министерству совхозов поручалось обеспечить закупку в течение 1956 г. не менее 130 тыс. коров[53]. Владельцы, продавшие продуктивный молочный скот колхозам, совхозам, подсобным хозяйствам, конторам по заготовкам и сбыту племенного и пользовательного скота Министерства сельского хозяйства, а мясной скот, свиней, овец и коз — в порядке государственных закупок, освобождались от обязательных поставок молока и мяса[54].

22 мая 1957 г. на совещании работников сельского хозяйства областей и автономных республик Северо-Запада РСФСР Хрущёв внезапно выдвинул новый лозунг. Признав отставание по животноводству (в 1956 г. в СССР на душу населения произвели 32,3 кг мяса, 245 кг молока и 2,8 кг масла, а в США — 102,3, 343 и 23,8 кг соответственно), первый секретарь заявил: «В Советском Союзе созрели все возможности для того, чтобы в ближайшие годы догнать Соединённые Штаты Америки по производству животноводческих продуктов на душу населения... Можем ли мы взять этот барьер? По-моему, можем и возьмём его, да ещё дальше шагнём... СССР имеет неоспоримое превосходство над всеми капиталистическими странами... Сила колхозного строя, патриотизм советских людей, социалистическое соревнование позволяют нам решить эту задачу в ближайшие годы»[55].

Количественные результаты претворения этой задачи в жизнь, казалось бы, внушительны. За четыре года после смерти Сталина объём производства мяса и сала вырос с 5 821,5 тыс.[56] до 6 387,1 тыс. т[57], а объём государственных заготовок и закупок скота — с 3 432 тыс. до 4 246 тыс. т[58]. Однако подъём обеспечили не «преимущества социализма», а скорее использование элементов, традиционно рассматриваемых как «пережитки капитализма»: увеличение поголовья крупного рогатого скота в личной собственности населения и доля ЛПХ в производстве мяса и сала. За три года после принятия нового закона о сельскохозяйственном налоге поголовье частного скота выросло на 6,52 млн

[51] Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1960. С. 42, 50.
[52] ГА РФ, ф. 5446, оп. 1, д. 657, л. 218.
[53] Там же, д. 656, л. 317.
[54] Там же, д. 657, л. 221.
[55] Правда. 1957. 24 мая. С. 1, 2.
[56] РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 4745, л. 11.
[57] Там же, д. 5969, л. 2.
[58] Там же, д. 6225, л. 6, 7.

голов, а в общественных хозяйствах — только на 0,91 млн[59] (причём прирост обеспечивался в основном покупками у населения). Вообще именно личные хозяйства выступали основным «двигателем» аграрного производства. Так, хотя комбикорма преимущественно предоставлялись общественным хозяйствам и иногда даже не продавались гражданам вообще, в 1953—1955 гг. объём производства мяса и сала в ЛПХ вырос с 3 043,6 тыс. до 3 376 тыс. т, а в общественных хозяйствах — только с 2 777,9 тыс. до 2 945,7 тыс. т[60].

Эти результаты не очень хорошо выглядели с идеологической точки зрения, и на том же совещании Хрущёв поставил под сомнение саму необходимость дальнейшего существования ЛПХ. Пойдя на прямую подтасовку, он заявил: «Раньше у нас было такое положение, когда удельный вес в государственных заготовках продуктов, которые страна получала от колхозных дворов, был довольно значительным, и это было очень неприятным явлением для социалистического хозяйства. Сейчас... социалистический сектор занял решающее место в снабжении страны продуктами»[61]. На самом деле общественное производство продуктов животноводства вовсе не могло удовлетворить потребность населения. Несмотря на покупку совхозами и колхозами скота у населения, в 1956 г. ЛПХ всё ещё произвели больше мяса и сала (3 225,9 тыс. т), чем общественные хозяйства (3 161,3 тыс.)[62]. Это означало, что жители страны больший объём мясопродуктов получили на колхозном рынке, а не в государственной торговле.

Надо, впрочем, отметить, что сам Хрущёв вряд ли считал, что СССР догонит США по производству мяса, масла и молока на душу населения. На деле он прежде всего стремился привлекательным обещанием отвлечь внимание от негативных последствий «секретного доклада» 1956 г., мобилизовать население на очередные «трудовые подвиги», причём только в общественном хозяйстве, которое традиционно рассматривалось как социалистическое. Однако в условиях обострения политической борьбы внутри партийной верхушки лозунг первого секретаря подвергся резкой критике и стал одним из обвинений на знаменитом заседании Президиума ЦК 18 июня. В таком духе высказался, например, В.М. Молотов, по мнению которого «это правая политика и авантюризм!», призванный «поколебать ленинский курс партии»[63]. «Этот лозунг появился более или менее случайно... следует перестать его прославлять в нашей “Правде”... если мы и дальше будем развёртывать кампанию вокруг этого лозунга... мы будем вносить путаницу в партию и в советский народ внесём путаницу и в представления о политике нашей партии во всём коммунистическом движении... недооценивать ошибочности этого лозунга было бы неправильно»[64]. Речь Л.М. Кагановича на пленуме казалась убедительной: «У нас есть рост животноводства на 24%, но растёт индивидуальный сектор, а колхозный сектор дал рост за три года 3%... Мы радуемся успехам в области животноводства, но

---

[59] Там же, д. 4873, л. 1; д. 5939, л. 2.

[60] Там же, д. 4745, л. 11; д. 5969, л. 2.

[61] Правда. 1957. 24 мая. С. 1.

[62] РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 5969, л. 2.

[63] Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма пленума ЦК КПСС и другие документы / Под ред. А.Н. Яковлева; сост. Н. Ковалёва, А. Коротков, С. Мельчин, Ю. Сигачёв, А. Степанов. М., 1998. С. 27.

[64] Там же. С. 116.

что-то за последнее время критика в этой области ослаблена, а недостатков у нас ещё очень много»[65].

Как известно, попытка отстранить Хрущёва от власти провалилась, а его главные противники — Маленков, Молотов и Каганович — оказались выведены из состава ЦК. С установлением режима безраздельной личной власти первого секретаря созрели возможности для осуществления идеальной, с его точки зрения, аграрной политики. Уже через несколько дней после пленума правительство СССР приняло постановление «Об отмене обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству хозяйствами колхозников, рабочих и служащих»[66]. Его заголовок обманчив, суть решения состояла не в облегчении положения ЛПХ, а в отрицании необходимости их существования, поскольку «социалистический сектор теперь занял решающее место в снабжении населения страны продуктами сельского хозяйства». Этим актом руководство страны подало опасный сигнал. Вскоре в союзных республиках начали выходить указания о сокращении размеров приусадебных участков населения и норм содержания крупного рогатого скота в ЛПХ (в РСФСР даже запрещалось держать его в личной собственности граждан, проживавших в городах и рабочих посёлках)[67].

Другим важным шагом на пути идеологизации сельского хозяйства стала реорганизация МТС. Её основой послужила убеждённость в том, что крупно-коллективная форма сельскохозяйственного производства с применением современной технологии оказалась более эффективной[68], а значит колхозы должны быть сильными и обладать техникой, подобно совхозам, причём перейти к такой форме нужно как можно скорее. В выступлении на февральском пленуме 1958 г. Хрущёв полагал, что колхозы надо укрупнить, а МТС упразднить: «Раз определённая форма на определённом этапе начинает сдерживать развитие производства, её надо либо усовершенствовать, либо заменить, если это идёт на пользу строительства коммунистического общества»[69].

После пленума началась реорганизация МТС в ремонтно-технические станции (РТС), которые отвечали только за продажу колхозам и совхозам товаров производственного назначения и ремонт их техники. Тракторы, машины и орудия, принадлежавшие МТС, подлежали продаже колхозам. Предусматривалось «на основе глубокого изучения экономики районов и колхозов определить, какие колхозы в состоянии в этом году купить тракторы и другие машины и по-хозяйски их использовать, каким колхозам потребуется больший срок для приобретения техники и для каких колхозов целесообразно временно сохранить существующий порядок производственно-технического обслуживания»[70]. Однако осуществлялось решение неоправданно торопливо. Пример экономически мощных хозяйств, имевших возможность рассчитаться за приобретённую технику в течение одного года, стремились распространить на все хозяйства. В конце 1957 г. в стране насчитывалось 7 903 МТС, через год их осталось всего 345, а число РТС не превышало 3 500. Одновременно ускорились укрупнение

[65] Там же. С. 66.
[66] ГА РФ, ф. 5446, оп. 1, д. 665, л. 151.
[67] Ведомости Верховного совета РСФСР. 1959. № 30. Ст. 493. С. 600.
[68] ГА РФ, ф. 5446, оп. 1, д. 665, л. 149.
[69] РГАНИ, ф. 2, оп. 1, д. 288, л. 19.
[70] ГА РФ, ф. 5446, оп. 1, д. 675, л. 74, 78.

колхозов и превращение колхозов в совхозы. Только за 1958—1959 гг. их общее количество сократилось с 69 129 до 54 596[71].

В то же время от идеи материального стимулирования полностью отказаться не получилось — в предыдущие годы она активно пропагандировалась и её эффективность подтверждалась практикой. С 1 июля 1958 г. отменялись обязательные поставки и натуральная оплата за работу МТС. Устанавливалась единая форма государственных закупок сельхозпродукции, которая предусматривала, во-первых, введение единых цен, во-вторых, их более экономически обоснованный уровень, в-третьих, бóльшую дифференциацию цен по природно-климатическим зонам страны. Продукция, продававшаяся ЛПХ государственным и кооперативным организациям, оплачивалась по закупочным ценам, установленным для колхозов[72]. Но в целом личностной мотивации отводилась второстепенная роль.

На июньском пленуме 1958 г. «догнать США по производству мяса, масла и молока на душу населения» стало основной экономической задачей СССР. Хрущёв заявил: «В области сельскохозяйственного производства в целом мы имеем за последние годы заметное ускорение темпов»[73]. Пленум отметил, что «широко развернувшееся по почину передовых колхозов и совхозов движение... уже дало значительные результаты, и нет никакого сомнения, что эта задача будет успешно решена»[74]. Действительно, по данным статистики можно сделать вывод, что сельское хозяйство развивалось достаточно успешно. В 1953—1958 гг. сбор урожая зерновых культур вырос с 82,49 млн[75] до 141,11 млн т[76], а объём их заготовок и закупок — с 31,12 млн[77] до 56,86 млн[78]. За 5 лет производство мяса и сала увеличилось с 5,82 млн[79] до 6,86 млн т[80], а объём их заготовок и закупок — с 3,43 млн[81] до 5,30 млн (в живом весе)[82]. Однако эти цифры сомнительны, поскольку под давлением идеологической задачи многие местные и центральные органы стали прибегать к фальсификации данных[83].

На самом деле в конце 1950-х гг. закладывались основы для дефицита сельскохозяйственных продуктов и глубокого кризиса продовольственного обеспечения в первой половине 1960-х гг. При торопливой реорганизации МТС многим экономически слабым колхозам пришлось израсходовать на оплату техники не только средства неделимого фонда, но и значительную часть оборотных денег, что отрицательно сказалось на их положении. Значительная часть механизаторов и специалистов не захотели превращаться в колхозников и отправились в города, что подорвало ремонтную базу. В то же время стала ухудшаться экологическая среда целинных районов[84]. Свёртывание ЛПХ в 1958—1959 гг.

---

[71] Сельское хозяйство СССР... С. 41, 50.
[72] ГА РФ, ф. 5446, оп. 1, д. 678, л. 75.
[73] РГАНИ, ф. 2, оп. 1, д. 321, л. 9—10.
[74] Там же, д. 327, л. 28 об.
[75] Там же, ф. 5, оп. 45, д. 125, л. 10.
[76] РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 6432, л. 2.
[77] РГАНИ, ф. 5, оп. 45, д. 125, л. 10.
[78] РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 6518, л. 1, 3.
[79] Там же, д. 4745, л. 11.
[80] Там же, д. 6503, л. 1.
[81] Там же, д. 6225, л. 6, 7.
[82] Там же, д. 6519, л. 6.
[83] ГА РФ, ф. 5446, оп. 1, д. 723, л. 233.
[84] РГАЭ, ф. 7486, оп. 1, д. 8630, л. 194.

(поголовье скота в них сократилось с 29,23 млн[85] до 24,96 млн голов[86]) оказалось пагубным. Если в 1959 г. численность коров и проч. в колхозах и совхозах выросла на 18%, то в целом по стране — только на 5%. К тому же реалии вскоре убедительно показали разницу в эффективности производства продуктов животноводства. После свёртывания ЛПХ средний вес головы скота, проданного государству, снизился с 275 до 259 кг[87].

Соперничество подходов к решению хронических проблем сельского хозяйства оказалось главным образом связано с борьбой за первенство структур государственного управления — Совета министров СССР и ЦК КПСС. Программа Маленкова, нацеленная на комплексную интенсификацию отрасли, в том числе с помощью фактора личной заинтересованности, предполагала выведение на первые роли специалистов-хозяйственников, способных руководить этим сложным процессом. Таким образом укреплялось положение правительства. Суть же программ Хрущёва состояла в консервации экстенсивного развития, дававшего широкие возможности для применения директивных методов, а следовательно, сохранение влияния партийных органов. После его победы в борьбе за единоличную власть господству последних уже ничто не могло угрожать. Осуществлённая вскоре ликвидация отраслевого управления народным хозяйством сильно ослабила позиции СМ СССР, предоставив партаппарату гораздо более широкие возможности. А пропаганда успехов под руководством партии и обещания всё новых, самых невероятных достижений логически привели к необходимости объявления курса на строительство коммунизма.

Что касается сельского хозяйства, то комплексной и долгосрочной стратегии его развития в рассматриваемый период так и не появилось. Партийные и хозяйственные органы много сил и внимания уделяли решению задачи утверждения своего авторитета, часто забывая о необходимости решения коренных проблем отрасли. Несмотря на принятие мер по внедрению в колхозно-совхозную систему элементов товарно-денежных отношений, в целом аграрная политика оказалась непоследовательной и неглубокой.

---

[85] Там же, ф. 1562, оп. 324, д. 6744, л. 1.
[86] Там же, д. 7048, л. 1.
[87] Там же, ф. 7486, оп. 1, д. 8554, л. 164, 165.

Административные механизмы советской промышленности

Особенности индустриального развития Ленинграда в условиях административно-командной экономики (1944—1949 гг.)

Михаил Михеев

Specifies of the industrial development of Leningrad within the Soviet command economy (1944—1949)

Mikhail Mikheev
(Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg)

DOI: 10.31857/S086956870015469-6

В течение последних 30 лет в научный оборот введено множество ценных сведений о внутренних противоречиях, свойственных системе государственного управления экономикой СССР в период сталинизма. Известно о проблемах организации государственного планирования, спорах в научном сообществе относительно перспектив экономического развития, зачастую перетекавших в политические дискуссии. Широкое освещение получила проблема «ведомственности»[1]. Её определение исчерпывающе сформулировал А.Ю. Ермолов: «самостоятельные действия руководителей ведомств, направленные на защиту интересов порученных им организаций»[2]. По мнению специалистов, расцвет ведомственности приходится на 1940-е гг. Существует мнение, что во многом его вызвали экстраординарные события 1941—1945 гг.[3] Признание факта межведомственной борьбы органично выводит на размышления о возможности и даже закономерности противоречий не только на ведомственно-отраслевом, но и на территориально-региональном уровне. Поставленная проблема недо-

© 2021 г. М.В. Михеев

[1] См., например: *Маркевич А.М.* Была ли советская экономика плановой? Планирование в наркоматах в 1930-е гг. // Экономическая история: ежегодник 2003. М., 2004. С. 20—54; Decision-making in the Stalinist command economy. L., 1997; *Hunter H., Szyrmer J.M.* Faulty foundations: Soviet economic policies, 1928—1940. Princeton; New Jersey, 1992; *Бакунин А.В., Лебедев В.Э.* Региональная научно-техническая политика: проблемы истории. Свердловск, 1991; и др.

[2] *Ермолов А.Ю.* За фасадом сверхцентрализации: влияние борьбы ведомств за конверсию и реконверсию СССР в середине 1940-х гг. // Экономическая история: ежегодник 2013. М., 2014. С. 391.

[3] См., например: *Хлевнюк О.В.* Советские наркоматы и децентрализация управления экономикой в годы Великой Отечественной войны // Российская история. 2018. № 4. С. 58—72; *Хлевнюк О.В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2009. С. 455; *Мухин М.Ю.* Финансовые взаимоотношения советских ВВС и Наркомата авиационной промышленности СССР в 1941—1945 гг. // Российская история. 2015. № 1. С. 46—53.

статочно полно охвачена историографией, хотя источники указанного периода сообщают немало информации такого рода[4].

Присутствию регионального компонента в ведомственно-отраслевой борьбе парадоксальным образом способствовала централизация в 1930-е гг. государственного управления. Выстроив её систему по принципу отраслевых наркоматов, правительство сразу и в полной мере ощутило негативные последствия «ведомственных усобиц», препятствовавших государственному планированию, снижавших эффективность капиталовложений, контроля, учёта и распределения ресурсов. Наркоматы пренебрегали государственными заданиями в части рациональной территориальной организации общесоюзной промышленности в пользу собственных интересов[5]. Выходом из положения должна была стать практическая реализация сталинского тезиса о единстве государственного управления с партийным[6]. В ноябре 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) обязало обкомы организовать в своих структурах промышленные отделы для курирования предприятий на подведомственных им территориях. XVIII Всесоюзная партийная конференция (февраль 1941 г.) увеличила количество отделов соответственно основным отраслям промышленности в каждом регионе[7]. С помощью этого предполагалось достичь своеобразного «баланса» в регулировании экономики, совместить элементы региональной экономической автономии с жёстко централизованной системой отраслевого управления.

Однако дуализм «региональной партийной» и «отраслевой государственной» власти неизбежно порождал разногласия. Их гарантировали как экономический потенциал отдельных территорий, так и политические амбиции некоторых региональных лидеров. В настоящей статье я рассмотрю один из примеров таких противоречий на примере действий Ленинградской партийной организации в послевоенный период.

К началу Второй мировой войны Ленинград являлся одним из крупнейших индустриальных центров страны. Традиционно здесь концентрировалась значительная доля производительных мощностей судостроения, машиностроения, электропромышленности и иных отраслей. Весной 1938 г. доля города и прилегающей области только в части размещения здесь предприятий Наркомата оборонной промышленности составляла 17,3%[8]. По данным на 1940 г., удельный вес произведённой в Ленинграде промышленной продукции составил 10,5% от общесоюзного показателя[9]. Город являлся единственным крупным советским морским портом на Балтике и имел большое значение как для внешней торговли, так и транспортной инфраструктуры СССР. Однако положение региона не было неуязвимым. Его ослаблял преимущественно «обрабатывающий» характер предприятий; не имелось собственных источников сырья, в первую очередь

---

[4] См.: ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты, 1945—1953 / Сост. В.В. Денисов, А.В. Квашонкин, Л.Н. Малашенко, А.И. Минюк, М.Ю. Прозуменщиков, О.В. Хлевнюк. М., 2004; *Harris J.R.* The Great Urals: regionalism and the evolution of the Soviet system. Ithaca; L., 1999.

[5] См.: РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 522, л. 73—84; РГАЭ, ф. 4372, оп. 41, д. 199а, л. 1—19.

[6] Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925—1936 гг. / Сост. Л. Кошелева, В. Лельчук, В. Наумов, О. Наумов, Л. Роговая, О. Хлевнюк. М., 1995. С. 222.

[7] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986). Т. 7. 1938—1945. М., 1985. С. 145, 200.

[8] *Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920—1950-е гг. М., 1996. С. 98.

[9] Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб), ф. р-24, оп. 2, д. 5663, л. 25.

железной руды и каменного угля[10]. Решением проблемы должно было стать строительство на Северо-Западе металлургического комбината. Используя каменный уголь Печорского бассейна, он осуществлял бы плавки руд Кольского полуострова для снабжения Ленинграда металлом[11]. Тому же бассейну предстояло обеспечивать город и минеральным топливом. Но эти планы оказались сорваны событиями 1941—1945 гг.

После окончания войны ситуация усложнилась. Сама возможность сохранения ленинградской промышленности в её довоенном виде оказалась под вопросом. Город потерял 63,4% населения[12]. Выпуск валовой промышленной продукции снизился на 68% (в то время как в Западной Сибири и на Урале он составил 270 и 305% от довоенного уровня)[13]. Форсированный рост индустрии восточных районов не только уменьшил удельный вес Ленинграда в общесоюзном промышленном производстве (до 7% в 1944 г.[14]), но и «перетянул» основные потоки сырья, сужая перспективы восстановления и дальнейшего развития ленинградской индустрии, особенно в условиях разрушенной металлургии Юга. Вхождение в состав СССР Прибалтики привело к появлению сильных портовых конкурентов — Риги, Либавы и Вентспилса. Конкуренция наметилась и за топливные ресурсы. С 1942 г. Свердловский обком ВКП(б) предпринимал последовательные шаги по переориентации угледобычи в Печорском бассейне под нужды металлургии Урала[15].

Тем не менее Ленинградский обком не собирался мириться со сложившейся ситуацией, ведь именно промышленный потенциал города традиционно обеспечивал его региональным руководителям высокое место в системе партноменклатуры. Уже осенью 1944 г., вскоре после снятия блокады, Ленобком направил в ГКО запрос о возобновлении строительства металлургического комбината на Северо-Западе[16]. 5 сентября 1945 г. объединённое бюро обкома и горкома обсудило вопрос о размере валовой продукции промышленных предприятий Ленинграда в 1950 г. Эти цифры затребовал Госплан СССР для составления IV пятилетнего плана. Их утверждение выявило много и откровенности, и недосказанности.

Когда первый секретарь А.А. Кузнецов услышал от уполномоченного Госплана И. Г. Стожилова о планируемом снижении удельного веса промышленности города с 10,5% в 1945 г. до 7% в 1950 г., он оборвал его: «Снижаться нельзя, никак нельзя... За удельный вес союзной промышленности нам нужно бороться. В музей мы не хотим превратиться. Будут нас уважать за историю, что Ленин и Сталин революцию здесь создавали, что белогвардейцев мы здесь убивали, что эталоном мужества и стойкости были. Но мы не хотим быть на

---

[10] *Гриневецкий В.И.* Послевоенные перспективы русской промышленности. М., 1922. С. 141.

[11] *Дьяков Ю.Л.* Создание Северной угольно-металлургической базы СССР // Вопросы истории. 1970. № 9. С. 7.

[12] *Ваксер А.З.* Возрождение ленинградской индустрии. 1945 — начало 1950-х гг. СПб., 2015. С. 17.

[13] *Можин В.П., Кистанов В.В., Лаврищев А.Н., Адамеску А.А., Токарев С.П.* Планирование размещения производительных сил СССР: осуществление политики КПСС на этапах социалистического строительства. Ч. 1. М., 1985. С. 214.

[14] ЦГАИПД СПб, ф. р-24, оп. 2, д. 5663, л. 25.

[15] *Аристов А.Б.* Незабываемое // Урал. 1981. № 5. С. 23; Архив РАН, ф. 666, оп. 2, д. 1, л. 11—22; Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее — ЦДОО СО), ф. 4, оп. 41, д. 218, л. 50—55.

[16] ЦГАИПД СПб, ф. р-24, оп. 2в, д. 661, л. 47—68.

выставке, хотим быть индустриальным центром»[17]. Это означало борьбу за увеличение промышленного производства в абсолютных цифрах, ведь согласно плану IV пятилетки валовой продукции основных отраслей промышленности СССР предстояло возрасти в 1,5 раза[18].

Стремление к высоким абсолютным цифрам подтверждалось не вполне корректным обращением к государственной статистике. Показатели 1950 г. высчитывались в процентном соотношении к 1940 г. Выяснилось, что данные Госплана и данные обкома расходятся на 9,2% (10 688 млн и 9 814 млн руб. соответственно). Кузнецов, не прибегая к арбитражной проверке, дал указание производить расчёты исходя из максимальных показателей: «Надо увеличить». Им выдвигались аргументы в пользу территориальной организации экономики всего Северо-Запада вокруг Ленинграда: «Развитие Ленинграда нужно связывать с Северо-Западом, не отрывая. На нас обращены взоры мурманцев, карело-финнов, и мы обязаны обслуживать Прибалтику и Воркуту. Сланцы на Западе кто должен обслуживать? Мы. Там развивается металлургическая промышленность, бумажная, алюминиевая, деревообрабатывающая в Карельской республике, и как-то неудобно тащить с Дальнего Востока или с центра страны машины, станки. Таким центром для Северо-Запада должен стать Ленинград»[19]. Отмечу, что именно названных Кузнецовым регионов коснулась послевоенная «экспансия» ленинградских руководящих кадров[20]. Указания первого секретаря противоречили ещё довоенному запрету строительства новых предприятий в Москве и Ленинграде[21], более того, он открыто предлагал способы обхода этого ограничения: «Есть решения XVIII съезда... в Ленинграде, Москве, Киеве, Ростове, Свердловске, Харькове не строить новое промышленное строительство. Мы восстанавливаем корпуса, надстраиваем и т.д. ... Предположим, одноэтажный корпус выходит на какую-то улицу, а вместо этого одноэтажного корпуса построить трёхэтажный дом».

Кузнецов неоднократно ссылался на поддержку председателя Госплана СССР: «Тов. Вознесенский говорит: “Я хотел бы заслушать Ваш доклад по крупным вопросам, которые Вы решаете в четвёртой пятилетке, с тем, чтобы мне разрешить эти вопросы”»[22]. Эти слова произвели должное впечатление на присутствовавших, в особенности на Стожилова, который не решился спорить с ленинградским партлидером. На вопрос последнего о планируемом увеличении населения города («Не много мы берём, 2,5 миллиона человек? Это надо, чтобы 1 миллион 300 тысяч человек прибыло у нас») он ответил так: «Не много, Алексей Александрович, я думаю, что укладываться будет тяжеловато». Сроки выполнения плановых заданий ленинградской промышленностью он тоже поставил двусмысленно: «К концу пятилетки, к 1950 г.». Но формулировка «к 1950 г.» не тождественна формулировке «к концу пятилетки». Она означала срок к 1 января 1949 г., т.е. за год до конца пятилетки. Это позволило собравшимся спутать плановые показатели конца 1949 г. и конца пяти-

---

[17] Там же, оп. 2, д. 5663, л. 26.

[18] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. М., 1968. С. 252.

[19] ЦГАИПД СПб, ф. р-24, оп. 2, д. 5663, л. 26, 11.

[20] *Болдовский К.А.* К вопросу об «экспансии ленинградских кадров» в 1946—1948 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2010. Вып. 3. С. 121—126.

[21] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986 гг.). Т. 7. С. 69.

[22] ЦГАИПД СПб, ф. р-24, оп. 2, д. 5663, л. 76.

летки. Стожилов, в частности, сначала отметил, что «к 1950 г. объём валовой продукции предусматриваем на 27,5% выше, чем был в 1940 г.», но позднее указал: «Мы предусматриваем завершение и восстановление промышленности Ленинграда в 1949 г.». На уточняющий вопрос заведующего отделом оборонной промышленности горкома М.В. Басова («В каком же году мы достигнем довоенного уровня по выпуску валовой продукции?») он только повторил: «Я сказал, в 1949 г.». Таким образом, смешались две разные вещи: восстановление промышленности в 1949 г. и её увеличение на 27,5% к 1950 г. (т.е. также в 1949 г.). Возможно, имелось в виду, что оба эти события произойдут в течение одного года, но это не меняет сути — плановые цифры на конец IV пятилетки *de facto* остались не названы. При этом отдельные показатели производства «в 1950 г.», а не «к 1950 г.» (например, для завода «Электросила») Стожилов всё же озвучил[23].

Последующие выступления Кузнецова немного прояснили ситуацию: «Но нужно ли нам делать так, чтобы к 1950 году увеличить промышленность на 127% по сравнению с 1940 г., не поставить ли себе более скромную задачу — восстановить. Если к 1950 г. дадим 14 миллиардов, это будет хорошо». Стожилов согласился: «Лаврищев (начальник отдела территориального планирования Госплана СССР. — *М.М.*) исходит из этой позиции, о которой вы говорите, — восстановить к 1950 г.». Теперь годом восстановления промышленности до довоенного уровня был определён 1949 г., но плановые показатели на 1950 г. по-прежнему не оглашались. Работники обкома тут же получили указание 8 сентября выехать в Москву и представить в Госплан докладную записку с контрольными цифрами, установленными на бюро[24].

В свете последующих событий недомолвки собравшихся кажутся странными только на первый взгляд. Документы Госплана содержат упоминание о правительственном решении сохранять в ходе IV пятилетки промышленные мощности Ленинграда на довоенном уровне[25]. Кузнецов как сторонник повышения «удельного веса» города в экономике страны не мог не желать обратного. В итоге он не только согласовал в Москве в качестве года выхода ленинградской промышленности на довоенный уровень 1949 г. (103% к 1940 г.), но также добился увеличения показателей до 112% к концу пятилетки[26]. Более того, впоследствии достижение этого уровня фактически оказалось перенесено на конец 1949 г. в качестве «социалистического обязательства... выполнить пятилетку в 4 года»[27]. Таким образом, обком получал возможность просить о дальнейшем увеличении плана 1950 г., равно как и показателей последующих лет. В этих устремлениях явно обнадёживала протекция Вознесенского.

На том же объединённом бюро 5 сентября 1945 г. Кузнецов зафиксировал приоритетное направление промышленного развития. Это была ещё довоенная идея строительства металлургического комбината, производящего металл для нужд города на основе печорских углей и кольских руд: «Надо записать: создать в 4-й пятилетке в районе Ленинграда металлургическую базу для обеспечения нужд Ленинграда и Северо-Запада... Взять да записать». Без этого оказыва-

[23] Там же, л. 15—24.
[24] Там же, л. 75, 80.
[25] РГАЭ, ф. 4372, оп. 45, д. 1, л. 132; оп. 49, д. 161, л. 31.
[26] ГА РФ, ф. 5446, оп. 50а, д. 2957, л. 190.
[27] Там же, оп. 51а, д. 1599, л. 38.

лись несостоятельными надежды на увеличение пресловутого «удельного веса»: «Если только построим металлургический завод, конечно, мы выскочим»[28]. Басов осторожно выразил сомнения: «В плане, представленном т. Стожиловым, правильно учтено развёртывание промышленности до довоенного уровня, но обеспечить ленинградскую промышленность своим металлом нельзя. В 1940 г. завозили в Ленинград металла, стали, чугуна около 1 200 тыс. тонн. Поэтому ставить задачу — обеспечить Ленинград в это пятилетие металлом внутри своего экономического района, — мне кажется, невозможно»[29]. Кузнецов понимал риски, но стоял на своём: «Я уже в репликах давал [понять] о том, что нам надо твёрдо войти с металлургическим заводом, это вопрос решённый»[30].

Итак, к осени 1945 г. перед обкомом стояла цель: увеличить долю выпускаемой в регионе промышленной продукции в общесоюзном производстве. Первое условие её достижения — скорейшее восстановление довоенного уровня. К концу 1948 г. показатели колебались в районе 89—92%[31]. Наметилась перспектива выхода на довоенные показатели к 1 ноября 1949 г.[32] Но внушительные темпы роста сопровождались осложнениями. В первую очередь они объяснялись невыполнением плана отдельными отраслями. Так, в декабре 1948 г. обком отметил неудовлетворительную работу судостроительных предприятий: «Они плохо справляются с заданиями по номенклатуре, систематически не выдерживают установленных сроков сдачи готовой продукции»[33]. Оказались сорваны сроки выполнения кооперированных поставок для местного судостроения. Имели место неудачи в работе электротехнической промышленности. Завод «Электросила» в 1948 г. не выполнил план в номенклатурном исчислении[34] и одновременно столкнулся с отказами потребителей от произведённых машин, требованиями их замены[35]. Поступили 20 рекламаций на бракованную продукцию и электродвигатели низкого качества со стороны угольной промышленности, ДнепроГЭСа и ВМФ[36]. «Невский завод» вместо запланированной постройки семи турбин общей мощностью 34,5 тыс. кВт сумел изготовить только одну мощностью 1 тыс. кВт. Завод «Экономайзер» безнадёжно отставал в выпуске турбопитательных и турбоциркуляционных насосов. К ноябрю 1948 г. он выполнил план по их производству на 22,2 и 0% соответственно[37].

Позднее, после «Ленинградского дела», в происходившем стали видеть «линию гонки количественных показателей любыми средствами в ущерб качеству»[38], но пока ленинградское руководство уверенно шло к цели. Но на пути стояла проблема энергетического обеспечения. Уже зимой 1947/48 г. городу требовалось 9 700 тыс. кВт/ч электроэнергии, в то время как мощности «Ленэнерго» позволяли произвести 8 500—8 800 кВт/ч. К тому времени Кузнецова

[28] ЦГАИПД СПб, ф. р-24, оп. 2, д. 5663, л. 11.
[29] Там же, л. 40.
[30] Там же, л. 75.
[31] Там же, д. 6519, л. 4—5; оп. 49, д. 342, л. 150—151.
[32] Там же, оп. 2, д. 6519, л. 4—5.
[33] Там же, оп. 73, д. 32, л. 37.
[34] Там же, ф. 2071, оп. 3, д. 127, л. 43 об.
[35] Там же, ф. р-24, оп. 73, д. 35, л. 92, 97, 98.
[36] Там же, ф. 2071, оп. 3, д. 127, л. 45.
[37] Там же, ф. р-25, оп. 2, д. 6506, л. 40—41.
[38] Там же, ф. 78, оп. 6, д. 1, л. 162.

уже перевели на работу в ЦК ВКП(б). Его преемник П.С. Попков в письме И.В. Сталину изложил свой взгляд на возникшую ситуацию: «Министерство электростанций, не ожидая такого быстрого восстановления промышленности и городского хозяйства Ленинграда и тем будучи застигнуто врасплох, — не приняло своевременных мер по форсированию в ленинградской энергосистеме восстановления и строительства электростанций с тем, чтобы “рост мощностей электростанций опережал восстановление и развитие других отраслей”, как это указывалось законом о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг.»[39]. Однако письмо не отправили, очевидно, потому что при таких формулировках нарушителем закона о пятилетке выглядел сам обком, не сопоставивший собственных амбиций с техническими возможностями «Ленэнерго». Ведь на протяжении 1940-х гг. имели место множественные случаи аналогичных конфликтов обкома с рядом министерств[40]. Так, в 1947 г. в ЦК разбиралось требование Попкова об увеличении производств на заводе Министерства тяжёлого машиностроения «Русский дизель»[41].

В январе 1948 г., действуя через Вознесенского, Попков начал готовить решение правительства «О мерах по ликвидации разрыва между потребностью и добычей торфа на предприятиях Ленинградского торфотреста» (торф использовался в качестве топлива для электростанций). Одновременно Вознесенскому был предложен проект увеличения в городе производства электроэнергии. Оба проекта получили одобрительную резолюцию: «Госплану (т. Клочкову) для подготовки». Тогда же Попков уведомил об этих инициативах первого заместителя председателя Совета министров СССР Л.П. Берию. 28 февраля министр электростанций Д.Г. Жимерин сообщил Берии, что, по его мнению, «Попков завысил потребность в электроэнергии и вводе новых мощностей». Разногласия колебались в диапазонах 2,3—2,6% и 20—33% соответственно. Итогом стал проект постановления «О развитии топливно-энергетической и металлургической базы г. Ленинграда». После согласования с Берией, Вознесенским, Г.М. Маленковым и Л.М. Кагановичем он поступил Сталину, и 23 марта соответствующее решение было принято[42].

В апреле Попков доложил о нём объединённому пленуму обкома и горкома ВКП(б). При этом он трактовал его весьма вольно. Пункт 2.б. гласил: «Во изменение ранее принятых решений необходимо, чтобы довоенный объём производства промышленной продукции в г. Ленинграде в размере 14 млрд рублей был достигнут в 1951 году против фактического выпуска в 1947 г. 10,5 млрд рублей и при плане на 1948 г. 12,6 млрд рублей. Впредь до создания собственной металлургической и топливно-энергетической базы объём промышленной продукции должен быть сохранён на довоенном уровне»[43]. Этот пункт был дезавуирован на пленуме: «Было бы грубейшей политической ошибкой прекратить борьбу за выполнение пятилетки в четыре года. На всех[44] предприятиях города Ленинграда лозунг “Пятилетку в четыре года” — остаёт-

---

[39] Там же, ф. р-24, оп. 13а, д. 130, л. 118—119.

[40] Там же, оп. 75, д. 175 (это засекреченное дело имеет красноречивый заголовок «Ошибки и отклонения министерств при перестройке промышленности Ленинграда»); *Павлов М.Ю.* «Ленинградская группа» и нарушение сталинских принципов власти // Концепт. 2015. № 11. С. 114.

[41] РГАСПИ, ф. 117, оп. 117, д. 708, л. 12—24.

[42] ГА РФ, ф. 5446, оп. 50а, д. 2957, л. 265—232.

[43] Там же, л. 264.

[44] При правке стенограммы Попков зачеркнул «всех» и надписал чернилами «многих».

ся в полной силе. Для таких[45] предприятий, как завод “Электросила”, заводы имени Сталина, имени Ленина, всех судостроительных и приборостроительных заводов Ленинграда. Они должны сочетать безупречную качественную работу с высокими темпами, обеспечивающими завершение этими предприятиями пятилетки в четыре года, т.е. в 1949 году»[46]. В действительности превышать показатели пятилетки разрешалось только в части технико-экономических показателей (расход сырья, топлива, электроэнергии, повышение производительности труда и т.д.)[47]. Оговорок о сверхплановом производстве какой-либо продукции постановление не содержало[48].

Показательны также объяснения пленуму п. 2 постановления, гласившего: «Обязать Министерство чёрной металлургии (т. Тевосяна), Министерство строительства предприятий тяжёлой индустрии (т. Юдина) и Ленинградский обком ВКП(б) (т. Попкова) в 2-месячный срок внести в Совет Министров СССР согласованные с Госпланом СССР предложения по ускорению строительства Череповецкого металлургического завода и обеспечению металлом ленинградской промышленности»[49]. Попков комментировал его так: «Мощность первой очереди Череповецкого завода по выплавке чугуна[50] 1—2 десятка миллионов, по выплавке стали 1,6 миллиона тонн в год... Подготовительная работа по строительству Череповецкого завода должна начаться уже во II квартале текущего года». Постановление не содержало таких данных, более того, необходимая договорённость Ленинградского обкома и Минчермета ещё не была достигнута, что признавал сам П.С. Попков: «Ещё не намечен план действий со стороны Министерства чёрной металлургии»[51]. Названные цифры — 10—20 млн т чугуна — не отличались реалистичностью: заводы Среднего и Южного Урала, вместе взятые, выплавляли в два раза меньше даже в 1950-х гг. Более правдоподобна цифра в 1,6 млн т стали — столько её выплавили в Свердловской обл. в 1945 г.[52] Из изложенного следует, что Попков продолжил линию Кузнецова на увеличение производства в Ленинграде любой ценой, и цена эта грозила оказаться очень высокой.

Первые проблемы возникли при разработке угольных месторождений в Ленинградской обл. Постановление содержало план-график добычи трестом «Ленинградуголь» энергетических (бурых) углей. Предусматривалось построить к 1953 г. 15 шахт мощностью в 3 млн т с годовой добычей в 6 млн т. Для сравнения: в IV пятилетке добыча энергетических углей в Челябинской обл. колебалась в районе 11—12 млн т[53]. При этом предстояло «организовать угольную добычу на совершенно неосвоенных месторождениях, на чистом месте или в лесу»[54]. План добычи 1948 г. (300 тыс. т) удалось выполнить на 108%. Однако

---

[45] При правке стенограммы Попков зачеркнул «Для» и надписал чернилами «прежде всего на», таким образом объединив два предложения в одно.

[46] ЦГАИПД СПб, ф. р-24, оп. 2, д. 6519, л. 39.

[47] ГА РФ, ф. 5446, оп. 50а, д. 2957, л. 263.

[48] Там же, л. 265—272.

[49] Там же, л. 264.

[50] При правке стенограммы Попков вписал чернилами «определена в».

[51] ЦГАИПД СПб, ф. р-24, оп. 2, д. 6519, л. 30—32.

[52] *Михеев М.В.* Индустриальный Урал в советской региональной политике позднесталинского периода (1945—1953 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2017. С. 178.

[53] Народное хозяйство Челябинской области и города Челябинска. Статистический сборник. Челябинск, 1957. С. 41.

[54] ЦГАИПД СПб, ф. р-24, оп. 2, д. 6519, л. 14.

план строительно-монтажных работ за первые 8 месяцев 1948 г. оказался выполнен лишь на 85,5%. Из 7 шахт мощностью 650 тыс. т, подлежавших закладке в 1948 г., на 1 сентября заложили лишь 4 мощностью 180 тыс. т. Из 5 шахт мощностью 230 тыс. т, подлежавших вводу в эксплуатацию в 1948 г., ввели только одну мощностью 30 тыс. т[55].

В 1949 г. добыча угля заметно снизилась. Летом ЦСУ СССР констатировало невыполнение плана за первое полугодие на 38,3%[56]. В числе причин назывались резкое уменьшение мощности пластов, вскрытие подготовительными выработками отработанных участков, сокрытие таких отработанных участков в проектной документации. Отмечалось неполное осуществление обкомом мероприятий по переводу специалистов и квалифицированных рабочих на стройки и предприятия «Ленинградугля». При закладке новых шахт неожиданно вскрывались потребности в дополнительных геологоразведочных работах, сроки срывались из-за несвоевременного предоставления проектно-сметной документации и сложных условий при проходке горных выработок. Отмечалась неправильная оценка стоимости предстоящих работ. Так, на плановые работы по осушению шахтных полей в 1949 г. выделено 14 400 тыс. руб., а за 5 месяцев израсходовано 9 150 тыс. Работы по осушению фактически велись не в течение 5 месяцев, а в апреле—мае. Таким образом, за два месяца освоили более 9 млн руб. и до конца года оставалось лишь 5,25 млн. Задействованные в разработке угольных месторождений ведомства либо перекладывали вину друг на друга (особенно министерства геологоразведки и угольной промышленности[57]), либо оправдывались необходимостью вести большой объём работ в других регионах. Так, Министерство путей сообщения отказывалось осуществлять строительство подъездных путей к шахтам «Ленинградугля» в связи с тем, что «все средства в 1949 г. будут направлены на строительно-восстановительные работы по усилению важнейших грузонапряжённых направлений дорог Донбасса, Урала и Сибири, а также на выполнение решений правительства по развитию угольных месторождений Кузнецкого, Донецкого, Подмосковного, Кизеловского и других бассейнов»[58].

Принцип экстенсивного развития региональной промышленности за счёт увеличения добычи бурых углей с целью их последующего использования для преодоления энергетического кризиса в Ленинграде не выдержал столкновения с реальностью. При этом щедрая обкомовская критика министерств не кажется объективной. Послевоенному СССР приходилось изыскивать ресурсы на восстановление Донбасса, реконструкцию металлургических комплексов Урала и Сибири, осуществление атомной программы и многие другие проекты. Организация работ «Ленинградугля» в этих условиях изначально казалась сомнительной, а в свете вскрывшихся природных факторов и вовсе выглядела невозможной. Но от «угольной» программы не отказывались, а параллельно ей продвигали ещё более масштабный проект Череповецкого металлургического завода, призванного снабжать городскую промышленность металлом.

---

[55] ГА РФ, ф. 5446, оп. 51а, д. 1599, л. 160.

[56] РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 3296, л. 8—32.

[57] ГА РФ, ф. 5446, оп. 51 а, д. 1599, л. 335—331, 293—290, 289, 288—285, 255—254, 252—250, 249, 219—215, 137—127, 39—36.

[58] Там же, л. 160, 95.

На него бросили серьёзные административные и технические ресурсы. 4 октября 1948 г. вышло постановление Совета министров СССР «О строительстве Череповецкого металлургического завода»[59], определившее задачи для предприятия: выплавлять в год около 1,2 млн т чугуна, 1,6 млн т стали, изготовлять более 1,2 млн т квалифицированного проката[60]. Первые плавки (около 100 тыс. т) планировалось получить в 1952 г.[61] Постановление готовилось в соответствии с правительственным решением от 23 марта 1948 г. По словам Попкова, обкому пришлось затратить массу усилий для утверждения проектного задания по комбинату: «Давайте откровенно говорить. Если бы мы своевременно не послали энное количество телеграмм, проектное задание не было бы утверждено. В этом я уверен. Мы сели на это дело и поджали... утвердили проектное задание»[62]. Спешку обусловило вышедшее 20 ноября постановление Совета министров СССР «О перестройке ленинградской промышленности». Оно подтвердило предыдущие указания о выходе промышленного производства в городе на довоенный уровень не ранее 1951 г. Кроме того, указывалось «осудить неправильную практику сосредоточения только в городе Ленинграде производства ряда важнейших видов машин и агрегатов»[63]. Последнее противоречило стремлению обкома выдвинуть Ленинград в «авангард борьбы за дальнейший технический прогресс для выпуска точных... и квалифицированных машин, станков, приборов и кораблей, которые представляли бы собой последнее слово отечественной и мировой техники»[64].

В начале 1949 г. Попков сетовал: «Мы могли... совершенно свободно и к ноябрьским праздникам (1949 г. — *М.М.*) перекрыть задание, записанное Ленинграду на конец 1950 года, т.е. перекрыть пятилетку... А нам сказали: стоп. 1948 год выполнили, а теперь пятилетку, будьте добры, выполните к декабрю 1951 года... на два года нас по темпам осадили... сколько мы сейчас можем выпускать. Нас задержали. Причём какой продукции! Высококвалифицированной, которую может выпускать только Ленинград и никакой другой промышленный центр». И напомнил: «Для того чтобы развязать руки Ленинграду, нужен металлургический завод, нужен свой металл». С целью преодолеть навязанное правительством (по утверждению Попкова, при личном участии Сталина) вынужденное отставание от общесоюзных темпов, обком всячески стремился ускорить строительство и ввод в действие мощностей Череповецкого завода. Попков прямо высказывался в адрес общесоюзных министерств: «С шеи вашей не слезем, пока не будет металлургический завод построен»[65].

Стройка имела внушительную поддержку. 16 ноября 1948 г. Госплан блокировал в ЦК проект Свердловского обкома о строительстве Урало-Печорской угольно-металлургической базы — потенциального конкурента за угольные ресурсы Печорского бассейна[66]. Примечательно, что данный проект поступил на рассмотрение Кузнецову, уже занимавшему пост секретаря ЦК ВКП(б)[67].

---

[59] РГАСПИ, ф. 17, оп. 134, д. 48, л. 48.
[60] ЦГАИПД СПб, ф. р-24, оп. 49, д. 342, л. 127.
[61] Там же, л. 154.
[62] Там же, л. 143.
[63] Там же, ф. р-25, оп. 2, д. 6506, л. 6, 25.
[64] Там же, ф. р-24, оп. 73, д. 32, л. 65.
[65] Там же, оп. 49, д. 342, л. 152—154.
[66] РГАСПИ, ф. 17, оп. 134, д. 425, л. 119—120.
[67] ЦДОО СО, ф. 4, оп. 43, д. 160, л. 3—8, 54.

Под нужды треста «Череповецметаллургстрой» повсеместно изымались ресурсы. В 1949 г. это вызвало строительный кризис в Мурманской обл. 29 декабря обком подал в ЦК жалобу о вывозе из Мурманска в Череповец кирпича. Его отгрузка вызвала дефицит, и ряд строек, осуществлявшихся по решениям Совета министров СССР, прекратили работу. Обком оказался перед абсурдной необходимостью вывозить из области кирпич и в то же время просить правительство о его завозе. При этом расстояние от Мурманска до Череповца составляло 1 650 км, почти столько же, сколько расстояние от Москвы до Свердловска (1 682 км). Ситуацию усугубляло то, что уголь для кирпичного обжига завозился в Мурманск из Воркуты. Вследствие полярных надбавок, повышенного коэффициента зарплаты и иных действовавших в Заполярье льгот стоимость кирпича здесь была высокой. Обком просил «завозить кирпич для строительства Череповецкого завода из других, более близких пунктов»[68] (безрезультатно).

Строительство комбината ещё в начале 1949 г. обнаружило широкий спектр проблем: отсутствие строительных материалов, несоответствие продукции воркутинских угольных шахт технологическим требованиям строящегося предприятия, бедность кольских руд, проблемы геологоразведки, отсутствие необходимых месторождений флюсовых известняков, невозможность своевременного строительства транспортной инфраструктуры и т.д.[69] Заместитель министра по строительству предприятий тяжёлой индустрии Д.Я. Райзер указал на несвоевременность стройки: «Трудность... в том, что в настоящее время в современных условиях нет возможности перебросить сразу имеющую богатый опыт строительную организацию, которая пришла бы на эту площадку с хорошими квалифицированными кадрами, чтобы сразу всё поднять»[70]. Но Попков не проявлял признаков беспокойства, более того, высказывался в пользу досрочного запуска производства с первыми плавками уже в 1951 г.[71]

В августе 1949 г. ЦСУ начало проверку состояния строительства. Ход стройки оценили как неудовлетворительный. Выполнение годовых планов капитальных работ составляло 7,1—31,3%, объекты оказались обеспечены технической документацией лишь на 34%. Ещё не начинались строительство производственной базы, кирпичного завода, кислородной станции, причала, подъездных путей, временных дорог. Отдельно ЦСУ отметило слабую отчётную дисциплину строительства. Большое количество стройматериалов (в том числе кирпич)[72] выдавалось на сторону, что в свете событий в Мурманске выглядело своеобразно. Виновными в неудачах строительства указывались профильные министерства. Однако логично распространить ответственность и на ленинградских руководителей, намеревавшихся получить топливно-металлургическую базу в максимально короткие сроки. Стремление увеличить промышленное производство вошло в противоречие с послевоенной экономической обстановкой, отсутствием ресурсов для индустриального строительства на Северо-Западе. Попытки решить эти проблемы бюрократическими и аппаратными принципами («взять и записать») не выдержали столкновений с реальностью.

---

[68] РГАСПИ, ф. 17, оп. 134, д. 48, л. 45—52.
[69] ЦГАИПД СПб, ф. р-24, оп. 49, д. 342, л. 1—162.
[70] Там же, л. 11.
[71] РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 3296, л. 153.
[72] Там же, л. 73.

Уже после «Ленинградского дела» действия Попкова, Кузнецова и других ленинградских руководителей, а также Вознесенского удачно резюмировал новый секретарь Ленинградского горкома А.И. Алексеев: «Эта опасная для народного хозяйства игра антипартийной группы за высокие темпы покрывалась бахвальством, что Ленинградская промышленность по темпам производства заняла ведущее место по Советскому Союзу. На самом деле промышленность Ленинграда не имела топливно-энергетической и металлургической базы и работала с перебоями. Антипартийная группа в погоне за количественными показателями не проводила правильной линии развития»[73]. Новый первый секретарь обкома В.М. Андрианов утверждал: «Вместо того чтобы сосредоточить внимание организации на создании собственной топливно-энергетической и металлургической базы и двинуть вперёд дело технического прогресса ленинградской промышленности, Попков с открытым забралом, с левацкой фразеологией... спекулянтски апеллировал, что ленинградскую промышленность правительство остановило на полном скаку»[74]. Символично, что ранее он возглавлял обком в Свердловске, недавнем конкуренте Ленинграда за освоение печорских углей.

Но была ли эта «опасная игра» проиграна полностью? Несмотря на отсутствие политической преемственности в обкоме, новым руководителям пришлось продолжить курс предшественников в части территориальной организации экономики Северо-Запада. Алексеев уже в 1950 г. говорил: «Особое внимание товарищ Сталин уделяет направлению развития промышленности города Ленинграда по созданию надёжной собственной топливно-энергетической базы».

Что касается работы по выполнению пятилетки, Алексеев заявил: «Ленинградская городская партийная организация при помощи областного комитета партии во главе с первым секретарём тов. Андриановым проделала большую работу по выполнению решений партии и правительства о перестройке развития, за сохранение за Ленинградом роли важнейшего центра квалифицированного машиностроения, приборостроения и судостроения»[75]. В это время валовой выпуск промышленной продукции ещё не достиг довоенного уровня. Он составил 127% от 1940 г.[76] — эту цифру ещё в 1945 г. называли Кузнецов и Стожилов. Фактически планы Кузнецова и Попкова воплотились в жизнь уже в 1960-х гг., после запуска Череповецкого металлургического комбината. Генеральная схема размещения производительных сил СССР (1966) зафиксировала территориальную организацию экономики Северо-Запада с центром в Ленинграде в том виде, в каком она виделась Ленобкому в 1944—1949 гг.[77] Таким образом, приведённый материал указывает на тенденции экономического развития Северо-Запада, набиравшие силу даже в условиях административно-командной экономики. На выбранное (а возможно, просто понятое) обкомом направление развития оказались бессильны повлиять репрессии, изменения персонального состава регионального руководства, трансформации

---

[73] ЦГАИПД СПб, ф. 78, оп. 6, д. 1, л. 162.

[74] Там же, ф. р-25, оп. 28, д. 26, л. 8.

[75] Там же, ф. 78, оп. 6, д. 1, л. 162.

[76] *Можин В.П., Кистанов В.В., Лаврищев А.Н., Адамеску А.А., Токарев С.П.* Планирование размещения производительных сил СССР... С. 214.

[77] *Адамеску А.А.* Первая Генеральная схема: опыт объединения научных организаций для обоснования перспективного размещения производительных сил. М., 2016. С. 158—170.

системы политической власти после 1953 г., народнохозяйственные реформы конца 1950-х гг.

С другой стороны, события 1944—1949 гг. представляют собой образец малоизученного явления — советского регионализма. На примере Ленинграда мы видим, как руководители индустриального центра фактически образовали «группу влияния» по отстаиванию его экономической исключительности в рамках общесоюзной плановой экономики. Дальнейшее изучение подобных явлений относительно иных индустриальных центров (Урал, Донбасс, Центр, Дальний Восток и т.д.), сравнение их между собой, анализ сопутствовавших им конфликтов интересов различного уровня создают перспективы для исследования истории советской региональной политики в целом и позднесталинского СССР в частности с новых, территориально-экономических позиций.

Комбайн «Ярославец» на «бюрократических полях» поздней советской эпохи

Юрий Никифоров

Combine harvester «Yaroslavets» on the «bureaucratic fields» of the late Soviet era

Yury Nikiforov
(Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky; Vologda State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870015470-8

Рубеж 1970—1980-х гг. — период острейшего кризиса сельскохозяйственного производства в СССР. Одно из самых ярких его проявлений — катастрофические транспортно-технологические проблемы. «Как и прежде отсутствовали комбайны и тракторы, необходимые для уборки урожая. В 1980 г. обследование 1 249 совершенно новых сельскохозяйственных машин показало, что только 8 из них соответствовало техническим требованиям»[1]. На слабую механизацию советского сельского хозяйства указывали крупные отечественные исследователи[2]. В условиях дефицита и низкого качества сельскохозяйственной техники руководство некоторых регионов РСФСР стремилось решить проблему механизации аграрного сектора, опираясь на собственные ресурсы путём кооперации местных производственных структур. В частности, во второй половине 1970-х гг. руководство Ярославской обл. выступило с инициативой наладить серийное производство кормоуборочного комбайна, приспособленного для переувлажнённых почв региона. В тесном сотрудничестве с директорами крупнейших промышленных предприятий на базе моторного завода «Автодизель» был налажен выпуск самоходных кормоуборочных комбайнов «Ярославец» (ЯСК-170), который впоследствии получил признание как один из лучших в своём роде[3].

Инициатива разработки и внедрения нового, более производительного комбайна имела прямую связь с установками руководства СССР. В нескольких разделах одного из ключевых документов XXV съезда КПСС — «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 гг.» — указывалось на необходимость развития производства качественной сельскохозяйственной техники. В частности, положения раздела II «Развитие промышленности», касавшиеся тракторного и сельскохозяйственного машиностроения, гласили: «Предусмотреть в 1980 г. выпуск сельскохозяйственных машин для

© 2021 г. Ю.С. Никифоров

Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект №19-18-00269 «Трансформация российского общества 1950—1990-х гг.: классовый генезис и эволюция экономического устройства».

[1] *Шаттенберг С.* Леонид Брежнев. Величие и трагедия человека и страны. М., 2018. С. 348.

[2] *Денисова Л.Н.* Исчезающая деревня России: Нечерноземье в 1960—1980-е гг. М., 1996; *Безнин М.А.*, *Димони Т.М.* Личное приусадебное хозяйство как индикатор отмирания аграрного общества в России // Вопросы истории. 2019. Т. 1. № 12. С. 84—96.

[3] *Рутковский М.А.*, *Рутковская Л.М.* Полвека ярославской экономики: начало 1960-х — 2010. Ярославль, 2011. С. 49.

растениеводства на сумму 2,8 млрд рублей. Обратить особое внимание... чтобы выпускаемые уборочные машины обеспечивали сохранение качества сельскохозяйственной продукции. Развивать производство высокопроизводительных машин для... брикетирования кормов». Раздел документа, касавшийся союзных республик, предусматривал «в РСФСР увеличить объём промышленной продукции на 35—39%. Обеспечить дальнейшее развитие машиностроения для животноводства и кормопроизводства, тракторного и сельскохозяйственного машиностроения. Увеличить выпуск высокопроизводительных зерноуборочных и картофелеуборочных комбайнов»[4]. Проблема не потеряла актуальности и спустя пять лет. В архивном фонде М.А. Суслова отложился интересный документ — «Проект выступления на Политбюро по 5-летнему плану. 03.10.1981 г.». В нём констатировались расхождения между решениями недавно состоявшегося XXVI съезда партии по сельскохозяйственной технике (раздел «Основные направления») и заданиями новой пятилетки: «Достаточно обратиться к проекту плана, чтобы увидеть здесь ряд существенных отступлений от “Основных направлений”. В Плане не предусмотрен выпуск мощного пропашного трактора и нового зерноуборочного комбайна»[5].

В настоящей статье предпринята попытка реконструировать механизмы принятия технологических решений в эпоху позднего социализма[6]. Через призму феномена регионального лоббизма посредством сравнительно-сопоставительного анализа архивных документов и данных устной истории исследован процесс продвижения технологической инициативы (организация серийного производства кормоуборочного комбайна «Ярославец») с регионального уровня в союзно-республиканский центр. Сочетание анализа классических исторических источников и данных интервьюирования[7] призвано выявить новые ракурсы в исследовании как научно-технической политики[8], так и механизмов взаимодействия регионов и центра в позднюю советскую эпоху.

Источниковую базу исследования составили несколько базовых групп: рассекреченные архивные документы Центра документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНИ ЯО), РГАСПИ, РГАНИ, впервые вводимые в научный оборот. В первую очередь это делопроизводственные материалы, связанные с функционированием как высших органов партийной и государственной власти союзно-республиканского уровня (постановления Секретариата ЦК КПСС, протоколы заседания Совета министров СССР, официальные письма министерств и заключения ведомственных комиссий), так и советских и партийных структур регионального уровня (служебные записки и письма Ярославских обкома и облисполкома в ЦК КПСС и Совет министров СССР, «папка депутата Верховного совета СССР»).

---

[4] Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976. С. 190, 224.

[5] РГАНИ, ф. 81, оп. 1, д. 224, л. 32.

[6] Термин «поздний (или позднесоветский) социализм» интерпретируется как «период примерно 30 лет советской истории с конца сталинского периода до начала перестройки (начало 1950-х — середина 1980-х), когда советская система воспринималась большинством советских граждан и большинством зарубежных наблюдателей как система мощная и незыблемая» (*Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014. С. 36).

[7] *Никифоров Ю.С.* Синтез классических и междисциплинарных методов в исследовании региональной проблематики новейшей отечественной истории (1950—1980 гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2019. № 2. С. 79—85.

[8] См., например: *Безбородов А.Б.* Власть и научно-техническая политика в СССР середины 50-х — середины 70-х годов. М., 1997.

В ходе исследования в 2017—2018 гг. я провёл неформализованные полуструктурированные интервью[9] пяти представителей местного советского и партийного руководства. Это председатель Совета ветеранов области Т.П. Колпаков (в 1970—1980-х гг. секретарь обкома по сельскому хозяйству), председатель отделения Российского детского фонда С.Н. Овчинников (в 1970—1980-х гг. заместитель председателя облисполкома), И.А. Толстоухов (в 1979—1985 гг. первый секретарь Ярославского горкома, в 1986—1990 гг. первый секретарь обкома), директор Музея истории Ярославля В.В. Величко (в 1970—1980-х гг. помощник первого секретаря обкома), профессор педагогического университета Н.П. Воронин (в 1980-х гг. ректор Ярославского педагогического института им. К.Д. Ушинского, секретарь обкома по идеологии). Полученные данные позволяют реконструировать многоходовые комбинации, которые предшествовали принятию управленческих решений на высшем уровне власти и о которых редко можно узнать из архивных документов.

Характеризуя историографию вопроса, важно отметить фундаментальные монографии как обобщающего характера[10], так и непосредственно связанные с научно-технической политикой[11]. Большой интерес представляют монография, включающая интервью высших руководителей плановых структур позднего СССР, а также статья, в которой детально проанализирован процесс принятия управленческих решений при создании Сибирского отделения АН СССР[12]. Исследователи неоднократно поднимали проблему бюрократизма в принятии управленческих решений. Например, А.Б. Безбородов, характеризуя научно-техническую политику 1960-х гг., указал на большое число структур, задействованных в принятии научно-технологических решений: Государственный комитет Совета министров СССР по координации НИР, Академия наук, Министерство высшего и среднего специального образования, другие министерства и ведомства[13]. Архивные документы свидетельствуют, что к середине 1980-х гг. ситуация оставалась, по крайней мере, на том же забюрократизированном уровне. Так, в обнаруженной в фонде Н.И. Рыжкова аналитической записке заместителя директора Центрального экономико-математического института Ю.В. Ярёменко «Проблемы формирования отраслевой структуры экономики в долгосрочной перспективе» от 3 сентября 1984 г. отмечалась «излишняя ведомственная централизация... когда сковывается местная инициатива»[14]. Неоднократно становилась предметом исследования региональная политика

---

[9] Аудиозаписи и транскрибированные тексты с подтверждающими подписями интервьюируемых находятся в личном архиве автора. Кроме того, они опубликованы в форме учебного издания для студентов исторического факультета Ярославского государственного педагогического университета: *Никифоров Ю.С.* Новейшая отечественная история в зеркале интервью региональной элиты: от СССР к России через призму культурной памяти. Ярославль, 2018.

[10] *Пихоя Р.Г.* Советский союз: история власти. 1945—1991. Новосибирск, 2000; *Шестаков В.А.* Социально-экономическая политика советского государства в 50-е — середине 60-х годов. М., 2006.

[11] *Артемов Е.Т.* Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М., 2006; *Безбородов А.Б.* Власть и научно-техническая политика в СССР...

[12] *Ольсевич Ю.*, *Грегори П.* Плановая система в ретроспективе: Анализ и интервью с руководителями планирования СССР. М., 2000. *Артёмов Е.Т.* Как принимались решения в советской системе управления (случай создания Сибирского отделения АН СССР) // Уральский исторический вестник. 2011. № 3. С. 129—138.

[13] *Безбородов А.Б.* Власть и научно-техническая политика в СССР... С. 123.

[14] РГАСПИ, ф. 653, оп. 1, д. 39, л. 387.

в СССР. Из наиболее фундированных трудов выделю публикации О.В. Хлевнюка[15]. Следует отметить, что значительная часть работ по этой теме, в том числе сборники документов, связаны с эпохами И.В. Сталина и Н.С. Хрущёва[16]. В последние годы, однако, нарастает интерес к последующим периодам, опубликованы масштабные источниковедческие исследования по периоду Л.И. Брежнева, касающиеся, в частности, его личности[17]. Представляется, что региональная политика Брежнева, которая зарубежными исследователями характеризуется как «доверие и попечительство» (С. Шаттенберг) или «доверие к кадрам» (Й. Горлицкий)[18], объективно способствовала некоторому усилению позиций местных руководителей и их относительной автономности по отношению к центру. Не случайно со второй половины 1960-х гг. можно говорить о формировании феномена «политических долгожителей» в корпусе первых секретарей значительной части регионов СССР[19].

Следует сказать о понятии «лоббизм», использованном при постановке цели исследования[20]. Наиболее ёмким представляется следующее определение: «Система и практика реализации интересов различных групп граждан путём организованного воздействия на законодательную и административную деятельность государственных органов»[21]. При этом со времён СССР это понятие имеет негативную окраску, как правило, ассоциируясь с происходящим в западных странах, особенно США: «Закулисная, скрытая деятельность представителей различных политических кругов, организаций, добивающихся принятия того или иного решения путём оказания давления, воздействия на законодателей и других официальных лиц. Лоббизм отличают кулуарная заорганизованность, назойливо-устойчивая устремлённость к достижению целей, приверженность интересам узких группировок»[22]. Однако схожие черты можно обнаружить и в советской управленческой практике. Так, в интервью представителей местного руководства 1960—1980-х гг. искусство лоббизма предстаёт главным фактором успеха во взаимодействии с центром: «Возможность решать ресурсные проблемы региона зависела от умения, искусства руководителя “выбивать лимиты”»;

---

[15] *Хлевнюк О.В.* Региональная власть в СССР в 1953 — конце 1950-х годов. Устойчивость и конфликты // Отечественная история. 2007. № 3. С. 31—49; *Хлевнюк О.В.* Роковая реформа Н.С. Хрущёва: разделение партийного аппарата и его последствия. 1962—1964 гг. // Российская история. 2012. № 4. С. 164—179.

[16] ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты, 1945—1953 / Сост. В.В. Денисов, А.В. Квашонкин, Л.Н. Малашенко, А.И. Минюк, М.Ю. Прозуменщиков, О.В. Хлевнюк. М., 2004; Региональная политика Н.С. Хрущёва. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953—1964 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк, М.Ю. Прозуменщиков, В.Ю. Васильев, Й. Горлицкий. М., 2009.

[17] Л.И. Брежнев. Рабочие и дневниковые записи. В 3 т. М., 2016.

[18] *Шаттенберг С.* Леонид Брежнев. Величие и трагедия человека и страны. М., 2018; *Gorlizki Y.* Too much trust: regional party leaders and local political networks under Brezhnev // Slavic Review. 2010. № 69.

[19] См., например: *Никифоров Ю.С.* Движение вверх и по горизонтали: карьерные траектории лидеров Верхневолжских регионов в позднем СССР // Клио. 2020. № 10. С. 110—120.

[20] *Бинецкий А.Э.* Лоббизм в современном мире. М., 2007; *Лепехин В.А.* Лоббизм. М., 1995; *Любимов А.П.* История лоббизма в России. М., 2005; *Меньшенина Н.Н.* Политический процесс: введение в анализ. Владивосток, 2001; *Перегудов С.П.* Корпорации, общество, государство: эволюция отношений. М., 2003; *Соловьёв А.И.* Политические коммуникации. М., 2007; *Толстых П.А.* Практика лоббизма в Государственной думе Федерального Собрания Российской Федерации. М., 2006.

[21] *Меньшенина Н.Н.*, *Пантелеева М.В.* Лоббизм. Екатеринбург, 2016. С. 52—53.

[22] Лоббизм // Политологический словарь / Под ред. В.Ф. Халипова. М., 1995. С. 79—80.

«все новые объекты, которые были не связаны с обороной, требовали лоббирования интересов»[23].

При этом лоббизм — явление неформализованное и нередко противозаконное. В сочетании с длительным пребыванием региональных лидеров в должности он приводил к неизбежной психологической коррозии и профессиональной деформации. Многочисленные письма граждан с жалобами на первых секретарей парткомов, отложившиеся в фонде РГАНИ «Подотдел писем общего отдела ЦК КПСС (1953—1991)», демонстрируют нарастание казнокрадства, кумовства, произвола, коррупции и моральной деградации в среде руководителей. Например, в письме члена КПСС товарища М. подчёркивалось, что работники Калининского обкома «больше времени тратят на охоту да женщин, чем на работу», а назначения на должность происходят «по принципу личной преданности, дружбе и крамольным связям на воровстве и разврате»[24]. Всё это происходило на фоне нарастания кризисных явлений в жизни государства и общества. О проблемах конкретного региона рассказывает такой интересный источник, как «папка депутата Верховного совета СССР». В частности, материалы папки Ф.И. Лощенкова, одновременно являвшегося первым секретарём Ярославского обкома, рисовали крайне пессимистическую картину социально-экономической динамики: «Медленное техническое перевооружение и механизация, большая доля ручного труда, сокращение численности рабочих, снижение объёмов производства, высокая текучесть кадров, ухудшение использования производственных мощностей, высокие потери рабочего времени (рост с 0,54% в 1975 г. до 0,84% в 1980 г.), социально-бытовые нужды трудящихся (жильё)... слабая обеспеченность сырьём, перебои комплектующих»[25]. Последняя деталь обращает на себя особое внимание — именно она препятствовала развитию технологических инициатив и проектов, их успешному внедрению.

Переходя к сюжету исследования, обращусь к интервью Колпакова, который рассказал о деталях создания комбайна ЯСК-170 («Ярославец»): «Непосредственное проектирование комбайна велось под руководством главного конструктора Ярославского моторного завода Г.Д. Чернышёва. К уборочной кампании 1978 г. был готов опытный образец: его испытали в сложнейших условиях очень дождливого лета. За зиму изготовили ещё пять комбайнов»[26]. О данной технологической инициативе Лощенков проинформировал председателя Совмина А.Н. Косыгина в письме от 13 ноября 1978 г.: «Стремясь внести свой вклад в выполнение решений июльского пленума ЦК КПСС, работники ярославского объединения “Автодизель” в инициативном порядке в кратчайшие сроки создали самоходный кормоуборочный комбайн “Ярославец” (ЯСК-170), который прошёл эксплуатационную проверку». Ссылка на исполнение решения союзно-республиканского центра — обязательная деталь любого регионального ходатайства. Далее письмо показывает, как выстраивалась система аргументов, призванных убедить в полезности проекта. Отмечались преимущества новой модели перед конкурентами: «В процессе испытаний комбайн “Ярославец” на скашивании зелёной массы многолетних трав показал произ-

---

[23] *Никифоров Ю.С.* Новейшая отечественная история... С. 8, 20.
[24] РГАНИ, ф. 100, оп. 5, д. 241, л. 40.
[25] ЦДНИ ЯО, ф. 272, оп. 270, д. 82, л. 12—13.
[26] *Никифоров Ю.С.* Новейшая отечественная история... С. 31—48.

водительность на 25% более высокую, чем имеют КСК-100 завода “Гомсельмаш” и Е-280 производства ГДР». Подчёркивались высокая отдача и снижение экономических издержек («заменяет на заготовке кормов 4 роторных косилки КИР-1.5, высвобождает 4 трактора и 3 механизаторов»), а также дешевизна отечественных комплектующих («в конструкции комбайна предусмотрены комплектующие изделия, серийно выпускаемые отечественной промышленностью, в том числе недефицитный дизель ЯАЗ-М206 ярославского объединения “Автодизель”»). Наконец, указывалось на местную специфику («острая потребность сельского хозяйства области в... технике, отвечающей особенностям работы в Нечерноземной зоне»[27]). Аналогичная аргументация имела место в другом письме первого секретаря — к заместителю председателя Совета министров СССР В.Н. Новикову. Обком докладывал, что «комбайны “Ярославец” полностью отвечают особенностям эксплуатации в неблагоприятных условиях Нечернозёмной зоны РСФСР», с акцентом на «острой потребности сельского хозяйства области в высокопроизводительной кормоуборочной технике» и возможности промышленных предприятий выпустить в 1980 г. 200—250 таких комбайнов. Отдельно сообщалось о том, что «имеются положительные отзывы от Подольской (г. Москва) и Северо-западной (г. Ленинград) машиноиспытательных станций Госкомсельхозтехники СССР»[28]. Обращает на себя внимание то, что письма отправились одновременно в Совет министров и в ЦК КПСС. Это обстоятельство подчёркивает дуалистический характер советской власти. Однако ключевую роль в системе управления играл именно ЦК — центр принятия и контроля всех важнейших политических и хозяйственных решений, а также осуществления кадровой политики[29].

Логично предположить, что действиями ярославцев руководил прагматический расчёт: инициативное создание нового технологического образца для аграрного сектора, да ещё во исполнение установок на обновление машинного парка, должно было вызвать положительную реакцию Москвы. И действительно, на первом этапе, спустя почти год после обращений, удалось добиться принципиального согласия. Выписка из протокола заседания президиума Совмина СССР от 5 сентября 1979 г., содержавшая сведения о государственном плане по экономическому и социальному развитию на 1980 г., гласила: «Отнестись одобрительно к предложению Ярославского обкома КПСС (т. Лощенкова) о выпуске на предприятиях Ярославской области высокопроизводительных самоходных кормоуборочных комбайнов “Ярославец”. Согласиться с предложением тт. Байбакова и Новикова об изготовлении в 1980 г. на этих предприятиях 100 указанных комбайнов и предусмотреть соответствующее задание в проекте плана»[30]. Из источника видно, что запуск технологической инициативы региона потребовал положительных резолюций ключевых фигур правительства (А.Н. Косыгина, В.Н. Новикова) и Госплана (Н.К. Байбакова).

---

[27] ЦДНИ ЯО, ф. 272, оп. 270, д. 512, л. 3.

[28] Там же, л. 6.

[29] «Проекты решений готовились в отделах Аппарата ЦК КПСС, а затем выносились на обсуждение директивных органов — Политбюро (Президиума) и Секретариата ЦК. Каждый отдел Аппарата ЦК КПСС подчинялся соответствующему “рабочему” секретарю, а тот — члену Политбюро, курировавшему определённый блок вопросов» (*Трегубов Н.А.* Аппарат партийного и государственного управления // Советская культурная дипломатия в условиях холодной войны. 1945—1989. М., 2018. С. 38—39).

[30] ЦДНИ ЯО, ф. 272, оп. 270, д. 512, л. 4.

О том, как происходила выработка проекта разрешающего документа, рассказывают интервью представителей региональной «верхушки». Так, С.Н. Овчинников, который в 1975—1987 гг. занимал пост заместителя председателя Ярославского облисполкома, детально описал длинный путь принятия положительного решения, который потребовал большого числа согласований различных ведомственных интересов: «Переговоры надо было вести в Госплане СССР... важно было установить тесный деловой контакт с чиновниками центрального аппарата в Москве». Среди них выделялся заведующий отделом Госплана И.И. Цветков — уроженец Углича Ярославской обл. Именно он подсказал список лиц, чьи визы нужно получить для ускоренного представления проекта. Затем документ направлялся председателю Госплана Байбакову, а после его одобрения подписывался председателем Совета министров. «На последнем этапе решению вопроса способствовал ещё один хороший знакомый нашего регионального руководства — заведующий отделом Совмина РСФСР Андриянов Андриян Николаевич. И только после получения всех виз председатель Совмина РСФСР М.С. Соломенцев решил выделить финансовые средства из резервного фонда Совмина»[31]. Благодаря усилиям региональной власти в 1979 г. на село поступили первые машины. 27 сентября руководство обкома докладывало: «Предприятия области в инициативном порядке на кооперированных началах в кратчайшие сроки освоили выпуск самоходных кормоуборочных комбайнов ЯСК-170 (“Ярославец”). В соответствии с выделенными на 1979 г. ресурсами первая партия машин в количестве 45 штук полностью изготовлены»[32].

Следующие этапы продвижения инициативы — выход на государственные испытания и организация серийного производства. Теперь требовалось обратить внимание на структуры, занятые в процедуре экспертизы и согласования. «Протокол совещания в Государственном комитете СССР по науке и технике» от 12 марта 1980 г., посвящённого испытаниям кормоуборочных комбайнов, даёт представление об основных акторах процесса. На совещании присутствовали представители союзно-республиканских отраслевых структур (по одному от Госплана, Министерства автомобильной промышленности, Государственного комитета по производственно-техническому обеспечению сельского хозяйства СССР, Министерства сельского хозяйства; по трое от Министерства машиностроения для животноводства и кормопроизводства СССР и Госкомитета по науке и технике) и заинтересованные стороны (представитель завода «Гомсельмаш» и трое от объединения «Автодизель»)[33]. Из письма Лощенкова к секретарю ЦК КПСС М.С. Горбачёву, курировавшему сферу сельского хозяйства, можно узнать о ещё одном важном участнике — Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук: «Президиум отделения ВАСХНИЛ по Нечернозёмной зоне РСФСР поставил вопрос перед Совмином РСФСР и Госкомитетом по науке и технике СССР о серийном производстве комбайна ЯСК-170»[34].

Как уже упоминалось, межведомственные испытания комбайна, проведённые на Подольской и Северо-западной машиноиспытательных станциях Госкомсельхозтехники, подтвердили его высокие эксплуатационные качества («лучшую приспособленность для работы на переувлажнённых полях в срав-

---

[31] *Никифоров Ю.С.* Новейшая отечественная история... С. 50.
[32] ЦДНИ ЯО, ф. 272, оп. 270, д. 512, л. 6.
[33] Там же, л. 37.
[34] Там же, л. 87.

нении с аналогичными машинами отечественного (КСК-100) и зарубежного (Е-281) производства»)[35]. Производительность ЯСК-170 на 25% превышала показатели аналогичных комбайнов, уже выпускавшихся серийно. В отличие от белорусских и восточногерманских конструкций, он с успехом применялся на переувлажнённых почвах, не разрушая поверхностного слоя и корневой структуры трав[36]. Колпаков также подтверждал необходимость новой модели для региона, указывая на количественные и качественные проблемы использовавшейся ранее продукции «Гомсельмаша»: «Нам выделялось по два комбайна в год и к тому же гомельский комбайн имел низкую проходимость и в дождливое лето “вяз” в наших полях»[37]. Благодаря столь лестным отзывам Ярославскому обкому удалось добиться включения комбайна в проект плана развития народного хозяйства СССР на 1981—1985 гг. Согласно постановлению Секретариата ЦК от 11 июня 1980 г. Госплану давалось поручение «рассмотреть совместно с Министерством сельского хозяйства, Госкомсельхозтехникой, Министерством машиностроения для животноводства и кормопроизводства, Министерством автомобильной промышленности предложение Ярославского обкома КПСС о производстве... ЯСК-170»[38].

Однако вскоре эта инициатива столкнулась с рядом неожиданных препятствий на уровне отраслевых структур союзно-республиканского центра. Комплексный сопоставительный анализ архивных документов и данных устной истории позволяет представить достаточно полную картину столкновения региональных и ведомственных интересов. Так, из интервью Колпакова можно сделать вывод, что отдельные чиновники чинили препятствия в силу «узких местнических интересов»: «Чтобы запустить серийное производство, надо было пройти государственные испытания. “Союзсельхозтехника” не была заинтересована в [этом]. Её возглавлял Л.И. Хитрун, отстаивавший интересы Гомельского завода, который выпускал подобные комбайны»[39]. Ответ на вопрос, почему руководитель «Союзсельхозтехники» поддерживал гомельцев, даёт, как представляется, изучение его биографии, выдающее тесную связь с управленческими и хозяйственными структурами Белорусской ССР. В них перед переходом в Москву Хитрун проработал более четверти века (1953—1979), пройдя путь от главного инженера МТС до председателя объединения «Белсельхозтехника» и заместителя председателя Совета министров республики. Логично предположить, что он стремился поддержать земляков, не пропуская потенциальных конкурентов. Сказанное органично укладывается в очерченную выше картину влияния факторов землячества и регионального лоббизма.

Архивные документы подтверждают сказанное Колпаковым. В письме Госкомсельхозтехники в Совет министров СССР «Об испытаниях самоходных кормоуборочных комбайнов повышенной проходимости» содержалась развёрнутая критика ярославского комбайна, предлагалось «сосредоточить внимание на скорейшей доработке комбайна КСК-100П (“Гомсельмаш”)»[40]. Такое же противодействие имело место со стороны Министерства тракторного и сель-

---

[35] Там же, л. 46.
[36] Там же, л. 3.
[37] *Никифоров Ю.С.* Новейшая отечественная история... С. 41.
[38] ЦДНИ ЯО, ф. 272, оп. 270, д. 512, л. 71.
[39] *Никифоров Ю.С.* Новейшая отечественная история... С. 41.
[40] ЦДНИ ЯО, ф. 272, оп. 270, д. 512, л. 29, 32.

скохозяйственного машиностроения[41]. В этой критической ситуации Лощенков обратился за защитой и поддержкой к Горбачёву, откровенно высказав недоумение по поводу противодействия: «Несмотря на то что Госкомитет СССР по науке и технике в марте 1980 г. по итогам испытания дал положительную оценку комбайна ЯСК-170 и рекомендовал продолжить его государственные испытания в 1980 г., Госкомсельхозтехника СССР в одностороннем порядке отказалась продолжать испытания»[42].

Вероятно, ключевую роль в дальнейшем продвижении «притормозившего» проекта обусловили личные контакты и деятельность региональных лоббистов — представителей региональной партийно-советской номенклатуры (первые и/или отраслевые секретари обкомов, заместители председателя облисполкомов, а также директора предприятий), которые периодически направлялись в центр для установления контактов, отстаивания местных интересов, продвижения проектов и выбивания лимитов. Одним из них выступал уже упомянутый Колпаков. Из его рассказа следует, что важное значение сыграл фактор землячества[43]: «Успеху дела поспособствовал наш земляк: референт зам. председателя Совмина СССР Вадим Владимирович Петров помог добиться встречи с зам. председателем Совмина СССР З.Н. Нуриевым»[44], которого удалось убедить в целесообразности и преимуществах ярославского проекта. Эти сведения нашли подтверждение в письме Лощенкова Горбачёву: «И только после вмешательства зам. председателя Совета министров СССР тов. Нуриева З.Н. поступило распоряжение Госкомсельхозтехники представить на испытание комбайн в 1981 г.»[45]. Интервью также раскрывает детали визита к Нуриеву, который, «разобравшись в ситуации, позвонил по “вертушке” главе “Союзсельхозтехники” Хитруну, потребовав в жёсткой форме принять комбайн на госиспытания. Хитрун был вынужден согласиться»[46]. Анализируя данный отрывок, хочу обратить внимание на по крайней мере два важных аспекта механизма решения проблемы: персональный (исход дела определили влияние и политический вес конкретного чиновника) и процедурный (задействование «телефонного права»).

После эпизода с влиятельным заместителем главы правительства комбайн отправили на лабораторно-полевые испытания. В жёстких условиях торфяных почв проверялись такие показатели, как скорость движения, производительность в час чистой работы, измельчение массы по длине резки, которые продемонстрировали высокие эксплуатационные качества. В заключениях ведомственных комиссий преобладало описание преимуществ ЯСК-170 в сравнении как с серийным, так и с модернизированным комбайном «Гомсельмаш»: «По весу на 1 200 кг, по удельному расходу топлива до 38%, по удельной металлоёмкости до 45%, по эксплуатационной производительности до 40%, по надёжности до 35%, по потерям при кошении трав — в 6 раз меньше; отсутствие дорогостоящей импортной гидростатической передачи, требующей импортного спецмасла». Подчеркивались и другие достоинства: «ЯСК-170 имеет зна-

---

[41] Там же, л. 108.

[42] Там же, л. 87—88.

[43] Характерная особенность регионального лоббизма в СССР — наличие неформальных земляческих группировок, через которые происходила «артикуляция региональных интересов, включая подбор кадров и распределение ресурсов» (*Меньшенина Н.Н.*, *Пантелеева М.В.* Лоббизм. С. 52—53).

[44] *Никифоров Ю.С.* Новейшая отечественная история... С. 41.

[45] ЦДНИ ЯО, ф. 272, оп. 270, д. 512, л. 88.

[46] *Никифоров Ю.С.* Новейшая отечественная история... С. 41—42.

чительно бóльшую проходимость», «в конструкции применена рациональная пневматическая схема привода рабочих органов», «более высокий КПД», «лучший товарный вид... в сравнении с серийно выпускаемым КСК-100», «меньшая энергоёмкость технологического процесса», «механическая трансмиссия с меньшими потерями мощности», «лучшая обзорность рабочих органов»[47].

Итак, благодаря применению неформальных каналов влияния ярославский комбайн был направлен на госиспытание и, казалось бы, вышел на следующий этап — серийное производство. Однако архивные документы свидетельствуют, что в течение практически всего 1981 г. периодически возникали бюрократические и ресурсные проблемы, препятствовавшие его полному запуску. Причём проблемы могли вызываться не только противодействием чиновников и лоббистов из других регионов, но и системной проблемой с плановыми заданиями, которые пришлось бы пересматривать. Это обстоятельство, тормозившее внедрение любых технических новшеств, затрагивали в работах известные экономисты Д.В. Валовой, И.Я. Бирман, Н.П. Шмелёв[48].

С одной, чисто формальной стороны, по словам Лощенкова, имело место затягивание времени контролирующими органами («продолжить изготовление комбайна мешало отсутствие окончательного заключения по госиспытаниям комбайна... потерян целый год»). С другой, объективной стороны, существовали серьёзные проблемы в комплектовании модели: «До настоящего времени Госкомсельхозтехникой и Минвнешторгом СССР неполностью решён вопрос о комплектовании комбайна жатками и прессподборщиками производства ГДР. Из 250 комбайнов укомплектовано только 30»[49]. Данный сюжет, неизменно сопровождавший технологические проекты в позднем СССР, очень важен для понимания общей картины принятия управленческих решений. Этот процесс связан с большим числом обращений в высшие органы власти. Сам характер экономики 1970—1980-х гг. получил удачное определение «экономика согласований или “бюрократический рынок”»[50]. Так, ещё в письме 1979 г. Косыгину Лощенков добивался выделения для региона новых лимитов и ресурсов, в том числе комплектующих деталей: «Ярославский обком КПСС убедительно просит вас, уважаемый Алексей Николаевич, дать указания Госплану и Госснабу СССР об обеспечении изготовления комбайнов металлом и необходимыми комплектующими изделиями отечественного производства, а также жатками Е-286 производства ГДР». Похожую просьбу содержало письмо Новикову с ходатайством о дополнительных поставках дефицитных материалов и комплектующих: «Согласно предварительной договорённости с Вами направляем перечень необходимых комплектующих изделий, узлов, деталей и материалов, распределённых по министерствам-поставщикам»[51]. В более позднем письме (от 15 апреля 1980 г.) Лощенков снова просил Новикова «дать указание Госплану и Госснабу СССР включить в проект плана на 1981 г. Минавтопрому выпуск 250 комбайнов с обеспечением их металлом и всеми комплектующи-

---

[47] ЦДНИ ЯО, ф. 272, оп. 270, д. 512, л. 30, 101, 106.

[48] *Бирман И.* Экономика недостач. N.Y., 1983; *Валовой Д.В.* Экономика в человеческом измерении (очерки, размышления). М., 1988; *Валовой Д.В.* Экономика абсурдов и парадоксов. М., 1991; *Валовой Д.В.* От застоя к развалу. М., 1991; *Шмелёв Н.П.*, *Попов В.В.* На переломе: экономическая перестройка в СССР. М., 1989.

[49] ЦДНИ ЯО, ф. 272, оп. 270, д. 512, л. 88.

[50] *Найшуль В.А.* Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину. М., 1991.

[51] ЦДНИ ЯО, ф. 272, оп. 270, д. 512, л. 3, 6.

ми... выделить ресурсы целевым назначением Ярославскому объединению “Автодизель” на 1-е полугодие с равномерной разбивкой по кварталам. Перечень необходимых комплектующих, распределённых по министерствам-поставщикам, прилагается»[52]. Интересная деталь последних двух писем — наличие рукописной пометки «только адресату», указывающей на личную договоренность как решающий фактор в решении ресурсного вопроса. Сами же обращения выявляют основные способы получения ресурсов (по сути единственный — командно-административный: «дать указание») и властные структуры, связанные с их распределением (Госплан и Госснаб). Кроме того, из них явствуют проблемы отечественной промышленности, не способной полностью обеспечить готовящуюся к производству модель деталями.

Но на этом «согласования» не завершились. 30 мая 1980 г. Госснаб направил в правительство СССР письмо «О дополнительном выпуске в 1980 г. 100 самоходных кормоуборочных комбайнов ЯСК-170 “Ярославец”», в котором информировал, что «изыскана возможность обеспечить дополнительное производство этих комбайнов большинством необходимых комплектующих изделий, выпускаемых предприятиями Минавтопрома, Минсельхозмаша, Минживмаша и Миннефтехимпрома СССР». Основная проблема с обеспечением ярославского комбайна деталями заключалась в получении дефицитных жаток из ГДР, что обусловило подключение к решению вопроса ещё двух отраслевых структур — Министерства внешней торговли и «Тракторэкспорта». Собственно говоря, сущность письма и сводилась к переводу ответственности за недопоставку комплектующих на эти структуры: «Представляется целесообразным поручить Минвнешторгу ускорить решение вопроса и о результатах доложить Совету министров СССР»[53]. Надо сказать, что Лощенков ещё в письме от 19 марта обратился к заместителю министра внешней торговли СССР Н.Д. Комарову с просьбой о закупке в ГДР 250 жаток и 250 подборщиков[54].

В результате в письме Горбачёву Лощенкову пришлось фактически просить оказать давление на центральные органы власти: «Информируя ЦК КПСС о состоянии дел по изготовлению... ЯСК-170, приспособленного к условиям Нечернозёмной зоны РСФСР, обком КПСС просит Вас поручить Госплану СССР на основе сложившейся кооперации включить в план социального и экономического развития на 1982 г. и 11 пятилетку изготовление на предприятиях области 250 комбайнов ЯСК-170 ежегодно». В этом и других рассмотренных ходатайствах встречаются одни и те же характеристики и эпитеты: высокопроизводительный, приспособленный к Нечерноземью, сложившаяся кооперация. Как представляется, это не случайно. Подобные композиция и язык письма призваны были показать не только эффективность лоббируемой модели и её связь с генеральной линией центра (решения XXV и XXVI съездов КПСС, «Программа по развитию Нечерноземья»[55]), но и убедить центр в фактической завершённости проекта, которому не хватало лишь минимальных ресурсов. Обращая внимание на особенности языка бюрократических обращений, стоит отметить и ряд иных клише, «кочевавших» из одного письма

[52] Там же, л. 54.
[53] Там же, л. 50.
[54] Там же, л. 33.
[55] См.: Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976; Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981; Комплексная программа развития Нечерноземья. М., 1977.

в другое: указание на инициативный характер проекта и острые потребности нечернозёмных регионов в технике для сельского хозяйства, подчёркивание досрочного выполнения социалистических обязательств трудящимися региона, а также постоянное славословие в адрес ЦК КПСС и лично генерального секретаря («Руководствуясь указаниями товарища Леонида Ильича Брежнева о создании высокопроизводительной техники»[56]).

Несмотря на все ресурсные и бюрократические проблемы, в течение 1979—1980 гг. хозяйства Ярославской обл. получили 245 комбайнов ЯСК-170[57]. Формальное окончание бюрократической эпопеи относится к 1982 г. Из интервью Толстоухова известно, что в июне 1982 г. в Ярославль на пленум обкома приехал Горбачёв, которому «комбайн понравился»[58]. Можно предположить, что этот фактор также сыграл роль в закреплении его серийного производства. Однако далее руководство области, в течение почти четырёх лет боровшееся за продвижение своей инициативы, столкнулось с неожиданной проблемой. Союзно-республиканские министерства, оценив высокие характеристики комбайнов, начали активно перераспределять их в другие регионы[59], чем вызвали праведный гнев обкома. Лощенков направил в ЦК КПСС письмо «О распределении кормоуборочных комбайнов ЯСК-170 “Ярославец”», в котором возмущённо писал: «Нас крайне удивляет, что Министерство сельского хозяйства РСФСР выдало разнарядку на выпускаемые комбайны другим областям, не поинтересовавшись мнением Ярославского обкома КПСС и Ярославского облисполкома. Такие действия могут убить любую разумную инициативу»[60]. Он просил рассмотреть вопрос «об отмене этого ошибочного решения».

Региональный руководитель открыто, жёстко и достаточно дерзко выразил недовольство действиями республиканского ведомства, что наводит на ряд размышлений и допущений. Вероятно, тон письма может свидетельствовать о высоком личном авторитете первого секретаря в высших эшелонах власти СССР. Об этом вспоминали его близкие сотрудники, например помощник В.В. Величко, утверждавший, что «влияние Лощенкова было настолько велико, что по телефону спецсвязи (ВЧ) он мог легко связаться, и мы это видели, с любым руководителем страны»[61]. В то же время характерен полученный обкомом и облисполкомом пространный ответ Министерства (7 февраля 1983 г.), в котором содержался вежливый, снабжённый бюрократическими клише отказ: «В связи с Вашим письмом о неправомерности распределения кормоуборочных комбайнов ЯСК-170 Министерство сельского хозяйства РСФСР сообщает, что, учитывая инициативу области по организации их производства, в течение четырёх лет весь выпуск указанных машин оставался в Ярославской области, кроме того, колхозам и совхозам выделялись из централизованных фондов кормоуборочные машины отечественного и зарубежного производства... дополнительно выделялись тракторы Т-150К с прицепами... Министерство учло это и выде-

---

[56] ЦДНИ ЯО, ф. 272, оп. 270, д. 512, л. 45—46.

[57] *Рутковский М.А.*, *Рутковская Л.М.* Полвека ярославской экономики... С. 49.

[58] *Никифоров Ю.С.* Новейшая отечественная история... С. 62.

[59] Т.П. Колпаков подчёркивал ценность модели: «Комбайн “ЯСК-170” был настолько хорош, что его просили из других областей: на наш комбайн можно было выменять любую технику у соседних областей» (*Никифоров Ю.С.* Новейшая отечественная история... С. 42).

[60] Там же, л. 109.

[61] *Никифоров Ю.С.* Новейшая отечественная история... С. 12.

лило Ярославской области на 1983 г. 114 комбайнов ЯСК-170 и 6 КСК-100»[62]. Этот «обмен уколами» указывает на существование в позднем СССР серьёзных противоречий между отраслевыми и региональными интересами, которые описаны в мемуарах отдельных местных хозяйственных руководителей[63].

Как бы то ни было, «ярославский образец комбайна был признан лучшим и был дан зелёный свет на его производство. За 14 лет произвели 1 400 машин (по 100 комбайнов в год)». Успешное госиспытание ЯСК-170 стало, по мнению Колпакова, ярким примером лоббирования региональных интересов в сфере сельского хозяйства[64]. Однако с распадом СССР начались проблемы с финансированием и нарушились связи между предприятиями, участвовавшими в кооперации по его производству, поэтому выпуск комбайна прекратился.

Обобщая, можно выделить три этапа принятия решений в отношении регионального технологического проекта. Первый — достижение официального одобрения инициативы и включение её в проект хозяйственного плана. На этом уровне важно было добиться принципиального согласия и положительных резолюций со стороны ключевых фигур правительства и Госплана. Для этого, с одной стороны, вырабатывалась соответствующая аргументация, призванная убедить в целесообразности проекта. Она включала в себя обязательную идеологическую компоненту (ссылка на связь региональной инициативы с решением центрального партийного и/или советского органа власти), акцент на преимущества новой модели перед конкурентами (высокий КПД, существенное снижение затрат в виде экономии техники и рабочей силы, дешевизна отечественных комплектующих), указание на положительные экспертные заключения и «острые потребности» региона, связанные с местной спецификой. С другой стороны, подключались неформальные рычаги влияния: фактор землячества, установление тесного делового контакта с рядовыми чиновниками центрального аппарата, поиск лиц, чьё одобрение требовалось для ускоренного представления проекта, и получение от них непосредственного письменного согласования. Результатом первого этапа должно было стать включение инициативы в проект очередного плана развития народного хозяйства СССР. Для этого требовались положительные заключения ключевых структур высшей советской и партийной власти — президиума Совета министров СССР и Секретариата ЦК КПСС. Таким образом, формальный механизм принятия решения высшим руководством страны носил дуалистический характер.

Второй этап — успешное прохождение государственных испытаний. В это время проект мог столкнуться с препятствиями на уровне отраслевых структур союзно-республиканского центра. Они обусловливались такими факторами, как интересы отдельных чиновников, пересечение региональных и ведомственных

---

[62] ЦДНИ ЯО, ф. 272, оп. 270, д. 512, л. 66.

[63] Многолетний директор Рыбинского авиазавода П.Ф. Дерунов вспоминал характерный эпизод из производственной практики: «В одно время с нами пермские конструкторы занимались разработкой нового высокотемпературного двигателя... Респектабельная среда конструкторов воспринимала нас как дебоширов, которые дерзко вторглись в их заповедную сферу и возмутили спокойствие своими самодеятельными проектами... Противники модернизированного двигателя добились запрета дальнейшей работы над ним... Из-за несовершенства механизма взаимоотношений между разработчиком и серийным производством, разобщённости их интересов надежды объединения на модернизацию двигателей для самолёта ИЛ-62М не сбылись» (*Дерунов П.Ф.* Моторостроители. Рыбинск, 1998. С. 72—73).

[64] *Никифоров Ю.С.* Новейшая отечественная история... С. 41.

интересов, откровенное игнорирование и саботаж, бюрократизм. В ходе анализа источников выделены два механизма разрешения этих проблем. Во-первых, использование патрон-клиентских отношений (обращение первого секретаря обкома за поддержкой к секретарю ЦК КПСС). Во-вторых, «выход» региональных лоббистов уже не на рядовых чиновников, а непосредственно на уровень высших руководителей правительства. В качестве конкретных инструментов преодоления бюрократических проблем выступали каналы неформального влияния: фактор землячества, персональный аспект (влияние и политический вес конкретного представителя руководства) и процедурный аспект («телефонное право»).

Наконец, третий этап — запуск серийного производства новой технологии. Здесь возникали свои бюрократические и ресурсные проблемы. Противоречия между отраслевыми и региональными интересами, а также «неповоротливость» контролирующих органов и управленческих структур (Госснаб + сопутствующие министерства) обусловливали существенные временные издержки в реализации проекта. Основной задачей региональных властей в этих условиях оказывалась борьба за выделение новых лимитов и дополнительных ресурсов, прежде всего комплектующих деталей. Попытки решить ресурсно-технологические проблемы посредством ходатайств в соответствующие ведомства очень часто наталкивались на «перевод ответственности» с одной отраслевой структуры на другую. И снова решающим фактором в решении ресурсных вопросов оказывалась личная договорённость с высокопоставленным лицом на союзно-республиканском уровне.

Таким образом, в ракурсе феномена регионального лоббизма посредством сравнительно-сопоставительного анализа архивных документов и данных устной истории удалось реконструировать некоторые ключевые механизмы принятия технологических решений в позднем СССР, выявить длинную цепочку бюрократических звеньев на пути принятия и проведения в жизнь положительного решения, которые нередко замедляли его осуществление и снижали его эффективность.

«Здесь кровью полит каждый метр...»: Рассказы участников освобождения Крыма. 1943—1944 гг.

Изучение Великой Отечественной войны — одно из ведущих направлений в современной российской исторической науке. В последние десятилетия учёные активно расширяют информационную базу исследований, открывают для себя новые виды источников. И в первую очередь их внимание привлекают документы личного происхождения: воспоминания, дневники, интервью и т.д. В числе «открытий» последнего времени — фонды Комиссии по истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. АН СССР или, как её обычно называют, Комиссии Минца. В них хранятся интервью, проведённые с военнослужащими разных званий и родов войск в конце войны и сразу после неё. На основе этих материалов уже вышли несколько публикаций, подготовленных как отечественными, так и зарубежными историками. Последняя на данный момент — сборник бесед с участниками боёв за Крым[1], в первую очередь — наступательной операции 1943—1944 гг., завершившейся освобождением полуострова.

Источники личного происхождения — материал сколь ценный, столь и спорный. Каждый вид такого рода источников имеет и преимущества, и недостатки, объясняющиеся как обстоятельствами, не зависящими от их создателя (общественно-политическая обстановка и т.п.), так и «человеческим фактором». Составители сборника акцентируют тот факт, что использованные ими интервью взяты «по горячим следам» и, таким образом, сохраняют непосредственность восприятия участников боевых действий, свободны от идеологических установок и прочих неизбежных «наслоений времени». Повседневность войны отражена в них особенно ярко и остро. Однако действительно ли этот источник так надёжен? Каков его информационный потенциал, можно ли полагаться на содержащиеся в нём сведения и данные, какие ловушки могут поджидать исследователя, обратившегося к нему? Действительно ли рассказы бойцов и командиров о совсем ещё свежих в памяти событиях свободны от недостатков свидетельств, созданных спустя значительный промежуток времени?

Эти, а также многие другие вопросы и темы (значение такого явления, как «устная история», возможности реконструкции обстановки, в которой проходили боевые действия, и т.д.) поднимают в своих откликах участники обсуждения данной книги. В их числе — доктора исторических наук О.В. Будницкий (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»), Е.Ф. Кринко (Южный научный центр РАН), О.В. Романько (Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского), Е.С. Сенявская (Институт российской истории РАН), кандидат исторических наук А.Ю. Безугольный (Институт военной истории Министерства обороны РФ).

Материал подготовлен В.Н. Кругловым

[1] «Здесь кровью полит каждый метр...»: Рассказы участников освобождения Крыма. 1943—1944 гг.: сборник документов / Отв. ред. С.В. Журавлёв; Сост.: А.Г. Гуськов, К.С. Дроздов, С.В. Журавлёв, В.Н. Круглов, Д.Д. Лотарева, Ж.Я. Рахаев, В.В. Тихонов. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 592 с., ил.

Олег Романько: Крымская весна 1944-го: новые документы и факты

Oleg Romanko (V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia): Crimean Spring of 1944: new documents and facts

DOI: 10.31857/S086956870015471-9

О Крыме в период боевых действий и немецкой оккупации выпущено уже много документальных публикаций. Однако данная является во многом уникальной. Впервые события накануне и во время освобождения полуострова показаны в рамках устной истории, через записанные по горячим следам воспоминания военнослужащих разных званий и специальностей.

Сборник открывается обстоятельным введением, в котором составители показывают исторический контекст описываемых событий (с. 11—54). Далее помещены два раздела с интервью участников десантных операций на Керченском полуострове в октябре 1943 — январе 1944 г. (с. 57—242) и наступательной операции апреля—мая 1944 г. (с. 245—474). В заключении дано небольшое приложение, где опубликованы немецкие трофейные документы, а также интервью С.И. Черкеза — одного из участников партизанского движения на территории Крыма (с. 477—537).

Информационный потенциал представленных документов довольно велик и касается почти всех сторон описываемых событий. Так, они определённо свидетельствуют, что именно военно-политическое и стратегическое значение региона обусловило ожесточённый характер борьбы за него на протяжении всей войны. Владея им, военно-политическое руководство нацистской Германии решало сразу несколько важных задач. Во-первых, оно контролировало практически всю акваторию Чёрного моря и оказывало давление на позицию Румынии, Болгарии и Турции. Во-вторых, Крым являлся удобным плацдармом для возможного вторжения на территорию Кавказа. Наконец, сильная немецкая группировка стабилизировала всё южное крыло Восточного фронта.

Из материалов нового сборника можно вычленить ряд особенностей военно-политической ситуации вокруг Крыма на рубеже 1943—1944 гг. Почти все, с кем беседовали члены Комиссии по истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. АН СССР, утверждали, что к осени 1943 г. советские войска уже безоговорочно владели стратегической инициативой. Южный фронт генерал-лейтенанта Ф.И. Толбухина готовился к прорыву «Восточного вала» на р. Молочной (Приазовье), который прикрывал Крым с севера. Северо-Кавказский фронт генерал-полковника И.Е. Петрова очистил от противника Таманский полуостров и вышел на подступы к Керченскому проливу. В итоге Ставка Верховного Главнокомандования отдала приказ о проведении десантной операции для захвата плацдармов на полуострове. О перипетиях этих событий идёт речь в первом разделе.

Многие современные историки отмечают, что план высадки десантов отличался прямолинейностью и не содержал тактических хитростей, так как у советского командования на тот момент имелись все основания считать, что немцы оборонять Крым не будут. Данные разведки, а также допросы немецких военнопленных свидетельствовали о панических настроениях в рядах противника и даже подготовке эвакуации. Действительно, 24 октября 1943 г. командующий оборонявшей полуостров 17-й полевой армией генерал-полковник Э. Йенеке представил в штаб группы армий «А» план эвакуации за Днепр под кодовым названием «Михаэль». Командующий группой гене-

рал-фельдмаршал Э. фон Клейст попытался получить у А. Гитлера разрешение на эту операцию. Однако фюрер категорически отказал, приказав превратить Крым в неприступную крепость. В результате ни советское наступление на Перекопском перешейке, ни морские десанты на Керченском полуострове к долгосрочному успеху не привели.

В сборнике приведено довольно много свидетельств представителей фронтовой разведки, указывавших на значительный потенциал вражеской группировки. Немецко-румынские войска насчитывали чуть более 200 тыс. солдат и офицеров, имели 3 600 орудий и минометов, 215 танков и штурмовых орудий и 148 самолетов. На Перекопском перешейке располагались три сильные оборонительные полосы глубиной в 35 км. Их занимал 49-й горный корпус с приданными ему румынскими соединениями. На Керченском полуострове находился 5-й армейский корпус, занимавший четыре оборонительные линии, простиравшиеся до Ак-Монайских позиций. Побережье обороняли менее боеспособные румынские войска — 1-я и 2-я горнострелковые и 9-я кавалерийская дивизии. С моря немецкие позиции прикрывал небольшой флот, корабли которого базировались в портах Крыма и Румынии. При этом документы позволяют понять разницу в боевом и морально-психологическом настрое немецких и румынских войск, указывая на полную деморализацию последних.

Известно, что от 10 до 15% вражеской группировки составляли формирования из числа советских граждан. Не меньше коллаборационистов работало в гражданских структурах оккупационной администрации. К сожалению, в сборнике почти не представлена информация об этой стороне войны, хотя немцы, наряду с действиями на линии фронта, также предприняли ряд важных шагов, призванных стабилизировать тыл. Сначала они попытались окончательно уничтожить партизанское движение. Для этого части 17-й армии и полицейские формирования на рубеже 1943—1944 гг. провели «большой прочёс». В ходе него партизаны понесли значительные потери, однако сохранили основные силы, что позволило им сыграть существенную роль в освобождении Крыма.

Когда стало ясно, что полуостров придётся оборонять, оккупационные власти развернули большую пропагандистскую кампанию с целью привлечь на свою сторону основную массу населения. Первоначально они планировали свести пропагандистские усилия к разъяснению тезиса, призванного заставить задуматься почти всех крымчан: что их ждёт в случае возвращения большевиков. Наконец, незадолго до наступления Красной армии оккупанты решили коренным образом преобразовать систему взаимоотношений с местными жителями. В январе 1944 г. Йенеке приказал начать подготовку к созданию «земельного правительства», которое функционировало бы под надзором оккупационной администрации. В него следовало включить представителей основных этнических групп — крымских татар, русских и украинцев. В компетенцию этого органа планировалось передать руководство гражданской властью, командование частями вспомогательной полиции, вопросы, касающиеся религии и просвещения, благотворительность и судопроизводство. На что надеялся Йенеке в условиях полного окружения, понять сложно. Также видно, что пропаганды в приказе было больше, чем понимания ситуации. Тем не менее уже к марту местная администрация оказалась переформатирована согласно этому плану.

И приказы немецкого военно-политического руководства, и действия командования 17-й армии свидетельствуют, что наступление с крымского плацдарма уже не планировалось. Документы сборника показывают, что это хорошо

понимало и советское руководство, и младшие командиры, и рядовые бойцы. Полностью изолированная вражеская группировка могла только сковывать значительные силы советских войск, являясь для них постоянной угрозой. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов и политический фактор. Союзники Германии — Румыния и Болгария — должны были видеть, что она ещё представляет собой военную силу. В любом случае к концу марта 1944 г. Крым фактически являлся уже глубоким тылом, и вывести войска из него сухопутным путём не представлялось возможным. Советскому наступлению мешали главным образом неблагоприятная погода и отсутствие нормальной переправы на севере полуострова. Этого мнения придерживались почти все, с кем беседовали члены комиссии.

Второй раздел сборника посвящён непосредственно освобождению Крыма. Оно осуществлялось войсками 4-го Украинского фронта под командованием теперь уже генерала армии Ф.И. Толбухина. Главный удар планировался на севере полуострова, через озеро Сиваш силами 51-й армии генерал-лейтенанта Я.Г. Крейзера. На Перекопском перешейке предполагался вспомогательный удар силами 2-й гвардейской армии под командованием генерал-лейтенанта Г.Ф. Захарова. Удар через Сиваш был намного сложнее, но командование полагало, что немцы расположат основные силы на Перекопе. Кроме того, в случае успеха войска выходили в тыл 49-му немецкому горному корпусу, что позволяло быстрее вырваться на оперативный простор. Через несколько дней после начала основной операции переходила в наступление Отдельная Приморская армия под командованием генерала армии А.И. Ерёменко. Предполагалось, что, наступая вместе, три армии уничтожат или пленят живую силу противника и не дадут ей отступить в Севастополь.

В то же время интервьюируемые понимали: за Крым предстоит упорная борьба. Поэтому командование сосредоточило для его освобождения значительную ударную группировку. Всего в соединениях 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии насчитывалось около 470 тыс. человек, 5 982 орудия и миномета, 559 танков и самоходных установок, 1 250 самолётов (с учётом авиации Черноморского флота). Войска имели до четырёх боекомплектов боеприпасов основных калибров, около пяти заправок горюче-смазочных материалов и запасы продовольствия более чем на 18 суток. По личному составу, артиллерии и танкам советские войска превосходили немцев и румын почти в 2 раза, а по авиации — в 4. К сухопутным добавлялись значительные морские силы. В состав Черноморского флота и Азовской военной флотилии входили линейный корабль, 4 крейсера, 6 эскадренных миноносцев, 2 сторожевых корабля, 8 базовых тральщиков, 47 торпедных и 80 сторожевых катеров, 34 бронекатера, 29 подводных лодок, 3 канонерские лодки и другие вспомогательные суда.

Крымскую наступательную операцию принято делить на три этапа. На первом из них (8—11 апреля) решались задачи по прорыву обороны на Перекопе и Сиваше, выходу в тыл 49-му корпусу и захвату Джанкоя — главного опорного пункта вражеского фронта. После того, как в прорыв вошёл 19-й танковый корпус, немецкому командованию стало ясно, что удерживать позиции на севере бессмысленно. Поэтому второй этап (11—16 апреля) заключался в преследовании отступающих к Севастополю войск противника. За эти дни были освобождены все крупные населённые пункты полуострова, а армии 4-го Украинского фронта вышли к внешнему обводу Севастопольского оборонительного

района. После этого начался третий этап — подготовка и осуществление штурма города.

В документах сборника подробно описано, почему не удалось освободить Севастополь уже в апреле. С начала операции общие потери советских войск составили более 31 тыс. человек (из них почти 7 тыс. убитыми). Практически во всех соединениях имелся недостаток боеприпасов и горючего. Поэтому все попытки взять город с ходу потерпели неудачу. 16 апреля Йенеке доложил в Берлин, что отход в Севастополь удалось завершить благополучно, а советские войска отстали. Командующий посчитал это успехом, даже несмотря на то, что численность вверенных ему войск сократилась практически наполовину — до 124 тыс., а от количества орудий и противотанковых средств остались соответственно треть и четверть. И всё это произошло практически за неделю боёв. Командующий группой армий «Южная Украина» генерал-полковник Ф. Шёрнер попытался получить у Гитлера приказ на эвакуацию остатков 17-й армии из Севастополя, однако тот снова отказал. Тем не менее эвакуация началась явочным порядком ещё 12 апреля, и до 20-го числа вывезли 67 тыс. человек, главным образом румын. Документы сборника фиксируют, что немецкие солдаты, попавшие в плен ещё до штурма Севастополя, говорили об эвакуации союзников с явным раздражением.

Следует отметить, что Йенеке понимал всю пагубность обороны и поэтому продолжал настаивать на всеобщей эвакуации. Однако Гитлер требовал не оставлять город, объясняя это уже даже не военной целесообразностью, а соображениями престижа. 30 апреля он отстранил генерал-полковника от командования, а на его место назначил бывшего командующего 5-м армейским корпусом генерала пехоты К. Альмендингера. Тот обратился к войскам с воззванием, в котором призвал «защищать каждую пядь Севастопольского плацдарма», и это дало эффект. Практически все советские бойцы и командиры отмечали, что значительное количество немецких частей держались до последнего.

К началу боёв войска стояли перед обороной немцев в таком порядке (с севера на юг): 2-я гвардейская армия, 51-я армия и Отдельная Приморская армия. Штурм начался 5 мая и продолжался неделю. В результате вражеская группировка оказалась разгромлена, а её остатки пленены на мысе Херсонес.

Значительную помощь войскам оказывали партизаны, которых на начало апреля 1944 г. насчитывалось почти 3 700 человек в трёх соединениях. Командование поставило перед Крымским штабом партизанского движения задачу действовать на коммуникациях 17-й армии, мешать передвижению её частей, нарушать связь и управление войсками, срывать работу Ялтинского порта. Партизаны даже несколько «расширили» указание, вступая в боестолкновения с противником. 13 апреля бригады Северного соединения (командир П. Ямпольский) с боем вошли в Симферополь. Здесь они совместно с подпольщиками организовали охрану зданий, мостов и других важных объектов, подготовленных к уничтожению. Немного позже подоспела подвижная группа 19-го танкового корпуса, которая с их помощью полностью очистила город от немцев. В дальнейшем партизаны выполняли функции охраны порядка и фактически представляли власть до прихода официальных органов. Отряды Восточного соединения (командир В. Кузнецов) 11 апреля самостоятельно захватили Старый Крым, чтобы препятствовать отходу частей 5-го армейского корпуса с Керченского полуострова. Партизаны Южного соединения (командир М. Македонский) спасли от разрушения Ялту и порт, не дали уничтожить

дворцы на Южном берегу. После освобождения полуострова многие партизаны вступили в ряды действующей армии и громили врага уже в её рядах. К сожалению, за редким исключением, в рецензируемом сборнике крайне мало информации об этой стороне освобождения Крыма.

Операция завершилась полным разгромом 17-й армии. Только на суше её потери составили порядка 140 тыс. человек, в том числе свыше 61 тыс. пленными, также она лишалась всей своей техники. Советские войска и силы флота потеряли чуть более 17 тыс. человек убитыми и 67 тыс. ранеными. Разгром крымской группировки противника привёл к ликвидации последнего вражеского плацдарма, угрожавшего тылу действовавших на Правобережной Украине фронтов и создал благоприятные условия для дальнейшего наступления на Балканы.

При этом большинство тех, с кем беседовали члены комиссии, сошлись во мнении, что эти события показали, как изменилась Красная армия за два прошедших года. Фактически это была уже другая армия — и по вооружению, и по материально-техническому оснащению, и по организационной структуре войск, и по управлению ими в операции. Немцы воевали за Крым почти полтора года. Советским войскам потребовалось всего 35 дней, чтобы взломать мощные укрепления противника. Наконец, следует отметить символическое значение операции. Освобождение полуострова (и особенно Севастополя) сопровождалось героизмом и самопожертвованием, прочно вошедшим в историческую память народа.

Таким образом, опыт издания сборника можно признать успешным. История Великой Отечественной войны на территории Крыма, несмотря на уже проделанную работу, всё ещё нуждается в документальных публикациях, прежде всего в «эго-источниках». Актуальность данного издания, оформленного в строгой академической манере, также не вызывает сомнений — составляющие его документы впервые вводятся в научный оборот и имеют значительный информационный потенциал для дальнейших исследований.

Олег Будницкий: Революция памяти: устная история Великой Отечественной войны*

Oleg Budnitskii (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia): Revolution of memory: An oral history of the Great Patriotic War

DOI: 10.31857/S086956870015472-0

Написать полноценную историю Великой Отечественной войны, опираясь только на официальные материалы, пусть даже не предназначенные для публикации и хранящиеся в архивах, невозможно. В особенности это касается социальной истории войны, идёт ли речь о фронте, тыле или оккупированных территориях. Без источников личного происхождения здесь не обойтись, более того, на мой взгляд, они играют во многих случаях ключевую роль. К сожалению, относительно создания и сохранения такого рода источников упущены десятилетия. Сотни, если не тысячи, мемуарных текстов, опубликованных в советское время, по большей части не слишком полезны для историка, в особенности если речь идёт о социальной истории войны. Они могут быть

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

интересны разве что для исследователей «политики памяти». Тексты проходили многоступенчатую редактуру, тщательно цензурировались и унифицировались. Исключения встречались[2], но они редки. Добавлю, что воспоминания ветеранов почти всегда записывались «литературными неграми». Иногда имена последних обозначались в выходных данных, иногда нет, но в целом процесс создания воспоминаний, преимущественно генералов и маршалов, проходил именно таким образом.

Кроме того, власти препятствовали не просто публикации, но даже сохранению стихийно записывавшихся воспоминаний. Характерна история с предложением К.М. Симонова о создании хранилища «солдатских мемуаров». В 1979 г. он, секретарь Союза писателей СССР и член Центральной ревизионной комиссии КПСС, предложил создать такой архив. Воспоминания предполагалось собирать не для публикации, а с тем, чтобы они, не подлежащие печати по причине их литературной беспомощности, но всё же содержащие информацию, которая может пригодиться будущим историкам, не пропали. Материалы планировалось хранить при Центральном архиве Министерства обороны. Это предложение вызвало категорический протест тогдашних начальников Генерального штаба и Главного политического управления Советской армии. Мотивом стало нежелание плодить разногласия во взглядах на историю войны, а на деле — не допускать трактовок или сведений, отличных от официальных. В итоге Симонов получил ответ из ЦК, что заниматься сбором воспоминаний бывших солдат нецелесообразно[3].

Ситуация радикально изменилась в 1990-х гг. В республиках бывшего СССР произошла не только «архивная революция» — случилась «революция памяти». Опубликованы сотни, если не тысячи воспоминаний, в редких случаях написанных в советское время «в стол», но в основном созданных на волне пересмотра официальной истории. С ветеранами войны записывались интервью, делали это преимущественно энтузиасты изучения военной истории, историки-любители[4]. Проблемы с интервьюированием ветеранов очевидны. Во-первых, опрашивались дожившие до конца XX — начала XXI в., тогда как подавляющее большинство ушедших так и остались безмолвными. Во-вторых, интервью давали совсем не те люди, какими они были полвека или более тому назад, — кроме естественной аберрации памяти на рассказах сказывались жизненный опыт, прочитанное, услышанное и увиденное. К тому же они невольно стремились следовать установившемуся канону. Наконец, интервью не всегда брались на профессиональном уровне; они нередко редактировались, причём иногда без оговорок.

С учётом этих обстоятельств становится понятным, какую ценность представляют более 4 тыс. интервью, записанных буквально по горячим следам событий в ходе войны или сразу после её окончания. Причём записанных профессиональными историками. Речь идёт о деятельности Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, чаще именуемой «комиссией Минца» по имени её главы и неутомимого «мотора».

---

[2] *Ерёменко А.И.* В начале войны. М., 1964; *Горбатов А.В.* Годы и войны. М., 1965; *Симонов К.М.* Разные дни войны. В 2 т. М., 1977—1978.

[3] «Вряд ли правомерно начинать кампанию по сбору воспоминаний участников войны» (Реакция ЦК КПСС на письмо писателя К. Симонова, 1979 г.) // Источник. 2000. № 2. С. 45.

[4] См., например, сайт «Я помню» (URL: http://iremember.ru/).

В ограниченном масштабе документы Комиссии стали доступны исследователям в середине 1950-х гг.[5] Многие годы архив, хранившийся в Институте истории СССР (с 1992 г. — Институте российской истории), оставался вожделенной целью для историков Второй мировой войны и советского общества в целом. Однако даже в период «архивной революции» он оставался фактически закрыт в силу субъективных причин (если не считать публикации нескольких материалов в сборниках, посвящённых Москве в годы войны[6]). И лишь в последнее десятилетие историки получили возможность работать с этими документами. Результатом, среди прочего, стала публикация нескольких тематических сборников, содержащих стенограммы бесед с военнослужащими. Появились исследования, в значительной степени основанные на материалах Комиссии[7].

Венчает это «публикаторское десятилетие» внушительный том, посвящённый Крымской наступательной операции апреля—мая 1944 г. Он подготовлен сотрудниками ИРИ РАН А.Г. Гуськовым, К.С. Дроздовым, В.Н. Кругловым, Ж.Я. Рахаевым, В.В. Тихоновым и «примкнувшей к ним» Д.Д. Лотаревой. Ответственный редактор — известный специалист по социальной истории советского общества С.В. Журавлёв[8]. Это прямое продолжение предыдущей работы исследовательского коллектива, в которой изложены методологические основы работы с материалами Комиссии Минца — «Вклад учёных-историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне»[9].

Начало систематического введения в научный оборот материалов Комиссии является заслугой профессора Университета Ратгерса Й. Хелльбека, оценившего информационный потенциал этого собрания и потратившего немало

---

[5] О существовании архива Комиссии Минца и ценности материалов, в нём отложившихся, было хорошо известно специалистам: *Курносов А.А.* Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР (организация и методика собирания) // Археографический ежегодник за 1973 год. М., 1974. С. 118—132; *Лёвшин Б.В.* Деятельность Комиссии по истории Великой Отечественной войны: 1941—1945 гг. // История и историки: историографический ежегодник. 1974. М., 1976. С. 312—317; *Архангородская Н.С.*, *Курносов А.А.* О создании Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР и её архива (К 40-летию со дня образования) // Археографический ежегодник за 1981 год. М., 1982. С. 219—229; *Курносов А.А.* Встреча сотрудников Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР // Археографический ежегодник за 1984 год. М., 1986. С. 174—181. Подробнее о деятельности комиссии см.: *Лотарева Д.Д.* Комиссия по истории Великой Отечественной войны и её архив: реконструкция деятельности и методов работы // Археографический ежегодник за 2011 год. М., 2014. С. 123—166; *Гуськов А.Г.*, *Дроздов К.С.*, *Круглов В.Н.*, *Лотарева Д.Д.*, *Тихонов В.В.* Живые голоса войны: архив Комиссии по истории Великой Отечественной войны // Российская история. 2015. № 6. С. 158—168.

[6] Москва военная. 1941—1945. Мемуары и архивные документы / Сост. К.И. Буков, М.М. Горинов, А.Н. Пономарёв. М., 1995; Москва прифронтовая. 1941—1942. Архивные документы и материалы / Сост. М.М. Горинов, В.Н. Пархачёв, А.Н. Пономарёв. М., 2001.

[7] *Schechter B.M.* The stuff of soldiers: a history of the Red Army in World War II through objects. Ithaca, 2019. Эта книга в 2020 г. получила престижный *Paul Birdsall Prize*, присуждаемый Американской исторической ассоциацией за лучшую книгу по европейской военной истории после 1870 г.

[8] Его перу принадлежит, в частности, монография о проекте М. Горького «История фабрик и заводов», ставшего до некоторой степени образцом для Комиссии Минца: *Журавлёв С.В.* Феномен «Истории фабрик и заводов»: горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х годов. М., 1997.

[9] Вклад учёных-историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941—1945 гг. / Сост. А.Г. Гуськов, К.С. Дроздов, С.В. Журавлёв, В.Н. Круглов, Д.Д. Лотарева, В.В. Тихонов. М.; СПб., 2015.

усилий на преодоление различных бюрократических препон на пути к нему. Его книга «Сталинградские протоколы» вышла в 2012 г. на немецком языке, три года спустя была переведена на английский и в оригинале (в той части, которая является собственно публикацией стенограмм или их фрагментов) — на русский[10]. Эта публикация — монтаж, «нарезка» фрагментов интервью (за небольшими исключениями).

В 2014 г. вышла книга научного сотрудника ИРИ РАН А.В. Марчукова «Герои-покрышкинцы о себе и своём командире», которая содержит полную публикацию стенограмм бесед с военнослужащими 9-й гвардейской истребительной авиационной дивизии в декабре 1944 г. Командовал дивизией самый известный советский ас — полковник, трижды Герой Советского Союза А.И. Покрышкин. Книга также содержит обширный раздел о «боевой работе» героев книги, подготовленный на основе материалов ЦА МО[11] и в целом чрезвычайно полезна для «пользователя».

Посмотрим, как публикаторы отвечают на ключевой вопрос, который историк обязан задавать в отношении любого источника: насколько он достоверен? Или, скажем аккуратнее, каковы его особенности? Проблема достоверности, в свою очередь, включает в себя несколько аспектов: а) насколько точно воспроизведены рассказы военнослужащих? б) насколько, используя социологическую терминологию, репрезентативна «выборка» респондентов, произведённая историками? в) насколько достоверны рассказы?

По мнению Хелльбека, стенограммы бесед «в большей степени, чем какой бы то ни было другой известный источник», представляют читателю «объёмную и рельефную картину поступков, мыслей и чувств советских людей — участников войны. Солдаты рассказывают о своей жизни в свободной манере, некоторые — простым крестьянским языком. Иногда возникает впечатление, что слушаешь магнитофонную пленку: настолько полно передан в стенограммах колорит этой речи»[12]. Авторы «Вклада учёных-историков...» не без оснований называют эти умозаключения «источниковедческим оптимизмом». Они указывают и на «заметные минусы» стенограмм: «Во-первых, ясно, что перед интервьюирующими опрошенные использовали сглаженные речевые конструкции, избегая, скажем, нецензурных выражений[13], многих неудобных подробностей и сюжетов. Впрочем, в интервью можно нередко найти специфический солдатский сленг... Во-вторых, интервью литературно редактировались перед сдачей в архив. Глубину редактирования теперь выявить практически невозможно, поскольку исходные записи были утилизированы. Тем не менее сохранение индивидуальных черт повествования говорит о том, что редактирование скорее заключалось в том, чтобы придать рассказу связную форму. В-третьих,

---

[10] *Hellbeck J.* Die Stalingrad-Protokolle. Sowjetische Augenzeugen berichten aus der Schlacht. Übersetzung der Protokolle aus dem Russischen von C. Körner und A. Nitschke. Frankfurt a/M, 2012; Stalingrad: the city that defeated the Third Reich / Ed. by J. Hellbeck. N.Y., 2015; Сталинградская битва: свидетельства участников и очевидцев / Пер. с нем. К. Левинсона; сост. К. Дроздов, Д. Лотарева, С. Маркова, Д. Файнберг, Й. Хелльбек. М., 2015.

[11] *Марчуков А.В.* Герои-покрышкинцы о себе и своём командире. Правда из прошлого. 1941—1945. М., 2014.

[12] Сталинградская битва... С. 12.

[13] На матерном языке «говорила и думала вся армия» (*Померанц Г.С.* Записки гадкого утёнка. М.; СПб., 2013. С. 165). Сочный армейский язык, от рядового до генерала, командовавшего фронтом, зафиксирован в записных книжках В.С. Гроссмана (РГАЛИ, ф. 1710, оп. 3, д. 49).

большой проблемой является то, что до сих пор не найдены списки вопросов, задававшихся при опросе. Интервью — это всегда диалог как минимум двух людей, а степень вмешательства интервьюера в рассказ во многом определяет ход интервью, его динамику и содержание»[14].

На отсутствие вопросов в стенограммах обращает внимание и Марчуков. Он, впрочем, не склонен подвергать сомнению сказанное героями его книги: «Божие Провидение незримо присутствует в мире. И вот теперь, когда живых очевидцев уже не осталось, вдруг из прошлого до нас дошли их голоса — да ещё какие! Голоса, сказавшие правду. Голоса, уличившие ложь. Голоса, раскрывшие ещё одну ранее неизвестную страницу о войне и о жизни... Стенограммы, которые вы прочтёте — это слово правды, дошедшее до нас из прошлого»[15].

Понятно, что если в дело вмешалось «Божие Провидение», ставить вопрос о критике источника неуместно. Между тем как раз по поводу записей бесед с «покрышкинцами» среди сотрудников Комиссии Минца развернулась дискуссия, поскольку проводивший их Л.Д. Петров подверг стенограммы стилистической и смысловой правке. А.Я. Грунт выступил резко против этого: «В стенограммах Петрова в каждом герое чувствуется Петров. Нельзя настолько править стенограммы. Иногда кажется, что незачем записывать все повторения героя и шероховатости и корявости его речи. А если очень исправлять стенограммы, то позже получается, что каждый герой был грамотным человеком». А.Л. Сидоров заявил, что он предпочитает выправленную стенограмму необработанной: «Не допуская литературных вольностей и сохраняя специфику, надо было отчеканить то, что изложено в стенограмме». Оставалось неясным, как можно «отчеканить» изложенное без «литературных вольностей». Против правки стенограмм выступили Б.Е. Корфини и А.П. Серцова, которая, в частности, говорила: «С правкой стенограммы я совершенно не согласна. Собираясь писать о том или ином герое, я всегда буду пользоваться стенограммой неправленой, так как, выправляя стенограмму, невозможно не допустить ошибки или изменения смысла сказанного героем»[16].

К сожалению, в Архиве ИРИ РАН сохранились только правленые стенограммы. Получилось, что научный сотрудник Петров редактировал «правду». К примеру, дважды Герой Советского Союза Д.Б. Глинка упомянул, что «жизнь в 1932 и 1933 г. на Украине была неважной»[17]. Сам ли он использовал эвфемизм, чтобы не называть голод голодом (ведь официально событие считалось «не бывшим»), или же это результат редактуры Петрова, мы, по-видимому, никогда не узнаем.

Марчуков считает беседы с «покрышкинцами» уникальными по откровенности, поскольку они не предназначались для публикации. Поэтому «люди не боялись быть не так понятыми и сказать лишнее о ком-то или о чём-то, не имели причин кому-то льстить, не думали о том, что говорить надо “правильно”... Над ними не довлела цензура или самоцензура»[18]. Этот довод не считают убедительным его коллеги, которые резонно полагают, что искренность интервьюируемого вряд ли определяется тем, будет ли опубликован его рассказ или

---

[14] Вклад учёных-историков... С. 133.
[15] *Марчуков А.В.* Герои-покрышкинцы... С. 8, 18, 20.
[16] Вклад учёных-историков... С. 110—111.
[17] *Марчуков А.В.* Герои-покрышкинцы... С. 122.
[18] Там же. С. 9.

нет. Ведь в советское время «даже неопубликованный документ мог доставить человеку большие неприятности»[19].

И в самом деле — нередко во время войны люди осуждались за записи в дневниках, не предназначенных для чужих глаз. Литератор, военный корреспондент Д.В. Фибих в 1943 г. был приговорён к 10 годам заключения в лагерях, поскольку имел неосторожность назвать в дневнике Л.Д. Троцкого хорошим оратором[20]. Сержанта М.А. Берлянда приговорили к 8 годам за ведение и хранение с сентября 1942 по апрель 1943 г. дневника «контрреволюционного содержания»[21], лейтенанта В.Ф. Егорова — к 7 годам за запись в дневнике, «выразившуюся в клевете на советское правительство, Красную армию, народ и колхозный строй»[22]. Это лишь немногие из десятков случаев, встречающихся в судебно-следственных делах военного времени. Является ли текст «клеветническим» или «контрреволюционным», разумеется, определял следователь.

Таким образом, сравнивать стенограммы с магнитофонной записью не приходится: записанные рассказы довольно логичны, говорят военнослужащие в основном грамматически правильно построенными фразами, междометия, почти всегда сопровождающие устную речь, вычищены, и т.д., и т.п. Однако во многих случаях своеобразие, стиль речи респондентов всё же переданы.

Авторы «Вклада учёных-историков...» приводят ряд убедительных аргументов, «позволяющих оптимистично смотреть на стенограммы как исторический источник». Во-первых, это близость записанных рассказов к событиям: «Теоретически это позволяет зафиксировать впечатления от происходящего по горячим следам». Сопоставляя мемуары и интервью, взятые у участников войны много лет спустя после её окончания, со стенограммами Комиссии, авторы совершенно справедливо усматривают главные недостатки текстов позднейшего времени не только в их удалённости от событий. Не меньшее, если не большее, значение имеют «заданные социальные рамки памяти». Нередко в рассказах ветеранов начинает превалировать «общественно одобряемый образ войны», а аутентичный «язык войны» перемешивается с «современным языком описания войны, навязанным официальной версией истории». В случае с беседами, проведёнными Комиссией, «подобные недостатки минимизируются»: «Интервью в подавляющем большинстве представляют живую речь. Это можно связать с тем, что в годы войны ещё не сложился общепринятый язык её описания. Большинство клише... пришли в жизнь фронтового поколения много позже и были закреплены через газеты, телепередачи, митинговые лозунги, вечера памяти и мероприятия, связанные со встречей однополчан»[23].

Ещё один аргумент в пользу достоверности и верифицируемости содержащейся в стенограммах информации: «Большинство стенограмм образуют особые тематические комплексы». Например, комплекс стенограмм о битве под Москвой, Сталинградской битве, партизанском движении и т.д. Это является «определённой гарантией от серьёзных искажений», ибо одни и те же события описываются разными людьми, и такой «стереоскопический» взгляд позволяет составить целостную картину[24].

---

[19] Вклад учёных-историков... С. 132.
[20] *Фибих Д.* Двужильная Россия. М., 2010. С. 311—315, 550—564.
[21] ГА РФ, ф. Р-7863, оп. 2, д. 64, л. 156 об.
[22] Там же, д. 21, л. 78.
[23] Вклад учёных-историков... С. 134.
[24] Там же. С. 134—135.

Принципы, заявленные во «Вкладе учёных-историков...», авторский коллектив реализовал при публикации крымских интервью. Опубликован весь комплекс стенограмм, относящихся к наступательной операции 1944 г. и предварявшим её десантным операциям предыдущей осени. Почти все тексты опубликованы без каких-либо сокращений, включая рассказы респондентов об их жизненном пути, участии в предшествующих боевых действиях. Сокращения сделаны в тех случаях, когда стенограммы объёмны, а рассказ респондента выходит далеко за пределы темы сборника, — как, например, в случае с очень обширным интервью начальника штаба знаменитого женского ночного бомбардировочного полка И.В. Ракобольской. Опущены также подробные биографические сведения об упоминаемых людях. Последнее вызывает сожаление, ибо стенограммы, среди прочего, отличный источник по социальной истории советского общества.

Публикация сопровождается вступительными статьями ко всему тексту, а также вводными статьями к каждому из разделов сборника. Текст снабжён содержательным комментарием, аннотированным указателем имён и географическим указателем. В целом это классическая академическая публикация. Отдельные соображения и комментарии публикаторов небесспорны, однако «законы жанра» выдержаны последовательно.

Состав респондентов довольно типичен для материалов Комиссии и напоминает перевёрнутую пирамиду: бесед с генералами (6) историки провели больше, чем с рядовыми (5). Всего записаны 45 интервью с военнослужащими: 10 с рядовыми, сержантами и старшинами и 35 с офицерами (от младшего лейтенанта до генерала). Среди офицеров преобладали старшие и высшие: 4 майора, 2 подполковника, 9 полковников и 6 генералов — 5 генерал-майоров и генерал-лейтенант (командующий 51-й армией Я.Г. Крейзер). Среди 10 рядовых, сержантов и старшин 6 — Герои Советского Союза. Всё это неслучайно. Задачей историков, в конечном счёте, являлось создание героического нарратива. Как справедливо указано в археографическом предисловии, «в условиях мобилизации всех сил на отпор врагу научные задачи тесно переплетались с агитационными — с выявлением, фиксацией в ходе сбора материалов и последующей пропагандой фактов героизма советских воинов» (с. 11).

Львиная доля текстов посвящена планированию операций командованием и реализации этих планов на земле, воде и в воздухе. Чисто военные аспекты занимают центральное место в рассказах и рядовых, и генералов. Введённые в научный оборот источники «позволяют вплотную подойти к разностороннему и полифоничному показу боя» (с. 16), однако содержат немало сведений о том, что принято называть повседневной жизнью на войне: представлениях военнослужащих о добре и зле, их предшествующей жизни в мирное и военное время.

Материал чрезвычайно богат. Я ограничусь анализом отдельных аспектов публикации, в особенности вопросом о методике работы с источниками военного времени. В одной из вступительных статей наступательная операция резонно рассматривается в контексте борьбы за Крым начиная с 1941 г. Тем более что она оказалась до некоторой степени зеркальной по отношению к операции вермахта по захвату полуострова (в особенности это касается битвы за Севастополь). Полагаю, однако, что некоторые приводимые данные требуют существенного уточнения. В литературе до сих пор встречается утверждение о том, что немецкие войска потеряли в боях за Севастополь с ноября 1941 по

июнь 1942 г. 300 тыс. человек (с. 22). Источник этих сведений — сообщение Совинформбюро от 4 июля 1942 г. В нём также говорилось, что за 25 дней штурма города противник потерял «150.000 солдат и офицеров, из них не менее 60.000 убитыми» и что советские «бойцы, командиры и раненые из Севастополя эвакуированы»[25].

Сказанное имело мало отношения к действительности. За время обороны (с 30 октября 1941 по 4 июля 1942 г.) потери РККА и ВМФ составили 200 481 человека, причём 156 880 (почти 78%) являлись безвозвратными[26]. Эвакуировали лишь командование, основная же масса защитников (97 тыс. человек, около трети из них раненые) попали в плен. Для сравнения — согласно сообщению Совинформбюро, пропали без вести 8 300 военнослужащих. Погибли при обороне города во время его третьего штурма около 18 тыс. защитников Севастополя. Согласно архивным данным, в достоверности которых нет оснований сомневаться[27], за 33 дня битвы за Севастополь в июне—июле 1942 г. 11-я армия вермахта потеряла 35 866 человек (около 18% от её численности в начале сражения), в том числе 5 786 убитыми и пропавшими без вести. 200 офицеров были убиты и 570 ранены. Вдобавок моральное состояние войск после месяца ожесточённых боёв, проведённого в окопах, зачастую рядом с трупами, быстро разлагавшимися на жарком крымском солнце, было далёким от боевого. Армия нуждалась в отдыхе и пополнении и как минимум на месяц потеряла боеспособность. Это было чрезвычайно важно, учитывая развернувшееся сражение в междуречье Дона и Волги. Потери румынских войск, находившихся в оперативном подчинении 11-й армии, составили 8 454 человека, включая 1 874 убитых и пропавших без вести. Таким образом, несмотря на то что потери противника оказались в разы меньше объявленных Совинформбюро, отчаянное сопротивление защитников Севастополя внесло вклад в исход кампании 1942 г.[28]

Совинформбюро являлось не столько информационным, сколько пропагандистским органом[29]. Сообщение о многократно завышенных потерях противника — не исключение, такие стандарты были заданы с самого начала войны. 14 июля 1941 г. в сообщении Совинформбюро говорилось: «Лучшие немецкие дивизии истреблены советскими войсками. Потери немцев убитыми, ранеными и пленными за этот период боёв исчисляются цифрой не менее миллиона»[30]. Советским гражданам оставалось гадать, почему же Красная армия продолжает отступать. 7 ноября Сталин заявил, что «за 4 месяца войны Германия потеряла 4 с половиной миллиона солдат»[31]. Не прошло и трёх недель, как потери противника по версии Совинформбюро достигли 6 млн

---

[25] 250 дней обороны Севастополя. Наши войска оставили Севастополь // Правда. 1942. 4 июля. С. 1.

[26] Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь / Сост. Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андроников, П.Д. Буриков. М., 2009. С. 178, табл. 35.

[27] Архивы 11-й и 17-й армий вермахта после войны были вывезены в США, микрофильмированы и находятся в свободном доступе в Национальном архиве США (National Archives and Research Administration).

[28] *Forczyk R.* Where the iron crosses grow: the Crimea 1941—44. Oxford, 2016. P. 213—214.

[29] См. подробнее: *Berkhoff K.* Motherland in danger: Soviet propaganda during World War II. Cambridge, Mass; L., 2012.

[30] От Советского Информбюро (вечернее сообщение 13 июля) // Правда. 1941. 14 июля. С. 2.

[31] Правда. 1941. 8 ноября.

убитыми, ранеными и пленными[32]. 23 июня 1942 г., подводя итоги первого года войны, Совинформбюро сообщило, что германские потери составили около 10 млн человек, в том числе 3,5 млн убитыми[33]. 25 июня того же года начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Ф. Гальдер занёс в дневник сведения о потерях вермахта с 22 июня 1941 по 20 июня 1942 г. Они составили 1 299 784 человека (из них убитыми 271 511, пропавшими без вести 60 520 военнослужащих). Это были огромные потери: они составляли 40,62% средней численности германских войск на Восточном фронте (около 3,2 млн человек)[34]. Запись Гальдера — вовсе не «ответ» Совинформбюро: сведения о потерях он заносил в рабочий дневник регулярно, начиная с 3 июля 1941 г.

Понятно, что советское руководство не имело точных сведений о потерях противника. Столь же очевидно, что Сталин сознательно санкционировал публикацию существенно преувеличенных данных. Он лично утверждал цифры, представлявшиеся ему начальником Совинформбюро А.С. Щербаковым[35]. Смысл этих действий объясним — обнадёжить, подбодрить население и армию. Однако такого рода пропаганда имела скорее обратный эффект. Как лапидарно выразился один из красноармейцев, реагируя на сообщения газет: «Всё це брихня»[36]. Формулы обвинения тысяч судебных дел военного времени содержат стандартные обороты вроде «высказывал неверие в сообщения советской печати», «возводил клевету на советскую печать», «клеветал на органы НКВД и сов. прессы», «высказывал недовольство сов. печатью и Совинформбюро», «клеветал на советский строй и Совинформбюро» и т.п.[37]

Особое раздражение вызывали сообщения о подвигах на фоне информации о сдаче городов. М.М. Пришвин записал в сентябре 1941 г.: «Везде только слухи и официальная ложь. Но никакие слухи не действуют так разрушительно, как сведения по радио о героических подвигах. Сводки Информбюро разрушают весь нравственный мир тыла. Слушать радио никто не может... По радио, что Киев взяли, и вслед за этим героические анекдоты и что наша авиация сбила 60 германских самолётов, потеряв 20 своих. Всегда раза в три-четыре»[38]. Стиль не слишком изменился и полтора года спустя. Вс. Иванов записал в марте 1943 г.: «Последние известия: обычная вермишель о подвигах, которых запомнить невозможно»[39].

Вопрос о том, насколько широко были распространены такие настроения и как они менялись со временем, в особенности с переходом Красной армии в наступление (после чего у Совинформбюро появилось гораздо больше на-

---

[32] Смехотворные измышления гитлеровских фальшивомонетчиков о потерях советских войск // Правда. 1941. 26 ноября. С. 1.

[33] Политические и военные итоги года отечественной войны // Правда. 1942. 23 июня. С. 1. В этом же сообщении названо число уничтоженных немецких танков (свыше 24 тыс.), превышавшее количество всех танков, находившихся на вооружении вермахта со времени его создания в 1935 г.

[34] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939—1942 гг. Т. 3. Кн. 2. М., 1971. С. 274—275.

[35] Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война 1941—1945. М., 2010. С. 136.

[36] *Славгородский Г.В.* Фронтовой дневник 1941—1945 / Отв. сост. А.Б. Изюмский. М., 2017. С. 38.

[37] См., например: ГА РФ, ф. Р-7863, оп. 2, д. 26, л. 1 об.—7 и др.

[38] *Пришвин М.М.* Дневники. 1940—1941. М., 2012. С. 597, 598.

[39] *Иванов В.В.* Дневники. М., 2001. С. 292.

стоящего материала для оптимистичных сообщений), требует дополнительного изучения.

При комментировании стенограмм публикаторы активно использовали информацию, размещённую в открытом доступе в базе Минобороны «Подвиг народа»: «Это связано с тем, что данные наградных документов во многом уточняют и расширяют информацию, сообщаемую респондентами в ходе бесед» (с. 17). Однако сведения о боевых достижениях представляемых к наградам могут быть, на мой взгляд, скорее отправной точкой для исследования, нежели бесспорным свидетельством того, что происходило в действительности. Представления — произведения особого жанра. Их главная цель — добиться награждения военнослужащего. Некоторые (а иногда и очень существенные) преувеличения потерь противника выступали здесь скорее нормой, чем исключением. Бойцы это вполне понимали. К примеру, красноармеец А.Я. Пригара, рассказывая, что при высадке десанта на Эльтиген уничтожил 26 солдат и офицеров, дипломатично пояснил: «Так командование считало, а я не считал — вижу кучи немцев, и всё». Представляя его к званию Героя Советского Союза, командование увеличило число убитых им военнослужащих противника почти вдвое: «Действуя исключительно смело и храбро, тов. Пригара подполз к траншеям и забросал их гранатами, уничтожив при этом 35 немецких солдат и один ручной пулемёт. В этом бою тов. Пригара вступил в рукопашную схватку и ещё уничтожил 15 солдат» (с. 121—122, примеч. 15).

Другой участник освобождения Крыма, командир взвода автоматчиков разведывательной роты 26-й мотострелковой Сивашской бригады, кавалер ордена Красной Звезды сержант Ю.А. Кожин вспоминал: «По поводу наград командир полка говорил как-то: если кто-то чувствует себя обделённым, пусть приходит ко мне и говорит — я подбил танк или взял в плен семерых... разберёмся... В статусах наград количественно определялась их стоимость, и составитель наградных представлений должен был обладать смелой фантазией. К концу войны отношение к наградным представлениям изменилось. Стало ясно, что для уже выданных наград не хватит вермахта, да и всех вооружённых сил мира»[40]. Описание подвига Кожина в наградном листе в точности соответствует приведенной им практике представлений: «8.10.44 в районе Вечéра, будучи в головном дозоре со своим отделением, встретился с автоматчиками противника. Тов. Кожин об этом сообщил в ядро, а сам с двумя автоматчиками скрытно обошёл с заду немцев и открыл по ним ураганный автоматический огонь, где немцы в панике бежали и на поле боя осталось 7 немцев, а одного взяли в плен, который дал командованию ценные сведения»[41].

Безусловно, сержант, призванный в армию в 1943 г. в 18-летнем возрасте и успевший к моменту награждения повоевать на трёх фронтах и получить ранение, заслуживал награды. Однако наградная система СССР, в отличие от большинства других стран, не предусматривала награждение за участие в определённой кампании или за определённое число дней, проведённых на фронте. Чтобы отметить того или иного военнослужащего, командиру зачастую было проще вписать в наградной лист определённое число уничтоженных солдат или боевой техники противника. Статуты некоторых орденов предусматривали чрезвычайно высокие количественные показатели. В частности, орденом

---

[40] *Кожин Ю.А.* Цена жизни (URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/kozhin_ua/index.html).
[41] URL: http://podvignaroda.ru/?#id=27615269&tab=navDetailManAward

Отечественной войны 1-й степени мог быть награждён тот, кто, среди прочего, «лично уничтожил 2 тяжёлых или средних или 3 лёгких танка (бронемашины) противника», а орденом Славы — тот, кто «из личного оружия меткой стрельбой уничтожил от 10 до 50 солдат и офицеров».

Неудивительно, что в наградных листах обычно говорится об уничтожении как минимум нескольких вражеских солдат и офицеров. Часто речь идёт о десятках, иногда — сотнях убитых. В базе «Подвиг народа» содержится около 12,5 млн записей о награждении орденами, а также медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги»[42]. Львиная доля награждений приходится на 1944 и 1945 гг. (4,3 млн и 5,47 млн соответственно)[43]. В конце войны и по её окончании справедливо стремились наградить всех военнослужащих, находившихся в действующей армии и ещё не имевших наград, а также 1,5 млн военнослужащих, выбывших по ранению и ранее не награждавшихся[44].

К примеру, лейтенант, военный переводчик 7 мая 1945 г. получил орден Красной Звезды. Резонно предположить, что награду он заслужил прежде всего профильной деятельностью — во время боёв в Берлине в апреле 1945 г. быстро опрашивал пленных, «выявляя численный состав противостоящего противника, его огневые средства и места их размещения». Представление, видимо, для верности, завершается фразой «лично им было уничтожено восемь немцев»[45]. Другой случай: в мае 1945 г. начальство подсчитало, что ранее не награждавшийся ефрейтор за время боёв в Белоруссии, Прибалтике и Восточной Пруссии огнём из пулемёта и карабина уничтожил 62 немца и ещё 36 взял в плен[46]. За это его представили к медали «За боевые заслуги», ставшей для него единственной наградой.

Похоже, и представлявшие к наградам, и утверждавшие награждения вполне понимали (подобно командиру части, в которой служил Кожин) условность цифр, содержавшихся в наградных листах. Это не ставит под сомнение воинскую доблесть награждённых. Очевидно, что в основе представлений их к наградам лежали реальные деяния. Более того, каждый отдельный подвиг, сколь бы преувеличенными ни казались потери, вполне мог быть именно таким, каким он описан в наградном листе. Другое дело, что совокупность потерь противника, если опираться на наградные документы, даже по самым осторожным подсчётам существенно превосходит численность вермахта. Таким образом, использовать количественные данные, приведенные в этом источнике, для верификации интервью военнослужащих следует очень аккуратно. В некоторых случаях, наоборот, скорее рассказы бойцов могут скорректировать сведения, содержащиеся в официальных документах.

Ракобольская говорила, что никогда не видела такой израненной земли, как в Крыму. Её слова обоснованно взяты эпиграфом к сборнику. Полуостров был чрезвычайно обильно полит кровью даже по «стандартам» «абсолютной войны», как не без оснований назвал боевые действия на Восточном фронте

---

[42] URL: http://podvignaroda.ru/?#tab=navAbout

[43] Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. (справочно-статистические материалы) / Под ред. А.П. Белобородова. М., 1963. С. 380—382.

[44] Офицерский корпус и кадровые органы Вооружённых сил России: краткий документально-исторический очерк / Под ред. Н.А. Панкова. М., 2003. С. 125.

[45] URL: http://podvignaroda.ru/?#id=37377515&tab=navDetailDocument

[46] URL: http://podvignaroda.ru/?#id=29541291&tab=navDetailDocument

К. Беллами[47]. Потери РККА в боях 1941—1944 гг. составили в общей сложности около 700 тыс. человек, при этом безвозвратные превысили 450 тыс. Львиная доля пришлась на 1941—1942 гг.: почти 600 тыс. человек[48]. Потери 11-й армии вермахта в 1941—1942 гг. составили 96 тыс., в том числе безвозвратные — 21 600 человек. Румынские войска потеряли 19 тыс., так что общие потери противника достигли 115 тыс. военнослужащих[49].

Положение радикально изменилось в 1944 г. Превосходство советских войск являлось подавляющим по всем параметрам — численности личного состава (более чем в 2 раза), огневой мощи, танкам, авиации. Но дело не только в этом. Заметно возрос профессионализм командного состава. В совокупности указанные факторы привели к тому, что среднесуточные потери РККА и ВМФ оказались существенно ниже средних по сравнению со стратегическими операциями первых пяти месяцев 1944 г.: 2 423 человека в день против 9 923. В абсолютных цифрах потери советской стороны составили 84 919 человек, в том числе безвозвратные — 17 754[50], что составило около 18% общей численности войск, задействованных в операции. Это как будто специально подчёркивало зеркальность событий: такую же долю составили потери вермахта при штурме Севастополя в июне 1942 г.

Возможно, самый тяжёлый подготовительный этап Крымской операции связан с форсированием Сиваша. Это следует из интервью как солдатских, так и генеральских. «Я этого Сиваша не знал, и век чтобы мне не знать», — говорил сапёр рядовой Е.Я. Тищенко (с. 378). По словам генерал-майора комкора П.К. Кошевого, «переправа через Сиваш... это вообще жуткое дело, это “Чёртов мост” суворовский» (с. 359). История переправы, с одной стороны, демонстрирует профессионализм и самоотверженность, с другой — позволяет понять, почему победы и на завершающем этапе войны давались столь дорогой ценой. Сиваш пришлось переходить в ледяной воде. Начальник оперативного отдела штаба 51-й армии подполковник В.Е. Титов рассказывал: «Люди, переправлявшиеся через Сиваш, очень часто были по грудь в воде, а другие переходили по колено. Форсирование было вброд. Кто переходил в сапогах, кто без сапог, кто в штанах, кто без штанов. Холодно, солёная вода... Буквально всё перетаскивали на себе. Потом подтянули переправочные средства, лодки. Лодки на вёслах идти не могли, потому что мелководье. Лодки тащили на себе по илу. Некоторые лодки таскали по 40—30 человек. Для того чтобы пройти пешком туда, нужно 45 минут, а для того, чтобы протянуть лодку, нужно было полтора часа. Люди иногда находились в воде беспрерывно по 3 и больше часов. Очень часто можно было наблюдать наших бойцов закоченевшими, у него отказывают руки, ноги, и он падает. Его поднимают, кладут в лодку, к костру, начинают растирать, приводить в чувство. Были такие случаи, когда у бойца начинаются судороги, он падает и подняться не может, захлёбывался и всё» (с. 326). По словам начальника артиллерии 51-й армии генерал-майора Н.И. Телегина, «люди шли по солёной воде, разъедающей ноги, тело, тонули в илистом дне, замерзало тело просто. Кровь замерзала при выходе на тот берег. Были смертельные случаи» (с. 287).

---

[47] *Bellamy C.* Absolute War: Soviet Russia in the Second World War. L., 2007.
[48] Великая Отечественная без грифа секретности... С. 178, табл. 35; 102, 214.
[49] *Forczyk R.* Where the iron crosses grow... P. 216.
[50] Великая Отечественная без грифа секретности... С. 73, табл. 34; 143.

Ключевую роль в организации форсирования сыграли, очевидно, заместитель командующего 51-й армией по инженерным войскам генерал-майором А.Н. Баженов и командир 12-й штурмовой инженерно-сапёрной бригады полковник П.Г. Павлов. Первый — редкая птица среди героев Крымской эпопеи: происходил из «бывших». Его отец, офицер Императорской армии, в 1917 г. получил чин генерал-майора, служил в РККА, «по старости лет демобилизовался году в 1919-м и на советской службе служил тихонечко до 1924 г., а затем умер» (с. 301). Сын, мобилизованный в 1919 г., пошёл по стопам отца. Характерно, что он вступил в партию только в 1943 г., поздновато для командира его уровня. Вряд ли можно сомневаться, что сделать это раньше мешало происхождение. В годы войны приём в партию существенно облегчили.

Перед бригадой Павлова стояла задача в кратчайшие сроки построить мост через Сиваш, рассчитанный на нагрузку в 16 т. Построить обычный мост на сваях, учитывая глубину ила на дне залива, оказалось невозможно. За ночь с 7 на 8 ноября 1943 г. специалисты бригады под его руководством разработали проект не на сваях, а на рамах с деревянными «подушками» внизу, не предусмотренный никакими инструкциями и наставлениями. Мост строили подручными средствами, а материалы (прежде всего лес) пришлось доставлять с территорий от Мелитополя до Херсона. Строительство моста длиной свыше 2 км и шириной 320 м в условиях штормящего моря и налётов немецкой авиации Павлов назвал «эпопеей героической». В нём приняли участие 2 500 человек, потери составили 230. Начали 12 ноября, закончили 9 декабря (с. 383—384).

Оборотная сторона героизма — непредусмотрительность начальства и всё ещё недостаточная техническая оснащённость армии. Кажется почти невероятным, что командование, планировавшее стратегическую операцию, не озаботилось вопросом форсирования залива заранее. О происходившем откровенно рассказал Телегин: «Особой подготовки к форсированию Сиваша мы не вели. Это, может быть, наш недостаток, что мы не предвидели этого дела и нас не ориентировали сверху. Поэтому, когда дивизии наши подошли к Сивашу, оказались в положении обычной пехоты, которая может идти, стрелять, продвигаться, переползать, но никак не приспособлена к тому, чтобы идти по морю, да ещё гнилому и не изученному. Не было никаких материалов к этому времени... и начали форсировать Сиваш, рассчитывая *исключительно на героизм народа нашего* (курсив мой. — *О.Б.*), на воодушевление его, на способность переносить тяжёлое напряжение» (с. 286). Народ не подвёл, но «тяжёлое напряжение» перенесли не все. Некоторые остались на дне залива. По словам Кошевого, «сапёр[ов] погибло невероятное количество. Построят, [немцы] разобьют, потом подул ветер, и всё это дело размывало, начинай сызнова». Переправлявшихся через Сиваш он назвал «мучениками» (с. 360). Обращает на себя внимание ещё один момент — отсутствие строительной техники. Во всяком случае, ответственные за строительство переправы её вовсе не упоминают, даже не сетуют на её отсутствие. Большой проблемой оставался транспорт. По расчётам Павлова, для доставки лесоматериалов требовалось 200 грузовых машин. Наскребли меньше 90. Помог командующий 51-й армией генерал Крейзер, выделивший «130—140 подвод, подвозивших рельсы для устройства прогонов на мосту» (с. 382).

РККА имела подавляющее превосходство в огневой мощи. При штурме Сапун-горы планировалось 45 минут артиллерийской подготовки и 4,5 часа сопровождения атаки. По словам Кошевого, «общий расход боеприпасов на

это дело планировался 4,5 боевых комплекта. Такой операции я нигде не видел. Это был Содом и Гоморра». Однако когда подобрались к вершине, оказалось, что «нет снарядов, всё выдохлось... Настроение у войск было жуткое». Генерал вызвал авиацию: оказалось, что у штурмовиков тоже закончились снаряды («гороха нет», как сообщил на условном языке командующий 8-й воздушной армией генерал-лейтенант Т.Т. Хрюкин). Кошевой не растерялся и приказал лётчикам сделать два захода на немецкие позиции. Немцы, не подозревая, что штурмовики им ничем не угрожают, не высовывались из окопов, и под прикрытием гудящих самолётов пехота быстро подобралась к вершине и захватила её (с. 361—362). С одной стороны, можно (и дóлжно) восхищаться сметкой комкора, с другой — встаёт вопрос о качестве планирования операции и взаимодействия родов войск: в решающий момент штурма, при подавляющем превосходстве в артиллерии и авиации, пехота оказалась без огневой поддержки!

Любопытно, учитывая отборный состав респондентов, что имя Сталина встречается лишь в 10 из 45 интервью, причём в половине случаев как автора приказов. Слова Героя Советского Союза сержанта К.С. Алексеенко как будто взяты из газетной передовицы: «Я перед боем, вступая в ряды ВКП(б), дал обещание ещё беспощаднее истреблять немецких варваров и с честью выполнить приказ любимого вождя и полководца тов. Сталина, оправдать высокое доверие партии и правительства» (с. 125). Лозунг «За Родину! За Сталина!» упоминается в двух стенограммах. Об этом говорит Герой Советского Союза комбат Л.А. Бутков, вспоминая о бое 19 января 1942 г. под Артёмовском. В то время он служил пулемётчиком; в атаке на вражеские блиндажи его ранило в подбородок и разорвало кончик носа. Тогда он «бросился вперёд с криком: “За родину!”, “За Сталина!”» и забросал вражеские блиндажи гранатами (с. 145).

Для формирования канона истории войны показательны два интервью с Героем Советского Союза, командиром взвода, старшим лейтенантом Р.К. Акопяном. Первое проведено 25 сентября 1944 г. в Москве сотрудниками Комиссии, второе — 29 августа 1945 г. в Ереване сотрудниками Кабинета истории Отечественной войны при Институте истории АН Армянской ССР. Во втором интервью он рассказал, что при штурме Армянска 8 апреля 1944 г. поднял роту в атаку, воскликнув: «“Взвод, роты, со Сталиным — вперёд!” Ребята как один с возгласами “Ура! Вперёд, за Сталина!” бросились в бой» (с. 452). В первом интервью об этих словах речи нет. Вполне вероятно, что они перекочевали в послевоенную беседу из наградного листа, в котором говорилось: «Товарищ Акопян с призывом “За Родину, за Великого Сталина!” поднял свой взвод в атаку» (с. 449, примеч. 22).

«Политически правильно» высказался Телегин: «Исторический приказ Сталина открыл нам громадное значение Мелитополя. Мы сами не знали, что Мелитополь — ключ к Крыму». Речь шла о приказе от 23 октября 1943 г., в котором давалась высокая оценка взятию города, решающую роль в котором сыграла 51-я армия. Телегин явно лукавил, ибо трудно представить, что генералы не понимали стратегического значения операции, которую они планировали и осуществляли (с. 285).

Наиболее интересный сюжет встречается в беседе с лётчиком, Героем Советского Союза капитаном В.Д. Борисовым. Это редкая стенограмма, которая содержит вопросы. Сотрудник Комиссии В.Л. Логинова задала вопрос, относящийся ко времени Сталинградской битвы: «Вам не приходилось встречаться

с тов. Сталиным? Откуда Вы знали о пребывании тов. Сталина на фронте?». Нетрудно заметить как бы утвердительную форму вопроса. В предшествующей части беседы вождь не упоминался. Остаётся гадать, сама ли Логинова верила в его поездку или же так готовилась почва для легитимации легенды. Борисов, несомненно, верил: «Вы знаете, что шила в мешке не утаишь. Он был в стенах Сталинграда, в этих же окопах, в этих же развалинах. Конечно, в авиацию он не мог попасть, так как авиация далеко стоит. Моральный дух нужно было поднять. Он был там до приказа». Речь шла о приказе № 227 («Ни шагу назад!») (с. 230).

В стенограммах можно найти ещё множество сведений как по истории планирования и проведения военных операций, так и по истории «повседневной» жизни на войне. Беру слово «повседневная» в кавычки, ибо к жизни рядом со смертью такое определение не очень подходит. Правда, и смерть становится привычной. Сержант Алексеенко в ночь с 21 на 22 июля 1943 г. разливал водку своим бойцам («а это главное перед наступлением», пояснил он сотруднику Комиссии). Когда налил четвёртому, тот «только поднял чарку: “Ну, господи, благослови”, как грянул снаряд, ему весь затылок вырвало». Самому сержанту осколок попал в локтевой сустав на правой руке, и он выронил бутылку из рук. «Ох, — говорю, — ничего руки не жалко, литр водки жалко» (с. 124). Это и есть военная «повседневность», когда внезапная смерть товарища или ранение — обыденность, и вспоминаются в связи с потерей «ценного ресурса».

На мой взгляд, стенограммы бесед заслуживают оцифровки и размещения в качестве общедоступной базы на сайте ИРИ РАН. Это не исключает публикации отдельных комплексов в книжном формате, в соответствии с академическими стандартами. Такую работу можно уподобить огранке алмаза, которым, несомненно, является этот уникальный источник.

Елена Сенявская: Кое-что об «устной истории»: размышления над сборником документов

Elena Senyavskaya (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): Something about «oral history»: reflections on a collection of documents

DOI: 10.31857/S086956870015473-1

На закате СССР и особенно в начале постсоветского периода в отечественной исторической науке уверенно заявило о себе и стало быстро набирать популярность направление «устной истории», уже известное в западной историографии как «*oral history*». При этом в массовое сознание активно внедрялось представление, что именно зарубежные исследователи — первооткрыватели и первопроходцы на благородном поприще записи и сохранения для потомков «голосов прошлого», показывающих роль и место «маленьких людей в большой истории». Известные ещё с 1970-х гг. пронзительные книги советских писателей и публицистов (А. Адамович, Я. Брыль, В. Колесник «Я из огненной деревни» (1973); А.М. Адамович, Д.А. Гранин «Блокадная книга» (1977); С.А. Алексиевич «У войны — не женское лицо» (1984) и «Последние свидетели» (1985), и др.), основанные на записи свидетельств участников и современников Великой Отечественной войны, признавались лишь робкой попыткой решить проблему «литературно-художественными методами», т.е. достойной уважения, но далёкой от исторической науки.

Между тем многие писатели, принадлежавшие к «фронтовому поколению» и писавшие на близкую им военную тему, подходили к творчеству не только с художественной, но и с исследовательской точки зрения. Например, К.М. Симонов утверждал: «Для того чтобы выработать какой-то взгляд на войну, надо её знать. Для того чтобы сказать о ней правду, надо знать взгляды разных людей, которые участвовали в её событиях. Мы ещё имеем эту возможность. Если мы потеряем её, если эти люди уйдут, то мы будем иметь дело только с документами, и наши поиски приобретут иной характер... Мы окажемся тем ближе к правде, чем больше будем разговаривать с людьми, которые участвовали в войне, докапываясь до их индивидуальной правды, точки зрения на войну, то есть до собственного рассказа человека о том, что он видел, чувствовал, переживал, как он смотрел на вещи, как он считал тогда, — это особенно важно постараться восстановить — как он считал *тогда*!.. Мне кажется, что нужно как можно больше знать о войне и искать правду на скрещении разных точек зрения»[51]. Не случайно, проанализировав книгу Симонова «Разные дни войны», специалисты сделали вывод, что он «постиг методику исторического исследования и внёс существенный вклад в изучение истории минувшей войны»[52]. Да и сам он, по собственному признанию, чувствовал себя не только лишь писателем, «а может быть, немножко и историком войны»[53]. Особое значение писатель придавал «устным мемуарам», которых «собрал целую библиотеку», и готовился передать их на хранение в государственный архив, «чтобы это стало тоже малой частицей истории войны»[54].

Работая над записью воспоминаний-интервью для документального фильма «Шёл солдат...» (1975) и телевизионного цикла «Солдатские мемуары» (1976—1977) о полных кавалерах ордена Славы и ведя активную переписку с читателями и зрителями-фронтовиками, Симонов в 1978 г. обратился в Археографическую комиссию АН СССР с идеей создания специального архива писем и воспоминаний участников Великой Отечественной войны[55]. Однако инициатива писателя, горячо поддержанная историками, не встретила одобрения ни в Главном политическом управлении Советской армии, ни в ЦК КПСС[56]. Вместе с тем аналитическая записка с рекомендациями по организации и деятельности Архива народного подвига, составленная в ответ на обращение Симонова старшим научным сотрудником Археографической комиссии А.А. Курносовым, базировалась на уже имеющемся опыте работы Комиссии по истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. АН СССР, материалы которой хранились в Отделе рукописных фондов Института истории АН СССР (ныне Научный архив Института российской истории РАН).

Созданная в декабре 1941 г. и просуществовавшая до декабря 1945 г.[57], Комиссия стала первым коллективом профессиональных историков, деятель-

---

[51] *Симонов К.М.* Солдатские мемуары. Документальные сценарии. М., 1985. С. 301.

[52] *Биск К.М.* Симонов как автор воспоминаний о Великой Отечественной войне // История СССР. 1985. № 3. С. 131—142.

[53] *Волкова Н.Б.* Материалы Великой Отечественной войны в фонде К.М. Симонова в ЦГАЛИ СССР // Археографический ежегодник за 1985 год. М., 1986. С. 183.

[54] *Симонов К.М.* Солдатские мемуары... С. 302.

[55] Записка А.А. Курносова К.М. Симонову об Архиве участников Великой Отечественной войны // Археографический ежегодник за 2001 год. М., 2002. С. 445—450.

[56] См.: Выступление О.В. Турбиной о документах из фонда К.М. Симонова на конференции, посвящённой битве за Москву [Москва, 20 декабря 2001 г.] // Археографический ежегодник за 2001 год. С. 313.

[57] Вклад учёных-историков... С. 50—61.

ность которых, согласно определению «устной истории», явилась «практикой научно организованной устной информации участников или очевидцев событий, зафиксированной специалистами»[58]. Её приоритетной задачей стало составление «летописи Отечественной войны», в том числе запись бесед с участниками боевых действий на фронте и в партизанских отрядах, а также с жителями территорий, освобождённых от оккупации. Тем самым признавалась важность такого рода источников для исторической науки, накапливался соответствующий опыт и разрабатывалась методика исторического интервьюирования. Вот только название «устная история» к этому виду источников тогда не применялось, а в ранних источниковедческих исследованиях[59] они именовались «воспоминаниями-интервью» (что, конечно, не меняло самой сути этого явления). Для сравнения — первый центр устной истории открылся в США в 1948 г. при Колумбийском университете, в 1967 г. создана Ассоциация устной истории США, в 1969 г. аналогичная организация появилась в Великобритании. А в СССР — активная работа в самый разгар Второй мировой войны...

Однако послевоенная судьба собранного Комиссией уникального архива, особенно в части публикации стенограмм, оказалась довольно сложной. На протяжении многих десятилетий исследователи обращались к нему лишь эпизодически. И только в 2013—2015 гг. вышло несколько сборников документов на основе материалов, посвящённых Сталинградской битве[60] и лётчикам-покрышкинцам[61], а также ряд документальных публикаций в журналах и сборниках[62].

И вот в 2020 г., к 75-летнему юбилею Победы, вышел сборник, состоящий из стенограмм бесед с военнослужащими, освобождавшими Крым и Севастополь в ходе Крымской наступательной операции весной 1944 г., которую противник называл «вторым Сталинградом». В чём уникальность этого издания? Как пишут сами составители сборника, «стенограммы не только дают “человеческое измерение” войны, но и позволяют, взятые в комплексе, взглянуть на одну и ту же боевую операцию разными глазами и с разных сторон. Поскольку из солдатского окопа и из штабного блиндажа бой выглядел по-разному, так же как отличались описания своей боевой работы, например, у сапёров и артиллеристов, публикуемые источники позволяют вплотную подойти к разностороннему и полифоничному показу боя» (с. 16).

В этой связи хочу вновь обратиться к мнению Симонова: «Конечно, точка зрения солдата на войну — одна точка зрения, командира полка — другая,

---

[58] *Шмидт С.О.* Предпосылки «устной истории» в историографической культуре России // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма: чтения, посвящённые памяти А.Л. Станиславского. Тезисы докладов и сообщений. Москва, 27 января — 1 февраля 1991 г. М., 1991. С. 262.

[59] *Курносов А.А.* Воспоминания-интервью... С. 118—132; *Васневская Е.В.* Воспоминания-интервью о битве под Москвой // Археографический ежегодник за 1983 год. М., 1985. С. 272—277.

[60] Сталинградская битва...

[61] *Марчуков А.В.* Герои-покрышкинцы...

[62] Стенограммы бесед с жителями Харькова об оккупации // Город и война: Харьков в годы Великой Отечественной войны. СПб., 2013. С. 112—348; *Лотарева Д.Д.*, *Тихонов В.В.* Собеседник Рокоссовского. Скульптор Николай Гаврилов на фронте под Москвой (зима—весна 1942 года) // Родина. 2014. № 12. С. 27—30; *Федосова Э.П.* «Привезённый материал может служить для написания истории...» // Археографический ежегодник за 2011 год. М., 2014. Приложение. С. 173—176; «В период преследования противника от Москвы дело шло у нас особенно успешно»: стенограмма воспоминаний полковника Ф.Е. Двойнова о генерал-майоре Л.М. Доваторе / Публ. В.В. Тихонова // Исторический архив. 2015. № 2. С. 48—61.

даже на один и тот же бой. Потому что они ведь и смотрят на него с разных точек и имеют в нём... различные задачи. Я говорю не о политической задаче — общей, нравственной, патриотической, — а о военной задаче в бою. Артиллерист должен поддерживать пехоту; пехоте кажется, что он её плохо поддерживает, а ему кажется, что она плохо идёт. Танкисты говорят, что пехота не пошла за танками; а пехотинцы говорят, что танки от неё оторвались. А истина боя где-то на скрещении всех этих точек зрения». И ещё: «Формулировку “солдатская правда” я понимаю только в одном смысле: это не какая-то отдельная, особая правда рядового солдата, а солдатская, в смысле того, что это прямая, подлинная солдатская правда. Если генерал будет говорить с солдатской правдивостью, это и будет солдатская правда... Для меня... солдатская правда — это самая высокая правда»[63].

Именно такая правда открывается перед читателем на страницах рассматриваемого документального сборника, который действительно «даёт современнику уникальную возможность услышать “живые голоса” фронтовиков, уловить их эмоциональное состояние, сопереживать вместе с ними радость побед и горечь утрат». В особенности это касается бесед, записанных не какое-то время спустя, а по горячим следам событий, когда в памяти сохранялась свежесть впечатлений и связанные с ними переживания. «Как правило, рассказы о недавних боях носили особенно детальный и обстоятельный, и при этом эмоциональный характер, — справедливо отмечают составители сборника. — В них отразились особенности восприятия современниками военной повседневности в зависимости от их военной специальности, звания и должности, уровня образования, жизненного опыта, пола, возраста и др. По этой причине данные источники крайне важны для изучения психологии человека на войне в широком смысле слова. Одновременно публикуемые нами стенограммы бесед — это своего рода коллективный портрет Победителя нацизма с большой буквы, из биографии которого прослеживаются истоки героизма и самопожертвования» (с. 12).

Хочу выразить надежду, что публикация стенограмм из фонда Комиссии продолжится, и соотечественники смогут в очередной раз убедиться в том, что многие научные открытия и великие начинания, подхваченные на Западе, впервые были сделаны именно в нашей стране.

Евгений Кринко: «Погода была очень скверная». Роль природного фактора в боевых действиях в Крыму (1941—1944 гг.) по воспоминаниям их участников*

Evgeny Krinko (Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don): «The weather was very nasty». The impact of the nature and climate on the military operations in the Crimea (1941—1944) according to the memories of participants

DOI: 10.31857/S086956870015474-2

За последние два десятилетия вышло немало исследований[64] и документальных сборников[65] о боевых действиях в Крыму во время Великой Отече-

* Статья подготовлена в рамках проекта № 18-05-80043 и государственного задания Южного научного центра РАН, номер госрегистрации проекта АААА-А19119011190182-8.

[63] *Симонов К.М.* Солдатские мемуары... С. 301—302.

[64] *Абрамов В.* Керченская катастрофа 1942. М., 2006; Битва за Крым. 1941—1944 гг. / Сост. А.В. Исаев, Н.Н. Глухарёв, О.В. Романько, Д.Б. Хазанов. М., 2016; и др.

[65] Крым в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. / Ред. Н. Аничкин. М., 2017; и др.

ственной войны. Существенное внимание в них уделено десантным операциям 1941—1943 гг.[66], обороне Севастополя[67], освобождению полуострова весной 1944 г.[68], участию в боях партизан[69]. Новые работы, введение в научный оборот широкого комплекса документов официального и личного происхождения позволяют раскрыть многие аспекты данной проблематики, прежде поднимавшиеся в обобщающих трудах, а в последнее время нашедшие отражение в специальных публикациях. Среди них — влияние на боестолкновения природных условий и климата[70].

Рассматриваемый сборник представляет значительный интерес в том числе и с этой точки зрения. Но прежде всего необходимо отметить уникальный характер самого издания, включающего в себя материалы, записанные ещё в военные годы сотрудниками Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР «у военнослужащих разного звания (солдат, младших и старших офицеров, генералов) и разных воинских специальностей (пехота, сапёры, артиллеристы, авиаторы, моряки, морские пехотинцы, разведчики и др.), принимавших участие в освобождении Крыма в 1944 г.». Следует в полной мере согласиться с авторами-составителями, утверждающими, что «из солдатского окопа и из штабного блиндажа бой выглядел по-разному, так же как отличались описания своей боевой работы, например, у сапёров и артиллеристов» (с. 16).

Данное издание является прямым продолжением предшествующих исследовательских проектов сотрудников ИРИ РАН. Первый из них — «Вклад учёных-историков в сохранение исторической памяти о войне (на материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941—1945)», выполненный в 2014—2015 гг. и заслуженно получивший высокую оценку исследователей[71]. По его итогам не только вышла коллективная монография[72], но и появился специальный сайт[73]. Хотя к данным источникам неоднократно обра-

---

[66] *Статюк И.* Керченско-Феодосийская десантная операция 1941—1942. М., 2007; Десанты Великой Отечественной войны / Ред.-сост. В. Гончаров. М., 2008; *Кузнецов А.Я.* Большой десант. Керченско-Эльтигенская операция. М., 2011; и др.

[67] *Маношин И.С.* Героическая трагедия. О последних днях обороны Севастополя, 29 июня — 12 июля 1942 г. Симферополь, 2001; *Форжик Р.* Севастополь 1942: триумф фон Манштейна. М., 2013; и др.

[68] *Мощанский И.*, *Хохлов И.* Освобождение Крыма. Крымская стратегическая наступательная операция 8 апреля — 12 мая 1944 г. М., 2005; Крым, 1944: документы и материалы / Под общ. ред. С.Н. Ткаченко. Феодосия, 2017; Крымская весна 44-го. Материалы Исторических чтений и архивные документы / Под ред. С.А. Терехова, О.В. Романько, С.Н. Ткаченко. Симферополь, 2019; и др.

[69] *Сермуль А.А.* 900 дней в горах Крыма: воспоминания комиссара партизанского отряда. Симферополь, 2004; Партизанское движение в Крыму в период Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов (1941—1942) / Гл. ред. О.В. Рыбина. Симферополь. 2006; *Мальгин А.В.* Партизанское движение Крыма и «татарский вопрос»: 1941—1944 гг. Симферополь, 2009; *Романько О.В.* Крым в период немецкой оккупации: национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение. 1941—1944. М., 2014; и др.

[70] *Афанасенко В.И.*, *Кринко Е.Ф.* Воздействие природных факторов на проведение десантных операций в Крыму в декабре 1941 — январе 1942 гг. // Наука Юга России. 2019. № 1. С. 94—104; *Afanasenko V.I.* The influence of abnormal natural factors on the results of the Sivash Offensive operation in November—December 1943 // Russkii Arkhiv. 2020. № 8. P. 19—33; и др.

[71] См.: *Кринко Е.Ф.* Устная история Великой Отечественной войны: институционализация и результаты исследований на юге России // Исторический курьер. 2020. № 5. С. 198.

[72] Вклад учёных-историков...

[73] Комиссия по истории Великой Отечественной войны АН СССР. 1941—1945 гг. (URL: http://komiswow.ru).

щались различные исследователи, до сих пор они востребованы недостаточно. Правда, в 2015 г. опубликованы около 100 свидетельств о Сталинградской битве[74], но это лишь небольшая часть обширного документального комплекса. В ходе следующего проекта — «Освобождение Крыма от нацистской оккупации в 1944 году: свидетельства участников и очевидцев (по материалам Комиссии по истории Великой Отечественной войны)» (2017—2019 гг.) — выявлены записи бесед с непосредственными участниками десантных операций в районе Эльтигена и Керчи осенью 1943 г. и непосредственно на полуострове весной 1944 г.

Приводимые в сборнике сведения позволяют существенно дополнить представления о сборе материалов сотрудниками Комиссии. В частности, в письме капитана З.И. Фазина (Факторовича) её руководителю И.И. Минцу от 16 июня 1944 г. рассказано об обстоятельствах записи интервью (с. 245—246). В предыдущей коллективной монографии отмечалось, что перед сдачей в архив тексты подвергались литературному редактированию, а исходные записи, как и вопросы, использовавшиеся в ходе опросов, не сохранились[75]. В данной работе утверждение подверглось корректировке: «К сожалению, ввиду нехватки площадей для хранения оригиналы стенограмм после их распечатки на машинке уничтожались сотрудниками Комиссии уже во время войны. Несмотря на то что в силу этого сравнить оригинал стенограммы с машинописью сегодня не представляется возможным, изучение комплекса материалов о работе Комиссии показывает, что её сотрудники не проводили ни литературного редактирования, ни цензурирования информации, сообщаемой респондентами (исключая из текста их устной речи лишь нецензурные выражения)» (с. 14).

Основная часть воспоминаний посвящена боям 1943—1944 гг., но отдельные участники событий принимали участие и в боях 1941—1942 гг. Их рассказы позволяют дополнить имеющиеся описания природных условий во время Керченско-Феодосийской операции 1941—1942 гг., а также сравнить их с условиями проведения Керченско-Эльтигенской операции 1943 г.

Начало Керченско-Феодосийской операции планировалось на 21 декабря 1941 г., но Черноморскому флоту пришлось спешно перебрасывать в Севастополь готовившиеся для высадки в Феодосии 345-ю стрелковую дивизию и 79-ю отдельную морскую стрелковую бригаду. Сроки операции сдвинулись на 26 декабря, когда погода ухудшилась, однако командование не приняло это обстоятельство во внимание. Как следствие, по воспоминаниям командира отряда торпедных катеров 1-й бригады 3-го дивизиона торпедных катеров Черноморского флота капитан-лейтенанта А.И. Кудерского, «это была очень тяжёлая операция, так как и природа над нами поиздевалась — была исключительно скверная погода, мы от неё пережили больше, чем от бомб и артиллерии противника» (с. 155). Поднявшийся на Азовском море северный ветер, доходивший уже вечером 25 декабря до 7 баллов, отрывал от буксиров сейнеры, байды и шлюпки. Часть кораблей Азовской военной флотилии вернулась назад. Тем же, кто добрался до Керченского полуострова, из-за сильной волны и небольшой глубины не удалось подойти близко к берегу. Несколько спущенных на воду шлюпок разбилось о камни, десантникам пришлось идти к берегу по грудь в холодной воде. К тому же в условиях начавшегося ледостава суда,

[74] Сталинградская битва... С. 14.
[75] Вклад учёных-историков... С. 133.

стоявшие в гаванях Ахтари и Ейска, вообще не смогли выйти в море. Немецкие документы (журнал боевых действий Адмирала Чёрного моря) сообщали, что румынская «Дунайская флотилия не отплыла из-за неблагоприятных погодных условий»[76]. Таким образом, советские войска проводили высадку порой на не приспособленных для этого судах, в то время как корабли противника вообще опасались выйти из гаваней[77].

По словам Кудерского, «когда мы вернулись, начался ужасный шторм, причём сила ветра была огромная. А там был прили[в], мелко, воду несёт: повыкидывало кое-какие катера, которые не могли удержаться, на берег... Встали около мола и дождались того, что 29 числа пролив встал и там замёрзли все наши катера. Холодище, к нам никто не подойдёт и мы — ни к кому. Мы три или четыре дня сидели там без воды и пищи, замёрзли, голодные, снег, не знаешь, что делать, и никто тебе не может ничем помочь» (с. 156). Стоять пришлось до 10—11 января 1942 г., «потом пришёл ледокол и начал всю эту армаду вытаскивать. Льдом позатирало некоторые шхуны. Не знаю, как люди могли всё это перенести, так как всё время были на воде, на холоде и нигде не было совершенно погреться. По катеру всё время ходили на коленях — у меня и сейчас часто мёрзнут коленки» (с. 157). Действительно, в конце декабря лёд полностью сковал Керченский пролив, а к 4 января мороз достиг —30º. Но командованию удалось использовать эти обстоятельства для организации снабжения, эвакуации раненых и доставки подкреплений десанту. В начале января 1942 г. через пролив проложили ледовую дорогу, маршруты которой действовали затем более месяца.

Хотя далее Кудерский утверждал, что и Керченско-Эльтигенской операции «погода не благоприятствовала», приводя в качестве аргументов «слабый норд-ост» и туман (с. 162), на деле высадка в Эльтигене проходила в иных условиях. По словам командира сторожевого катера 2-го дивизиона сторожевых катеров старшего лейтенанта А.С. Маркова, сильный прибой не позволял кораблям подойти близко к берегу, «так как можно было сесть на мель. И, кроме того, противник всё время обстреливал» (с. 171). Но главной помехой оказались не погодные условия. Заместитель командира 318-й стрелковой дивизии по политической части полковник М.В. Копылов вспоминал: «Десант был произведён очень удачно, хотя и с большими жертвами, которые мы заранее предвидели, потому что Керченский пролив был заминирован. Во время десанта немало кораблей взорвалось. Берег был тоже заминирован. Жертв было очень много, особенно на воде, взрывались на минах и от артиллерийского и пулемётного огня» (с. 89).

В отдельных случаях природный фактор способствовал успеху. Командир 386-го отдельного батальона морской пехоты майор Н.А. Беляков отмечал, что «перед высадкой в течение нескольких дней дул сильный ветер, и местами мины были засыпаны глубоким песком. Так что они были глубоко зарыты, и мы по этой песчаной гряде прошли сравнительно легко» (с. 63). Но возникли и проблемы, поскольку «автоматы из-за большой пыли засорились и отказались стрелять» (с. 65). В последующем десантникам пришлось столкнуться с другими трудностями: «Погода была очень скверная. Шли дожди со снегом. Это также затрудняло наше положение, так как мы высадились в летних брю-

---

[76] Крым в Великой Отечественной войне... С. 153.

[77] *Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф.* Воздействие природных факторов на проведение десантных операций в Крыму... С. 99.

ках и ватниках» (с. 69). Командир роты 386-го отдельного батальона морской пехоты старший лейтенант Б.М. Литовчак подтверждает: «Мы жили в очень тяжёлых условиях, было холодно, не было достаточного питания и тёплой одежды» (с. 76).

Основная часть воспоминаний посвящена боям весны 1944 г. и позволяет судить о том, какую роль сыграли природные условия в ходе освобождения полуострова. Здесь особую ценность приобретает то, что в сборнике опубликованы рассказы представителей разных родов войск, на действия которых природный фактор оказывал различное воздействие.

В наибольшей степени зависели от погодных условий моряки и лётчики. Первым приходилось учитывать волнение моря. Так, Кудерский вспоминал, что в ночь запланированного выхода, с 26 на 27 апреля 1944 г., «погода была такая, что мне не понравилась, и я попросил командира бригады, чтобы не ходить, не жечь даром горючего. В море было 3—4 балла, и вообще погода не благоприятствовала выполнению задания». Командир бригады, «старый моряк», «посмотрел и сказал, что, если до полночи не уляжется, пусть команда отдыхает». Волнение, впрочем, продолжалось недолго: «Часа в 4 погода начала устанавливаться» (с. 164).

Для авиации, особенно ночных бомбардировщиков По-2 (У-2), главное значение имели сила и направление ветра[78]. По словам начальника штаба 46-го гвардейского ночного бомбардировочного авиационного полка майора И.В. Ракобольской, «при взлёте самолёта требуется, чтобы ветер дул навстречу... Если для тяжёлых самолётов не столь существенно, когда ветер будет немножко вбок, то для У-2 это очень существенно, потому что самолёт очень лёгкий — здесь фанера и перкаль. Если ветер сбоку, то самолёт становится на одно крыло, если ветер дует в хвост, самолёт встанет на нос. Для нас направление ветра всегда было очень важным». Между тем полевой аэродром полка с октября 1943 г. располагался в рыбацком поселке Пересыпи на Таманском полуострове, в непосредственной близости от Керченского полуострова. «В данных условиях было так: если ветер дует с суши на море, то самолёт опрокидывается на одно крыло, если с моря на сушу, самолёт опрокидывается на другое крыло. Поэтому полёты производились преимущественно с боковым ветром, что осложняло полёты на этом аэродроме» (с. 196). Немаловажными являлись общее состояние погоды, наличие частых в приморской полосе туманов, осадков, определявших ситуацию не только в воздухе, но и на земле, состояние аэродрома: «Зимы там настоящей нет, почва размокает и такая грязь, что даже командующий ходил пешком, машина не могла пройти» (с. 192). Постоянно менялась погода: «Неожиданно над целью начинался страшный снегопад, или неожиданно цель закрывал туман, низкая облачность» (с. 201). Один из экипажей погиб, попав в снегопад, «вообще природа была страшно неподходящая», «всё, что можно собрать в метеорологии против полётов» (с. 196). Однако даже в январе 1944 г. «при нелётной погоде мы делали по 1 000 боевых вылетов» (с. 192).

Природный фактор оказывал влияние и на действия сухопутных войск. Из воспоминаний можно узнать, с какими трудностями столкнулись, например, войска 51-й армии при переправе через Сиваш осенью 1943 г. Противник

---

[78] См. также: *Матишов Г.Г.*, *Афанасенко В.И.*, *Кринко Е.Ф.* Влияние аномальных природных явлений на действия советской авиации в Северо-Кавказской наступательной операции // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 5. С. 466—471.

выстроил оборонительные порядки на подходах к полуострову везде, кроме участка с этой стороны, поскольку считал форсирование залива невозможным. Командующий армией генерал-лейтенант Я.Г. Крейзер вспоминал: «Никаких переправочных средств не было, а Сиваш в этом месте представляет собой водную преграду шириной в 2—2,5 км с очень тяжёлым илистым грунтом, позволявшим пройти только людям и больше ничему. Попытка переправить конский состав привела к тому, что несколько лошадей погибло сразу же, отойдя недалеко от берега, хотя глубина воды достигала от 20—30 см до 60—70 см в самом глубоком месте. Поэтому части 346-й дивизии переправились только с личным вооружением: винтовки, автоматы и пулемёты, не имея с собой никакой артиллерии» (с. 254).

Особенно информативной по данному вопросу представляется стенограмма беседы с заместителем командующего армией по инженерным войскам генерал-майором А.Н. Баженовым. Он свидетельствовал: «Условия переправы вброд были тяжелы, потому что Сиваш имеет илистое дно, нога погружается и прилипает к этому илу на глубину до колен. Кроме того, вода солёная, причём процент солей там больший в 10 раз, чем в море. Поэтому длительное пребывание в воде вызывало язвы на ногах, помимо простудных заболеваний, которые были связаны с температурой» (с. 303). Ещё одно свидетельство принадлежит начальнику артиллерии той же армии генерал-майору Н.И. Телегину: «Люди шли по солёной воде, разъедающей ноги, тело, тонули в илистом дне, замерзало тело просто. Кровь замерзала при выходе на тот берег. Были смертельные случаи. Тащили на себе орудия, миномёты, противотанковые ружья, боеприпасы. Вышли на южный берег Сиваша» (с. 287).

Однако переправившаяся группировка нуждалась в огневом усилении. Для этого был нужен мост, но его строительство требовало времени. Баженов привёл поразительный пример стойкости и самоотверженности солдат: «Пока строили мост, в это время действовала бурлацкая переправа, и мы, не дожидаясь окончания моста, переправляли на свой риск и РС на этих паромах фанерных, перетаскивали 152-мм пушки, тяжёлую артиллерию протащили, включительно до трактора ЧТЗ, который весит 12 тонн уже. Всё это с трудом приходилось тащить по илу через Сиваш в воде. Один паром с трактором ЧТЗ, скажем, тащило человек полтораста, РС тащило человек 80, пять часов. Три часа передвижения на тот берег, затем переправа обратно, снова нагрузка, и в день 5 часов занимал один рейс. Приспособили впереди рычаги дополнительные, потому что самый размер парома был настолько мал, что этим 80 человекам не хватало места, чтобы схватиться за него. Мы точки опоры создавали путём дополнительных рычагов, и 80 человек тащили эти РС» (с. 305). Крейзер подчеркнул «массовый героизм рядового и офицерского состава, так как людей было не так уж много, поэтому тем, кто работал на переправе, приходилось форсировать Сиваш по 2—3—4, а некоторым и по 5 раз за сутки, что является пределом физических и моральных возможностей человека. Причём эта переправа происходила под систематической бомбёжкой с воздуха и под артиллерийским воздействием противника» (с. 256).

Тем временем 12-я штурмовая инженерно-сапёрная бригада в ледяной воде строила мост до лежащего посреди Сиваша острова Русского, а далее, до крымского берега — дамбу. На дно «гнилого моря» опускали плоты из брёвен, придавливали их мешками с землёй и уже поверх ставили рамы с настилом.

Для отвлечения врага по соседству начали возводить ложный мост из дерева и тростника[79].

Сооружение и использование переправ проходило в аномальных погодных условиях. По словам Баженова, 17—19 ноября, в разгар строительства, «поднялся шторм с восточным ветром сильным. Сиваш стал гневаться, поднялась волна сильная, и у нас около 40 опор разнесло по всему Сивашу, хотя они были закреплены, но удержать их было невозможно. Эта волна нам часть моста разбросала по всему Сивашу. Шторм сопровождался сильным подъёмом воды». И всё же 10 декабря первый мост начал действовать, что позволило «прекратить бурлацкую переправу и перейти на нормальный способ», обеспечивая переправившийся 10-й стрелковый корпус всем необходимым: боеприпасами, продовольствием, топливом. «Нам же не на чем было варить пищу, не было ни одного строения, ни одного куста. Первый период использовали траву курай, но уже недели через две весь курай был сожжён. Тогда стали выкапывать из земли корни этого курая и ими топить. Затем мы получили дрова и их нужно было возить туда. К этому времени мост уже был готов и первое время работал» (с. 305).

25 декабря сапёры приступили к постройке второй переправы — двух встречных дамб, соединённых плавучим мостом на понтонах. Но снова вмешалась стихия — согласно Крейзеру, «когда после длительной, напряжённой работы дамба была в основном готова, оставался разрыв 200—300 метров, который должны были покрыть понтонами, на Сиваше разразился шторм 10—20 баллов. После трёх дней шторма дамба была полностью разрушена» (с. 258). Баженов вспоминал, что «постоянный ветер вызывал колебание уровня воды в Сиваше. Иногда там была глубина метр, и паром свободно ходил, а бывали дни, когда там нельзя было даже на резиновой лодке проехать, нужно было её тащить волоком». Утром 12 февраля 1944 г. дамбу, возвышавшуюся над морем на высоту от 0,8 до 1 м, «испытали на пропуск танка Т-34», а уже вечером «поднялся сильнейший шторм, и от этой дамбы почти ничего не осталось» (с. 307). Шторм продолжался до 19 февраля: «Временами сила ветра доходила до урагана, мокрый снег, занесло. 13 февраля мы из землянки не могли выйти... всё было заполнено снегом. Подъём воды был до метра. Но самым страшным врагом оказалась волна. Так, у нас откосы дамбы были прикрыты камышовыми матами, другого материала не было. От размыва самой водой камыш предохранял, но от волн он не предохранял» (с. 308).

Все эти 7 дней для сапёров «были авральными, спасали эту дамбу, земленосными мешками старались закрыть, привязывали лодки». Готовый понтон «потащило по Сивашу, якоря не выдержали, ослабли, поползли, часть канатов лопнула, и этот понтон поплыл к противнику. Поэтому нужно было спасать и дамбу, и этот понтон». Сила волны оказалась такова, «что 12 гребцов на понтоне не могли преодолеть силу ветра. Из этих 2 308 метров было размыто полностью 1 300 метров, а из оставшегося километра на 40—50% сохранилось. Мост выдержал, ничего с ним не случилось. Вода доходила до настила. Поэтому возникла вторая опасность, что этот шторм сорвёт настил. Стали принимать меры, отдали команду загружать этот мост рельсами, чтобы его придавить». И только когда вода начала спадать, выяснилось, что мосту никаких разрушений не причинено (с. 308). После этого «приступили вновь к строительству дамбы, но с более широким раствором для понтонного моста, и к момен-

[79] *Afanasenko V.I.* The influence of abnormal natural factors... P. 21.

ту, когда этот мост потребовался, т.е. к моменту принятия решения фронтом на наступление и сосредоточение войск на этом плацдарме, вторая переправа была построена в виде двух дамб на северном и южном берегу по 500 метров и полтора километра понтонного моста, по которому пропускались все грузы до 8 тонн» (с. 258).

Крейзер утверждал, что погодные условия задержали и боевые действия: «Было назначено несколько сроков начала этой операции. Здесь вмешалась природа, и очень сильно». С 20 марта погода резко ухудшилась, температура упала до 0°С и колебалась до 5°С тепла. 28 числа разразился двухдневный снежный буран, «очень мощный, который буквально занёс снегом все траншеи, все окопы, землянки. Ветер — 12—14 метров в секунду при абсолютном отсутствии видимости. Это, конечно, создало целый ряд трудностей и в сосредоточении». Но и после этого метеорологическая обстановка «не позволяла начать операцию в связи с отсутствием должной видимости и плохим состоянием дорог. Поэтому армия, закончив сосредоточение, в течение 12 дней в готовности начать действия не начинала их из-за отсутствия погоды». Только 6 апреля получили прогноз, что на 7 апреля «погода должна быть вполне удовлетворительной, обеспечивавшей должную видимость» (с. 261).

Таким образом, рассматриваемый документальный сборник позволяет раскрыть влияние природных условий на ход боевых действий в Крыму в 1941—1944 гг., выявить способы преодоления их негативных последствий (как правило, за счёт самоотверженности и героизма бойцов и командиров). Проведение Керченско-Феодосийской операции показывает, что первоначально погодные условия командованием практически не учитывались, если только речь не шла о действиях флота и авиации. Но постепенно, на различных уровнях командного состава Красной армии и Военно-морского флота росло понимание того, что при учёте климатической обстановки удастся добиться решения боевых задач и сберечь жизни солдат.

Алексей Безугольный: Материалы Комиссии Минца и изучение человека на войне в современной российской исторической науке

Aleksej Bezugol'nyj (Institute of Military History, Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Moscow): Documents of the Mintz Commission and the study of «Man at war» in modern Russian historical science

DOI: 10.31857/S086956870015475-3

Из многочисленной литературы по теме освобождения Крыма данную работу выделяет, прежде всего, весьма необычная и даже непривычная для исследователя Великой Отечественной войны и интересующегося читателя источниковая база. В основу публикации легли материалы, собранные образованной ещё в ноябре 1941 г. Комиссией по истории Великой Отечественной войны АН СССР. Кадровую и методологическую основу её работы составила имевшая многолетний опыт по сбору материалов современной истории главная редакция «Истории гражданской войны». Деятельность Комиссии постоянно расширялась и усложнялась организационно, тематически и географически, что в конечном итоге позволило собрать весьма внушительный фонд, ныне содержащий почти 17,5 тыс. архивных дел, хранящихся в Научном архиве Инсти-

тута российской истории РАН[80]. Он весьма разнообразен — это оперативные и политические документы воинских частей и соединений, выписки из газет, листовки, плакаты, материалы «актирования» (фиксации и подсчёта ущерба от оккупации), трофейные документы и многое другое. Настоящей жемчужиной коллекции, её уникальным ядром, которое только начинает изучаться, являются материалы опросов (интервью) сотрудниками Комиссии свидетелей тех исторических событий — военнослужащих и гражданских лиц.

Перед нами — живые люди во всей полноте их переживаний. Это как раз то, чего всегда не хватало отечественной историографии Великой Отечественной войны. Вернее то, от чего историографическая традиция, в значительной степени унаследовавшая стиль и тон донесений армейских политорганов, сознательно отказывалась сама, приняв вместо живого человека его героический образ — немного лубочный, ходульный, прямолинейный, очищенный от сомнений и страстей.

Нашему поколению ещё посчастливилось говорить с дедами о войне, однако живая память спустя многие десятилетия уже даёт сбои. Интервью же лишены таких искажений. Это даже не воспоминания, а свежие, вчерашние впечатления о боях, полные мелких, зачастую удивительных или страшных деталей. К тому же беседы проводились, как правило, профессиональными историками по специально разработанному стандартизированному опроснику, нацеленному на сохранение всех впечатлений и оценок интервьюируемого. Среди опрашиваемых — люди разных воинских званий и должностей, полов, возрастов, национальностей; в записях фиксировались особенности их языка и разговорной речи. Их рассказы об одном и том же событии могут существенно отличаться друг от друга, что даёт историку дополнительную пищу для размышлений. На рассказчиков не давила готовая официальная трактовка исторических событий, в которых они участвовали — таковой ещё не было. В то же время интервью не лишены самоцензуры — ведь все респонденты отбирались и рекомендовались (а перед тем, очевидно, инструктировались) политорганами своих частей.

В советское время материалы Комиссии не носили грифа «секретно», но и практически не использовались в публикациях, не говоря уже о том, что документы личного происхождения имели явно второстепенное значение по сравнению с официальными документами органов власти и военного управления. Количество обращений к фондам Комиссии и публикации её материалов можно сосчитать по пальцам. Не востребованными они оставались и в 1990—2000-х гг., хотя именно этот период характеризуется всплеском интереса общественности к «окопной» «правде о войне». Большую популярность приобрёл жанр солдатских мемуаров, многие рядовые воины получили возможность высказаться, и это дало большое прибавление корпусу текстов о войне. Сериями таких публикаций отметились многие книжные издательства, дав слово как ещё живым ветеранам, пронесшим память о войне через всю жизнь, так и рукописям, многие годы пролежавшим «в столе» и остававшимся невостребованными по идеологическим или иным причинам. Однако и этот

[80] Подробно об организации и работе Комиссии см.: *Тихонов В.В.* Материалы Комиссии по истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. академика И.И. Минца как исторический источник // Российское государство: истоки, современность, перспективы. Материалы межрегиональной историко-патриотической научной конференции (Липецк, 8 июня 2012 г.). Ч. 2. Липецк, 2012. С. 32—40.

источник личных знаний о войне неминуемо и безвозвратно иссякает с уходом её участников.

Между тем интерес российского общества к личной истории человека на войне год от года лишь растёт. Этому способствует наращивание мощностей электронных ресурсов. Сейчас крупнейший, не имеющий аналогов в мире биографический ресурс «Память народа» позволяет не просто найти своих предков, воевавших на фронте, но даёт возможность с большой точностью восстановить их боевую судьбу: звания и должности, места службы, награждения, ранения, место гибели и захоронения. Не выходя из дома, человек за считанные часы может проделать работу, на которую прежде уходили годы архивного поиска. Об общественной значимости индивидуализации истории войны свидетельствуют и ежегодные массовые шествия «Бессмертного полка». Несмотря на то что с годами акция заметно бюрократизировалась, она по-прежнему популярна среди миллионов сограждан.

На фоне роста интереса к источникам личного происхождения неизбежно возрастёт и интерес к материалам Комиссии. Они, подобно полезным ископаемым, не «залегают» на поверхности, а требуют профессионального научного поиска, анализа и публикации. Может быть, поэтому очередь до них дошла только сейчас. В 2013 г. опубликованы стенограммы бесед с жителями Харькова об обстоятельствах оккупации города[81]. В 2014 г. большой корпус документов «покрышкинской дивизии» (9-й гвардейской истребительной авиационной дивизии, которой командовал трижды Герой Советского Союза А.И. Покрышкин) опубликовал А.В. Марчуков[82]. Книга содержит 21 интервью: лётчиков (в том числе таких выдающихся асов, как сам Покрышкин, Г.А. Речкалов, Д.Б. и Б.Б. Глинка, П.П. Крюков, А.И. Труд и др.), а также штабных, политических и технических работников. Автор дал необходимые научные комментарии и справки, иллюстративный материал. В настоящее время готовится к изданию вторая книга интервью с авиаторами — на этот раз с военнослужащими прославленной 3-й гвардейской истребительной авиадивизии. В 2015 г. под редакцией Й. Хелльбека (США) опубликован объёмный том свидетельств участников и очевидцев Сталинградской битвы[83]. В него вошли около 100 интервью как с военнослужащими Красной армии, так и с простыми жителями осаждённого города. Тогда же вышла коллективная монография о работе самой Комиссии[84].

Это, пожалуй, всё. Следует отметить, что пока научное использование материалов Комиссии ограничивается публикацией документов, первичным введением их в научный оборот. В монографиях и статьях они используются совершенно недостаточно. Тем не менее в целом уместно говорить о складывании нового жанра публикаций о Великой Отечественной войне, раскрывающего её новую грань. В частности, изучение материалов Комиссии обещает существенное приращение наших знаний, послужит важным дополнением

---

[81] Город и война: Харьков в годы Великой Отечественной войны. СПб., 2013.

[82] *Марчуков А.В.* Герои-покрышкинцы...

[83] Сталинградская битва... См. также публикации этой книги в Германии и США: *Hellbeck J.* Die Stalingrad-Protokolle...; Stalingrad: the city that defeated the Third Reich.

[84] Жанрово близкой к материалам Комиссии Минца является недавняя публикация опросов высшего начальствующего состава РККА об обстоятельствах приграничных сражений лета 1941 г., основанная на материалах Генерального штаба Красной армии, хранящихся в Центральном архиве Министерства обороны РФ: «Пишу исключительно по памяти...» Командиры Красной Армии о катастрофе первых дней Великой Отечественной войны. В 2 т. / Сост. С.Л. Чекунов. М., 2017.

к официальным материалам воинских частей и командования Красной армии и флота. Оно позволяет взглянуть на события, чьи подробности, казалось, давно известны, с новых ракурсов, придать их освещению новые краски (если здесь уместен такой штамп).

При этом нужно отметить, что не следует ждать сенсаций, которые перевернут наши представления. Эти документы не смогут составить самостоятельную источниковую основу для изучения той или иной операции. Однако отдельные сегменты истории Красной армии и Великой Отечественной войны не только охвачены в них весьма подробно, но и содержат уникальный исторический материал. К таковым можно отнести документы о московском ополчении, воинских частях, сражавшихся под Сталинградом и Севастополем, национальных дивизиях, укомплектованных уроженцами Прибалтики, ряда авиационных соединений. Подробно задокументирована история партизанского движения. 7 240 дел с беседами и материалами о Героях Советского Союза позволяют рассчитывать на организацию научно обоснованного просопографического исследования этой категории военнослужащих.

Пока же свежее издание ИРИ РАН может служить образцом и примером подобной полезной и качественной работы. Перед нами — хорошо, со вкусом сделанная книга: начиная с обложки с отлично перекликающимися сюжетно и символически фотографиями. Публикуемые интервью снабжены профессиональными и подробными комментариями. Отлично дополняет их портретная галерея участников интервью и героев боёв за Крымский полуостров. Интересна и подборка фотографий, иллюстрирующих бои. Всё это наглядно показывает, что проведена большая научно-вспомогательная работа, органично дополнившая основное содержание работы.

Николай Мининков, Людмила Мининкова

Рец. на: З.В. Дмитриева, С.А. Козлов. Налоги и войны в России XVII—XVIII вв. СПб.: Историческая иллюстрация, 2020. 568 с.

Nikolay Mininkov, Ludmila Mininkova
(both — Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia)

Rec. ad op.: Z.V. Dmitrieva, S.A. Kozlov. Nalogi i voiny v Rossoo XVI—XVIII vv. Saint Petersburg, 2020

DOI: 10.31857/S086956870015476-4

Новая монография известных исследователей экономической и финансовой истории России позднего Средневековья и Раннего Нового времени З.В. Дмитриевой и С.А. Козлова содержит комплексный анализ общего положения Московского государства и первого века существования Российской империи не только с точки зрения истории финансов, но и в отношении истории внешней политики. В книге с опорой на синхронный и диахронный анализ и компаративный метод характеризуются особенности внутреннего строя России на фоне стран Европы. Структура монографии позволяет уяснить процесс становления и развития России как военно-фискального государства. Авторы исходят из того, что это был длительный путь, начавшийся со времени Ивана Грозного; повествование доведено до «времён Очаковских и покоренья Крыма» при Екатерине II. Последнее не означает, однако, что на этом заканчивается и история военно-фискального государства: вопрос о времени прекращения его существования авторы оставили открытым.

При этом авторы книги подводят читателя к общей и «вечной» проблеме российской истории: вопросу о месте страны в окружающем её мире или соотношении общего и особенного в её истории. На фоне кризиса советской историографии с господствовавшей в ней концепцией русского феодализма чётко выразилась мысль об особом пути исторического развития России. Как показали Дмитриева и Козлов, системы налогообложения в разных странах могут служить критерием, дающим основания для характеристики цивилизаций. Авторы упоминают концепцию о татарском происхождении налоговой системы Московского государства, отметив при этом, что источники не фиксируют случаев трансляции монгольской системы сбора налогов в русские княжества. В монографии внимательно проанализированы способы обложения населения в европейских странах со времени появления в Англии «Книги страшного суда» при Вильгельме I Завоевателе, а также более поздние налоговые системы в других государствах. Это позволило авторам сделать вывод, согласно которому основные черты системы налогообложения в России имели принципиальное сходство с европейскими, хотя последние сформировались значительно раньше. И если на Западе в конце XV — начале XVI в. уже сложился порядок обложения земли, всего недвижимого и движимого имущества, то в России того времени лишь начинали формироваться принципы поземельного обложения. Представляется, что

этот вывод исследователей является аргументом в поддержку тезиса С.М. Каштанова, констатировавшего «принципиальную однотипность русского и западного феодализма», но с отставанием в 600—800 лет[1].

Магистральная тема монографии — финансовая история России почти за три столетия. История налогообложения при этом прослежена в неразрывной связи с другими сторонами жизни государства и общества, его политикой и культурой. Тем самым она приближается к идеалу тотальной истории, которая даёт возможность получить, по А.Я. Гуревичу, «объёмную картину исторической жизни на многих её уровнях»[2]. Исследование Дмитриевой и Козлова даёт возможность наглядно увидеть не только самую тесную связь между войнами и налогами. Значение этих явлений авторы рассматривают в связи с тем, что на их базе шло формирование государств и их историческое развитие как в Средние века, так и в Новое время. Вне учёта роли налоговой системы и податного обложения невозможно уяснить характер и особенности функционирования государственного аппарата, самого существования государственной власти и, следовательно, условий развития общества. Не случайно А.С. Лаппо-Данилевский выдвигал в качестве объекта исследования историю податного обложения в России XVII в.[3] Поставленная в монографии Дмитриевой и Козлова проблема позволяет уяснить не только финансовую или военно-финансовую историю. Книга имеет более общее значение, давая представление о характере и особенностях государства и отношений его с обществом.

Наглядным проявлением связи между финансами страны и фундаментальной проблематикой отечественной истории стала характеристика предпосылок Смутного времени в России в свете анализа налогообложения периода Ливонской войны. Отмечая, что проблемы, обозначившиеся тогда в разных сферах, в историографии принято связывать с войной и с усилившимся податным гнётом, авторы указали на конкретные проявления кризиса. Анализ источников, где на причины и «степени запустения» указывало само население, позволил констатировать, что происходило это не только «от литовской войны», «свейских немец» или «поветрия». В не меньшей степени в сознании людей причиной «запустения» были «государевы подати». По словам современников, запустение происходило также от опричников и от «ратных людей». Авторы приводят данные о «запустении» по Деревской пятине, вотчинам Иосифо-Волоколамского монастыря и указывают на масштабы этого явления по другим территориям страны. К этому добавим, что масштабы кризиса отражены уже в Рязанской писцовой приправочной книге, относящейся ко времени царя Фёдора Ивановича. Согласно этому источнику, немало мелких помещиков Рязанского уезда «сошли» на Дон и упоминались в книге в качестве донских атаманов[4], сохраняя при этом свои поместья в уезде. Таким образом, анализ финансового положения страны и политики правительства в сфере налогообложения в период Ливонской войны, проведённый Дмитриевой и Козловым, позволяет понять ситуацию в стране накануне Смуты.

Ливонская война, ставшая одной из причин экономического кризиса в стране, выдвинула в качестве определяющего принципа финансовой политики русских властей обеспечение военных потребностей государства, изъятие у населения средств на ведение войны. Смута с её потрясениями включила в повестку дня в качестве исключительно актуального ещё

один принцип налоговой политики — принцип посильности. Два указанных авторами начала находились в противоречии друг с другом. Приоритет военных потребностей государства справедливо определён авторами как ведущий. Периоды, когда принцип посильности играл заметную роль, не были продолжительными, в частности, ему следовали от заключения Столбовского и Деулинского мирных договоров до Смоленской войны, а также, вследствие накопившихся огромных недоимок, в последние годы царствования Михаила Романова. Но уже в начале правления Алексея Михайловича правительство отказалось от системы послаблений в связи с началом в 1654 г. войны с Речью Посполитой. Шаги по облегчению подушной подати были сделаны после смерти Петра I верховниками, но вступление Российской империи в войны при Анне Иоанновне вновь заставили власти отказаться от принципа посильности. Понимание ограниченности возможностей увеличения прямых налогов осознавало окружение Елизаветы Петровны, результатом чего стали поиски способов увеличения косвенных податей. Семилетняя война, а затем войны Екатерины II, хозяйственное освоение Причерноморья и Крыма заставили правительство искать пути повышения государственных доходов в том числе за счёт поиска более эффективных мер по сбору налогов.

Если военные нужды для правительства были доминирующими, то принцип посильности, основанный на опасении народных движений, явно занимал второстепенное место. «Внешние успехи новой России напоминают полёт птицы, которую вихрь несёт и подбрасывает не в меру силы её крыльев»[5], — так образно В.О. Ключевский отметил несоответствие между внешнеполитическими успехами государства и военными расходами власти, с одной стороны, и реальными экономическими возможностями народа — с другой. Дмитриева и Козлов на конкретном материале проследили, как объективное противоречие между государственными запросами и экономическими возможностями податного населения приводили не только к постоянным недоимкам, но и к выколачиванию податей с помощью военной силы[6].

В качестве одного из следствий финансовых трудностей населения исследователи указали на массовые народные движения, непосредственно вызванные мерами фискальной политики. В отношении одного из таких выступлений, Медного бунта 1662 г., недавно было высказано особое мнение: это восстание было вызвано нарушением традиционных представлений народа «о мироустройстве, о власти вообще и о фигуре монарха в частности»[7]. Едва ли, однако, есть основание отрицать связь Медного бунта с расстройством денежной системы. О внутреннем напряжении, связанном с попыткой введения медных денег, свидетельствует посылка в 1663 г. Войску Донскому в качестве царского жалованья 10 тыс. руб. медью. Казаки отказались принять его: к тому времени медные деньги уже были выведены из обращения[8].

Особый интерес вызывает авторский анализ развития налоговой системы в России в связи с зарубежными практиками податного обложения. Авторы рассматривают развитие системы налогообложения в Московском государстве и в Российской империи XVIII в. как часть общеевропейского процесса, для которого определяющей чертой был «модерный нациогенез»[9] и формирование национальных государств (переход от политической раздробленности Средневековья к государственному объединению Ран-

него Нового времени). Постоянные войны, которыми сопровождался этот процесс, сделали необходимым формирование общегосударственных налоговых систем. Авторы монографии, однако, не просто приняли и применили концепцию военно-фискального государства к России. Они подтвердили возможность её использования для объяснения важнейших процессов, имевших место в стране с середины XVI до конца XVIII в.

Исследование опирается на широкий круг источников. Среди них — материалы писцового делопроизводства и ревизий, документы о налогообложении и повинностях Кирилло-Белозерского монастыря и Поморья, челобитные. Дмитриева и Козлов правомерно указали на вопрос о степени достоверности этих источников, в частности писцовых книг, который был поднят ещё в трудах А.С. Лаппо-Данилевского и П.Н. Милюкова[10]. Не меньше сложностей ожидают исследователя при работе с дозорными книгами. Как отмечал В.Н. Козляков, противоречия между старыми писцовыми книгами и новыми дозорами в первые годы царствования Михаила Романова вызвали «рознь между землевладельцами разных уездов»[11]. И, напротив, на достоверность ранних новгородских писцовых описаний указывал А.А. Фролов[12]. Авторы монографии признают сложность анализа данных писцовых и дозорных книг и указывают на метод проверки их данных путём сравнений государственных и вотчинных описаний.

Теория военно-фискального государства, принятая и глубоко обоснованная Дмитриевой и Козловым, вполне вписывается в рамки отечественной историографической традиции, в которой заметное место занимает концепция Русского централизованного государства, наиболее чётко обоснованная Л.В. Черепниным. В дальнейшем, начиная с работ А.М. Сахарова, стал заметен отход историков от этой концепции[13]. В последние годы заметно усиление внимания к взглядам Черепнина, в книге которого представлено «достаточно полное изложение политической истории», «принципиально новая концепция социально-экономических оснований объединения Руси», прослежена «эволюция общественной мысли»[14]. Монография Дмитриевой и Козлова даёт дополнительное обоснование концепции Русского централизованного государства. Для ведения войн и их материального обеспечения был необходим развитый аппарат власти. На конкретном материале истории налогообложения авторы подтвердили положение о непомерной тяжести государственных податей и повинностей для широких слоёв населения страны. Книга З.В. Дмитриевой и С.А. Козлова стала важным вкладом в исследование процессов образования и развития Российского государства и роли в них войн и налоговой политики самодержавия.

Примечания

[1] *Каштанов С.М.* Московское царство и Запад. Историографические очерки. М., 2015. С. 439.

[2] *Гуревич А.Я.* Уроки Люсьена Февра // *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991. С. 522.

[3] *Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времени Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 2.

[4] *Анпилогов Г.Н.* Рязанская писцовая приправочная книга конца XVI века. М., 1982. С. 206, 209, 211, 223—224, 228.

[5] *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. 3 // *Ключевский В.О.* Собрание сочинений в 8 томах. Т. 3. М., 1957. С. 8.

[6] *Спасский И.Г., Юхт А.И.* Финансы. Денежное обращение // Очерки русской культуры XVIII века. В 2 ч. Ч. 2. М., 1977. С. 111—112.

[7] *Ляпин Д.А.* Причины «Медного бунта» в Москве 25 июля 1662 г. // Гуманитарные и юридические исследования. Научно-теоре-

тический журнал. Вып. 3. Ставрополь, 2020. С. 54—55.

[8] *Загоровский В.П.* Донское казачество и размеры донских отпусков в XVII веке // Из истории Воронежского края. Труды ВГУ. Т. 53. Вып. 1. Воронеж, 1960. С. 145.

[9] *Доронин А.В.* Модерный нациогенез как миссия Ренессанса // Вызов времени: становление централизованных государств на Востоке и Западе Европы в конце XV—XVII вв. М.; Калуга, 2019. С. 24—25.

[10] *Макушин А.В.* Магистерская диссертация А.С. Лаппо-Данилевского в оценке П.Н. Милюкова // Историческая наука и методология истории в России XX века: к 140-летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского. Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. Вып. 1. СПб., 2003. С. 78.

[11] *Козляков В.Н.* Михаил Романов. М., 2010. С. 111.

[12] *Фролов А.А.* Первые писцовые описания на Руси и земельная политика великого князя Ивана III // Великое стояние на Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты. Материалы всероссийской с международным участием научной конференции (30 марта — 1 апреля 2017 г., Калуга). Калуга, 2017. С. 357.

[13] *Сахаров А.М.* Образование и развитие Российского государства в XIV—XVII вв. М., 1969. С. 35.

[14] *Назаров В.Д.* Лев Владимирович Черепнин: судьба и наука (1905—1977) // Черепнин Л.В. Моя жизнь. Воспоминания. Комментарии. Приложения. Т. 1. М., 2015. С. 381.

Евгений Крестьянников

История томского погрома 1905 г.*

Evgenii Krestiannikov
(Tyumen State University, Russia)

The history of the Tomsk pogrom of 1905

DOI: 10.31857/S086956870015477-5

Второе издание монографии Михаила Викторовича Шиловского о томском погроме 20—22 октября 1905 г. осуществлено вдвое бóльшим тиражом (1 тыс. против 500 экз.)[1] и богато иллюстрировано, что свидетельствует об интересе к теме широкого круга читателей. Это неудивительно, поскольку М.В. Шиловский — патриарх сибиреведения и признанный мастер исторического исследования — осмелился детально разобраться в явлениях, трагизм и необъяснимость которых, вероятно, препятствовали их изучению предшественниками. 66 погибших и 126 раненых в томском погроме (с. 3) стали жертвой глубоких перемен, поскольку события октября 1905 г. «отобразили радикальную реакцию “низов” городского социума против носителей модернизационных процессов, разрушающих единообразие и замкнутость традиционного полукрестьянского общества» (с. 114). После такого кровопролития жизнь Томска уже не могла вернуться в прежнее русло. По свидетельству очевидца, тогда в городе случилось «что-то вроде Варфоломеевской ночи»[2], и в дальнейшем, как вспоминал другой свидетель бойни, томичи видели друг в друге «зверя, готового броситься на тебя без всякой причины»[3].

Шиловский проделал большую работу по реконструкции конфликта, скрупулёзно исследовал обстановку в Томске: карьеры губернатора В.Н. Азанчевского-Азанчеева и полицмейстера П.В. Никольского, социальный и профессиональный состав населения города, состояние местного гарнизона и даже количество абонен-

* *Шиловский М.В.* Томский погром 20—22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. Изд. 2, испр. и доп. Новосибирск: Параллель, 2019. 160 с.

тов городской телефонной станции. В первом разделе автор упорядочивает то, что современникам наверняка представлялось совершеннейшим хаосом. Подробно освещены действия властей, оппозиции и погромщиков на улицах, в отдельных кабинетах и заведениях.

13—19 октября в Томске прошли мощные антиправительственные митинги, а администрация и полиция то шли на уступки революционному движению, то пытались подавить его силой (с. 19—34). Манифест 17 октября спровоцировал «взрыв» гражданского противостояния. 20 октября случилось кровопролитное столкновение между созданной городской оппозицией милицией и «патриотическими» силами. Вершиной конфронтации стал пожар в доме железнодорожной службы. Гибель людей в огне и расправа толпы над теми, кто пытался вырваться из полыхавшего здания, произвели на современников самое жуткое впечатление (с. 34—62). В последующие дни, на фоне затухавшего политического конфликта, в городе развернулась антисемитская истерия и буйство ничем не сдерживаемого криминала. Преступники, нередко вместе с солдатами, громили и грабили имущество горожан, пока уголовная стихия не была остановлена военными патрулями (с. 62—69).

События в Томске оценивались по-разному, в зависимости от политических взглядов современников. В сентябре 1909 г. черносотенная газета «Вече» указывала, что бойня стала ответом «честных русских людей» врагам Церкви и царя[4]. В 1918 г. томская «Народная газета» дала иную интерпретацию: «Революцию задушили, и ей на смену пришла чёрная-пречёрная реакция. Исконные устои были восстановлены в своей незыблемости, пошатнувшийся было трон вновь упрочился... Громили тогда не здание ж.-д. управления, но то, что могло спасти Россию, сделать её культурным, конституционно-правовым государством, а россиян из бесправных рабов — полноправными гражданами, которые знают цену отечеству и готовы биться за неё до последней капли крови»[5].

В разделе «Реакция и интерпретации томского погрома» (с. 70—115) автор анализирует предпосылки томской бойни и предпринимает попытку выявить виновников конфликта. Труд Шиловского, таким образом, призван дать ответы на вопросы тех, кто не верил, что тайны побоища раскроются в обозримом будущем, и сразу после погрома писал: «Пройдёт много времени, пройдут года и десятки лет раньше, чем вся эта позорная для Томска кровавая история получит полное, беспристрастное освещение истории»[6].

За кровопролитием последовало прекращение митингов и затишье в городской общественной жизни. Власти пытались скрыть следы собственных противоправных действий и искали зачинщиков беспорядков в антиправительственном лагере, представители которого, со своей стороны, развернули кампанию по обвинению в причастности к преступлениям Азанчевского-Азанчеева, Никольского и других защитников самодержавия. В итоге в городе было введено военное положение, оппозиционеры высылались, закрылась и местная газета «Сибирский вестник», энергичнее других разоблачавшая чиновников.

Судебный процесс над погромщиками прошёл 17—28 августа 1909 г. в Томском окружном суде и стал одним из крупнейших в истории дореволюционного сибирского судопроизводства. Несмотря на это, он до сих пор не становился предметом специального исследования, и Шиловский частично восполняет этот пробел.

Вместе с тем будущих историков должно заинтересовать, к примеру, противостояние выдающихся адвокатов эпохи: защитником подсудимых выступал член Совета Союза русского народа, скандально известный поверенный П.Ф. Булацель, а главным обвинителем был авторитетный сибирский адвокат, будущий премьер-министр антибольшевистских правительств периода Гражданской войны П.В. Вологодский.

Тем не менее, по оценке наблюдателей, на заседаниях шла всего лишь «комедия» правосудия[7]. Были оправданы 47 обвиняемых, осуждены 16, а присутствовавшей в зале суда публике представили некую «обрезанную» версию случившегося. Булацель изображал подсудимых как людей, боровшихся за свои убеждения. Адвокаты со стороны гражданских истцов «квалифицировали погром как политическую акцию, осуществлённую люмпенами, загнанными модернизационными процессами в тупик, против носителей прогрессивных устремлений и участников освободительного движения при попустительстве местной администрации» (с. 85—88).

Шиловский подчёркивает, что почва для столь масштабных волнений готовилась давно. Радикалы и левые либералы последовательно усиливали давление на органы самоуправления и общество, что привело к двоевластию и параличу учреждений, обеспечивающих порядок в городе. В то же время Манифест 17 октября нашёл отклик у горожан, потерявших заработки из-за непрекращающихся митингов и недовольных дестабилизацией привычных устоев (с. 88—90). В историографии до сих недооценивается способность консервативно настроенных обывателей к мобилизации против революционных сил. Томский погром «показал достаточно высокий уровень организации консервативных элементов, действовавших в рамках основополагающих методов функционирования мещанского общества и принципов общинной организации» (с. 103).

Власти, как считает автор, едва ли провоцировали погром. Азанчевского-Азанчеева, которого некоторые историки называют убеждённым черносотенцем и антисемитом[8], Шиловский характеризует как человека, уступавшего разгулу стихии. Губернатор был малоопытен и нерешителен, он пытался удержать контроль над ситуацией и нанести удар по оппозиции, в то время когда погромщики уже расправлялись с революционерами, а среди громил попадались чиновники в партикулярной одежде. Принятые накануне погрома решения городской думы «о прекращении финансирования городского полицейского управления и создании альтернативной милиции оказали негативное воздействие на рядовых полицейских и лишили их перспективы нормально жить и содержать семьи» (с. 111). Оказавшиеся без средств чины полиции были разозлены против тех, кто задолго до того занимался их дискредитацией.

Между тем в критический момент раздражённые стражи порядка превращались и в противников самодержавия. Так, околоточный надзиратель Д.М. Ипполитов на митинге в Томске 19 октября 1905 г. публично заявил о переходе на сторону революции и даже передал председателю антиправительственного собрания свою шашку и револьвер. 25 октября в разговоре с приставом одного из томских участков он подтвердил, что совершил указанные действия «по убеждению», а 28 октября Никольский приказал его арестовать[9].

Наверняка каждый исследователь российских погромов начала XX в. задумывался о заинтересованности в них властей. Шиловский близок к позиции С.А. Степанова, который,

указывая на томские события, писал, что правящим кругам необязательно было открыто поддерживать борьбу с «крамолой». Сами погромщики не сомневались в одобрении своих действий «сверху» и ссылались на широко распространившиеся слухи о царском дозволении избивать крамольников[10]. Но, к сожалению, в монографии игнорируется, пожалуй, важнейший факт, свидетельствующий о сочувствии Николая II томским погромщикам: 15 октября 1909 г. девять осуждённых были помилованы императором по прошению Булацеля[11].

В историографии сложилось мнение о том, что в Томске антисемитизм не играл той первостепенной роли, как в черте оседлости. В сибирском городе насилие над евреями началось лишь после того, как от него уже пострадали враги монархии[12]. Шиловский отнюдь не считает, что лица иудейского вероисповедания оказались в центре побоища. В числе тех городских революционных деятелей, которых погромщики требовали выдать для самосуда, лишь двое являлись евреями. Их доля среди погибших и раненых также была невелика. Историк отмечает сравнительно мирное и терпимое отношение местного населения к евреям, а преследование их в дни погрома объясняет тем, что «томские городские низы в корыстных целях использовали антисемитские установки власти» (с. 112—115).

Важной особенностью второго издания монографии М.В. Шиловского является удачно подобранный фоторяд, полностью соответствующий содержанию книги и «оживляющий» повествование. На снимках показаны главные герои кровавых событий, здания и площади, где разворачивалась трагедия. Вид сгоревшего железнодорожного управления, по словам Вологодского, — центрального места «томской истории человеческого жертвоприношения»[13] — представляется особенно впечатляющим.

Примечания

[1] Впервые книгу выпустил Томский государственный университет в 2010 г.: *Шиловский М.В.* Томский погром 20—22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. Томск, 2010. Однако рецензий специалистов на то издание не последовало.

[2] Томское преступление // Восточное обозрение. 1905. 1 ноября.

[3] *Рассохин Г.С.* События в Томске в октябре 1905 г. Томск, 1917. С. 15.

[4] Вече. 1909. 6 сентября.

[5] *Розенберг Д.* 20 октября 1905 г. // Народная газета. 1918. 2 ноября.

[6] *Соколов А.* Томские события // Сибирский вестник. 1905. 28 октября.

[7] *Рассохин Г.С.* Указ. соч. С. 15; *Философ Чёрный.* Суд томского погрома // Сибирская правда. 1909. 13 сентября.

[8] См.: *Khiterer V.* The October 1905 pogroms and the Russian authorities // Nationalities Papers. Vol. 43. 2015. № 5. P. 798.

[9] Государственный архив Томской области (далее — ГА ТО), ф. 11, оп. 4, д. 7, л. 3—4.

[10] *Степанов С.А.* Чёрная сотня. М., 2005. С. 93.

[11] Государственный исторический архив Омской области, ф. 190, оп. 1, д. 133, л. 3—4; ГА ТО, ф. 11, оп. 4, д. 7, л. 170.

[12] См.: *Surh G.D.* Russia's 1905 Era Pogroms Reexamined // Canadian-American Slavic Studies. Vol. 44. 2010. № 3. P. 270.

[13] *В-дский П. [Вологодский П.В.]* Из хроники освободительного движения в Сибири // Сибирские вопросы. СПб., 1906. № 2. С. 254.

Лилия Кальмина

Оптимистическая трагедия*

Lilia Kalmina
(Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude)

Optimistic Tragedy

DOI: 10.31857/S086956870015478-6

Известный адвокат и политический деятель М.М. Винавер — неоднозначная и трагическая фигура, игравшая заметную роль в общественном движении, захлестнувшем Российскую империю на рубеже XIX—XX вв. Не пытается охватить все стороны его биографии, петербургский историк В.Е. Кельнер видит в нём прежде всего «главного еврейского защитника» и лоббиста (с. 5, 13). Для создания данного образа исследователю пришлось годами собирать и систематизировать разбросанный — без преувеличения — по всему миру архив Винавера, вникать в его рукописи, размышления, переписку, анализировать обширный массив воспоминаний единомышленников и противников, видевших в нём, несмотря на разногласия, неординарную личность, способную приковывать к себе внимание и вызывать уважение. Блестящий полемист и организатор, он умел слушать и направлять к единой цели людей разных политических взглядов и вместе с тем готов был признать право на существование даже совершенно чуждых ему идей (с. 447). Неудивительно, что в еврейской среде Винавер, часто непонятый и непринятый, оказывался отступником, а в русской — «нахальным евреем» (с. 18). Однако обвинявшие его в тщеславии и самолюбовании, по мнению Кельнера, просто не испытали пройденной им школы унижения (с. 153).

Создавая портрет личности в контексте эпохи, Кельнер не случайно взял эпиграфом к одной из глав высказывание Р. Эмерсона: «В сущности, никакой истории нет; есть только биографии». Шаг за шагом исследователь реконструирует среду, в которой формировался Винавер — студент университета в Варшаве, где антисемитизм являлся элементом польского национализма, а затем начинающий юрист в петербургском обществе, в котором юдофобия не считалась чем-то маргинальным. Это было время «тихих» погромов с вытеснением евреев из обжитых мест, процентными квотами в университетах и «запретами на профессию», когда адвокатура оставалась одним из немногих островков вольнодумства в империи (с. 69). Выдвинувшись из целой плеяды юристов еврейского происхождения — блестящих интеллектуалов, участвовавших в русском литературном процессе, но «обречённых властью на судьбу подмастерий», боровшихся с проявлениями антисемитизма и критиковавших бесправное положение евреев, Винавер быстро стал фигурой общероссийского масштаба (с. 91). Он ловко использовал думскую трибуну, наступательную публицистику, активизацию еврейских общественных и просветительских организаций

* *Кельнер В.Е.* Щит. М.М. Винавер и еврейский вопрос в России в конце XIX — начале XX века. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. 510 с., ил.

и резонансные события: погромы, роспуск Думы, «Чириковский инцидент», «дело Бейлиса». Автор монографии усматривает в этом черты своего рода лоббизма, понимаемого как «комплекс мероприятий, призванный поставить еврейский вопрос в центр общественной и политической жизни страны» (с. 22). При этом, защищая интересы своего народа, Винавер не только не отделял их от судьбы России, но, напротив, теснейшим образом связывал с успехом общей борьбы против самодержавия за полное преобразование государственного строя. В этом отношении еврей Винавер представлял собой *русского* интеллигента.

Его организаторские способности, ораторское мастерство, пассионарность личности и «раненая» душа оказались созвучны настроениям, витавшим в еврейских городах и местечках, где местное либеральное движение ждало духовного вождя. И Винавер, будучи зрелым политиком, не считавшим освобождение российского еврейства чисто «еврейским делом», вполне подходил для этой роли. В своей деятельности он пытался опираться на единство евреев в борьбе за гражданское равноправие и поддержку освободительного движения. Однако русские либералы не могли остановить погромов, а еврейское общество не было однородным: столичные интеллектуалы плохо знали мир местечек, замкнувшийся в своих традициях и проблемах. Политизированное еврейство металось между национальной солидарностью и партийными пристрастиями. Наиболее ярко это выразилось в столкновении либерализма, приверженцем которого являлся Винавер, и сионизма, чьим апологетом стал В.Е. Жаботинский, провозгласивший «поворот спиной ко всему внешнему миру» и призывавший к «расходованию еврейской силы только на еврейской ниве» (с. 186, 177). Их спор показан в книге как непримиримый конфликт незаурядных личностей.

Мастер психологического портрета, Кельнер отмечает, что Винаверу нелегко было выбирать между долгом перед своим народом и партией конституционных демократов, для которой предоставление евреям равноправия оставалось «вспомогательным» средством в борьбе с самодержавием и находилось «на периферии политического сознания» (с. 180). Понимая, что российское еврейство нуждается в единой сплочённой организации, Винавер тем не менее не собирался менять партийную принадлежность. Веря в возможность решения еврейского вопроса только при полной демократизации государственной жизни, он отрицал её радикальные методы. Поэтому не подкреплённое документально утверждение автора о том, что, по мнению Винавера, евреи были обязаны идти в первых рядах русской революции (с. 191), не кажется убедительным, хотя ему и доводилось защищать тех, кто сражался на баррикадах с оружием в руках.

Несмотря на успешность его адвокатской практики, популярность речей и статей, Винавера преследовали неудачи. В 1906 г., подписав Выборгское воззвание, он лишился думской трибуны. Весьма болезненно воспринимался им распад еврейского либерального движения: модернизация общины, стремительно превращавшейся из религиозной в светскую, лишила его былого влияния (с. 300—301). Между тем русское общество не спешило принимать еврейские ценности в той же мере, в какой интеллигентные евреи усваивали его культуру. Отмена весной 1917 г. всех национальных и вероисповедных ограничений стимулировала вовлечение евреев в политическую борьбу,

но это, в свою очередь, усиливало антисемитские настроения даже в *его* партии. Пришедшие же к власти большевики не простили Винаверу «кадетства» и вынудили покинуть страну. В эмиграции он остался верен России, защищал Белое движение, надеясь, что оно спасёт её от распада, оправдывал российское еврейство, споря с теми, кто возлагал на него вину за большевистский режим (с. 389—390, 421—422). Ему по-прежнему казалось, что именно в России после её освобождения от деспотизма евреи получат всё необходимое для национальной самореализации (с. 439, 440).

В чём-то наивный, не сомневавшийся в том, что убеждением, разоблачением и полемикой можно достичь справедливости, Винавер, подобно гр. Л.Н. Толстому, презирал «счастливый и честный мирок», в котором можно «спокойно, без ошибок, без раскаянья, без путаницы жить себе потихоньку и делать не торопясь, аккуратно всё только хорошее». Напротив, ему были близки слова писателя: «Чтоб жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать, и опять бросать, и вечно бороться и лишаться. А спокойствие — душевная подлость». По мнению Кельнера, Винавер и был своеобразным толстовцем, считавшим духовное совершенствование общества главным способом его трансформации и до последних дней, несмотря на крушение своих иллюзий, сохранявшим оптимизм и веру в дело, которому посвятил жизнь (с. 444).

Особого внимания заслуживают авторские ремарки в постраничных сносках, где Кельнер кратко, но ёмко характеризует людей, различные группы и партии, издания, события, включая их предысторию. Своеобразный авторский стиль позволяет, не нарушая логики повествования и стройности композиции, развернуть перед читателем широкую картину общественно-политической жизни начала XX в.[1] Всё это делает монографию событием в историографии русского освободительного движения и его еврейской «составляющей».

Примечание

[1] В некоторых деталях автор не совсем точен. Опираясь на «Еврейскую летопись», он называет еврейский погром в Красноярске в 1916 г. первым в Сибири (с. 344), хотя такие же эксцессы происходили в Томске и Иркутске ещё в 1905 г. (*Юшковский В.* Соломон и другие. Томские евреи: лица на полотне. Красноярск, 2005. С. 81—93; *Рабинович В.Ю.* Горячие дни: октябрь 1905 г. в Иркутске // Сибирский еврейский сборник. № 2. Иркутск, 1996. С. 60—69; *Шиловский М.В.* Томский погром 20—22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. Новосибирск, 2019). И если беспорядки в Иркутске и Красноярске носили скорее характер социального взрыва, чем собственно еврейского погрома, то всё же среди их жертв больше всего оказалось именно евреев (*Kalmina L.* The Possibility of Impossible: Pogroms in Eastern Siberia // Anti-Jewish Violence: Rethinking the Pogrom in East European History / Ed. J. Dekel-Chen, D. Gaunt, N. Meir, I. Bartal. Bloomington, 2011. P. 139—141).

Алексей Ипатов

Рец. на: Л.В. Ланник. Русский фронт, 1914—1917 годы. СПб.: Наука, 2018. 287 с.

Aleksey Ipatov
(Military Educational and Scientific Center of the Air Force «N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy», Voronezh

Rec. ad op.: L.V. Lannik. Russkiy front, 1914—1917 gody. Saint Petersburg, Russia, 2018

DOI: 10.31857/S086956870015480-9

Л.В. Ланник уже известен своими монографиями[1] и переводом книги Ф. Фишера «Рывок к мировому господству»[2]. Сравнительно небольшой очерк «Русский фронт, 1914—1917 годы», выпущенный им к столетию окончания Первой мировой войны, также, несомненно, привлечёт внимание читателей. Структура его вполне традиционна и включает введение, четыре главы, заключение, примечания, библиографию и указатель имён.

Во введении автор приводит различные обозначения фронта, на котором шли сражения между российской и германской и австро-венгерской армиями, характеризует отечественную и зарубежную (прежде всего, немецкую) историографию, включая работы, появившиеся за последние десятилетия. Их объём и качество уже не позволяют говорить о Первой мировой войне как о «забытой». Хотя, конечно же, историками Великобритании, Франции или Германии она изучена гораздо лучше. Вместе с тем Ланник констатирует, что западные исследователи, освещающие события на Восточном фронте, порою незнакомы с источниками и литературой на русском языке и никогда не работали в российских архивах.

В первой главе прослеживаются перипетии русско-австро-германских отношений в XIX в., отмечается особая роль связей, существовавших между Петербургом и Берлином, для стабилизации обстановки в Европе, отсутствие у двух соседних империй территориальных претензий друг к другу. Россия стремилась скорее закрепиться на Балканах, где она неизбежно, по мнению Ланника, сталкивалась с экспансией дуалистической монархии Габсбургов.

Немаловажным фактором, приближавшим столкновение, учёный считает двойственность представлений немцев о России. Если часть прусского юнкерства видела в ней проверенную консервативную силу, то в южной и западной Германии, особенно среди либералов и социал-демократов, преобладало презрительное отношение к огромному варварскому полуазиатскому государству на периферии Европы, с деспотическим правлением и стремлением к бесконечному увеличению своих территорий. Впрочем, и в России немцев воспринимали не только как высококультурный, «философский» народ, но и как грубых и высокомерных милитаристов. При этом в Российской империи проживало значительное число немцев, принадлежавших практически ко всем слоям населения и являвшихся носителями двойной идентичности. Постепенному взаимному отчуждению России и Германии способствовали преувеличенные с обеих сторон опасения, связанные с распространением панславизма и пангерманизма. Вместе с тем отношение к предпо-

лагаемому противнику колебалось от снисходительного пренебрежения до чрезмерного и фантастического раздувания его военной мощи и экспансионистских планов. Раздел Польши хотя и благоприятствовал «устойчивому германофильству и русофильству в отдельных кругах политических и военных элит соответствующих стран» (с. 33), но одновременно создавал немало проблем.

Так или иначе, даже в консервативных кругах империй лишь немногие смотрели на начало Первой мировой войны трагически, тогда как большинство, пребывавшее в шовинистическом угаре, встретило её с воодушевлением и надеждами на удачный исход.

Вторая и третья главы монографии посвящены кампаниям 1914, 1915 и 1916 гг. Наличие карт даёт читателю наглядное представление о ходе оборонительных и наступательных операций. Критически оценивая распоряжения как российского, так и немецкого, и особенно австро-венгерского командования, Ланник указывает на необходимость переоценки с учётом накопленных знаний таких знаковых событий, как Брусиловский прорыв и оборона Осовца. Однако, учитывая обилие специальной литературы (и ограниченный объём книги), автор избегает детального изложения боевых действий и уделяет основное внимание планам, стратегии, совершенствованию вооружений и тактики, разногласиям в политических и военных сферах, росту социальной напряжённости и революционного движения в тылу, феномену «братания» и т.п.

Как отмечает автор, несмотря на ряд различий в последствиях участия каждой из империй в кровопролитной и затянувшейся войне, многие процессы были для них общими.

В четвёртой главе Ланник анализирует события 1917 г., последовавшие за революцией в России. Автор напоминает, что революционное брожение происходило во всех империях, сражавшихся на Восточном фронте, но свержение Николая II шокировало многих, поскольку Россия отнюдь не находилась на грани катастрофы и, пусть и с помощью ощутимого напряжения сил, сумела приспособиться к нуждам и тяготам войны. В дальнейшем на этом театре боевых действий противоборство шло уже не столько между воюющими армиями, сколько внутри самих государств. Неоднократные заявления Временного правительства о верности союзническому долгу свидетельствовали лишь об отсутствии трезвого осознания реального положения дел в войсках, которые сами же министры деморализовали своими невнятными законодательными актами.

Любопытно, что в Австро-Венгрии и Германии лишь довольно узкий круг лиц осознавал, что революционные события в России не означают её уничтожения, но угрожают династиям центральных держав. Даже те успехи, которых удалось добиться их армиям в 1917 г., не привели к капитуляции Петрограда. И не случайно Г. фон Сект, Г. Брухмюллер и М. Гофман призывали предложить России такой мир, который позволил бы в будущем сделать её важнейшим союзником немцев в борьбе с Великобританией (с. 202).

В заключении автор констатирует, что Русский фронт перестал существовать после подписания перемирия 15 декабря 1917 г., точнее, тогда он превратился «во фронт иной войны, частично совершенно иного набора сторон» и «его болезненная трансформация в арену многоуровневого конфликта стала необратимой» (с. 204). А вскоре все сражавшиеся на этом театре боевых действий империи рухнули. До сих пор продолжаются споры о численности погибших и раненых, и Лан-

ник обоснованно выражает сомнение в точности цифр, предложенных авторским коллективом под руководством Г.Ф. Кривошеева и закрепившихся в отечественной историографии.

В целом, «Русский фронт» Л.В. Ланника представляет собой научный труд высокого уровня, с ярко выраженной авторской позицией, опирающейся на широкую источниковую базу и многочисленные исследования.

Примечания

[1] *Ланник Л.В.* Германская военная элита периода Великой войны и революции и «русский след» в её развитии. Саратов, 2012; *Ланник Л.В.* Победоносные проигравшие: германская военная элита в 1914—1921 гг. СПб., 2016.

[2] *Фишер Ф.* Рывок к мировому господству / Пер. и коммент. Л.В. Ланника. М., 2017.

Михаил Новиков

РККА и война в Испании: новый сборник документов*

Mikhail Novikov
(Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Russia)

The Red Army and the war in Spain: a new collection of documents

DOI: 10.31857/S086956870015481-0

Публикация под грифом Федерального архивного агентства и Российского государственного военного архива первого тома документов Разведывательного управления (РУ) РККА о событиях гражданской войны в Испании — большое событие в отечественной историографии, где изучение борьбы франкистов и республиканцев долгое время носило в целом вторичный характер по отношению к работам англо-американских, а затем и испанских авторов. По сути русские историки не имели полноценного доступа ни к зарубежным материалам, ни к документальным свидетельствам, хранившимся в закрытых фондах советских учреждений[1].

В 1936—1939 гг. в СССР издали немало источников, не имевших секретного характера и не противоречивших официальной концепции конфликта на Пиренейском полуострове, в том числе декларации правительства Испанской республики, ноты министра иностранных дел, резолюции, обращения и приветствия коммунистической и социалистической партий, постановления Президиума Исполнительного комитета Коммунистического интернационала, сведения о действиях Международной организации помощи борцам революции (МОПР) и др.[2] Часть трофейных документов МИД нацистской Германии появилась в печати в 1946 г.[3] В 1960—1980-х гг. основное внимание уделялось проявлениям международной солидарности трудящихся в борьбе против фашизма и т.п.[4] Вместе с тем выходили в свет обширные подборки тщательно отфильтрованных текстов НКИД СССР[5]. В последние 30 лет в связи с рассекречиванием деятельности Коминтерна, высших партийных и советских органов появились новые издания, подробно охарактеризованные публикаторами «информа-

* РККА и гражданская война в Испании. 1936—1939 гг. Сборники информационных материалов Разведывательного управления РККА. В 8 т. Т. 1. Сборники № 1—15. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 591 с.

ционных материалов Разведывательного управления РККА» (с. 54—56)[6].

Первый том «Сборников» открывают три вводные статьи. А.В. Шубин кратко излагает современную трактовку основных событий гражданской войны (с. 3—40), включая самые различные её внутриполитические и внешнеполитические аспекты. В частности, говоря о советской военной помощи Испанской республике, автор приводит данные (в том числе из ещё не изданных томов) по авиации и ПВО, танкам, политической работе, судьбе советских военнопленных, военно-морскому флоту, санитарной и химической службам и т.д. (с. 22—26). При этом он учитывает как традиционные позитивные, так и критические оценки качества поставлявшейся техники и роли военных специалистов (с. 22—25, 33, 35). В статье испанского историка Ж. Фарраса, придерживающегося либерально-демократических взглядов и требующего проведения судебных процессов над франкистами, причастными к репрессиям, высоко оценивается информативность источников, признаётся важное значение военной помощи СССР и отмечается, что Сталин стремился сохранить в Испании республиканский режим, но не добивался установления там советской власти (с. 41—47).

В «Археографическом предисловии» Н.С. Тарховой (с. 48—72) даётся обзор советских и российских документальных, мемуарных и научных публикаций о гражданской войне в Испании, характеризуется весь комплекс сборников информационных материалов РУ РККА и раскрываются принципы отбора и публикации текстов, оформления их заголовков, а также датирования и визирования (с. 66—70). Особо оговаривается, что вся поступавшая из Испании информация обрабатывалась сотрудниками РУ, определявшими степень её важности и целесообразность включения целиком или частично в «сборники», предназначавшиеся для высшего руководства СССР. Поэтому, конечно, необходимо сопоставлять их сведения с первоисточниками, хранящимися в РГВА (ф. 35082). Девять из них составители решили поместить в раздел «Приложения» (с. 458—500).

В первом томе читатель найдёт Информационный обзор РУ «Обстановка в Испании на 16 октября 1936 г.» (с. 73—106), а также 14 «сборников», включающих доклады, отчёты, справки, обзоры, служебные записки, донесения, предложения, планы (с. 106—457), принадлежавшие как советским военным специалистам, так и военнослужащим Народной армии Испанской республики. Кроме того, в него включены протоколы допросов перебежчиков и пленных, инструкции и программы курсов по военному делу, пропагандистские листовки и т.п. Они освещают период с начала мятежа до марта 1937 г., который Тархова считает первым этапом накопления и обобщения «испанского материала».

Главный военный советник Я.К. Берзин, находившийся в Испании с октября 1936 по май 1937 г., лично и совместно с военными советниками К.А. Мерецковым, Б.М. Симоновым, Н.Н. Вороновым направил в РУ 10 докладов и писем, в которых анализировалась обстановка и предлагались меры по её улучшению. Старший военный советник Генерального комиссариата И.Н. Нестеренко с октября 1936 по ноябрь 1937 г. представил 9 докладов, писем, планов совершенствования политической работы в Народной армии. В сообщениях старшего авиационного советника Я.В. Смушкевича, поступавших из Испании с октября 1936 по июнь 1937 г., раскрывалось состояние ВВС противоборствующих сторон, выявлялись проявившиеся в боевых усло-

виях недостатки советских самолётов, намечались способы их устранения. Старший артиллерийский советник Воронов с октября 1936 по июнь 1937 г. информировал РУ о результатах применения артиллерии, главный морской советник Н.Г. Кузнецов — о деятельности ВМС республиканцев и франкистов и возможных вариантах оказания Советским Союзом помощи республиканскому флоту. Военные советники также уведомляли РУ о ходе и итогах операций и тех проблемах, с которыми сталкивались при использовании в боях танков, авиации, ПВО. В томе имеются и отчёты рядовых специалистов — командиров и механиков-водителей танков.

Книга подготовлена на высоком уровне издательской культуры. Об этом свидетельствует и её научно-справочный аппарат: комментарии (с. 501—518), краткие биографии некоторых советских и испанских военных и политических деятелей (с. 519—554), именной (с. 555—561) и географический указатели (с. 562—573), список сокращений (с. 574—580), перечень 107 публикуемых документов (с. 581—589).

Члены редакционной коллегии тома (А.Н. Артизов, А.Р. Ефименко, В.И. Коротаев, В.П. Тарасов), его составители и археографы (А.Р. Ефименко, Е.В. Кобякова, И.С. Месяц, Н.А. Мышов, А.В. Романов, Н.С. Тархова, Д.Г. Узенков) выполнили большую и важную работу, выверив и систематизировав материалы, ставшие теперь доступными и для специалистов, и для широкого круга читателей.

Примечания

[1] Подробнее см.: *Новиков М.В.* Советская и российская историография гражданской войны в Испании 1936—1939 гг. Ярославль, 2014. С. 23—50.

[2] Там же. С. 69—74.

[3] Документы Министерства иностранных дел Германии. Вып. 3. М., 1946.

[4] Международная солидарность трудящихся в борьбе с фашизмом, против развязывания Второй мировой войны (1933—1937). М., 1961; Международная солидарность трудящихся в борьбе за мир и национальное освобождение против фашистской агрессии, за полное уничтожение фашизма в Европе и Азии (1938—1945). М., 1962; Международная солидарность трудящихся в борьбе против фашизма и угрозы войны. 1933—1939. Киев, 1984.

[5] Документы внешней политики СССР. Т. 19. М., 1974; Т. 20. М., 1976; Т. 21. М., 1977; Т. 22. Кн. 1. М., 1992.

[6] К ним следовало бы также добавить: Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б). Повестки дня заседаний: каталог. Т. 2. М., 2001; Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923—1939. М., 2001.

Сергей Кондратенко

Рец. на: От национализма к коллаборационизму: Прибалтика в годы Второй мировой войны: документы. В 2 т. / Отв. сост. А.В. Репников. Т. 1. 436 с.; Т. 2. 414 с. М.: Политическая энциклопедия, 2018

Sergey Kondratenko
(Russian State University for the Humanities, Moscow)

Rec. ad op.: Ot natsionalizma k kollaboratsionizmu: Pribaltika v gody Vtoroy mirovoy voyny: dokumenty. In 2 vols. Moscow, 2018

DOI: 10.31857/S086956870015482-1

75 лет назад была поставлена точка в самой страшной войне в истории человечества — Второй мировой. Однако нешуточные баталии вокруг неё начались в учёных кабинетах, офисах политиков и информационном пространстве, а эпизоды тех страшных лет стали аргументами в политическом противостоянии. Наиболее остро данная проблема стоит во взаимоотношениях между Россией и странами постсоветского пространства, особенно с прибалтийскими республиками. Так, камнем преткновения стала трактовка коллаборационизма в годы войны, которая быстро вышла за рамки чисто научной проблемы. Вернуть обсуждение в русло дискуссии специалистов возможно с помощью публикации новых источников, ранее недоступных широкому кругу исследователей.

Авторы-составители рассматриваемого издания пишут, что задача сборника — дать представление о мотивах активного сотрудничества прибалтийских националистов и коллаборационистов «с нацистами в рассматриваемый период, обстоятельствах их действий, а также в определённой мере представить ту информацию о них, которая была доступна советскому руководству» (т. 1, с. 6). Для решения поставленной задачи использованы документы РГАСПИ, ГА РФ и РГВА, архивов Президента Российской Федерации (АП РФ), Службы внешней разведки, центральных архивов Министерства обороны (ЦАМО РФ) и Федеральной службы безопасности (ЦА ФСБ). Около 50% представленных материалов опубликованы впервые. Первый том сборника состоит из введения, археографического предисловия, трёх разделов и примечаний. Во второй вошли четвёртый и пятый разделы, а также научно-справочный аппарат.

Во введении зафиксирована современная историографическая ситуация вокруг затрагиваемой проблемы. С опорой на широкий спектр исследований прибалтийских историков определены роль и место националистических организаций Латвии, Литвы и Эстонии в германской экспансионистской и оккупационной политике, проведении карательных операций против мирного населения.

В разделе I «Накануне Великой Отечественной войны: предпосылки коллаборационизма в Прибалтике» представлены документы, затрагивающие внутреннее положение в прибалтийских республиках, их внешнеполитический курс и особенности взаимоотношений с соседями. Вызывают интерес документы, посвящённые реакции руководства республик на контакты между Германией и Советским Союзом. Так, в отчёте полномочного представителя СССР в Эстонии К.Н. Никитина за период с 27 августа по 13 сентября 1939 г. отмечалось: «Заключение... пакта о ненападении

произвело на Эстонское правительство настолько ошеломляющее впечатление, что оно буквально растерялось и чувствовало себя на первое время совершенно дезориентированным» (т. 1, с. 55).

В условиях начавшейся Второй мировой войны прибалтийские республики не смогли выстроить новый внешнеполитический курс и оказались в сфере влияния Советского Союза, что в итоге привело к их вхождению в его состав. События, предшествовавшие подписанию соответствующих договоров, а также реакция на них местной элиты и националистических организаций нашли отражение на страницах сборника. Одним из препятствий для строительства новой, советской системы управления являлся национализм кадрового аппарата государственных органов — как бывших, так и новых. К примеру, в докладной записке уполномоченного ЦК ВКП(б) и СНК СССР по Литовской ССР Н.Г. Позднякова о политико-моральном состоянии населения республики от 21 октября 1940 г. отмечалось: «Особый вопрос — это литовский шовинизм. Его проявления можно наблюдать не только в низах, но и у отдельных руководящих работников (т. Палецкис, Мицкис и отчасти наркомпрос Венцлова). Приходится на этот рецидив прошлого пока реагировать сдержанно из опасения несвоевременным вмешательством лишь усилить шовинистические настроения» (т. 1, с. 96).

К сожалению, составители уделили недостаточное внимание положению, в котором оказались бывшие военнослужащие национальных армий после 1940 г. Процесс интеграции их частей в состав РККА, завершившийся формированием на их базе трёх территориальных стрелковых корпусов, сопровождался демобилизацией личного состава и репрессиями, что привело к росту антисоветских настроений. В период немецкой оккупации они заняли важное место в структуре коллаборационистских вооружённых формирований. Вообще руководство новых союзных республик столкнулось с проблемой роста антисоветских настроений, что выражалось в проявлениях как пассивного, так и активного сопротивления. Не последнюю роль здесь играли подпольные националистические организации, борьбу с которыми активно вели местные органы внутренних дел.

В сборнике приведены документы о деятельности и ликвидации ряда таких организаций. Например, латышская организация «Тевияс саргс» «ставила своей задачей объединение всех националистически настроенных латышей и подготовку вооружённого восстания с целью свержения Советской власти и восстановления “независимой национальной Латвии”» (т. 1, с. 129). Аналогичные цели декларировались и «Гвардией обороны Литвы»: «Организация литовцев в ряды обороны; жертвовать собой в интересах Литвы; вести успешную и решительную борьбу против ассимиляции, покорения и уничтожения литовской нации; беспрерывно бороться за свободу и независимость литовской нации; за литовскую культуру, за католичество и частную собственность» (т. 1, с. 145). Документы, опубликованные в разделе I, дают представление о распространённости националистических идей среди населения прибалтийских республик.

В разделах II—IV опубликованы документы, рассказывающие о коллаборационизме в Прибалтике. Хронологически они охватывают период с лета 1941 г. до полного освобождения территории республик от захватчиков. Они свидетельствуют, что с первых дней войны подполье начало оказывать поддержку наступающим

германским войскам. Так, в кратком описании боевых действий 5-го мотострелкового полка войск НКВД за период с 22 июня по 13 июля 1941 г. отмечалось: «В г. Риге враждебные элементы развернули активные действия: наводили панику в тылу армии, деморализовали работу штабов, правительственных и советских учреждений, тормозили эвакуацию ценностей и совершали диверсии. Враги установили на колокольнях церквей, башнях, на чердаках и в окнах домов пулемёты, автоматы и вели обстрел улиц, зданий штаба СЗФ, ЦК ЛКП(б), СНК, телеграфа, вокзала и НКВД. Такое положение заставило развернуть самую жестокую борьбу с контрреволюционным элементом в городе» (т. 1, с. 154). В политдонесении Северо-Западного фронта об активизации антисоветских элементов в тылу армий от 12 июля 1941 г. рассмотрен социальный состав группировок и основные формы диверсий: «Кулачество, фашистские последыши из бывших местных контрреволюционных организаций и сбежавшие из частей бывшие офицеры, солдаты Эстонской армии собираются в мелкие банды для диверсионных действий против Красной Армии. Наиболее распространённой формой диверсии является обстрел из населённых пунктов и лесов мелких подразделений, колонн и одиночных автомашин наших частей, проходящих по дорогам. Выстрел из-за угла по командирам также излюбленный метод бандитов. Банды занимаются разрушением линий связи и мостов в тылу наших частей. Вместе с тем контрреволюционные элементы расправляются с местным советским активом» (т. 2, с. 12).

Составители уделили внимание мотивации сотрудничества с оккупационными властями: «Уровень вовлечения бывшего кадрового аппарата прибалтийских довоенных режимов, в особенности диктатуры К. Улманиса, в “самоуправленческие”, полицейские, полувоенные, военные и другие структуры Остланда был весьма высоким, а отказы от коллаборации по идейным соображениям, наоборот, были единичными» (т. 1, с. 29). Подчёркнуто, что основой этого стал национализм, выступавший идеологией режимов А. Сметоны (Литва, 1926—1940), К. Улманиса (Латвия, 1934—1940) и К. Пятса (Эстония, 1934—1940). С осени 1941 г. националистические организации предпринимали попытки восстановить независимость прибалтийских республик, приступив к формированию национальных правительств. Однако они прекрасно понимали, что в условиях «нового порядка» будущее целиком и полностью зависит от благосклонности Германии. К примеру, об этом прямо говорится в меморандуме «О правовом положении и фактической ситуации в Литве после окончания большевистской оккупации»: «Временное правительство является для литовской общественности знаком того, что литовское государство восстановлено вновь, что оно вступает в жизнь новой Европы вместе с великой Германской империей и при её поддержке» (т. 1, с. 265—266). Новые правительства оказались встроены в систему управления рейхскомиссариата Остланд. Стоит отметить, что вопрос организации оккупационной администрации и роли в ней местных националистов освещён в сборнике недостаточно, представленные документы не позволяют его рассмотреть комплексно.

Наиболее ярко показано, что одним из основных направлений деятельности оккупационной администрации явилось формирование охранных и полицейских подразделений, которые приняли активное участие в карательных операциях против

мирного населения на захваченной территории СССР. Приведённые материалы освещают их подробно и основательно. Так, становится ясно, что преступления они начали совершать ещё до прихода германских войск. В сводке № 19 шефа полиции безопасности и СД о положении в СССР от 11 июля 1941 г. отмечено: «После отступления Красной Армии в результате спонтанного погрома населением Ковно было убито 2 500 евреев» (т. 1, с. 254—255). Согласно документам о карательной операции «Зимнее волшебство», проведённой оккупантами в северных областях Белорусской ССР и в Себежском районе Псковской обл., в ней оказались задействованы 7 латышских батальонов и 1 литовская рота. «137 бандитов (т.е. партизан. — *С.К.*) убито в бою, 1 807 бандитов и их пособников расстреляны, 51 бандит арестован. Свыше 2 000 чел[овек], которые не были уличены в бандитской деятельности, эвакуированы из захваченных деревень и направлены в лагерь Саласпилс под Ригой» (т. 1, с. 185—186). В материалах следствия по делу членов карательного отряда при Латышской вспомогательной полиции безопасности СД отмечено, например, что обвиняемый «Ванагс в июле 1941 г. систематически участвовал в массовых расстрелах советских граждан в Бикерниекском лесу близ г. Риги; специально в составе команды отряда Арайса выезжал в г. Либаву, где производил аресты, а затем в течение двух дней расстреливал арестованных... в качестве вознаграждения получал ценности, награбленные у расстрелянных. Как установлено следствием, в Бикерниекском лесу г. Риги... истреблено 46 500 советских граждан» (т. 1, с. 227—228).

При этом служащие латышских батальонов не гнушались грабежом мирного населения: «Шуцманы возвратились домой с богатой добычей и теперь похваляются своими “славными” делами» (т. 1, с. 187). Такого рода массовые преступления усиливали неприятие оккупационного режима и создавали базу для партизанского движения.

После освобождения Прибалтики националистические и коллаборационистские организации ушли в подполье и развернули борьбу против советской власти. Этому посвящён раздел V «Борьба с националистическим подпольем после изгнания германских захватчиков». Помимо документов НКВД, НКГБ, партийных и государственных учреждений интерес вызывают статистические данные о жертвах со стороны населения и органов правопорядка, хорошо иллюстрирующие масштабы вооружённого противостояния. К февралю 1947 г. бандформированиями было убито 7 276 человек, ранено 1 253, взято в плен 856, из них правоохранителей — 1 270, 896 и 71 соответственно (т. 2, с. 246—255).

Подводя итог, отмечу, что рассматриваемый сборник вносит весомый вклад в изучение коллаборационистского движения в годы Второй мировой войны, многие приведённые в нём данные будут интересны не только исследователям этого явления, но и широкому кругу читателей.

Василий Христофоров

Vasiliy Khristoforov
(Russian State University the Humanities; Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences, Moscow)

Рец. на: L. Westerlund. The Finnish SS-Volunteers and Atrocities against Jews, Civilians and Prisoners of War in Ukraine and the Caucasus Region 1941—1943: An Archival Survey. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Helsinki: Finnish Literature Society, the National Archives of Finland, 2019. 248 p.*

DOI: 10.31857/S086956870015483-2

Председатель Антифашистского комитета Финляндии, доктор общественно-политических наук Й. Бекман однажды заметил: «Одна из самых интересных национальных историографий — это историография Финляндии о Второй мировой войне... Главная цель финской фальсификации военной истории — это отрицание союзничества с Гитлером и, таким образом, отрицание ответственности Финляндии в войне, что зафиксировано в Парижском мирном договоре»[1]. Ему вторят немногочисленные российские учёные, занимающиеся проблемой деятельности под немецким началом финских добровольческих формирований: «В исследованиях современных финляндских историков явно прослеживается стремление смягчить, преуменьшить значение самого этого факта в истории Финляндии»[2].

Действительно, в последние годы эта тема постоянно оказывается в центре внимания европейских и американских исследователей. Простое перечисление их работ займёт несколько десятков страниц[3]. Вместе с тем представленная на суд мировой общественности книга Л. Вестерлунда обречена на то, чтобы стать знаковым событием в историографии Финляндии и России. Она с подкупающей прямотой (убедительно и профессионально) свидетельствует о соучастии финских солдат и офицеров в человеконенавистнических акциях СС на территории бывшего Советского Союза.

Книга имеет весьма закономерную предысторию. В январе 2018 г. израильский историк и директор Центра Симона Винзенталя в Иерусалиме М. Хиер направил письмо президенту Финляндии Н. Саули с просьбой начать всестороннее расследование о финских добровольцах, которые служили в составе дивизии ваффен-СС «Викинг» в 1941—1943 гг. и участвовали в убийствах евреев на Украине и Кавказе. В ответ прозвучал сигнал о том, что Финляндия, со своей стороны, считает важным проведение независимого исследования данного вопроса с привлечением архивных документов. К решению этой непростой задачи по поручению премьер-министра страны Ю. Сипиля приступили историки и архивисты Национального архива Финляндии. Профессор Вестерлунд возглавил авторский коллектив, который нетривиально подошёл к решению данной морально-политической проблемы.

---

* *Вестерлунд Л.* Финские СС-добровольцы и их жестокие преступления против евреев, гражданского населения и военнопленных на Украине и Кавказе в 1941—1943: Архивное исследование. Хельсинки: Финское литературное общество, Национальный архив Финляндии, 2019. 248 с.

Вестерлунд уже известен читателям по научным проектам Национального архива Финляндии, в которых он в качестве автора или руководителя международных коллективов исследователей изучал преступления, совершавшиеся в период гражданской войны в Финляндии[4], в находившихся в ней в 1941—1944 гг. немецких лагерях военнопленных и её приграничных районах[5], исследовал судьбы попавших в плен и интернированных во время Второй мировой войны[6]. Работы финского исследователя отличает систематическое использование ранее неизвестных документальных источников, находящихся в финляндских и российских архивах, а также профессионализм и высокий уровень научной этики.

В новой работе Вестерлунда и его единомышленников расширена источниковая география изысканий. Если ранее финские и российские исследования опирались на материалы Национального и Военного архивов Финляндии, то теперь ими были использованы документы из архивохранилищ других скандинавских стран, а также Нидерландов, США и Израиля.

В мае 1945 г. полевые архивы ваффен-СС дивизии «Викинг» были уничтожены по приказу командира дивизии К. Ульриха, однако остались личные коллекции (рядовые служащие сохраняли приказы, донесения и иные документы). При подготовке издания его авторы получили в своё распоряжение материалы ветеранов ваффен-СС: 76[7] личных дневников финских, 10 дневников датских и норвежских СС-добровольцев. В ходе исследования были изучены финские официальные и частные досье, переписка, фотографии, статьи из различных периодических изданий и соответствующая литература. Всё, что известно о службе этих добровольцев, отражено лишь в написанных ими воспоминаниях.

Цель книги состоит не в том, чтобы дать полную картину их злодеяний, но изучить участие финской стороны в преступлениях ваффен-СС дивизии «Викинг». Издание (предисловие, семь глав, список источников и литературы, указатели) прекрасно иллюстрировано (фотографии людей, страниц их дневников и официальных документов).

Книга даёт весьма полное представление об истории финских добровольческих формирований — с весны 1941 г. (создание) до 1943 г. (расформирование). Напомню, что дивизия «Викинг» была создана 20 ноября 1940 г. и особо поддерживалась немецкой пропагандой как воплощение многонациональной германо-европейской боевой силы. Добровольцев для службы в немецких ваффен-СС Финляндия стала рекрутировать весной 1941 г. в целях противостояния возможной угрозе со стороны СССР, хотя после советско-финляндской (Зимней) войны 1939—1940 гг. мирный договор между двумя странами был уже подписан. В ситуации стремительного раздела Европы на зоны влияния между Германией и СССР небольшому скандинавскому государству ничего не оставалось, как принять чью-то сторону. Финские добровольцы, указывает автор, были настроены откровенно антисоветски, поскольку жаждали взять реванш за поражение в Зимней войне. По свидетельству редких документов основными мотивами вступления этих людей в ваффен-СС стали стремление получить в Германии хорошую военную подготовку, доступ к материальным благам и статусам, а также надежды на обладание властью в будущем (р. 20—21).

В 1941—1943 гг. в общей сложности 1 408[8] финских добровольцев служили в войсках ваффен-СС дивизии

«Викинг», которая боролась на Украине и Кавказе с Красной армией. В ходе боевых действий на Украине, в районе Ростова-на-Дону, на Северном Кавказе, в Харьковской битве 256 финнов были убиты, 686 — ранены, 14 — пропали без вести. Весной 1943 г. финский добровольческий батальон расформировали, а его солдаты и офицеры возвратились домой.

Вестерлунд и его коллеги особо отмечают, что все подразделения ваффен-СС (в том числе дивизия «Викинг») участвовали в жестоких преступлениях. Нюрнбергский трибунал (20 ноября 1945 г. — 1 октября 1946 г.) установил, что эсэсовские части были непосредственно причастны к убийствам военнопленных и зверствам в оккупированных странах. В итоге организацию признали преступной[9]. Перечисление её злодеяний составило основную часть книги.

Одна из глав посвящена исследованию структуры дивизии СС «Викинг»[10] (анализу командного состава и финского батальона), а также политических взглядов добровольцев и их участия в совершении преступлений. Здесь же дан их обзор — на основе литературы и архивных документов.

В отдельном разделе рассматриваются жестокость немецкой оккупационной политики в Польше (1939—1940), массовые преступления оккупантов на территории Украины в 1941 г. Автор обращает внимание на такие категории жертв, как гражданские лица, евреи, партизаны, советские военнопленные, политические комиссары Красной армии (особо отмечен приказ немецкого командования — не брать пленных из числа комиссаров).

Исследователи описывают такие трагические страницы истории войны, как совершённые в июле 1941 г. — январе 1943 г. украинскими националистами, айнзатцгруппами и зондеркомандами убийства мирных жителей, расстрелы советских военнопленных, уничтожение евреев и сожжение синагог на Украине (в районе Львова, Тернополя, Белой Церкви, Житомира, Днепропетровска, Кременчуга) и Кавказе (село Толдзгун[11] в Северной Осетии, станицы Кабардинская в Краснодарском крае и Мечетинская[12] в Ростовской обл.). При этом подчёркивается, что в подобных преступлениях непосредственное участие принимали голландские и норвежские СС-добровольцы.

Стоит обратить внимание на следующее авторское замечание. Хотя антисемитские взгляды и распространялись в Финляндии в начале XX в., но в 1918 г. евреи получили там полные гражданские права, служили в армии, и антисемитское законодательство не было принято. Несмотря на то что особыми приверженцами каких-либо идеологий или политических течений и партий финские добровольцы не являлись, немецкое руководство стремилось «научить» их основным расовым доктринам. Солдаты получали уроки политической идеологии, которая восхваляла арийскую нацию и критиковала евреев. Однако, как свидетельствуют дневники добровольцев, среди финнов оказалось мало убеждённых антисемитов: большинство относились к евреям нейтрально, другие же негативно воспринимали полученную агитацию. Исследователи представляют широкий спектр взглядов финских СС-добровольцев — от антисемитских до их неприятия и скрытых антигерманских настроений (р. 166—189).

Значительную часть книги составили описания зверств над, «неугодными» нацистской идеологии: насилие над украинскими женщинами, изгнание людей из домов, массовое вытеснение жителей из деревень, убийства советских военнопленных и представителей гражданского населения[13]. Основной массив воспомина-

ний связан с событиями на Украине. В первую очередь это массовые убийства в Львове и Львовской обл. (июль 1941 г.), зверства в Тернопольской обл. (июль 1941 г.), насилия в районе Хмельницкого, Днепропетровска (июль 1941 г. — январь 1943 г.) и др.

По свидетельству финских добровольцев, существенную поддержку немцам на Украине оказывали превосходившие их по жестокости местные националисты. Совместно с ними, пришли к неутешительному выводу исследователи, совершали преступления и СС-добровольцы. Их содействие зверским массовым убийствам, совершавшимся на территории СССР, показано и в последней главе книги «Финское участие». Достаточно привести наименование одного из разделов («Финские добровольцы были хорошо осведомлены о зверствах»), чтобы понять позицию автора. Он не стремится вывести соотечественников из-под обвинительного удара, напротив, источники указывают на их активное участие в реализации немецких планов покорения Восточной Европы и Советского Союза. Вестерлунд констатирует: финские добровольцы не только знали о зверствах военнослужащих войск СС, но и непосредственно их совершали.

Несмотря на новаторский характер книги, она вряд ли поставит точку в исследовании названной темы. Осенью 2018 г. представители Финляндии составили список документов, касавшихся деятельности ваффен-СС дивизии «Викинг» на Украине и Кавказе. Эти документы хранятся в архивах России, Беларуси и Украины, но финские и российские историки лишены возможности их использования для максимально разностороннего изучения деятельности дивизии. Необходимость систематической совместной работы исследователей России и Финляндии, как и обнародование подобного рода материалов, очевидны.

Уникальное издание Вестерлунда — результат политической воли финской стороны, плод совместных усилий её архивистов и историков — опровергает тезис о нежелании Финляндии нести ответственность за ошибки прошлого, является признанием того, что финские учёные и чиновники самого высокого ранга не скрывают правду о войне.

Примечания

[1] *Бекман Й.* Фальсификация истории Второй мировой войны в Финляндии. Доклад на научной конференции «Россия и Финляндия. История взаимоотношений и противостояний: проблемы идентичности в истории (Государственный историко-этнографический музей-заповедник «Ялкала», 29 сентября 2012 г.) (URL: http://ruskline.ru/analitika/2012/12/11/falsifikaciya_istorii_vtoroj_mirovoj_vojny_v_finlyandii (дата обращения: 31.12.2019)).

[2] *Барышников В.Н.* Финны на службе в войсках СС в годы Второй мировой войны. СПб., 2012; *Чумаков Г.В.* Рец. на кн.: *Барышников В.Н.* Финны на службе в войсках СС в годы Второй мировой войны // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2013. № 1. С. 121—122.

[3] См., например: *Swanström A.* Hakaristin ritarit — suomalaiset SS-miehet, politiikka, uskonto ja sotarikokset. Jyväskylä, 2018; *Berkhoff K.* Harvest of Despair. Life and Death in Ukraine under Nazi Rule. Cambridge (Mass.), 2004; *Brenden G., Natedal T.* Norske frivillige i Waffen-SS. Oslo, 2017; *Hatheway J.* In Perfect Formation. SS Ideology and the SS Junkerschule-Tölz. Atglen (Pennsylvania), 1999; *Holmila A.* «Soldaten wie andere auch». Finnish Waffen-SS Volunteers and Finland's Historical Imagination in: Muir (Simo Muir and Hana Worthen), Hana: Finland's Holocaust. Silences of History. Basingstoke, 2013. P. 218—244; *Trigg J.* Hitlerin viikingit: Waffen-SS: n pohjoismaalaiset vapaaehtoiset. Alkuteos: Hitler's Vikings (2011). Helsinki, 2013; *Jokipii M.* Hitlerin Saksa ja sen vapaaehtoisliikkeet: Waffen-SS: n suomalaispataljoona vertailtavana. Helsinki, 2002; *Scharff P.* Germanic Volunteers from Northern Europe in: The Waffen-SS. A European History / Ed. by J. Böhler, R. Gerwath. Oxford, 2017. P. 42—75. Автор благодарит за консультацию профессора Д. Фролова, начальника направления по развитию и связям с Россией и странами бывшего СССР, руководителя проекта по поиску и оцифровке документов Национального архива Финляндии.

[4] *Вестерлунд Л.* «Мы ждали вас как освободителей, а вы принесли нам смерть...» / Пер.

Э. Абакшина (швед. яз.), О. Артюхина (фин. яз.). СПб., 2013.

[5] Saksan vankileirit Suomessa ja raja-alueilla 1941—44. Helsinki, 2008.

[6] Sotavangit ja Internoidut. Kansallisarkiston artikkelikirja. Painopaikka. Helsinki, 2008; Sotatapahtumia, internointeja ja siirto sodanjalkeisiin oloihin. Kansallisarkiston artikkelikirja. Helsinki, 2010.

[7] Предыдущие исследователи имели доступ только к 54 подобным дневникам.

[8] Российские историки оперировали другой цифрой: «Только за апрель—май 1941 года в СС записались 1 566 кандидатов, из которых окончательно были приняты 1 226 человек» (*Барышников В.Н.* Финны на службе в войсках СС... С. 98).

[9] См.: СССР и Нюрнбергский процесс. Неизвестные и малоизвестные страницы: сборник документов / Науч. ред. и сост. Н.С. Лебедева. М., 2012; *Христофоров В.С.* Участие органов государственной безопасности в подготовке и проведении Нюрнбергского процесса // Нюрнбергский процесс: уроки истории. Материалы международной конференции. Москва, 20—21 ноября 2006 г. М., 2007. С. 55—60; *Христофоров В.С.* Участие органов военной контрразведки «Смерш» в подготовке Нюрнбергского процесса // Уроки Нюрнберга и проблемы международной законности. М., 2007. С. 277—282.

[10] Охарактеризованы СС-полки («Нордланд», «Вестланд», «Германия», 5-й артиллерийский), батальоны: истребителей танков, штурмовых орудий и созданный в мае 1941 г. финский добровольческий — «Нордост».

[11] Толдзгун, канун 1943 года: финские саперы расстреляли «гражданских шпионов» и военнопленных (Национальный архив Финляндии) (URL: https://inosmi.ru/history/20191221/246490675.html (дата обращения: 17.01.2021)).

[12] От Мечетинской до Ростова-на-Дону: как это было глазами участников боёв на стороне фашистов (URL: https://ok.ru/poiskovoed/topic/67730538670897 (дата обращения: 17.01.2021)).

[13] «На международном трибунале в Нюрнберге было выяснено, что в городах, находящихся на пути СС-дивизии “Викинг” было убито от 4 280 до 6 950 евреев. Однако эта информация неточная, так как из десяти муниципалитетов информация подтверждается только тремя. Из этого следует, что в июле и августе 1941 г. около 10 000 жителей могли быть убиты по пути следования дивизии» (*Вестерлунд Л.* «Мы ждали вас...». С. 191).

Константин Дроздов, Виталий Тихонов

Многоголосая история войны*

Konstantin Drozdov
Vitaliy Tikhonov
(both — Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

The polyphonic history of the War

DOI: 10.31857/S086956870015484-3

Взгляд (постмодернистский по своей сути) на прошлое как на сложный и принципиально противоречивый процесс, в котором участвует множество равноправных субъектов, имеющих право на собственный голос, уже стал нормой в пространстве гуманитарных наук. Именно такой подход, дающий максимум возможностей для выражения прямо противоположных точек зрения, востребован современной эпохой. В этой связи неслучайно, например, присуждение Нобелевской премии по литературе С.А. Алексиевич с формулировкой «За её многогласное творчество — памятник страданию и мужеству нашего времени». Кстати, книга, сделавшая писательницу знаменитой, — «У войны не женское лицо» (1985) — это, по сути, литературно обработанные интервью участниц Великой Отечественной войны, в которых они поделились воспоминаниями и размышле-

* Гарвардский проект: рассекреченные свидетельства о Великой Отечественной войне / Сост., общ. ред. и вступ. статья О.В. Будницкого и Л.Г. Новиковой. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 493 с., ил. (История сталинизма. Документы).

ниями о женских судьбах в условиях тяжёлой фронтовой жизни.

Военная история не осталась в стороне от социокультурного запроса. Одно из самых заметных явлений последних десятилетий — расширение предметного поля исследования, смещение ракурса с «войны генералов, фронтов и патронов» на «многоголосую войну людей». «Антропологический поворот» усилил интерес к эго-документам, раскрывающим историю человека в вооружённом конфликте: субкультуру комбатантов, их психологию (в том числе после возвращения с фронта), память о войне, её различные аспекты и т.д. Следствием этого стало появление серии документальных публикаций, позволяющих в той или иной форме взглянуть на войну глазами её рядовых участников[1]. Особенно заметен рост интереса к материалам Комиссии по истории Великой Отечественной войны при АН СССР, на основе которых (в первую очередь стенограмм интервью, взятых у участников событий) уже вышло несколько сборников[2].

Американским аналогом Комиссии можно в определённом смысле считать знаменитый «Гарвардский проект» — широкомасштабный опрос учёными эмигрантов из СССР[3]. Для советологии его материалы стали одним из самых значимых комплексов свидетельств о советском обществе.

Рецензируемое издание — первый опыт научной публикации интервью участников проекта на русском языке[4]. Интересный факт: данный археографический проект, как сообщают авторы-составители, родился из семинара в Высшей школе экономики. Таким образом, представленные интервью это ещё и апробированный источниковедческий практикум для студентов.

Издание открывает статья О.В. Будницкого и Л.Г. Новиковой. Из неё читатель узнаёт, что в публикацию включено 37 переводных интервью, извлечённых из 10-го тома материалов проекта (10-й и 11-й тома имеют подзаголовок: «список по теме военной оккупации»). По мнению публикаторов, тематически интервью можно разбить на три группы: взятые у бывших военнопленных; у «гражданских» лиц; у руководителей и участников национальных комитетов и коллаборационистских формирований. Разумеется, разбивка эта условна, информационный потенциал источников позволяет продолжить классификацию.

Публикаторы не склонны предаваться пространным рассуждениям о репрезентативности интервью как исторических источников. Во введении указано лишь, что перед нами не аутентичные записи, а их переводы на английский, причём исходники не сохранились. Содержатся также рассуждения о преимуществах издаваемых материалов перед интервью, активно собираемыми у ветеранов в конце XX — начале XXI в. Материалы Гарвардского проекта записывались спустя 5—6 лет после войны. Теоретически это позволяет снизить влияние таких факторов, как ослабление памяти или её искажение под давлением официальной идеологии или социально одобряемых оценок. Наконец, акцентируется массовость проекта, позволившая получить широкий спектр сведений о советском обществе в условиях войны и мира. Важно и то, что интервью анонимны. Публикаторам пришлось приложить немало усилий, чтобы их атрибутировать.

Нетрудно заметить, что проблема репрезентативности интервью (вероятнее всего, неосознанно) подменяется размышлениями об уникальности документов проекта. Между тем ознакомление с интервью позволяет рассматривать их как чрезвычайно интересный источник. Читатель регу-

лярно сталкивается с «ненамеренной информацией» — тем, что рассказчик доносит вопреки его ожиданиям и ценностным установкам. Например, калмыцкого националиста Ш.Н. Балинова неприятно удивил «сильный советский патриотизм, особенно среди молодёжи»: «Они говорили: помните, как калмыки жили раньше? Мы, конечно, не коммунисты, но посмотрите, как мы живём теперь. У нас есть своя республика, своя столица, свои министры, великолепный Дом Советов. В Москве прислушиваются к нацменам. Открылось множество школ. Одна девочка объясняла мне: раньше у нас было несколько богачей и тысячи бедняков. А сейчас все поля засеяны, повсюду тарахтят комбайны и т.д.» (с. 127). То есть у населения, даже в районах, сильно пострадавших от коллективизации и голода, сформировались устойчивые советские ценности. Показательно, что их носителем являлась прежде всего молодёжь — люди, не знавшие другой жизни.

Таких примеров много. Разумеется, исследователи не должны забывать и об особенностях появления интервью, специфики их респондентов (в той или иной форме находившихся в конфликте с советской властью) и искажающем факторе двойного перевода. Сложность работы с такого рода источниками знакома и исследователям материалов Комиссии по истории Великой Отечественной войны.

Тем не менее интервью, собранные в рамках Гарвардского проекта, и стенограммы бесед, записанные сотрудниками Комиссии, содержательно хорошо дополняют друг друга, несмотря на то что их объектом стали представители противоположных сегментов советского общества. Так, опросы перемещённых лиц, отказавшихся возвращаться в Советский Союз, по своей структуре чрезвычайно схожи со стенограммами бесед с солдатами и офицерами Красной армии. Сравнительный анализ показывает, например, что трагическая картина первых месяцев войны (паника, хаос и неразбериха при отступлении) зафиксирована в обоих источниках. Но более всего эта схожесть видна при сопоставлении бесед с гражданским населением, оказавшимся в ходе войны под оккупацией.

Необходимо сказать несколько слов об археографической стороне публикации. В первую очередь следует подчеркнуть, что авторский коллектив проделал огромную работу. Комментарии составлены на высоком профессиональном уровне, они содержательны и помогают читателю осваивать документ. Но насколько удачно решение поместить их в конце книги? Считаем, что это затрудняет работу с текстом, ведь сложность материала требует регулярного обращения к справочной информации.

Сомнения вызывает и подход к заголовкам. Они носят скорее «рекламный характер», когда на первый план выводится информация, способная вызвать немедленный интерес «сенсационным» содержанием («У истоков РОА», «Как белорусские крестьяне землю делили», «Как кавказцы от немцев независимости ждали» и т.д.), либо используется модель биографического повествования («Похождения электрика из Херсона», «От краснофлотца до финского диверсанта: судьба “капитана Орлова”» и т.д.). Не случайно составители рассчитывают, что книга заинтересует широкий круг любителей истории войны. Такой приём довольно распространён в современных публикациях. Но хотелось бы, чтобы в качестве дополнения к ярким заголовкам появились бы классические указания на автора, место, время и содержание текста и т.д. — то, чего требуют правила научной археографии. Это

позволит лучше понять публикуемое и сориентироваться в его изучении.

Книга получилась чрезвычайно интересной и информативной. Она станет не только важным этапом в публикации на русском языке материалов Гарвардского проекта, но и прочно войдет в арсенал исследователей Великой Отечественной войны, особенно таких непростых её тем, как оккупация, коллаборационизм, межнациональные отношения и т.д. Авторы-составители сделали вклад в создание многоголосой истории войны, и их следует поздравить с успехом.

Примечания

[1] Особенно популярно издание фронтовых писем. Из недавних изданий стоит отметить: XX век: письма войны. Антология военной корреспонденции / Под ред. С. Ушакина и А. Голубева. М., 2016. См. также: *Козлов В.П.* Фронтовые письма как молитва // Вестник архивиста. 2010. № 2. С. 24—47 (расширенный вариант: *Козлов В.П.* Археографическое обозрение России. 1991—2012. М., 2013. С. 195—221).

[2] *Hellbeck J.* Die Stalingrad Protokolle: Sowjetische Augenzeugen berichten aus der Schlacht. Frankfurt a/M, 2012; *Марчуков А.В.* Герои-покрышкинцы о себе и своём командире. Правда из прошлого. 1941—1945. М., 2014; Сталинградская битва: свидетельства участников и очевидцев (по материалам Комиссии по истории Великой Отечественной войны) / Под ред. Й. Хелльбека. М., 2015; «Здесь кровью полит каждый метр...» Рассказы участников освобождения Крыма. 1943—1944 гг. Сборник документов / Отв. ред. С.В. Журавлёв. М.; СПб., 2020.

[3] См: *Кодин Е.В.* «Гарвардский проект». М., 2003; *Engerman D.C.* Know your enemy: the rise and fall of America's Soviet experts. Oxford, N.Y., 2009.

[4] Здесь следует также отметить серию интервью респондентов проекта в «Живом журнале» историка И. Петрова (URL: https://labas.livejournal.com/).

Игорь Богомолов

Сатира, власть и культура в раннесоветском государстве*

Igor Bogomolov
(Institute of Sciencific Information for Social Sciences, Moscow, Russia)

Satire, Power and Culture in the Early Soviet State

DOI: 10.31857/S086956870015485-4

Исследовательница из Канады Э. Герин изучает становление и развитие сатиры в СССР 1920-х — начала 1930-х гг. На первый взгляд, тема не нова, историки начали интересоваться этим феноменом ещё в середине XX в.: сатирические журналы и карикатуры часто использовались в качестве источников и иллюстративного материала эпохи. Однако основное внимание обращалось не столько на сатиру как таковую, сколько на дебаты в печати о её роли и задачах в социалистическом государстве[1], на образы правителей, внешних и внутренних врагов[2], судьбы отдельных сатириков[3], а также на историю крупнейших сатирических изданий (прежде всего, журнала «Крокодил»)[4]. Хронологически лучше всего изучены период Великой Отечественной войны, позднесоветские годы, попытки «реинкарнации» сатиры в новой России[5]. На этом фоне рецензируемое исследование привлекает внимание своими временными рамками. 1920—1930-е гг. — период, когда место сатиры в общественно-политической жизни ещё не определилось, а сама власть ещё не решила окончательно, что делать с прессой такого

* *Gerin A.* Devastation and Laughter: Satire, Power, and Culture in the Early Soviet State (1920s—1930s). Toronto: University of Toronto Press, 2018. 282 p.

рода и стоит ли её поддерживать. Акцент на этом периоде позволяет увидеть самобытность советской сатиры и восполнить существующий «дефицит советской визуальной сатиры в искусствоведческих исследованиях» (p. 6).

В шести главах книги описываются основные способы воспроизведения сатиры (пресса, театр, кино) и деятели, повлиявшие на её развитие. В первой главе подробно рассмотрена деятельность А.В. Луначарского на посту наркома просвещения и во главе комиссии по изучению сатирических жанров при АН СССР. Он считал, что сатира хорошо подходит для критического анализа общественных процессов и может быть использована в пропагандистских целях, борьбе с идеологическими противниками. Луначарский последовательно выступал за поддержку сатиры и за творческую свободу художников-карикатуристов.

Вторая глава посвящена развитию советских иллюстрированных сатирических журналов и плакатов в годы Гражданской войны. Эта часть печати являлась важнейшим элементом визуальной пропаганды вплоть до распада СССР. Корни журнальной сатиры Герин справедливо усматривает в событиях 1905 г., но подчёркивает отличие дореволюционного опыта. Управляемая государством, советская иллюстрированная пресса в основном использовалась для дискредитации внешних и внутренних врагов. В то же время сатирические журналы стали «привилегированным местом массовой информации» (p. 66). Круг поднимаемых ими тем весьма широк: грамотность, технический прогресс, реформы в образовании, религия, алкоголизм, гигиена, проституция, аборты. Во многом этому способствовал взгляд Луначарского на роль смеха, который в социалистическом государстве выступал «важнейшим инструментом самодисциплины социального класса, позволяющим ему оказывать давление и на другие классы» (p. 70). Другой функцией сатиры являлось культивирование самокритики как «символического наказания за девиантное поведение» и «укрепление господствующей идеологии» (p. 73). Высмеивание абстрактных бюрократов «спускало» общественное разочарование и недовольство на низшие уровни, отводя критику от руководства страны. Наконец, такого рода плакаты и журналы представали «привлекательной альтернативой ранней советской печати, которая была особенно пресной, плохо иллюстрированной и требовала уровень политической грамотности, превосходящий уровень многих читателей» (p. 73).

Третья и четвёртая главы повествуют о специфике сатиры в цирке, театре и кино, которые советская власть «также считала важными средствами пропаганды» (p. 15). Цирку в силу его специфики изначально предоставлялось больше возможностей для высмеивания и критики. Ранний советский цирк представлял собой «мир чрезвычайно резких характеристик и возмутительных жестов, которые в контексте Гражданской войны, как считалось, могли разрушить культурные тропы старого режима и дискредитировать врагов» (p. 79). Однако уже в эпоху нэпа акцент стал смещаться в сторону традиционных, менее политизированных программ и представлений. В значительной степени это вызывалось экономическими причинами: борясь за зрителя, цирки постепенно возвращались к «лёгким» юмористическим сюжетам, убирая из программ революционные и политические события[6]. Характерно, что в фильме «Цирк» (1936) клоунада и преувеличенные гримасы «возвращаются на своё законное место — представление цирковой жизни и необычайных физических подвигов». Юмор исполь-

зуется для того, чтобы «пролить свет на неизбежные несоответствия и замаскировать внутренние противоречия советского общества» (p. 121). Редко появлявшиеся сатирические сюжеты, как правило, учитывали внешнеполитический контекст, высмеивая, например, расизм и нацизм.

В то же время бурно развивался сатирический театр. Особое внимание Герин уделила движению «Синяя блуза», которое к 1927 г. охватывало более 400 групп. За шесть лет (1923—1929) движение только в Москве провело 17,5 тыс. спектаклей в СССР и за рубежом (p. 91). Репертуар редко выходил за невидимые, но определённые рамки критики повседневности и обсуждении политических тем. Усиление цензурного контроля и централизация управления театрами привели в 1928 г. к ликвидации движения и роспуску трупп. Согласно постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» (23 апреля 1932 г.) предполагалось «более организованное использование творческих сил во всех видах искусства для достижения целей пятилетних планов». Ко времени I съезда Союза советских писателей (1934) сатирическая сцена оказалась фактически разогнана и «в значительной степени заменена оптимистической комедией» (p. 99).

В отличие от театра, контроль над кино формировался значительно дольше и сложнее. Падение кинопроизводства после революции (с 1918 по 1921 г. снято всего 16 полнометражных фильмов) привело к наводнению рынка зарубежными кинокартинами: в 1924 г. они составляли около 95% проката (p. 114). Чиновники долго обсуждали, как изменить эту пропорцию, какие жанры следует поддерживать и производить. Приходилось учитывать запросы публики, которая далеко не всегда принимала авангардное и экспериментальное кино, да и к откровенно пропагандистским картинам относилась сдержанно. В этой ситуации, как считал Луначарский, помочь могла общедоступная и «понятная» комедия, не оторванная при этом от жизни и не замалчивающая проблемы общества. Тем не менее комедии в прокате уступали мелодрамам и драмам, их доля в годы нэпа не превышала 19% (p. 114). К концу 1920-х гг. комедий стало выпускаться всё меньше из-за изменения «политического климата»: усиливалась цензура и общая подозрительность власти к зарубежному кинематографу (p. 115). Изменилось и само отношение к смеху. Если Луначарский отдавал предпочтение сатире, то глава «Союзкино» Б.З. Шумяцкий гораздо больше интересовался юмором, который «мог смягчить конфликт, замаскировать внутренние противоречия режима и поощрить оптимизм» (p. 119). Фактически это предполагало адаптацию киноискусства к доктрине социалистического реализма, провозглашённой в 1934 г.

В пятой главе Герин выделила основные приёмы, использовавшиеся сатириками в цирке, театре и кино (карикатура, коллаж, пародия и ирония), а также наиболее «плодородные» сюжеты. К примеру, для антирелигиозной кампании использовались знакомые зрителю религиозные действия для придания им новых целей и наполнения их «революционным смыслом» (p. 155). Демонизация вчерашних героев (как в случае с Л.Д. Троцким после 1927 г.) также требовала от сатириков больших усилий и изобретательности. При этом в сатире всё равно доминировала позитивная повестка. Кампании против неграмотности, бюрократизации или внутренних врагов в итоге предполагали «проецирование оптимистиче-

ских и утопических видений светлого будущего» (p. 171).

В заключительной главе подробно рассмотрены дебаты вокруг сатиры, её использования в пропагандистских целях. В то время как авангард и социалистический реализм оказывались «неизбежно устремлены вперед и утопичны в своих целях и стратегиях», сатира и юмор давали художникам возможность «критически оценивать прошлые и настоящие сюжеты, темы и практики» (p. 16). С 1928 г. сатира постепенно исчезала с массовой сцены, страниц журналов и киноэкранов. По мере укрепления государства искусство переходило от «атаки на прежний порядок к закреплению недавних достижений» (p. 188). В этих условиях юмористы постоянно шли на риск, каждый раз нащупывая границы допустимого. И всё же сатира выжила, найдя своё место среди «реалистических художественных течений, ставших визитной карточкой советского искусства при Сталине» (p. 173). Основной задачей оставалось высмеивание пережитков прошлого, внутренних и внешних врагов.

С критикой советской повседневности дело обстояло сложнее: «ни авангардистские, ни оптимистичные реалистические течения не были снабжены риторическими инструментами, которые могли бы служить для решения текущих проблем» (p. 140). Именно поэтому сатира оставалась востребованной, но с конца 1930-х гг. потеряла былую остроту. Она «периодически возрождалась» как необходимое риторическое оружие (например, в годы Великой Отечественной войны), но уже не становилась предметом жарких дебатов, а «просто занимала своё место в сложном пропагандистском арсенале наряду с соцреализмом, оптимистическими комедиями и некоторыми другими жанрами». Параллельно (особенно после смерти Сталина) расцвели «неофициальные виды смеха», например анекдоты, приобретшие «беспрецедентное значение» в позднесоветскую эпоху (p. 195).

Следует отметить широкий исторический контекст исследования. Затронуто развитие сатиры со времён Екатерины II до начала XXI в. Большое внимание уделяется дореволюционной печати, однако некоторые выводы по этому периоду содержат не вполне обоснованные обобщения. Утверждается, к примеру, что все сатирические журналы, появившиеся после 1905 г., «были недолговечны» и закрылись после ужесточения цензуры в 1907—1914 гг. (p. 45). Однако на деле многие из них (отмечу только самые популярные — «Новый Сатирикон», «Бич», «Стрекоза») просуществовали вплоть до 1917—1918 гг. Встречаются и фактические ошибки, например, «Кровавое воскресенье» отнесено автором на 5-е, а не 9-е января. Но эти недочёты не перекрывают достоинств книги — редкого в англоязычной историографии полноценного исследования советской сатиры 1920—1930-х гг.

Примечания

[1] *Russell R.* Satire and Socialism: the Russian debates 1925—1934 // Forum for Modern Language Studies. 1994. Vol. 30. P. 341—352; *Waterlow J.* Sanctioning laughter in Stalin's Soviet Union // History Workshop Journal. 2015. Vol. 79. P. 198—214.

[2] *Ryan K.L.* Stalin in Russian satire, 1917—1991. Madison, 2009.

[3] *Galassi F.S.* Surviving as a satirist in the Soviet Union: «The Master and Margarita» by Mikhail A. Bulgakov // Critique: Journal of Socialist Theory. 1976. Vol. 6. P. 45—53.

[4] *Etty J.* Graphic satire in the Soviet Union: Krokodil's political cartoons. Jackson, 2019.

[5] *Michaels P.A.* Navigating treacherous waters: Soviet satire, national identity, and Georgii Daneliia's films of the 1970s // Historical Journal of Film, Radio and Television. 2009. Vol. 29. P. 343—364; Uncensored? Reinventing humor and satire in Post-Soviet Russia. Bloomington, 2008; Contemporary Russian satire: a genre study. Cambridge, 1995.

[6] *Neirick M.* «Taking a leap across the Tsarist throne»: revolutionizing the Russian circus // Rethinking the Russian Revolution as Historical Divide. L., 2019. P. 69.

Таисия Михайловна Китанина (1929—2020)

26 декабря 2020 г. не стало заслуженного работника высшей школы Российской Федерации, доктора исторических наук, профессора Таисии Михайловны Китаниной, принадлежавшей к числу крупнейших специалистов по экономической истории императорской России.

Т.М. Китанина родилась 14 июня 1929 г. в Одессе в семье военного. В 1934 г. она вместе с родителями переехала в Ленинград, с которым навсегда связала свою жизнь и творческую деятельность. Вместе с мамой она пережила ужас блокады, познав голод, болезни, а также другие тяготы и лишения. По её словам, эти детские испытания стали одним из основных жизненных уроков, прививших ей любовь к труду, стойкость характера и неиссякаемый оптимизм.

В 1953 г. Т.М. Китанина окончила исторический факультет Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова. Она всегда с исключительной теплотой вспоминала годы, проведённые в своей *alma mater*. Курс, на котором ей довелось учиться, объединил многих представителей талантливой молодёжи, ставших впоследствии признанными мастерами отечественной историографии. Среди них — будущие академики РАН Б.В. Ананьич и А.Б. Давидсон, доктора исторических наук В.М. Панеях, А.Н. Цамутали, А.Н. Кирпичников, Р.Г. Скрынников и др. Учились же они у блестящего созвездия талантливых педагогов. Как и её товарищи, Таисия Михайловна была очарована ораторским искусством Е.В. Тарле, энциклопедической эрудицией В.В. Струве, артистизмом В.И. Радовникаса, виртуозным анализом источников С.Н. Валка, интеллектуальным обаянием Б.А. Романова. Курс палеографии читал сравнительно молодой, но уже известный своими трудами профессор Д.С. Лихачёв. В студенческие годы, занимаясь в семинаре своего научного руководителя профессора А.В. Предтеченского, Т.М. Китанина проявила интерес к исследовательской работе. Аудиторные занятия дополнялись общением с авторитетными учёными, которое зачастую носило неформальный характер. Позднее она не раз признавалась, что демократизм университетской атмосферы во многом способствовал формированию у будущих историков как профессиональных, так и человеческих качеств.

В 1956 г. Китанину, тогда ещё аспирантку, приняли в штат Ленинградского отделения Института истории АН СССР, где она проработала более 40 лет. Здесь, в группе истории СССР периода капитализма, преобразованной с 1977 г. в сектор, а с 1986 г. в отдел, в полной мере раскрылся исследовательский талант Таисии Михайловны. Многие годы ей посчастливилось трудиться вместе с такими учёными, как С.Н. Валк, В.С. Дякин, Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин, Ю.Б. Соловьёв, В.Н. Гинёв, А.Н. Цамутали, В.А. Нардова, В.Г. Чернуха и др. В этом кругу научные интересы Т.М. Китаниной сосредотачивались преимущественно на малоизученных проблемах экономики конца XIX — начала XX в. Первым крупным итогом её кропотливых изысканий в фондах архивов и библиотек стала кандидатская диссертация «Военно-промышленные концерны в

России в годы Первой мировой войны, 1914—1918 гг.», блестяще защищённая в 1964 г. В дальнейшем Таисия Михайловна углубилась в изучение внутренней и внешней хлебной торговли в контексте политики самодержавия, направленной на создание благоприятной рыночной конъюнктуры.

Т.М. Китанина была необычайно работоспособным человеком. Буквально до последних лет жизни, пока позволяло здоровье, она посещала читальные залы, а когда ей пришлось анализировать собранный материал преимущественно в домашних условиях, ученики регулярно снабжали её необходимыми копиями архивных документов. Обладая редким даром концептуального взгляда на рассматриваемую проблему, Таисия Михайловна глубоко разбиралась в истории промышленности и предпринимательства разных регионов Российской империи, в развитии монополистического капитала и аграрного рынка, в различных аспектах экономической политики правительства. По каждому из этих сюжетов она высказывала оригинальные суждения и взвешенные оценки.

Из-под пера Т.М. Китаниной вышло более 250 научных публикаций по социально-экономической истории России XVIII—XX вв. Среди них классические труды «Военно-инфляционные концерны в России 1914—1917 гг.» (Л., 1969), «Хлебная торговля России в 1875—1914 гг.: очерки правительственной политики» (Л., 1978), «Война, хлеб и революция: Продовольственный вопрос в России. 1914 — октябрь 1917 г.» (Л., 1985), «Рабочие Петербурга, 1800—1861 гг. Промышленность, формирование, состав, положение рабочих, рабочее движение» (Л., 1991). А одной из последних её работ стала монография об особенностях и последствиях имперской политики: «Проникновение крупного российского финансового капитала в экономику Средней Азии в конце XIX — XX в.» (СПб., 2018).

Нельзя не отметить, что высокое профессиональное мастерство сочеталось у Таисии Михайловны с твёрдостью убеждений. Она на личном опыте знала, с какими трудностями мог сталкиваться историк, попадавший под идеологический пресс. Рукопись её книги о хлебной торговле России 1875—1914 гг. подвергалась предвзятым и далёким от академической науки обвинениям в идеологической невыдержанности. Однако коллеги решительно поддержали исследовательницу, а один из крупнейших советских аграрников А.М. Анфимов в своём отзыве убедительно показал глубину и аргументированность её выводов. После четырёх лет мытарств монография, наконец, вышла в свет, а через год была уверенно защищена в качестве докторской диссертации. По иронии судьбы именно Т.М. Китаниной Отдел науки ЦК КПСС через несколько лет поручил подготовить для майского пленума 1982 г. справку о внутренней и внешней хлебной торговле России на рубеже XIX—XX вв. Вскоре её наградили медалью «За трудовую доблесть».

Т.М. Китанина являлась одним из ярких представителей исторической школы Ленинграда—Петербурга, хранительницей высоких традиций методологического плюрализма и источниковедческой доминанты. Вместе с тем она постоянно стремилась поделиться своим богатым опытом с молодыми исследователями. С 1990-х гг. Таисия Михайловна начала преподавать в родном университете, будучи в 1995—2007 гг. профессором кафедры истории России с древнейших времён до XX в., в 2007—2015 гг. — кафедры истории предпринимательства и менеджмента, а в последние годы — кафедры истории народов стран СНГ. За четверть века ей удалось разработать и прочесть яркие и основательные курсы: «Российское общество в 1800—1917 гг.: государство, сословия,

экономика», «Россия в Первой мировой войне: экономика и экономическая политика» и др. Под её чутким руководством ряд молодых специалистов стали кандидатами наук, а трое защитили докторские диссертации.

Про «домашний» семинар Таисии Михайловны ходили легенды: в своей квартире на протяжении многих лет она обсуждала с коллегами и учениками проблемы социально-экономической истории России. Дом 26 по улице Ленина на Петроградской стороне хорошо знали и в северной столице, и за её пределами. Её гостей каждый раз встречал большой стол в просторной гостиной, на котором в огромном количестве лежали книги, рукописи, письма, копии архивных документов и другие бумаги. Интересная беседа неизменно сопровождалась вкусным угощением. Посетитель, особенно пытливый студент или аспирант, нередко получал на память полезный подарок — книгу или номер научного журнала со статьёй на интересующую его тему. Неутомимая рассказчица, любительница путешествий, тонкий знаток литературы, музыки и живописи, Т.М. Китанина очаровывала своих восхищённых слушателей, узнававших от неё забытые уже обстоятельства минувших событий, увлекательные детали жизни и творчества знаменитых учёных и государственных деятелей.

В памяти коллег, учеников и всех, кому довелось общаться с Таисией Михайловной Китаниной, она навсегда останется неординарным и необыкновенно симпатичным человеком, яркой личностью, беззаветно преданной исторической науке.

А.С. Минаков

Kazakh autonomism in 1918: competition of projects and dynamics of alliances

Dina Amanzholova
(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870015594-4

In the Russian Empire, the transition from traditional to modern society took place at different rates, had regional and ethnosocial specifics. Nation-building, as it is understood today, was not on the agenda of the tsarist and Provisional governments. But the formation of sufficiently significant educated and politically active strata in the regions has actualized federalist sentiments in the context of the disintegration of the state[1]. At the same time, in 1917, the all-Russian administrative-territorial format became the basis for the development of regional ethnopolitical projects. They remained within the boundaries of the former empire's space, which was historically and geographically stable, perceived in the long term as reliable, familiar and habitable (subject to its democratization). This spatial integrity also affected the interaction of regional leaders and structures.[2]

The active growth of intercultural contacts of the Kazakh Steppe at the beginning of the XX century. encouraged the comprehension of the essence of "Kazakhness" by the educated part of society. Already in 1913, the name of the national newspaper appeared as a self-determination "Kazakh", and the development of a political project, starting with an interest in all-Russian and even international cultural, linguistic and religious solidarity, went in the direction of local ethnocentricity. Kazakh democrats, in comparison with other Central Asian national activists, were the most integrated into all-Russian politics, had already gained organizational and socio-cultural experience in the parties of the Socialist-Revolutionaries, Cadets, Social Democrats, as well as in large public structures such as Zemgor.

The deepening national crisis stimulated their initiative, and the leader of the movement A.N. Bukeikhanov realized the futility of maintaining loyalty to the program and practice of the People's Freedom Party, of which he became a member of the Central Committee in the context of the collapse of the country. His decision in July 1917 to create the national party "Alash" was unanimously supported by his comrades-in-arms. Hardly had he organized it as a full-fledged instrument of the struggle for power, when spoke in favor of "regional territorial-national autonomy" as part of

© 2021 D.A. Amanzholova

This article is a translation of: Д.А. Аманжолова. Казахский автономизм в 1918 году: конкуренция проектов и динамика альянсов // Rossiiskaia Istoria. 2021. № 1. P. 63—78. DOI: 10.31857/S086956870013445-0

[1] In 1905—1907. the post-revolutionary structure outside the Russian Empire was seen only by radical Polish nationalists and some of the revolutionaries (Historical course "New imperial history of Northern Eurasia." Ch. 10. XX century: empire in the era of mass society. Part 1. The collapse of the regime of the Russian national empire // Ab Imperio. 2016. No. 1. P. 362—363).

[2] Their federalist sentiments during the revolution were reactive and improvisational. (Krasovickaya T.YU. Etnicheskie elity o formah federativnogo ustrojstva Rossii (1917—1929) // Mir Bol'shogo Altaya. 2017. № 3. S. 142).

the future Russian Democratic Federation[3], which also responded to the sentiments on the outskirts. Despite the absence of the party program, already in the summer in the Steppe Territory, Kazakh committees were functioning, which became both party structures and local self-government bodies. As the latter they entered into coalitions with other local authorities — both created on their own initiative in the spring and then by the Provisional Government.

Autonomism turned out to be the highest point of evolution and the most radical demand of Kazakh democrats at the beginning of the 20th century. The leaders of "Alash" considered the federation the optimal form of relations between the center and national-territorial entities, combining the benefits of state unity and centralized power with balanced independence of the outskirts. The choice of the autonomist model was based on taking into account the state of society: a fairly deep integration of the region into the Russian political and economic system, the historically established relationship of Kazakhstan with other regions of the country, a high probability of losing even minimal independence in the event of the declaration of independence. At the same time, the project assumed participation in the nationwide reorganization of Russia.

The Kazakh autonomists had to quickly respond to the rapidly developing competition between the leading military-political forces, which relied on their own preferences and ideas about the country's future. The dynamics of the development of autonomist preferences and their specific models differed depending on the nature and speed of political processes in the regions, the level of organization and influence of ethnopolitical activists, the strength and strength of ties between the main participants in the struggle for power. The embodiment of these models fell on the extreme 1918. The almost unlimited faith of the Kazakh leaders in autonomy through the All-Russian Constituent Assembly, with the help of which they were going to obtain statehood and power as the only legitimate representatives of their people, was reinforced by the traditions of the ethnosocial hierarchy. Already in September 1919, when the Bolsheviks began to create Soviet autonomy, a member of the Kyrgyz Military Revolutionary Committee (KirVRK) Lukashev (Vadim) wrote to the Central Committee of the RCP (b): "And if now the Kyrgyz masses are shouting about autonomy, absolutely not knowing, what autonomy is and not knowing what it carries with it, but expecting something better, better than what it was and what it is now, she nevertheless as one person exclaims "autonomy-autonomy" [I am convinced that they are shouting about " autonomy "only" Tunganchins ", not the mass ... — approx. Auth.], this does not mean that this mass is for Soviet power, and even more so for communism ... While this "autonomist" adventure was suggested to her by a bunch of rich khan bandits, whom we were "forced" to temporarily pat on the head, by all means attracting them to themselves "to help", as an element that has "enormous" [there is no "huge" influence of them! And they receive it — "through us"! — approx. author] influence on the dark people, influence based on the pitiful remnants of the former despotic greatness.[4] "

The reorganization of statehood was the result of a fierce confrontation between competing projects: all-Russian (Bolshevik and anti-Soviet) and local, which com-

---

[3] Delo (Semipalatinsk). 1917. № 61. 18 avgusta; Alash-Orda. Sbornik dokumentov. Kzyl-Orda, 1929. S. 34—35, 38, 39—40.

[4] RGASPI, f. 17, op. 86, d. 129, l. 112. Until 1925, Kazakhs were called Kyrgyz (Kyrgyz-Kaysaks, Cossack-Kyrgyz).

bined political, confessional and cultural needs. The provisional government did not dare to grant autonomy to the national borderlands, and the anti-Soviet forces were unable to offer a realistic alternative to the adversary's slogans. As a result, the struggle unfolded between the regional elite, which united all significant political forces with different ideological "stuffing" and common cultural and religious identity, and left-wing radicals led by the Bolsheviks.

The statement of the leaders of "Alash" on the political unification of the areas of traditional settlement of Kazakhs could not be realized without "external" support from military, financial, material and technical and other resources. The Bolshevik version of Kazakh autonomy provided for the recognition of Soviet power with its class principle. He was opposed by supporters of "united and indivisible Russia" ("white") and federalists (Committee of members of the Constituent Assembly — Komuch). The strong side was the regionals — the Siberian regional specialists, in November 1918, however, forced to agree to a misalliance with the consolidating enemy of the Soviets — the government of A.V. Kolchak. But the very center of power, capable of reuniting the territory of the disintegrated country, "moved" in the military-political and geographical sense.

This predetermined the situational tactics of the Kazakh ethnocentrists. Unlike other autonomists in the region[5], history has provided them with much more room to maneuver. I had to enter into complex and unpredictable relationships with different political partners, each of whom had their own vision of their role in the struggle for power. As a result, at the same time it was necessary to negotiate and bargain with different, sometimes opposing sides. I will dwell on the most important episodes.

The close connection of Kazakh intellectuals with Siberian oblasts, due to objective reasons, political pragmatism and the dynamics of the internal evolution of both forces, was established long before the revolution and persisted in 1917—1919[6]. Autonomists were in no hurry To "break away" from their Siberian colleagues, preferring to participate in their congresses and to be part of the structures they created, until the end of 1917 they did not dare to declare autonomy and dissociate themselves. Oblast and Alash residents allowed a combination of territorial and national approaches to

---

[5] About Turkestan autonomy see Agzamhodzhaev S. Istoriya Turkestanskoj avtonomii (Turkiston Muhtoriyati). Tashkent, 2006; Istoriya obshchestvenno-kul'turnogo reformatorstva na Kavkaze i v Central'noj Azii (XIX — nachalo XX veka). Samarkand, 2012; Gafarov N.U. Dzhadidizm v Srednej Azii v konce XIX — nachale XX vv. Avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. Dushanbe, 2013; Turkestanskaya avtonomiya (Turkiston Muhtoriyati). Sozdanie i razgrom. Sbornik statej (URL: https://greylib.align.ru/503/turkestanskaya-avtonomiya-sozdanie-i-razgrom-sbornik-statej.html); Abdullaev R.M. Nacional'nye politicheskie organizacii Turkestana v 1917—1918 gg. Tashkent, 2016; i dr.

[6] See more: SHilovskij M.V. Hronika oblastnicheskogo dvizheniya v Sibiri (1852—1919) // Materialy k hronike obshchestvennogo dvizheniya v Sibiri v 1895—1917 gg. Vyp. 1. Tomsk, 1994. S. 6—16; Amanzholova D.A. Kazahskij avtonomizm i Rossiya. Istoriya dvizheniya Alash. M., 1994; Remnyov A.V. Zapadnye istoki sibirskogo oblastnichestva // Russkaya emigraciya do 1917 goda — laboratoriya liberal'noj i revolyucionnoj mysli. SPb., 1997. S. 142—156; Shilovskij M.V. Oblastnichestvo i regionalizm: evolyuciya vzglyadov sibirskogo obshchestva na puti inkorporacii Sibiri v obshcherossijskoe prostranstvo // Administrativno-gosudarstvennoe i pravovoe razvitie Sibiri XVII—XX vekov. Irkutsk, 2003 (URL: http://kraeved.lib.tomsk.ru/page/12/); Nam I.V. Nacional'nyj vopros v programmnyh ustanovkah sibirskih oblastnikov, zakonotvorcheskoj i politicheskoj praktike Sibirskoj oblastnoj dumy (1917 — yanvar' 1918 gg.) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. «Istoriya. Kraevedenie. Etnologiya. Arheologiya». № 281. 2004. S. 47—57; Nam I.V. Nacional'nyj faktor v deyatel'nosti Sibirskoj oblastnoj dumy v period «demokraticheskoj» kontrrevolyucii (iyun' — noyabr' 1918 g.) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. № 288. 2005. S. 151—158; SHishkin V.I. Pervaya sessiya Sibirskoj oblastnoj dumy (yanvar' 1918 goda) // Istoriya beloj Sibiri. Sbornik nauchnyh statej. Kemerovo, 2011. S. 54—61; i dr.

the federalization of Russia and Siberia with the inclusion of Kazakh lands in the latter.

This is shown by the decisions of the Siberian Regional Congress in Tomsk (October 8—16, 1917), in which 10 Kazakhs also took part. The delegates were divided into autonomists and federalists (the latter did not recognize the unity of the region and advocated its division into several regions).

Bukeikhanov said: "We want to get self-determination together with Siberia." He advocated the territorial consolidation of the Kazakh lands on the basis of their economic specifics and free interethnic integration. The congress spoke in favor of the formation of "extraterritorial personal-autonomous unions within the Siberian autonomy, which was to include the territory to the east of the Urals with the inclusion of the entire Kyrgyz Territory with the free expression of the will of the population inhabiting these limits." Siberia had "the right to transfer part of its legislative powers to separate regions and nationalities occupying a separate territory, if the latter required it, thus turning into a federation, ie. union of regions and nationalities ".

Bukeikhanov was cautious, preferring a gradual movement from unity to isolation. Speaking in November 1917 in Semipalatinsk, he emphasized that there are peoples in Russia who speak 105 languages, therefore there cannot be one law that satisfies everyone: "Such a law can be issued for itself by each individual nation only by itself." In the Constituent Assembly, the Kazakhs must defend the idea of autonomy based on the unity of either blood, or territory, or economy. The head of "Alash" considered "common territory" preferable, and therefore "it is beneficial for the Kazakhs to enter the Siberian autonomy." He did not give up self-determination, but did not consider it possible to rush due to the lack of managerial personnel. And when "we are sufficiently prepared for management, then we will demand autonomy from Siberia, there will be no delay, at the Siberian Congress this is included in the program." In the Siberian Duma, the Kazakhs, he noted, together with other peoples (Yakuts, Buryats) will take a worthy place[7]. The draft program "Alash", published on November 21, indicated: Russia should be a democratic federal republic with a presidential form of government and universal suffrage, legislative power should belong to the Duma. "The autonomy of the Kyrgyz ... is included in the Russian Federation on an equal basis with other nationalities ... there is equality, personal inviolability and freedom of speech, press and unions." "At first, the Kazakh autonomy can form a single entity together with other peoples interested in this, and if not, then from the very beginning it can become an independent unit." At the 2nd All-Kazakh Congress (December 1917, Orenburg) Bukeikhanov "ardently argued that under modern conditions of social life and the state of culture and education among the Kyrgyz, it would be inexpedient and unreasonable to isolate them politically and take an independent course of purely autonomous government." The newspaper "Kazakh" soon explained what is the basis of statehood: "1) the presence of a separate territory, 2) the presence of the population on it, 3) the power that governs the country.[8]" Later it was

[7] On October 16, the delegates defined the "Regional structure of Siberia": with the unity of the Russian Republic, its parts needed "national or territorial autonomy." Ermekov became a member of the Siberian Regional Duma of the government of Western Siberia, representing the interests of small peoples. See.: Sibirskaya zhizn' (Tomsk). 1917. 8, 11, 17, 21 oktyabrya; Put' naroda (Tomsk). 1917. 17 oktyabrya; Dvizhenie Alash. Sbornik dokumentov i materialov. Aprel' 1901 g. — dekabr' 1917 g. / Pod. red. T.K. Zhurtabaya. T. 1. Almaty, 2004. S. 456—457; Amanzholova D.A. Na izlome. Alash v etnopoliticheskoj istorii Kazahstana. Almaty, 2009. S. 180—181; SHilovskij M.V. Oblastnichestvo i regionalizm...

[8] Kazahstanskaya pravda. 1989. 19 iyulya; Alash-Orda... S. 73—76; Dvizhenie Alash... S. 439, 504; Orenburgskij kazachij vestnik. 1917. 23 dekabrya; Kazah. 1918. № 257 (Cit. po: Bejsembiev K.B. Idejno-

noted that the main reason for the refusal to immediately proclaim autonomy was the uncertainty of the situation in the province and the situation in neighboring regions. So, at this stage, regionalists, preferring national and cultural autonomy, nevertheless went to meet the Kazakh leaders. The two neighboring centers of autonomism seemed to have found a compromise and did not compete, counting on a democratic reorganization of the whole of Russia and assuming different options for future relations. However, more and more clear organizational and political contours were acquired by their own centers, claiming regional leadership and a new nature of relations with the all-Russian government[9].

Meanwhile, the transfer of power to the Bolsheviks in the capitals and the subsequent wave of Sovietization meant a new challenge for all regionals. At the II All-Kazakh Congress, Bukeikhanov and his comrades managed to overcome the resistance of the supporters of an alliance with Turkestan, yielding to them in demanding an immediate declaration of autonomy. It is significant that the leader of "Alash" reasonably proposed to proclaim it only after clarifying the attitude of the non-indigenous population and the creation of a people's militia. As a result, these important ideas were ignored, although the decision of the congress declared the granting of "other peoples" 10 out of 25 seats in the government (which in fact turned out to be monoethnic). It soon became clear that the Kazakh asset of the Syr-Darya region ready to unite with the autonomy on condition of its union with Turkestan and the location of the capital in the city of Turkestan. The congress decided to create the Alash autonomy with the capital in Semipalatinsk. It included "a continuous territory with a dominant Cossack-Kyrgyz population of a single origin, a single culture, history and a single language", offered cultural and national autonomy to the "landless peoples" and their proportional representation in all institutions[10].

In turn, the Bolsheviks tried to establish an alliance with the active nationally organized force of the East region. As you know, the unconditional attractiveness of the right of peoples to self-determination, their equality and sovereignty, the abolition of national and national-religious privileges and restrictions played a huge role in the establishment of Soviet power on the ground. Of particular importance were the Declaration of the Rights of the Peoples of Russia and the appeal of the Council of People's Commissars of the RSFSR "To all working Muslims of Russia and the East.[11]" The III All-Russian Congress of Soviets on January 10—18 (23—31), 1918, adopted the Declaration of the Rights of the Working and Exploited People[12], which was then included in the Constitution. All the peoples of Russia were given the opportunity

---

politicheskie techeniya v Kazahstane v konce HIH — nachale HKH vv. Alma-Ata, 1961. S. 363).

[9] V.I. Shishkin notes that both governments arose "from below" — at the initiative of the local community and almost simultaneously. However, he is wrong, considering that Alash-Orda "left the historical arena" at the beginning of November 1918 after A.V. Kolchak. (SHishkin V.I. Vzaimootnosheniya Alash-Ordy i Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki. T. 96. 2011. № 4. S. 111, 110). In fact, Alash-Orda negotiated with the government of Kolchak even in 1919, and ceased to exist in fact at the beginning of 1920.

[10] Alash-Orda... S. 50—53, 56; Amanzholova D.A. Dvizhenie Alash v 1917 godu. M., 1992. S. 32. Let us recall the definition of Stalin, who advocated regional autonomy: "A nation is a historically established stable community of people, which arose on the basis of a common language, territory, economic life and a mental make-up manifested in a community of culture." (Stalin I.V. Marksizm i nacional'nyj vopros // Stalin I.V. Sochineniya. T. 2. M., 1946. S. 296).

[11] Dekrety Sovetskoj vlasti. T. I. M., 1957. S. 39—41; Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva. № 6. 1917. 19 dekabrya.

[12] Dekrety Sovetskoj vlasti. T. I. S. 321—323.

"to make an independent decision at their own plenipotentiary Soviet congress: do they wish and on what grounds to participate in the federal government and in other federal Soviet institutions [13]". The basis of the federation was declared the power of the soviets, elected from the workers and peasants.

Federalism in the Soviet style became the main project for the region. In March I.V. Stalin, M.M. Vakhitov and a number of other leaders of the RSFSR People's Commissariat for Ethnic Affairs sent a telegram to the localities outlining the Regulations on the Tatar-Bashkir Soviet Republic developed by Vakhitov[14]. The revolutionary organizations of Azerbaijanis, Tatars, Georgians, Armenians, Kazakhs, Sarts, Tekins and others were asked to "communicate their specific plans for the federation" in connection with the preparation of a similar situation for them in the People's Commissariat. The next day Pravda published the document itself and Stalin's appeal on this matter. He assessed the creation of the republic as an example of federal relations between Russia and the peoples of the former empire[15]. On March 24 and 27, the Narkomnats sent telegrams to the Tashkent Council of Deputies, the revolutionary committees of Orenburg and Bashkiria. At the same time, the Bolshevik leadership (as well as the nationals) could not abandon the pre-revolutionary geographical and administrative "image" of the region and the division of its population into "Europeans" and Muslims.[16]"

On March 28, 1918, the Kazakh Committee of Semipalatinsk received a telegram from the People's Commissariat for Nationalities: "We ask you to immediately send representatives to organize the Commissariat for Kyrgyz Affairs to work on the implementation of the Kyrgyz state. Please grab the relevant materials. [17]" Obviously, the formation of "federal states" (republics) was supposed to be carried out according to the Tatar-Bashkiria scheme and on the basis of the implementation of the principle of "self-determination of workers". Alash-Orda sent to the department of the Constituent Assembly deputies Zh. And Kh. Dosmukhamedovs with the documents of the II All-Kazakh Congress. Negotiation materials were not found. According to the available data, it can be assumed that they were quite successful. Stalin considered it possible to recognize the decision of the congress, subject to the recognition of the power of the Council of People's Commissars in the center and local councils, the autonomists received the right to organize a commission to convene a constituent congress. Alash-Orda decided to "recognize the central government of the Federal Soviet Republic" and put forward a number of proposals: the boundaries of future autonomy

---

[13] Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva. № 15. 1918. 13 yanvarya. St. 215.

[14] See more: YUldashbaev B.H. Nacional'nyj vopros v Bashkirii nakanune i v period Oktyabr'skoj revolyucii. Ufa, 1984; Kul'sharipov M.M. Z. Validov i obrazovanie Bashkirskoj Avtonomnoj Sovetskoj respubliki (1917—1920 gg.). Ufa, 1992; Nureev I.S. Rol' obshchestvennyh dvizhenij i politicheskih partij nacional'nyh rajonov Povolzh'ya v nacional'no-gosudarstvennom stroitel'stve v 1917—1920 gg. (na materialah Bashkortostana i Tatarstana). Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. SPb., 1993; Iskhakov S.M. Russkaya revolyuciya 1917 goda i tyurki Central'noj Azii // Turkestanskaya avtonomiya (Turkiston Muhtoriyati)

[15] RGASPI, f. 558, op. 1, d. 134, l. 1—2; Pravda. 1918. 23 marta.

[16] The self-determination of peoples in polyethnic Turkestan was postponed, for a time the cultural and confessional unity of the "Muslim nation" was legally formed, which a little later served as one of the foundations of the famous project of T. Ryskulov. (Arapov A. Krah proekta Tyurkskoj sovetskoj respubliki (1919—1920) (URL: http://memoryoffuture.blogspot.ru/2010/06/1919-1920.html); Turkestan v nachale XX veka: k istorii istokov nacional'noj nezavisimosti. Tashkent, 2000. S. 151—160; Magomedov R.M. Narkomnac Rossijskoj Federacii i nacional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo v sovetskom Turkestane. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 2003; i dr.).

[17] GA RF, f. 130, op. 2, d. 898, l. 32 ob., 33.

(within the modern territory of Kazakhstan), the powers of its authorities before the convocation of the constituent congress, relations with local councils. Autonomists defended the right to convene a congress in close cooperation with the local council, to retain for this purpose the supreme legislative and administrative power. At the local level, they offered to transfer power to the soviets "organized on a democratic basis with respect for proportional representation from nationalities." Where councils had not yet appeared, it was proposed to preserve the Kazakh committees, zemstvo and city self-government, as well as national courts and the people's militia.

Subordination to the national class determined the pragmatism of the Bolsheviks in relation to the self-determination of peoples. Despite the opposition of the small left-wing party "Ush-Zhuz", the compromise took place. The successful course of the negotiations was reported by a telegram to the Kazakh uyezd committees on April 16: "The Council of People's Commissars recognizes our autonomy, subject to the recognition of Soviet power." Alash-Ordinsky pledged not to support the anti-Soviet actions of the Cossacks.[18] However, the fall of the soviets in the major centers of the future autonomy by the summer of 1918 slowed down the alliance with the Bolsheviks for almost a year. On June 24, Alash-Orda adopted a resolution invalidating all the decrees of the Soviet government on its territory. Laws and declarations of the Provisional Government on freedom of conscience, speech, press, assembly, unions and personal inviolability were enacted. The Kazakh government took upon itself the right to authorize railway construction and collect all state taxes from the population of the autonomy, ordering to immediately start collecting the wagon tax. The Military Council appeared with the functions of the War Ministry and the right to create local military councils and was obliged to "call up horsemen to fight the Bolsheviks." The latter, however, turned out to be difficult and required the support of the more powerful opponents of the Reds.

To manage the autonomy, the zemstvo institutions were restored, introduced by the law of June 17, 1917. By the decision of June 25, regional and uyezd councils were created everywhere, the composition of which (3—5 people) was temporarily appointed by Alash-Orda, and then elected at the first regular zemstvo meeting by vowels. Kazakhs and was approved by the government. It was clarified: if the non-Kazakh population also expresses a desire to remain in the autonomy, then the councils are elected by the entire assembly. The regional councils were responsible for conscription to the Alash units, tax collection, preparation of materials for the convocation of the Alash Constituent Assembly and on the agrarian issue, issues of cultural and economic development, the protection of "state order and public peace" and monitoring the exact implementation of the rules of temporary land use[19]. When developing manage-

[18] On April 17, Zh. Dosmukhamedov at a meeting of the executive committee of the Saratov Sovdep gave more details: "The entire Kyrgyz region should be rebuilt according to the Soviet model. There should be eight Tips. In Semipalatinsk there should be a central Soviet administration of the region. So far ... there is a zemstvo. Alash-Orda must be replenished with other representatives. In general, it is difficult for us to organize Soviets, there is no one to make them out of. There are almost no workers, there are almost no soldiers either ... We have only zemstvo institutions, which it has been decided to keep in the center. The Council of People's Commissars will organize a Commissariat for Kyrgyz Affairs ... I declare on my own behalf that the only government that has sympathetic to us is the Soviet government. We tried for a long time to stand out as a separate autonomous unit, and no one, except for the Soviet government, went to meet us. We will not forget such an attitude towards ourselves ". (Saratovskij Sovet rabochih deputatov (1917—1918 gg.). Sbornik dokumentov. M.; L., 1931. S. 454, 455—456). According to some reports, at the request of the Dosmukhamedovs for the preparation of the congress, Lenin ordered to allocate 12 million rubles to them. (Kazakhedebieti. 1990.24 tamyz).

[19] Unlike county councils with similar functions, regional councils had the right in important cases to conclude "temporary blocs with the governments of neighboring autonomies to protect the interests of

ment principles tried to combine the multi-ethnic local government bodies created after February and national structures. Close cooperation of councils with zemstvos was supposed. The task was set to ensure non-interference in the competence of zemstvo and city councils and dumas (although in the areas subject to the Alash-Orda, zemstvos were often headed by its supporters). "Alash" counted on an alliance with the Siberian and Bashkir autonomies and on the help of weapons from the Orenburg ataman A.I. Dutova.

For all the attractiveness of the concept, this system made it difficult to solve everyday administrative and economic problems, as it created a kind of dual power, supplemented by energetic intervention of emissaries of the "central" authorities — the Siberian Provisional Government and Komuch[20]. The prompt implementation of the decisions of the Alash-Orda was also hampered by the lack of transport infrastructure, difficulties in postal communications, complex and rapidly changing military circumstances. Due to the incompleteness of the construction of the local authorities of Alash and their real weakness, the subordination of different districts of the region to the opposing forces, it turned out to be practically impossible to implement the decision taken at the same time to recruit the people's militia[21].

On June 24, rules on temporary land use in the autonomy appeared. The final resolution of the issue was postponed until the All-Russian Constituent Assembly, at which Alash intended to present a draft agrarian reform. Private land ownership was abolished. Permission to exploit the earth's interior, "fish resources of water and the free power of water" was given only to Alash-Orda. Disputes between Kazakhs settled the arbitration court, between the Kazakh and non-indigenous population — zemstvo bodies. The rules satisfied all the most important pre-revolutionary requirements for agrarian and resettlement issues.

Since the end of 1917, a new stage of relations between the Alash and Siberian autonomies began at the level of governments and their local structures regarding mutual recognition, the priority of the orders of each authority, their equality or subordination, the powers and subjects of jurisdiction of local structures of both governments, the organization of military units and their subordination. In each of the areas, interaction developed quite tensely due to the dynamics of the military-political situation, the influence and pressure of other forces (Komuch, Bashkir and Turkestan autonomies, Cossack governments — primarily Orenburg), and internal problems. In addition, both forces had their own priorities.

The territorial faults of Kazakhstan (west, north-east with center and south) hindered the unity of actions of the autonomists. In addition, in the west, until September 1918, there was a self-proclaimed Uilskiy Olyat, whose head Zh. Dosmukhamedov even declared himself a khan. The residents of Alashorda could not boast of serious organizational and political resources; they also had no military significance. Therefore, they naturally counted on an alliance with a stronger federation-oriented neighbor. However, back in January 1918, no attempts were made to move from declaration to deed. The Syr Darya Kazakh congress spoke in favor of leaving as part of the Turkestan autonomy. At the same time, the Semipalatinsk regional committee "Alash", the zemstvo and the council of peasant deputies recognized the Provisional Siberian Government before the proclamation of Kazakh autonomy, although the

---

Alash" upon their subsequent approval by the government (Alash-Orda... pp. 91—92).

[20] Ibid. p.78—80

[21] Ibid. p.92—93

establishment of Soviet power changed the situation[22].

Shishkin believes that the oblast and Alash-Orda residents showed mutual interest in the summer of 1918 to solve their own problems, especially because in January the Bolsheviks dispersed the Siberian Regional Duma and "refused to accept the conditions of the Alash-Orda.[23]" This is not entirely true: the residents of Alashorda reached a compromise in negotiations with Moscow in the spring, and their cooperation was interrupted by an anti-Soviet coup in the south of Western Siberia and in the north of Kazakhstan, which led to the transition to an alliance with the new government in the region.

The Provisional Siberian Government, headed by P.V. Vologda initially formed as a Socialist-Revolutionary and included the Ministry of Native Affairs, headed by M.B. Shatilov. But on June 30, its composition changed, it became more right-wing[24], which affected the relationship with the Kazakh autonomy. In addition, the commander of the army and the head of the military department A.N. Grishin-Almazov quickly leaned towards a military dictatorship. The Siberians positioned themselves as the center, hoping to subdue Alash. As a result, relations with the Horde, which sought to uphold the principles of federalism and equality with other autonomies, deteriorated.

In July, the "Basic Provisions on the Boundaries of the Cultural Autonomy of the Nationalities of Siberia" appeared, transferring the right of the final decision on the issue of territorial and political autonomy to the All-Russian Constituent Assembly. On this basis, the government refused to recognize "the Committees elected by some nationalities (for example, the Alash-Orda Kyrgyz-Kaisaks) as bodies of national-territorial statehood." It expressed its readiness to grant the peoples of Siberia "national and cultural autonomy, guaranteeing the free development of each individual nationality." Accordingly, national authorities were recognized only as representative in matters of cultural autonomy and local self-government[25].

Alash-Orda sought to support the autonomy. On July 10, its delegate to the West Siberian Commissariat A. Ermekov handed over to the government a note calling for unity to defend the gains of the February Revolution, "which gave rise to the political revival of the peoples and outskirts of Russia." The Horde promised all-round support to the Siberian government and proposed a draft agreement, according to which Omsk recognized it as a part of the regions, determined by the II All-Kazakh Congress, when establishing borders, taking into account the views of the population of border regions. The recognition of the Horde as a central body, temporarily performing the functions of state power, implied the exclusive subordination of all national public organizations and institutions to it without the right to interfere in its sphere of com-

---

[22] Ibid. p. 50-53. Kazah. 1918. 16 sentyabrya. Centr dokumentacii novejshej istorii Vostochno-Kazahstanskoj oblasti, f. 44, op. 1, d. 8, l. 4, 8;

[23] Shishkin V.I. Vzaimootnosheniya Alash-Ordy i Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva. S. 111

[24] See more: Zhuravlyov V.V. Rozhdenie Vremennogo Sibirskogo Pravitel'stva: iz istorii politicheskoj bor'by v lagere kontrrevolyucii // Grazhdanskaya vojna na vostoke Rossii: problemy istorii. Bahrushinskie chteniya 2001 g. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. Novosibirsk, 2001. C. 26—47; ZHuravlyov V.V. Rol' Vremennoj Sibirskoj oblastnoj dumy v processe obrazovaniya Vremennogo Vserossijskogo pravitel'stva // Problemy istorii gosudarstvennogo upravleniya i mestnogo samoupravleniya Sibiri v konce XVI — nachale HKHI v. Materialy VII vserossijskoj nauchnoj konferencii (Novosibirsk, 6—8 iyunya 2011 g.). Novosibirsk, 2011. S. 128—131; Shishkin V.I. Komanduyushchij sibirskoj armiej A.N. Grishin-Almazov: shtrihi k portretu // Kontrrevolyuciya na vostoke Rossii v period grazhdanskoj vojny (1918—1919 gg.). Sbornik nauchnyh statej. Novosibirsk, 2009. C. 126—195.

[25] GARF, f. 193, op. 1, d. 8, l. 1—1 ob.

petence. Before the declaration of autonomy state and mixed institutions of administration and self-government were subordinate to the Siberian government with the indispensable participation of representatives of "Alash"; the self-government bodies elected in 1917 were also retained. The project substantiated the need to provide the Alash-Orda with a loan from the Siberian government, which ran all financial institutions on Kazakh territory, and proposed to convene in the near future a congress of deputies of autonomous peoples and outskirts "in order to create federal power." The most promising was the federation of Siberia, Alash, Bashkiria and Turkestan with equal participation of regional forces in the organization of a single state as a federation of autonomous regions[26].

The note arrived at the Siberian Council of Ministers on July 26. It contained a brief description of the decisions of the All-Kazakh congresses and the reasons for the decision on autonomy, substantiated the need for mutual support and close alliance "in an hour of mortal danger for the homeland and freedom." By that time, the delay in negotiations led to the loss of the Ural region. and the danger of the collapse of autonomy, which forced Alash-Orda "to decide on extreme measures, to abandon the Union with Siberia, to declare the autonomy of Alash and to save the unity of the Cossack-Kyrgyz people, sacrificing the benefits of an alliance with Siberia." Recognition of autonomy would give it the opportunity to "pull Turkestan away from the German orientation, to keep it within the Russian Federation" (this was how adherence to all-Russian interests was demonstrated). Bukeikhanov strove to organizationally and politically strengthen the unity of the autonomy and push the Siberians towards an equal union. A draft mutual recognition agreement was proposed for Omsk's decision. The appointment to responsible posts in the autonomy had to be coordinated with the Horde, which also had the right to special taxation, to collect wage tax in its favor, the organization of national courts and local councils in charge of national affairs that are not within the competence of zemstvos and city councils[27].

The note was discussed in a commission chaired by the Minister of Public Education V.V. Sapozhnikov on July 29, 30 and August 2, 3[28]. Item 1 on mutual recognition was removed from the discussion. Proposals on the management and operation of the Alash-Orda bodies, their rights were retained with a small revision. It was suggested that Bukeikhanov should address the issue of allocating a loan directly to this department. The idea of a congress of deputies of autonomies was supported, but without inclusion in the project. The problems of creating the Alash army were transferred for joint study with the military department. The solution of the land question was postponed until the All-Russian Constituent Assembly.

The representative of the Ministry of Agriculture and Colonization A.M. Yarmosh. He pointed to the uncertainty of "the nature of the political structure of the Kyrgyz people and the essence of its state-legal relations to Russian statehood and autonomous Siberia ". Preservation of such can cause mutual exacerbation of relations.

---

[26] IBID. 26—26 ob.; Gosudarstvennyj arhiv Tomskoj oblasti (GA TO), f. R-72, op. 1, d. 39, l.

[27] Alash-Orda... p. 108 — 111.

[28] The meeting was attended by a representative of the military department, General V.L. Popov, Deputy Minister of Internal Affairs P.D. Mikhailov, A.M. Yarmosh, leaders of the Alash-Orda A. Bukeikhanov, A. Ermekov and H. Tokhtamyshev. For some reason, Shishkin claims that the Alash-Orda project was not discussed, which allegedly aroused the latter's concern for its authority and the political distrust of Siberians, and then still describes the discussions at the end of July — beginning of August. See: m.: Shishkin V.I. Vzaimootnosheniya Alash-Ordy i Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva. S. 116, 117—119. A more accurate account of events is given by another author:: Selivyorstov S.V. Alash i Sibir' v 1918—1919 gg.: poziciya A. Bukejhanova i tendenciya regional'nyh otnoshenij // Mir Evrazii. 2008. № 1. S. 22—27.

It is necessary to establish at least temporary legislative norms instead of the expired laws on the state of the region in the Russian Empire[29].

The project never gained legal force. The lack of a clear legal basis for relations between the autonomies led to the continuation and aggravation of conflicts. The general instability of the military-political situation, acute rivalry in the struggle for power in Siberia between the Provisional Siberian Government and Komuch, in the presence of other regional governments that also sought to strengthen the influence, ambitions of the ruling circles and distrust of national movements, the real weakness of the position of the Alash Horde played a role. ... The results of the commission's work were also influenced by the conclusion of the government consultant K.G. Dishler. He believed that only the Siberian Constituent Assembly could recognize political autonomy on the territory subordinate to the government, and the All-Russian Assembly outside of it. In the event of the formation of an autonomous state with certain bodies and real power, the Siberian government, if necessary, could enter into temporary relations with it, but did not have the legal right to authorize such outside its territory, and even more so to contribute to its creation. Dischler considered the draft agreement unsatisfactory: removing the issue of autonomy from discussion, he actually meant its recognition. The inadmissibility of Alash's recognition was also emphasized by the official newspaper Sibirskaya Rech[30].

The Siberian government could not fail to take into account the historical boundaries of the settlement of Kazakhs, but combine them with the needs of effective political governance and economic zoning with the activity of the autonomists, it failed. It acted in relation to the Alash-Orda, as if trying on the functions of the center and offering it only cultural autonomy practically unrealizable in those conditions. Kazakh autonomists, with their claim to political self-determination, already supported by the Bolsheviks at the beginning of 1918, obviously could not agree to this. The Siberian regionalist project came into conflict with the national projects of the Yakuts, Buryats and Kazakhs.

Meanwhile, on June 3, Komuch began to operate in Samara. He acted as a legislative body, executive power belonged to the Board of Governors of the departments. All posts in it were occupied by the Social Revolutionaries, with the exception of the department of labor, headed by the Menshevik I.M. Maisky. On July 15, ataman Dutov, as well as the Ural regional government, joined Komuch. In mid-September, it already numbered about 100 members, including 11 members of "Alash"[31].
Commitment to the idea of a democratic federal republic became the basis for a close alliance between Komuch and Alash Orda. Another important factor of rapprochement was the categorical rejection of the dispersal of the Constituent Assembly, on whose decisions both the Socialist-Revolutionaries and the Kazakhs pinned their main hopes. Komuch sent his delegates to Alash and other national governments. The foreign department of the propaganda cultural and educational department of Komuch was supposed to regulate relations between nationalities, attract nationals into the ranks of the People's Army, help strengthen the power "in the non-Russian part of the population", consider petitions from them, collect materials from the field and submit

[29] Alash-Orda... p. 108 — 111.

[30] GA RF, f. 193, op. 1, d. 8, l. 33—34; Sibirskaya rech'. № 57. 1918. 5 avgusta.

[31] Alibekov, D. and H. Dosmukhamedov were listed as having joined from the Kazakh executive committee, the rest — from the Alash party (Svyatickij N.K. K istorii Vserossijskogo Uchreditel'nogo sobraniya. M., 1921. S. 5; Orenburgskij vestnik Komiteta upolnomochennyh chlenov Uchreditel'nogo sobraniya. 1918. 4 sentyabrya).

them to the Committee for legislative work. The recommendations of Alashorda residents on the appointment of local commissioners were taken into account[32].

On September 25, Komuch's Declaration on the formation of the Alash-Orda stated: "To restore a united, strong, free Russia and strengthen the federal democratic system in it, it is necessary to participate in the upcoming creative work of all peoples inhabiting it," and therefore " autonomous rights is the best guarantee of the success of the forthcoming heroic work to re-create a united great Russia. " Until the final resolution of the issue by the All-Russian Constituent Assembly, Komuch proposed leaving behind military and foreign affairs, communications, mail and telegraph, as well as "measures of a nationwide nature on supply and food issues." Alash's decrees, laws and orders were not supposed to contradict the decisions of Komuch, under her a commissioner of the committee was appointed with the right to suspend her decisions. The temporary regulation on management in the region was developed by Alash-Orda and approved by Komuch. The Armed Forces of Alash were also created in agreement with her. Disputed territorial issues were proposed to be resolved jointly with the authorities of the adjacent regions "and in accordance with the will of the local population, expressed through a popular vote or through local self-government." Confidence was expressed that these conditions correspond to the desire for autonomy and the idea of a democratic federation, and the Kazakh people "with their characteristic courage and solidarity will take an active part in the decisive struggle against the usurper Soviet power."[33]

Meanwhile, the days of Komuch were numbered.On the eve of the State Conference[34] in July and August, two meetings of representatives of Komuch and the Siberian government were held in Chelyabinsk. The decision of August 26 recognized the powers of the regional and national governments[35], while the instructions to the delegates of the Provisional Siberian Government were strictly prescribed: "Not to recognize the government of the Alash-Orda Turko-Tatars, but only cultural autonomy.[36]" The Siberian government (like Komuch, by the way) also hoped to subjugate Turkestan.

The delegations of Alash-Orda and Turkestan were headed by A. Bukeikhanov and M. Chokaev, members of Alash G. and I. Alibekovs, S. Doschanov, V. Tanachev, D. and Kh. Dosmukhamedovs and others were present. They joined the majority — supporters of "democracy "And opponents of the dictatorship. On September 12, Bukeikhanov confirmed his adherence to the all-Russian democratic program: "We, foreigners of the old autocratic Russia, joined the democratic part of Russia, republican Russia, we waited, hoped that the hopes for democracy would be realized The All-Russian Constituent Assembly ... but our dreams were shattered, like the dreams of all Russia's democrats ... Some tend to attribute the organization of regional gov-

---

[32]

[33] Orenburgskij vestnik Komiteta upolnomochennyh... 1 oktyabrya; Alash-Orda... S. 123—124.

[34] More.: Garmiza V.V. Ufimskoe soveshchanie // Istoriya SSSR. 1965. № 6. S. 3—25; Garmiza V.V. Krushenie eserovskih pravitel'stv. M., 1970. S. 184—197; Dumova N.G. Kadetskaya kontrrevolyuciya i eyo razgrom. M., 1982. S. 168—176; Ioffe G.Z. Kolchakovskaya avantyura i eyo krah. M., 1983. S. 80—96;etc .

[35] Among them were named both Alash-Orda and "the national administration of the government of Alash-Orda". Probably, they meant representatives of the Alash-Orda, headed by Bukeikhanov, and the Uilsky olyat, headed by Dosmukhamedov.

[36] Vestnik Komiteta chlenov Uchreditel'nogo sobraniya. 1918. № 39, 41. 24, 26 avgusta; Ufimskoe soveshchanie i Vremennoe Sibirskoe pravitel'stvo // Krasnyj arhiv. 1933. T. 6/61. S. 65.

ernments to separatism ... Those organizations on whose behalf I speak[37] are not representatives of separatism, but they think that they are part of a united Russia, that the autonomous regions in the concert of the world powers cannot play any role if they wanted to create some small separate state. We are united with the democratic federal republic of Russia, we think of ourselves as only a part of a united Russia "[38]. At the same time, the internal conflict caused by the ambitions of Dosmukhamedov and his attempt to create the Uilsky olyat was resolved. On the initiative of Bukeikhanov, the authority of the single center of autonomy was confirmed by a special decision of the Alashorda residents. Olyayat became an integral part of the autonomy, which strengthened the status of Alash as a legitimate representative of the regions named by the II All-Kazakh Congress[39].

The main programmatic provisions in the national sphere were reflected in the "Act on the formation of the all-Russian supreme power" of September 23. Alashorda residents also signed it. Provided for the "reunification of the alienated, fallen away and scattered regions of Russia", as well as granting certain regions of territorial and national autonomy, recognition of the extraterritorial ethnic groups of the right to cultural and national self-determination on the basis of laws adopted by "The sovereign Constituent Assembly"[40]. However, the compromise concluded in Ufa was initially unstable. The Directory did not have a strong apparatus, the necessary finances, and official bodies. The ministries she created were often headed by representatives of the continuing Siberian government, which soon affected relations with Alash. Other governments also worked, which received in Ufa the recognition of "the right to broad autonomy due to both geographic, economic and ethnic characteristics," as well as to cultural and national self-determination. Bukeikhanov admitted an alliance with regional officials and Bashkir autonomists, although interaction with all regional governments was accompanied by numerous conflicts over positions, rights, powers and spheres of control[41].

However, inspired by the decision of the conference in Ufa and the achievement of an apparent agreement around the idea of the Constituent Assembly, the residents of Alashorda hoped to finally acquire a real legal status and free themselves from the "yoke" of the Siberians. At the beginning of October, the autonomous regions received the right to preserve the existing order and management bodies in matters of internal affairs, supply and food, trade and industry, agriculture and public education. Prior to the cancellation by the government or by the autonomies themselves, the decisions of the regional governments were in force. In addition, the chief authorized directors appeared, who observed that the orders of the autonomies did not exceed their competence and did not contradict the laws and orders of the All-Russian government, and also supervised the activities of their local bodies[42].

But soon the Directory abolished all regional governments, including Alash-Orda, although it recognized the need to take into account the everyday and economic

---

[37] Alash-Orda and Turkestan autonomy under the leadership of Kazakh leaders, which had collapsed by that time.

[38] Rossiya i Central'naya Aziya. Konec XIX — nachalo XX veka. Sbornik dokumentov i materialov / Sost. D.A. Amanzholova, T.T. Dalaeva, G.S. Sultangalieva. M., 2017. S. 227—228.

[39] O vzaimootnosheniyah Komucha i Alash-Ordy sm.: Amanzholova D.A. Kazahskij avtonomizm i Rossiya... S. 84—104.

[40] Istoriya «beloj» Sibiri. Tezisy nauchnoj konferencii. Kemerovo, 1995. S. 166—167.

[41] Alash-Orda... S. 108 — 112; Amanzholova D.A. Kazahskij avtonomizm i Rossiya... S. 49—83.

[42] Rabochee utro (Orenburg). № 107. 1918. 10 oktyabrya.

characteristics of the "Cossack-Kyrgyz peoples" in organizing management and creating a representative body for these purposes in the future. The post of the Chief Commissioner for the management of Alash was established with the temporary retention of the Horde's governing bodies, subordinate to the central departments. A "special commission was created to develop regulations on the Alash representative body and elections to it." These bodies included Bukeikhanov and other members of "Alash"[43]. Thus, the activities of all national governments were regulated by the "center". The overthrow of the Directory and the creation of the Provisional All-Russian Government under the Supreme Ruler A.V. Kolchak in November changed the situation again. Alash-Orda, like other regional structures, moved from the tactics of maneuvering between different centers of power to protracted and partially successful negotiations with the united anti-Soviet center on the status and powers, creation and support of military units. Since the end of the year, in the military situation, a turning point has been growing in favor of the Red Army. Alash-Orda could not pursue an independent policy and play the role of a "third force" in the struggle between the "Reds" and "Whites". An alliance from any of the opposing sides removed her from solving program problems and ultimately led to defeat.

Alliances and conflicts of autonomous structures reflected the need for administrative centralization and unification of large regions, their economic and communication integration. But the contradictions in the division of spheres of responsibility were just as clearly reflected, which influenced the stability of the territorial and political organization of the country, as well as the multivariate functioning of the autonomies and their activists. In 1917—1918 on the basis of structures that were different in geography, capabilities and operational capacity, federalist projects arose, which tried to establish themselves as all-Russian and regional. In the conditions of revolution and war, it was practically impossible to achieve harmonization of this complex of interconnections.

In particular, the balance of political forces and their relations, disrupted since the end of 1916, provoked a struggle in Turkestan and neighboring regions between various state and proto-state structures that had real or fictitious power — the Bolsheviks, interventionists, "internal" counter-revolution, nationalists[44]. The establishment of Soviet power turned the Bolsheviks into the only force capable of minimizing military resistance and stabilizing the situation in the region: organizing a management system, improving economic life and food supply for the population, and reducing the intensity of interethnic contradictions.

The federalist preferences of the participants in the political process during the revolution and the Civil War were quite close in terms of the priority of the new form of state structure and the preservation of the integrity of the former imperial space. However, the views on the principles of interaction of autonomies as subjects of the future federation and even on the boundaries of the subjects diverged[45].

The Council of People's Commissars and the People's Commissariat for Nationalities suggested that the autonomists recognize the class nature of the organization of power

[43] Vestnik Vremennogo Vserossijskogo pravitel'stva. 1918. № 10. 16 noyabrya.

[44] According to S.M. Iskhakov, in Turkestan "there was not even a trace of any deliberate" class struggle "; the reformers found themselves squeezed between the extremes of Islamist bitterness and ethnic mistrust." (Iskhakov S.M. The Russian Revolution of 1917 and the Turks of Central Asia).

[45] According to S.M. Iskhakov, in Turkestan "there was not even a trace of any deliberate" class struggle "; the reformers found themselves squeezed between the extremes of Islamist bitterness and ethnic mistrust." (Iskhakov S.M. The Russian Revolution of 1917 and the Turks of Central Asia).

and reserved the exclusive right to determine their territorial and political boundaries, the form and composition of government bodies. Other issues remained out of sight until the end of the war, since the main incentive was the recognition of the right to self-determination and national equality. Their opponents also did not have elaborate plans for the federal construction of a new Russia. Siberian oblast experts found themselves immersed in regional problems and limited themselves to supporting cultural autonomy for the "nationals". The ethnopolitical elite of the region viewed federalism as the embodiment of autonomy for "their" peoples. The leader of the Alash movement Bukeikhanov, supporting the creation of polyethnic autonomies beyond the Urals and in the Volga region with the participation of Kazakhs living there, in fact, from the end of 1917, headed the construction of an ethnocentric project. The political forces were required to be willing and able to act situationally and flexibly, to enter into an effective dialogue with national elites. The Bolsheviks showed the best ability in comparison with their opponents to win in conditions when the right of nations to self-determination became one of the dominants of world development, and social, ethnic and local-territorial problems were closely intertwined in Russia[46].

The failures and even the hopelessness of the anti-Soviet autonomist ambitions of the Kazakh and Central Asian nationals did not provoke separatist sentiments and did not cancel the strategic focus on state unity with Russia[47]. It is symptomatic that in the conditions of the collapse of the Russian Empire, at the end of the 20th century. the ethnopolitical elites of the Central Asian states were in no hurry to abandon the familiar Soviet project and its possible modifications. In both situations, the belief in the power and survival of the huge imperial organism played a role. At the same time, the mastered state landscape with its understandable and well-developed socio-political ties, official and tacit privileges, compromises and dependencies looked much more comfortable and safer than unpredictable independence, in which responsibility was completely transferred to the new centre of power represented by the national elite itself.

[46] Soviet federalism was part of the situational policy of the Bolsheviks, who did not have a specific program for creating a federation, and did not imply a treaty approach (especially for autonomies). In practice, the RSFSR and the USSR turned out to be a symbiosis of a federal form and a unitary content with various mechanisms and possibilities for the modernization of ethnic groups in a single multicultural society. V.P. Buldakov and S.M. Iskhakov note: federalism for the Bolsheviks has become a decent legal label in the fight against the decentralization of the country ((Buldakov V.P., Iskhakov S.M. Dinamika dezintegracionnyh processov. Vyhodnye dannye? S. 333).

[47] It is unlawful to spread the assertion to the Central Asian regions of Russia that the national outskirts and movements after October 1917 "rushed to distance themselves from the crumbling Russian statehood, declaring independence" (Gerasimov I. The Great Imperial Revoluton // Ab Imperio. 2017. No. 2. P. 43).

Amnesty of 1953 and the first experiments in the revision of social control practices in the USSR

Elena Zubkova
(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870015595-5

When we are studying the "Soviet project" and the phenomenon of the Soviet life in general we should take in account that the most arguable subjects are the formation, evolution and functioning of the Soviet society, which was formed under the influence of historical and cultural traditions and current challenges of the its epoch. At the same time, we can considered the Soviet Union as a project, which reflects the results of political and social constructions. A social control was a tool for implementing this Soviet project. First of all, there was a concept of the division of society into "friends" and "aliens", "necessary persons", "freeloaders" and "dangerous persons". There were people which had mark "criminals", these people stood in the category of "outsiders", they committed crimes (real or imaginary) and were temporarily isolated from society. The fight against crime, primarily criminal, was a form of social control and a way to maintain order[1].

There were after 1953 new trends in the state policy of combating crime and delinquency: the regime was softened, an intensive process of a lawmaking began, the policy of isolating the marginals was replaced by steps to incorporate them into society, and a significant number of the functions of maintaining public order were transferred to the area of a public rule. However, the liberalization of the policy in the sphere of a struggle with criminals had intermittent and often reversible character, we explain this as results of an inertia of a previous tradition of repressions and isolation. In addition, reformers posed with a criminal challenge as mass riots and an increase of hooliganism.

The revision of the norms and practices of social control took place in the context of changes in the country and was a reaction on the problem of crime and the state of the repressive system primarily its prison-camp segment (the situation of convicts and prisoners). The revision developed in stages, although this did not have a clearly defined dynamics and had peculiar character in the field of lawmaking, ideological support and policy to persons which committed criminal and other offenses.

The Stalinist repressive system, which was created and considered as a mechanism for ensuring political stability, grew and became a threat to the social order, because of this its transformation was inevitable, this began during the life of Stalin, but this process had reached a qualitatively different level after his death. The Minister of

© 2021, E. Zubkova

This article is a translation of: Е.Ю. Зубкова. Амнистия 1953 года и первые опыты по пересмотру практик социального контроля в СССР // Rossiiskaia Istoria. 2021. № 2. P. 149—160. DOI: 10.31857/S086956870014466-3

[1] Gilinskij YA.I. Social'nyj kontrol' nad prestupnost'yu: ponyatie, rossijskaya real'nost', perspektivy [Social control over crime: the concept, Russian reality, prospects] // Rossijskij ezhegodnik ugolovnogo prava [Russian Yearbook of Criminal Law]. 2013. №. 7. Pp. 42—58.

Internal Affairs of the USSR L. P. Beria sent a note to the Presidium of the Central Committee of the CPSU on March 26 1953, which stated: "At present, there are 2 526 402 prisoners in penal labor camps, prisons and colonies, of which: 590 000 prisoners sentenced to a term of up to 5 years, 1 216 000 from 5 to 10 years, 573 000 from 10 to 20 years, and 188 000 over 20 years... The detention of a large number of prisoners in camps, prisons and colonies, among whom there is a significant part of convicted persons for crimes which do not have a serious danger for society, including women, adolescents, the elderly and sick people, is not caused by state necessity[2]».

A significant part of the camp contingent consisted of people convicted for minor, from the point of view of the Minister, offenses: unauthorized leave working place, official and economic crimes, petty theft, hooliganism, petty profiteering. The GULAG was significantly expanded after the adoption of the decrees of 1947, which toughened criminal liability for theft of state and public property, theft of personal property of citizens. There were 1 January 1953 out of the total number of prisoners 1 241 919 persons stood in the camps according to sentences for these crimes. 300 000 people including the chairmen and foremen of collective farms, engineers, heads of enterprises were convicted to the term of 5 to 10 years for official, economic and military crimes. A significant share of the contingent were women 438 788 persons including 6 286 pregnant women and 35 505 mothers of children, which were not elder as 2 years. Many children under the age of 10 were in orphanages or in the families of relatives. 238 000 imprisoned men and women were over the age of 50 years. There were 31 181 prisoners under the age of 18, the vast majority of whom were sentenced for petty theft and hooliganism. About 198 000 people suffered from severe and incurable diseases, being completely unable to work[3].

Criminologists and psychologists (foreign, and once domestic) insisted that long-term imprisonment not only does not solve the problem of reducing crime and does not perform a "correctional and educational" function, but leads to further criminalization of society, as well as to the desocialization of an individual[4]. Beria, who was hardly familiar with the research of scientists, actually agreed with their point of view: "It is known that imprisonment in a camp, associated with separation for a long time from the family, from the usual living conditions and activities, puts convicts, their relatives and close people in a very difficult situation, often destroys a family, extremely negatively affects their entire subsequent life." Based on this, and with reference to the fact that "most of these prisoners behave well in the camps, are conscientious about work and can return to an normal working life," the minister proposed a big amnesty, reducing the population of the GULAG by almost half[5].

Another initiative of Beria contained more decisive steps towards the liberalization of the penal system. Previously, more than 1.5 million people were convicted annually, including up to 650 000 for various terms of imprisonment, and a significant

---

[2] Lavrentij Beriya. 1953 g. Stenogramma iyul'skogo plenuma CK KPSS i drugie dokumenty / Pod red. A.N. YAkovleva; sost. V. Naumov, YU. Sigachyov. [Lavrentiy Beria. 1953. Transcript of the July plenum of the CPSU Central Committee and other documents / Edited by A. N. Yakovlev; comp. V. Naumov, Yu. Sigachev]. Moscow, 1999. P. 19.

[3] Lavrentij Beriya. 1953 g. Stenogramma iyul'skogo plenuma CK KPSS i drugie dokumenty. P. 19—21.

[4] Gilinskij YA.I. Deviantologiya: sociologiya prestupnosti, narkotizma, prostitucii, samoubijstv i drugih «otklonenij» [Deviantology: sociology of crime, drug addiction, prostitution, suicide and other "deviations"] St. Petersburg, 2004. Pp. 425—426

[5] Lavrentij Beriya. 1953 g. Stenogramma iyul'skogo plenuma CK KPSS i drugie dokumenty P.20.

number were convicted for crimes that did not wear a big danger to society and the state. Now the task was to review the legislation: "If this will be not done, the total number of prisoners again reach again 2.5—3 million people in 1—2 years[6]».

The Minister hardly took in account a humanism, when he expressed ideas of the reform. He acted like a pragmatist being well informed. According to his instructions, work on the preparation of two draft decrees began, which had got names: "On the release from punishment of certain categories of convicts" and "On certain changes in criminal legislation". Already on March 18, both documents were introduced to Beria by the Ministries of Justice K. P. Gorshenin and Internal Affairs S. N. Kruglov and the General Prosecutor's Office of the USSR headed by G. N. Safonov[7]. The first was embodied in the decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR " On Amnesty " and adopted on March 27, the second one remained "on paper", because probably, his ideas then seemed too radical.

Among the proposals put forward in the draft were a reduction in the number of criminal convictions and a reduction in sentences, primarily by limiting the use of criminal liability in the form of imprisonment and incarceration in the ITL and as a result "a significant reduction in the camp contingent". It was planned to bring to criminal responsibility 520 000 people less or 33% compared to the level of 1952. To achieve this, it was supposed to abolish the penalties of workers and employees for absenteeism (by 150 000), collective farmers - for not working out the minimum workday (140 000), women for an abortion (65 000), as well as for making moonshine without the purpose of selling (25 000) and for "arbitrariness" (50 000). Criminal liability for "minor hooligan actions" and some official offenses was replaced by administrative one. So, in the case of hooligan actions committed for the first time and "not of a malicious nature", the guilty person was punished with a fine of 300 RUB. As a result, it was planned that the criminal record for these two categories should be reduced by 30 000 and 60 000 people, respectively. The result of these changes in the criminal legislation was seen as an annual reduction in the number of convicts and prisoners in the camps by 300-350 thousand people (or up to 50%), including by 250—300 000 due to the replacement of imprisonment in the camp for a period of less than 3 years with other penalties[8].

Despite the secret nature of the projects, the issues of liberalizing the system of punishments became the subject of acute disputes among lawyers, officials, and journalists, which lasted until the adoption of the "Fundamentals of Criminal Legislation of the USSR and the Union Republics" in 1958. The accepted decree of amnesty encouraged this discussion about the reform: "To recognize the need to review the criminal legislation of the USSR and the Union republics, meaning to replace criminal liability for certain official, economic, domestic and other less dangerous crimes with administrative and disciplinary measures, as well as to mitigate criminal liability for certain crimes[9]».

The amnesty was the first remarkable act of the new political regime in USSR, a signal that the country was returning to "normal" life. The evidenced of this reflected in the rhetoric of the decree: "As a result of the consolidation of the Soviet social and state system, the improvement of the welfare and cultural level of the population, the

---

[6] Lavrentij Beriya. 1953 g. Stenogramma iyul'skogo plenuma CK KPSS i drugie dokumenty. P. 21.
[7] GARF, f. R-8131, op. 32, d. 2231, l. 69—70.
[8] GARF, f. R-8131, op. 32, d. 2231, l. 70—73.
[9] Pravda. 1953. March 28.

growth of consciousness of citizens, their good attitude to the performance of their public duty, an order and the socialist rule of law were strengthened, and crime in the country went significantly down. The Presidium of the Supreme Soviet of the USSR considers that it is not necessary to continue the imprisonment of persons which have committed crimes which do not wear a big danger to the state[10].” It became clear soon that the statement about the decrease of crimes is somewhat more optimistic than the real state of this sphere, there was a fact that the amnesty led to a sharp worsening the situation. However, thanks to this act, hundreds thousands of people which had nothing to do with the criminal world left the camps.

In total, the amnesty affected more than 1 million people. Citizens convicted for a term of up to 5 years inclusive were released from places of imprisonment and from other penalties. Regardless of the term of punishment, persons convicted of a number of official, economic and military crimes, women, which were mothers of children under the age of 10, and pregnant women, minors under the age of 18, men over 55 and women over 50, as well as persons suffering from severe incurable ailments, were released. Number of persons which were sentenced to more than 5 years of imprisonment reduced by half. The amnesty did not touch persons convicted for more than 5 years for counter-revolutionary crimes, large-scale embezzlement, banditry and premeditated murder.

The announcement of the amnesty on March 28 caused a contradictory reaction in the society. On the same day, two anonymous letters appeared, these letters were addressed to K. E. Voroshilov. “Among the people,” he was considered the main “father” of the amnesty, since the decree was signed by him as chairman of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. The author of the first letter wrote: “The morning of 28-III-1953 in Stalinabad is cloudy and rainy. Sometimes it snows. But the streets are full of people. There are smiles on their faces, joy in their eyes. Strong handshakes, cheers of congratulations. And it seems that there is no rain, snow and gray pall in the sky, but the sun shines on the blue firmament and its rays are reflected on the faces. What’s the matter? Why such a celebration? Here are some exclamations and excerpts of conversations: “Ay da Klim!”— “Wide scope!”— “Klim cuts from the shoulder...” — “ As at Tsaritsyn...” — “Who could have expected it, eh” “ — “ Let’s drink for Klim!— “He won’t cut like that yet!”—”Don’t we have enough ridiculous laws?”— “Will review!”— “Our Klim!”— “Our Klim!”. And wherever you go, wherever you turn, you hear: “Klim, Klim, Klim...” What kind of familiarity? Why not officially — “comrade Voroshilov”? Or with respect: “Kliment Yefremovich”? But it is only necessary to hear with what warmth and affection this short, meaningful name is pronounced, as instantly this question gets stuck in the throat and unbidden moisture comes to the eyes. And these eyes... multi-million pairs of eyes with indescribable gratitude turn to the portrait and look at the stern face with thin lips and soulful eyes, bordered with gray hair. “Let’s prove that you are right, our Klim... After all, there is almost not a single Soviet family, from which someone is not in prison for... what? A pack of cigarettes, a box of matches, a kilo of meat... Five years, seven, ten!... Enemy of the people, deprivation of citizenship, loss of rights!... Klim! You know everything, our Klim![11]”

The opposite feelings had the author of the other letter: “After the announcement of the amnesty, most respect people are very unhappy, you can ask why-first,

[10] Pravda. 1953. March 28.

[11] GA RF, f. R-7523, op. 58, d. 130, l. 24.

because you published it almost immediately after the death of our genius Stalin. Was it really a great need to do this now, when the tears of the Soviet people did not dry up from such a loss, the people have the impression that our dear Stalin, for whom people went to deadly fight without hesitation, was cruel and too much with people which committed a crime. All criminals are enemies, and you have to be hard with them. Yes, there are people who were caught for a minor crime and are in prison. So you need to pay more attention to the forensic investigations and not draw everyone in a pattern. It is necessary to pay special attention to the work of the militia, which does not fight crime, but only creates an visibility of action... Every Soviet person would be pleased if we did not have prisons and camps in our state, but this is not possible yet, and such an amnesty, as published today, can bring a lot of damage and victims to both the state and private citizens... With the new development of the criminal code it is necessary to mercilessly punish murderers and bandits, large embezzlers, such is the desire of all honest citizens of the Soviet Union. There is no reason yet to give them any mercy, to expect them to be conscious[12]»

This letter deserves attention for several reasons. It certainly reflected the opinion of a big part of the population, which is confirmed a subsequent mass negative reaction to the amnesty. The author's concerns are somewhat predictive, since the liberation from the camps has not yet begun. The appeal to the name of Stalin shows that the act was condemned not only from a moral point of view — as an insult to the memory of the recently gone leader — but also as a break with the past experience of the treatment of convicts. It is obvious that the intention of the new leadership of the country through an act of amnesty to return to normal life excluded from society people including those with a criminal past contradicted the mood of the society or at least a significant number of its members. This conflict of interests, which soon manifested itself not only in the format of the "society-power" relationship, but also at different levels of the power vertical became one of the main obstacles to changing the norms and practices of social control, especially with regard to one of the foundations of identification — the division into "friends" and "aliens". For many citizens of the USSR, "the criminal is the enemy", which must be mercilessly punished and isolated from society. At the same time, the very category of "criminal" behavior remained very vague. Its main criterion was not the content of what was done, but the fact of punishment as the popular opinion was "we do not put the innocent in jail"," there is no smoke without fire" and etc. The system of stigmatization was cultivated for decades labeling "our people and enemies" and had a strong inertia, which was not completely overcome.

At the same time, this was only one reason for the unwillingness of citizens and officials to reconsider their attitude to outsiders, as well as to social deviations and people which do not follow norms of law and morality. Result of the amnesty did not at all contribute to the formation of a public tolerance. It would be not an exaggeration to say that the criminals which left camps made a rampant crime in the country. The riots began already within and about trains, which transported former prisoners. From the places there were alarm signals: "The Amur regional Committee reported that the amnestied persons following the echelon No. 701 robbed buffets and platform shops at six railway stations. The task forces that accompanied the echelons, being intimidated, in many cases do not act. At the Mikhailo-Chesnokovskaya station on May 20, a large group of amnestied people dispersed the police and held the station in their

[12] GA RF, f. R-7523, op. 58, d. 129, l. 107.

hands for two and a half hours[13]". However, ordinary citizens were more concerned about the rampant criminals, the citizens complained to the Central Committee of the CPSU, the Supreme Soviet of the USSR, and personally to the Soviet leaders.

There were so many letters that the Ministry of Internal Affairs of the USSR had to organize their verification and investigate the mentioned cases of outrages. Minister Kruglov reported the results to Voroshilov a few months later. Most of the facts were confirmed. So, in an anonymous letter from Ulyanovsk, it was reported that criminals seized the district party committee and robbed its employees. "This robbery really took place. On May 19, 1953 Prokudin, who was released under the amnesty, being drunk entered the building of the district committee of the CPSU and in one of the rooms took away from four employees of the district committee, including the secretary of the district committee, a wristwatch, broke the telephone wire and disappeared. After 1.5 hours, the criminal was detained by police officers and on June 20 1954 he was sentenced to 15 years in prison in the ITL[14]».

The criminal situation was particularly difficult in remote areas, where there were a large number of camps. The released prisoners often a country, unwilling or unable to leave a camps suburbs. This situation was recorded, for example, in the Vostochno-Sakhalinsky district of the Sakhalin Region, where the crime rate increased sharply in the first months after the amnesty . In Norilsk during October—November 1953 294 criminal offenses were registered, and in the first decade of December — 61, including 3 murders, 19 robberies and 27 thefts. In Dudinka, only from December 2 to December 8, 5 murders were committed. In the village and port of Pevek in the Krasnoyarsk Territory in the second and third quarters of 1953 — 201 crimes, including 26 cases of banditry and robbery, 23 murders and 6 rapes. According to the law enforcement and party bodies, "the criminal element terrorized the population, the murders have a nature of torture, no one wants to identify the killed citizens for fear of revenge, almost no one witnesses the cases, except for the military, and this has led to the fact that the murders are got only if the criminal is detained on the spot[15]."

According to the Prosecutor's Office of the USSR, since the second quarter of 1953, the increase in crime (murders, robberies, theft and hooliganism, fraud) was observed "almost everywhere", and in September "the trend to reduce them is still not outlined". "It has been established that a large number of particularly dangerous crimes are committed by persons released from prison under amnesty. They involve unstable elements in their criminal activities, especially among young people[16]." During the year 320 835 crimes were registered for all types of criminal offenses (without data from the transport police authorities), while in 1952 246 850, and in 1954 265 082[17]. Because of the complication of the criminal situation, the Presidium of the Central Committee of the CPSU on July 2 approved the draft decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR "On the non-application of amnesty to persons convicted for robbery, to thieves, which practiced recidivism, and malicious hooligans". Persons released on the basis of the decree of March 27, if they did not

---

[13] RGANI, f. 5, op. 15, d. 402, l. 89.

[14] GA RF, f. R-7523, op. 85s, d. 250, l. 44.

[15] Na «krayu» sovetskogo obshchestva. Social'nye marginaly kak ob"ekt gosudarstvennoj politiki. 1945—1960-e gg. Dokumenty [On the" edge " of Soviet society. Social marginals as an object of state policy. 1945-1960-ies. Documents] / E. Yu. Zubkova, T. Yu. Zhukova (eds.). Moscow, 2010. P. 150.

[16] Na «krayu» sovetskogo obshchestva. Pp. 144—145, 148.

[17] GA RF, f. R-9415, op. 3, d. 273, l. 194—210.

work anywhere, were sent back to the camps for the period remaining at the time of their release under the amnesty[18].

The negative consequences of the amnesty had paradoxically a positive effect. Being largely " unexpected " at least on such a scale they showed that neither the government structures nor the law enforcement agencies have sufficient control over the situation to react quickly on it, much less predict it. This forced Soviet officials seriously to address to a problem of criminals. Before that, there was not even a good, unified system of accounting for criminal offenses. As had recognized by the Deputy Prosecutor General of the USSR, G. N. Novikov, many of them remained unregistered at all. No less actual was the question of the state of the system responsible for controlling crime as the police, the prosecutor's office, the judiciary; it was obvious that there was a needed of reform of the whole system. Finally, in order to solve the problem of crime, it was necessary to study this as it was done during the 1920s. It was 1953 when task of reviving domestic criminology and deviantology did not seem actual yet, but this went to life soon after administrative and political-ideological methods applying to improvement of the situation had exhausted. Amnesty's criminal trail has drawn attention to the phenomenon of professional, organized crime; previously this did not stand out from the general crimes, and the concept of organized criminals was not used. Even in the professional police lexicon specialists preferred to talk about "recidivist criminals", "recidivist thieves", but not organized criminals[19].

The first experience of this kind was the creation of a Special Bureau within the Ministry of Internal Affairs of the USSR in 1955, which was soon transformed into a Research Department (abolished in 1959). Appointed in 1956 the Minister of Internal Affairs N. P. Dudorov instructed the department's employees to resume research on criminal crime and directly "on the scene" of camps. There was an aim to collect a documentary base and sociological material, including interviews with prisoners. This task was performed by young lawyers Yu.B. Utevsky and A.M. Yakovlev, they came to the department. It was 1957, when A.M. Yakovlev conducted a large study in the East Ural ITL (Vosturallag), 800 recidivists were included in the sociological database, which was created by him. Later this material was used as a basis for a doctoral dissertation[20], the first one on this subject in 30 years[21].

The criminal community, which was united by a principle of forced co-existence, disintegrated after being released and placed out camps. Some of released prisoners sought to integrate into society and fellow norms of this, while others continued to live according to the "laws of thieves ", in their own "world" with their own rules and regulation. They brought with them a subculture which became attractive, contagious "for a part of society, especially young people[22], which were attracted by a wrongness in the Soviet conditions of a total control. As the musician A. S. Kozlov recalled

---

[18] Reabilitaciya: kak eto bylo. Dokumenty Prezidiuma CK KPSS i drugie materialy. T. 1. Mart 1953 — fevral' 1956. M., 2000. [Rehabilitation: as it was. Documents of the Presidium of the Central Committee of the CPSU and other materials. Vol. 1. March 1953 — February 1956] / A.N. Artizov, YU.V. Sigachev., V.G. Khlopov, I.N Shevchyuk (eds.). Moscow, 2000. P. 382.

[19] Elie M. Banditen und Juristen im Tauwetter GULAG-Reform, kriminelle Gegenkultur und kriminologische Expertise // Jahrbьcher fьr Geschichte Osteuropas. 2009. H. 4. S. 492—512.

[20] Yakovlev A.M. Bor'ba s recidivnoj prestupnost'yu [The fight against recidivism]. Moscow, 1964.

[21] Elie M. Banditen und Juristen. S. 497—499.

[22] On the impact of the criminal subculture on society, see: Dobson M. Holodnoe leto Hrushchyova. Vozvrashchency iz GULAGa, prestupnost' i trudnaya sud'ba reform posle Stalina. [Cold Summer of Khrushchev. Returnees from the Gulag, crime and the difficult fate of reforms after Stalin]. Moscow, 2014. Pp. 123—149.

“the image of “urka” (“urka” is professional criminal on Russian slang) provoked not only fear, but also a special sense of respect. A kind of symbiosis of the “urka” and a slightly criminal sailor was considered fashionable in the outdoors among the middle-aged boys[23].” Flared tr ousers, a vest, a cap with a cropped visor, a tattoo and an imitation of a metal fix were paraphernalia of independent man as boys believed. Thug songs were also popular, these songs contained a kind of hybrid of prison folklore and urban romance: “Slowly and gradually they seeped from the Far East and from the Far North, they broke out in the station buffets of the junction stations. The amnesty decree hummed them through his teeth. Like the pickets of an advancing army, individual songs swung around small towns, their beat tapped by suburban trains, and finally, on the shoulders of the rehabilitated persons which suffered under Article 58 before these songs appeared in culture of the Soviet city. The Soviet intelligentsia sang these tunes[24]”.

On August 27 1953 the USSR Council of Ministers adopted secret Resolution No. 2283-930c “On measures to strengthen the protection of public order and the fight against criminals”. It noted that the bodies of the Ministry of Internal Affairs “do not take effective measures to protect public order and do little work to combat crime”, some of the recidivist criminals resumed their activities after being released. A set of measures was planned to improve the work of the police to prevent and solve crimes, first of all, especially serious ones, to strengthen the fight against “anti-social elements”, in accordance with the decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of July 23 1951. The Councils of Ministers of the Soviet Union and Autonomous Republics had to provide employment for all those released prisoners under the amnesty by September 10. Disabled people with disabilities and elderly citizens who had no relatives were sent to nursing homes for the elderly and disabled. The heads of enterprises and trade unions were obliged to organize the training of former prisoners and then to employ as skilled workers. The heads of the enterprises received the right to pay a stipend of 400 RUB to the amnestied persons, which passed professional training within three months[25].

In order to supervise the execution of this decree, the Prosecutor General of the USSR issued Order No. 225c on August 31 obliging the prosecutors of the republics, territories, regions and districts to carry out a number of measures, including “within a week to deal with the state of crime, to develop and carry out the necessary measures aimed at strengthening the fight against criminals, while paying special attention to the activation and improvement of the effectiveness of the fight against such crimes as murder, robbery, theft and hooliganism.” However, this task was initially impossible. It soon became clear that the measures aimed at improving the quality of law enforcement agencies could be implemented only imperfectly: the police and prosecutor’s office, which was in charge of operational development, inquest and investigation, was simply not ready for such a volume of work primarily due to its small number, insufficient qualifications, as well as interdepartmental conflicts[26].

The surge of criminal activity is not the only problem associated with the amnesty. Another problem and much more important affecting the bulk of the released

---

[23] Kozlov A. «Kozyol na sakse» — i tak vsyu zhizn’... [“The goat on the Saxon” — and so all my life ...]. Moscow, 1998. P. 56.

[24] Daniel’ YU. Govorit Moskva [Daniel Yu. Says]. Moscow, 1991. P. 100.

[25] GA RF, f. R-9401, op. 12, d. 231/2, l. 104—105.

[26] Na «krayu» sovetskogo obshchestva. P. 150.

was adaptation including opportunities and conditions for returning to normal life, employment, housing and not least the attitude to them of society i.e. the willingness of society to accept, "include former outsiders". Difficulties with finding a job, when a person was "out of business" and without an allowance for residence, of course were also a risk factor for criminal recidivism[27].

It was June 1953 and two months after the amnesty, when from 25 to 40%[28] of the amnestied persons remained unemployed in different cities and regions. As of September 10, according to the regional police departments, the percentage of employed people rose to 88, only in some regions this lagged behind: in the Georgian SSR, Krasnodar arear — 60%, in the Latvian and Moldavian SSR, Velikiye Luki region — 70%[29]. Local authorities and directors of enterprises were answer for employment. Former prisoners were accepted willingly in a number of localities, especially where there was population deficit. So, the Tomsk regional Committee of the CPSU expressed its readiness to accept 5 000 families in collective farms and 1 100 families in the enterprises of local industry. The Ministry of Agriculture and Procurement of the USSR supported the request of the regional committee and offered to provide benefits for resettled persons including free travel, transportation of property up to two tons per family and transportation of livestock; a one-time allowance of 800 RUB for a head of a family and 300 RUB for each family member; write-off of arrears of agricultural tax and mandatory supplies of agricultural products in localities which families leave and exemption from tax and mandatory supplies (except for milk) for a period of two years within localities where they move in; a loan for housing construction of 10 000 RUB and 1 500 RUB for the purchase of a cow. These proposals were in line with the one adopted on April 7 1953 the Order of the Council of Ministers of the USSR, which granted a number of ministries the right to pay a one-time irrevocable allowance in the amount of 150 and 300 RUB in case of employment contracts with amnestied persons to work at enterprises and in construction, officials had to pay 150 RUB in case of one-year contract and 300 RUB in case of two-years contract. In addition, it was allowed to issue loans for individual housing construction in the amount of 10 000 RUB and for a small farm 2000—3000 RUB[30].

However, despite the decisions and recommendations made at the highest official level, local authorities acted delaying in fulfillment these measures especially in the first months. This was primarily due to the persistently suspicious attitude towards all people with experience of imprisonment. The consciousness could not accept the idea that " outcasts" were able to become "normal" citizens[31] . Transcoding "aliens" into "our comrades" was very difficult. Even less ready for this kind of turn, or rather work, was the very "right" citizens. Of course, the habit of thinking in the paradigm formed in the Stalinist years also affected here: a person who was imprisoned, re-

[27] Adler N. The Gulag survivor: beyond the Soviet System. Routledge, 2017; Elie M. Policies concerning amnestied and rehabilitated former Gulag prisoners in the Novosibirsk oblast, 1953—1960 // Cahiers du Monde Russe. 2006. № 1. P. 327—347; Elie M. Rehabilitation in the Soviet Union, 1953—1964: a policy unachieved // De-Stalinising Eastern Europe: The Rehabilitation of Stalin's Victims after 1953 / K. McDermott, M. Stibbe (eds.). New York,, 2015. P. 25—45; Sprau M. Kolyma nach dem GULAG: Entstalinisierung im Magadaner Gebiet 1953—1960. Berlin; Boston, 2018.

[28] RGANI, f. 5, op. 15, d. 402, l. 46—47.

[29] GA RF, f. R-9415, op. 3, d. 233, l. 225.

[30] GA RF, f. R-5446, op. 87, d. 1511, l. 67-69.

[31] Alexopoulos gets on the same problems, but about the pre-war period. She also input terminology as the division of Soviet society into "Stalinist outcasts" and "right citizens» in Alexopoulos G. Stalin's outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926—1936. Ithaca; L., 2003.

gardless of the nature of the crime committed by him, was perceived as a potential criminal. The criminal robbery organized by a number of the amnestied provoked popularity of this stereotype.

It is interesting that there were in letters about results of the amnesty very rarely sympathetic statements with an exception of an attitude towards former political prisoners, but in 1953 there were relatively small number of such people in ranks of released prisoners. Alarmist sentiments mostly prevailed with a large proportion of collective complaints. Collective farmers from the Rostov region wrote: "Since the arrival of the former prisoners after the amnesty, we do not know calm and normal life and work. Nothing like this has happened during the 30-year existence of our collective farm, recently postal clerks, collective farmers carrying food to the market have been attacked and robbed, shops have been robbed, and a watchman and one of collective farmers who worked in the collective farm for more than 25 years has been brutally killed... All this caused a great panic among the collective farmers, who because of fear do not go out to night work on animal husbandry, to protect warehouses, stopped visiting cultural institutions and two families gather in one room for the night from 7 o'clock in the evening, because robbery and murder are not carried out by individuals but in whole by groups of 8—10 people armed with firearms." Workers of the assembly department No. 5 of the Neftezavodmotazh trust in the Kuibyshev region expressed a same opinion: "We work 10—16 hours very hard on a building of a large oil refinery, but we do not have rest in a line of the Stalin's Constitution. There are people among us which try to live as parasites during a whole life. Evenings we do not have opportunity to go outdoors, to go to the cinema or other cultural institutions because of surged robbery and violence in our young city Novokuibyshevsk. Left youth joined the amnestied persons. Individual houses in our city are beginning to look like prisons because of bars on windows. What's the matter? Why can't we work, have normal rest, and study freely in our country of forming up communism?"

Often the letters resembled "horror stories" and were based mainly on rumors. At the same time, the Interior Ministry's inspections showed that "a significant number of facts reported in the workers' letters correspond to reality." Citizens saw one of the main shortcomings in the system of punishing criminals and demanded "harsh measures" overthinking the reasons of the rampant crime. For the sake of persuasiveness, they referred not only to the consequences of the amnesty but also to the desire to politicize criminal crimes to requalify them as terrorism. It was not only about robberies and murders, even hooliganism was named "political banditry". There were also claims about the influence of foreign agents. "The presence of cases of murders and hooliganism without apparent reasons and without robberies carried out by organized gangs makes us think about the sabotage nature of these murders, as result of a participation of enemies from abroad", this was the opinion of scientists from Leningrad. An engineer from Krasnoyarsk agreed with them: "I see no difference between a saboteur who blew up a theater or burned down a library, and a bandit, a robber who by killing and robbing good workers does not allow them to visit these institutions in the evening to use them. I do not understand why we do not call such people enemies of people and why we do not judge them and do not deal with them as enemies of the the nation? It is possible that the gangs of these robbers are specially formed by the enemies of the people for political reasons, in order to intimidate good people, paralyze the work of evening cultural and educational institutions and cause discontent among the people." The teacher of the Novosibirsk Institute of Railway Transport Engineers also

believed that the purpose of the actions of foreign agents to activate crime is to create a sense of discontent among the population and undermine the defense capability of the state. Therefore, " it is time to fulfill the instructions of the Great Lenin, who said that there is no difference for the Soviet government between hooligans, bandits and capitalists[32]».

All these claims, of course, were an unambiguous appeal to the rhetoric and practices of the 1930s. It is obvious, that the politicization of crime took place during 1930s, which began to be considered in the context of the class struggle. The head of the NKVD G. G. Yagoda insisted in 1935 that a hooligan, bandit, robber is "a real counter-revolutionary[33]". This logic required the appropriate punishment of guilty persons, therefore citizens were in favor of tougher responsibility up to the death penalty[34]. Exotic proposals were also expressed, for example, to exile criminals "to the islands", where they would live in complete isolation. This strange idea, which reflected not so much a solution to the problem as the absence of one, found an unexpected continuation in science fiction. I. A. Efremov invented the Island of Oblivion in the novel "The Andromeda Nebula", which became "a refuge for those who were not carried away by the already intense activities of the Big World, who did not want to work on an equal basis with everyone", so, for the outcasts of the "right" society[35].

In general, citizens were not yet ready to accept the ideas of liberalizing and humanizing criminal legislation, reintegrating people which had committed crimes but had already served their sentences for it. The letters were mostly about the crimes of highest level, but there was in the minds of people often no line between a robber and a hooligan, between a criminal recidivist and a person who had broken the law for the first time. Meanwhile, those who spoke out in favor of "harsh" laws are the same "public" that was soon called upon to fight crime and maintain social order but with completely different methods. These methods began to be discussed during the development of new criminal legislation and the reform of the social control system in general. It was found in the course of the discussions that the society was much more conservative than the professional circles and the state's leadership.

---

[32] Na «krayu» sovetskogo obshchestva. P. 162—163.

[33] Shearer D. Stalinskij voennyj socializm. Repressii i obshchestvennyj poryadok v Sovetskom Soyuze, 1924—1953 gg. [Stalinist military socialism. Repressions and public order in the Soviet Union, 1924—1953] Moscow, 2014. P. 34—40.

[34] Na «krayu» sovetskogo obshchestva. P. 163—164.

[35] Efremov I.A. Tumannost' Andromedy [The Andromeda Nebula]. Moscow, 1958.

Combine harvester "Yaroslavets" on the "bureaucratic fields" of the late Soviet era

Yury Nikiforov
(Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky; Vologda State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870015596-6

The turn of 1970s and 1980s was the period of the most severe crisis of the agricultural industry in the USSR. One of its most obvious signs were catastrophic transport and technological problems. «There still was lack of combine harvesters and tractors required for harvesting. In 1980, examination of 1,249 absolutely new agricultural machines revealed that only 8 of them met technical requirements»[1]. Major domestic scientists pointed out the poor mechanization of the Soviet agriculture[2]. Facing the deficiency and low quality of agricultural machinery, leaders of some regions of the RSFSR tried to solve the problem of agricultural mechanization using their own resources, through co-operation of local production structures. For example, in the second half of 1970s, the leadership of Yaroslavl Region came forward with the initiative of entering the batch manufacturing of forage harvesters suitable for waterlogged soils of this region. The production of «Yaroslavets» self-propelled forage combine harvesters (YASK-170) was arranged in close co-operation with directors of the largest production facilities on the site of Avtodizel Motor Plant. These harvesters were later recognized to be among the best in their class[3].

The initiative of development and introduction of a new, high-performance combine harvester directly resulted from the instructions of the USSR leadership. Several sections of one of the most important documents of the 25th Communist Party Congress "The main lines of the USSR national economy development for the period from 1976 until 1980" referred to the necessity of developing the production of quality agricultural machinery. Thus, the provisions of Section II "Development of industry" related to the development of tractor and agricultural manufacture stated: "To arrange for production of agricultural machinery for crop farming for the amount of 2.8 billion rubles in 1980. The particular attention should be paid... that harvesting machinery manufactured should allow to preserve the quality of farm products. Develop the pro-

© 2021 Yu. S. Nikiforov

This article is a translation of: Ю.С. Никифоров. Комбайн «Ярославец» на «бюрократических полях» поздней советской эпохи // Rossiiskaia Istoria. 2021. № 3. P. 168—181. DOI: 10.31857/S086956870015470-8

The study was supported by the Russian Scientific Fund, project No. 19-18-00269 «Transformation of Russian society in 1950-1990: class genesis and evolution of economic structure».

[1] *S. Schattenberg* Leonid Brezhnev. The greatness and tragedy of man and the country. Moscow, 2018. P. 348.

[2] *L. N. Denisova* Dying Russian countryside: the Non-Black Earth Region in 1960-1980s. Moscow, 1996; *M. A. Beznin*, *T. M. Dimoni* Personal allotment as the indicator of withering away of agrarian society in Russia // Voprosy Istorii. 2019. Vol. 1. No. 12. P. 84—96.

[3] *M. A. Rutkovsky*, *L. M. Rutkovskaya* Fifty years of the economics of Yaroslavl: early 1960s until 2010. Yaroslavl, 2011. P. 49.

duction of powerful machinery for... forage wafering". The document section related to union republics specified for "increasing of the volume of industrial products by 35—39% in the RSFSR. To arrange subsequent development of manufacturing of livestock and crop farming machinery, tractors and agricultural machinery. To increase the production of high-performance grain combine harvesters and potato harvesters"[4]. The problem retained its significance five years later. M. A. Suslov's archive collection contains an interesting document — «Draft report to the Politburo concerning the five-year plan. October 3, 1981». It listed the differences between resolutions of the recent 26th Party Congress on the agricultural machinery («Main areas» section) and assignments of a new five-year period: «Let's just turn to the draft plan and we will see there a number of significant deviations from the «Main areas». The Plan does not provide for production of a high-duty cultivating tractor and a new grain harvester»[5].

This article seeks to reconstruct the mechanisms of technological decision-making in the late socialism period[6]. The process of furthering of technological initiative (arrangement of batch manufacturing of «Yaroslavets» forage combine harvester) from the regional level to the union republic centre was studied in terms of regional lobbying phenomenon using comparative analysis of archive documents and verbal historical data. Such combined analysis of classical historical sources and interview data[7] is to reveal new aspects in study of scientific and technological policy[8] and mechanisms of interaction of regions and the centre in the late Soviet period.

The source base of our study consists of several main groups: unclassified archive documents of the Contemporary History Documentation Centre of Yaroslavl Region, the Russian State Archive of Social and Political History, the Russian State Archive of Contemporary History that were introduced into scientific discourse for the first time. First of all, these are documents of management and record keeping related to operation of both supreme party and state authorities of the union republic level (decrees of the Secretariat of the Central Committee of the Communist Party of the USSR, minutes of meetings of the Council of Ministers of the USSR, official letters of ministries and reports of departmental commissions) and regional soviet and party structures (official notes and letters of Yaroslavl regional committee and regional executive committee to the Central Committee of the Communist Party of the USSR and the Council of Ministers of the USSR, "Folder of a deputy to the Supreme Soviet").

I conducted non-formalized semi-structured interviews[9] of five representatives of

---

[4] Materials of the 25th Communist Party Congress. Moscow, 1976. P. 190, 224.

[5] Russian State Archive of Contemporary History, collection 81, list 1, file 224, sheet 32.

[6] The term «late (or late Soviet) socialism» is interpreted as «the period of about 30 years of the Soviet history from the end of Stalin's era until the beginning of perestroika (restructuring) (early 1950s — mid-1980s) when the Soviet system was considered by the majority of Soviet people and foreign observers as a powerful and solid system» (*A. Yurchak* It was forever until ended. The last Soviet generation. Moscow, 2014. P. 36).

[7] *Yu. S. Nikiforov* Synthesis of classical and interdisciplinary methods in study of regional problems of the contemporary Russian history (1950—1980s) //Vestnik of Kostroma State University. 2019. No. 2. P. 79—85.

[8] For example, see *A. B. Bezborodov* The power and scientific and technological policy in the USSR in the period from the mid-1950s till the mid-1970s. Moscow, 1997.

[9] Audio records and transcribed texts with acknowledging signatures of interviewees are from the personal collection of the author. They were published in the form of educational book for students of the history department of Yaroslavl State Pedagogical University: *Yu. S. Nikiforov* The contemporary Russian history reflected in the interviews of regional elite: from the USSR to Russia through the lens of cultural memory. Yaroslavl, 2018.

local soviet and party leadership in 2017—2018 as part of the study. They were the Chairman of the Regional Council of Veterans T. N. Kolpakov (regional committee secretary for agriculture in 1970—1980s), the Chairman of office of the Russian Children's Fund S. N. Ovchinnikov (deputy chairman of the regional executive committee in 1970—1980s), I. A. Tolstoukhov (the first secretary of Yaroslavl city committee in 1979—1985, the first secretary of regional committee in 1986—1990), the Director of the Museum of Yaroslavl History V. V. Velichko (regional committee first secretary assistant in 1970—1980s), the professor of pedagogical university N. P. Voronin (rector of Yaroslavl State Pedagogical Institute named after K. D. Ushinsky, regional committee secretary for ideology in 1980s). The data obtained allow to reconstruct multiway combinations, which preceded management decision-making at the highest authority level and which are not often reflected in archive documents.

Describing historiography of this issue, we should mention fundamental monographs both general[10] and immediately related to the scientific and technological policy[11]. The monograph including interviews of paramount leaders of planning structures of the late USSR and the article containing the detailed analysis of management decision making procedure upon creation of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR[12] are of the particular interest. Scientists continually turned to the problem of bureaucracy in management decision-making. For example, describing the scientific and technological policy of 1960s, A. B. Bezborodov indicated a great number of structures involved in making of scientific and technological decisions: the State Committee of the Council of Ministers of the USSR for scientific research coordination, Academy of Sciences, Ministry of Higher and Secondary Vocational Education, other ministries and departments[13]. Archive documents show that the situation was still at least at the same bureaucratized level by the mid-1980s. Thus, the memorandum of the Deputy Director of the Central Economic and Mathematic Institute Yu. V. Yaremenko «Problems of formation of sectoral structure of economics in the long run» dated September 3, 1984 found in the N. I. Ryzhkov's fund, stated «excessive departmental centralization... when local initiative is inhibited»[14]. Regional policy in the USSR became the subject of study many times. Among the most fundamental works we should mention the publications of O. V. Khlevnyuk[15]. Note that a significant number of works on this subject, including collections of documents, are connected with the years of I. V. Stalin and N. S. Khrushchev[16]. However, re-

---

[10] *R. G. Pikhoya* The Soviet Union: history of power. 1945—1991. Novosibirsk, 2000; *V. A. Shestakov* Social and economic policy of the Soviet state in 1950s — mid-1960s. Moscow, 2006.

[11] *E. T. Artemov* Scientific and technological policy in the Soviet model of late industrial modernization. Moscow, 2006; *A. B. Bezborodov* The power and scientific and technological policy in the USSR...

[12] *Yu. Olsevich*, *P. Gregory* The Planning system in retrospect: analysis and interviews with the USSR leaders of planning. Moscow, 2000. *E. T. Artemov* Decision making in the Soviet management system (the case of creation of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR) // Ural Historical Journal. 2011. No. 3. P. 129—138.

[13] *A. B. Bezborodov* The power and scientific and technological policy in the USSR... P. 123.

[14] Russian State Archive of Social and Political History, collection 653, list 1, file 39, sheet 387.

[15] *O. V. Khlevnyuk* The Regional power in the USSR in the period from 1953 till the end of 1950s. Stability and conflicts // National History. 2007. No. 3. P. 31—49; *O. V. Khlevnyuk* N. S. Khrushchev's fatal reform: division of the party apparatus and its results. 1962—1964 // Russian History. 2012. No. 4. P. 164—179.

[16] The Central Committee of the All-Union Communist Party of the Bolsheviks and regional party committees, 1945—1953 / Prepared by V. V. Denisov, A. V. Kvashonkin, L. N. Malashenko, A. I. Minyuk, M. Yu. Prozumenshchikov, O. V. Khlevnyuk. Moscow, 2004; N. S. Khrushchev's regional policy. The

cent years show increasing interest in subsequent periods, major source studies of L. I. Brezhnev's period, including those related to his personality, were published[17]. It seems that Brezhnev's regional policy, which is characterized by foreign scientists as «confidence and protectorate» (S. Schattenberg) or «staff credibility» (Y. Gorlizki)[18], objectively contributed to some rise of local leaders and their relative independency with respect to the centre. It's no coincidence that we may say about formation of the phenomenon of «political long-livers» among first secretaries in the large part of the USSR regions as from the second half of 1960s[19].

It is necessary to refer to the term "lobbying" used upon setting the objective of this study[20]. We consider the following definition to be the most capacious: «System and practice of realization of interests of various groups of citizens through organized influence on legislative and administrative activity of state authorities»[21]. Since the days of the USSR, this term has had a negative connotation and has been usually associated with events occurring in the Western countries, in particular, in the USA: «Underhand, hidden activity of representatives of different political circles, organizations seeking for a certain decision through the pressure, influence on lawmakers and other officials. Lobbying is characterized by behind-the-scene over-organization, persistent inclination to pursuing goals, commitment to the interest of narrow groups»[22]. However, similar features may be found in the Soviet management practice as well. Thus, the art of lobbying is shown as the key to success in relations with the centre in interviews of representatives of local leadership in 1960—1980s: «The possibility to solve resource problems of the region depended to the leader's ability, skills to «get limits»; «all new facilities that were not connected with defence required lobbying for the interests»[23].

Lobbying, at the same time, is an unformalized phenomenon and often illegal. In combination with the long tenure of regional leaders in office it led to inevitable psychological corrosion and professional deformation. Numerous letters of citizens with complaints against the first secretaries of party committees, which are stored in the Russian State Archive of Contemporary History fund "Subdivision of letters of the general department of the CPSU Central Committee (1953—1991)" demonstrate the growth of embezzlement of public funds, favoritism, abuse of discretion, corruption and moral degradation in the leaders' environment. For example, it is emphasized in a letter from a CPSU member, comrade M., that the staff of Kalininsky regional committee "spend more time on hunt and women than on work", and that appoint-

---

Central Committee of the Communist Party of the USSR and local party committees. 1953—1964 / Prepared by O. V. Khlevnyuk, M. Yu. Prozumenshchikov, V. Yu. Vasilyev, Y. Gorlizki. Moscow, 2009.

[17] L. I. Brezhnev. Working and diary records. In 3 volumes. Moscow, 2016.

[18] *S. Schattenberg* Leonid Brezhnev. The greatness and tragedy of man and the country. Moscow, 2018; *Gorlizki Y.* Too much trust: regional party leaders and local political networks under Brezhnev // Slavic Review. 2010. No. 69.

[19] For example, see *Yu. S. Nikiforov* The upward and horizontal movement: career trajectories of the leaders of the Upper Volga Regions in the late USSR // Klio. 2020. No. 10. P. 110—120.

[20] *A. E. Binetsky* Lobbying in the modern world. Moscow, 2007; *V. A. Lepekhin* Lobbying. Moscow, 1995; *A. P. Lyubimov* The history of lobbying in Russia. Moscow, 2005; *N. N. Menshenina* The political process: introduction to analysis. Vladivostok, 2001; *S. P. Peregudov* Corporations, society, state: evolution of relations. Moscow, 2003; *A. I. Solovyov* Political communications. Moscow, 2007; *P. A. Tolstykh* The lobbying practice in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. Moscow, 2006.

[21] *N. N. Menshenina*, *M. V. Panteleeva* Lobbying. Yekaterinburg, 2016. P. 52—53.

[22] Lobbying // Political Dictionary / Edited by V. F. Khalipov. Moscow, 1995. P. 79—80.

[23] *Yu. S. Nikiforov* Contemporary Russian History... P. 8, 20.

ment to office is done "based on loyalty, friendship and conspiratory relationships connected with theft and debauch"[24]. All this happened against the background of the growing crisis phenomena in the life of the state and society. «Folder of a deputy to the Supreme Soviet», a very interesting source, tells about the problems of the specific region. In particular, the materials of the folder of Loshchenkov F.I., who was the first secretary of Yaroslavl regional committee, gave an extremely pessimistic vision of the social and economical dynamics: «Slow technical modernisation and mechanization, a high rate of manual labour, reduction in the number of workers, decline of production, high employee turnover, deterioration of capacity utilization, high loss of working hours (an increase from 0.54% in 1975 to 0.84% in 1980), social conditions and welfare of workers (accommodation)... poor supply of raw materials, shortage of components»[25]. The last detail attracts special attention - that particular problem hindered the development of technological initiatives and projects, their successful implementation.

Turning to the research subject, I will refer to Kolpakov's interview, who spoke about the details of YASK-170 ("Yaroslavets") harvester creation: "The harvester design itself was supervised by the chief designer of Yaroslavl Motor Plant G.D. Chernyshev. An engineering sample was ready by the harvesting campaign of 1978: it was tested in the extreme conditions of a very moist summer. Five more harvesters were produced during the winter"[26]. Loshchenkov informed the chairman of the Council of Ministers A.N. Kosygin about this technological initative in a letter dated November 13, 1978: «Striving to make their own contribution into implementing the decisions of the Plenum of CPSU Central Committee held in July, the workers of Yaroslavl association Autodiesel in a proactive manner in a short time frame created «Yaroslavets» self-propelled forage harvesters (YASK-170), which passed operational check». The reference to the implementation of a decision of a union republic center is an obligatory detail of any regional request. Further, the letter shows how argumentation system was formed, which was aimed at convincing of the project relevance. Competitive advantages of the new model were noted: «Tests revealed that «Yaroslavets» harvester showed a performance 25% higher in mowing the herbage of perennial grass than that of KSK-100 produced by Gomselmash and E-280 produced in the German Democratic Republic». High efficiency and reduction of economic costs were underlined («it replaces 4 rotary mowers KIR-1.5, releases 4 tractors and 3 mechanizers during forage conservation»), as well as low cost of domestic components («the harvester structure provides for components, which are serially produced by domestic industry, including abundant diesel YaAZ-M206 produced by Yaroslavl association Avtodiesel»). Finally, the local specifics was shown («critical need of agriculture in the field of... technology which meets the peculiarities of work in the Non-Black Earth Region /«Nechernozem'e»[27]»). Similar argumentation was in place in another letter of the first secretary - to the deputy Chairman of Council of Ministers of USSR V.N. Novikov. The regional committee reported that "Yaroslavets" harvesters fully meet the peculiarities of operation in the unfavorable conditions of the Non-Black Earth Region /«Nechernozem'e» of RSFSR", with an emphasis on "the urgent need

[24] Russian State Archive of Contemporary History, collection 100, list 5, file 241, sheet 40.

[25] Contemporary History Documentation Centre of Yaroslavl Region, collection 272, list 270, file 82, sheets 12—13.

[26] *Yu.S. Nikiforov* Contemporary Russian History... p. 31-48.

[27] Contemporary History Documentation Centre of Yaroslavl Region, collection 272, list 270, file 512, sheet 3.

of the regional agriculture in high efficiency forage harvesters" and the possibility of the manufacturing facilities to produce 200—250 such harvesters in 1980. Separately, it was reported that "there is a positive feedback from Podolsk (Moscow) and Severo-Zapadnaya (Leningrad) machine testing stations of the State Committee of RSFSR for Equipment Provision for Agriculture"[28]. Attention is drawn by the fact that the letters were sent to the Council of Ministers and to the CPSU Central Committee simultaneously. This circumstance emphasizes the dualistic nature of the Soviet regime. However, it was the Central Committee that played the key role in the management system - the center for making and controlling all the most important political and economic decisions, as well as for implementing personnel policy[29].

It is logical to assume that the natives of Yaroslavl were guided by pragmatism: proactive creation of a new technological sample for the agriculture sector, in addition to the implementation of plans for updating the machine train, should have caused a positive reaction from Moscow. Indeed, at the first stage, almost a year after the complaints, material consent was achieved. An extract from the minutes of the USSR Cabinet presidium meeting dated September 5, 1979, which contained information on state plan for economic and social development for 1980, stated: "Approve the proposal of the Yaroslavl CPSU Regional Committee (comrade Loshchenkov) on production of "Yaroslavets" high-performance self-propelled forage harvesters. Agree with the proposal of comrades Baibakov and Novikov on the production of 100 of specified harvesters at these facilities in 1980 and provide for a respective task in the project plan"[30]. It is clear from the source that the launch of the regional technological initiative required positive resolutions from the key persons in the government (A.N. Kosygin, V.N. Novikov) and the State Planning Committee of the USSR (N.K. Baibakov).

The representatives from the regional "elite" explain in an interview how the draft permitting document was developed. Thus, S.N. Ovchinnikov, who held office of regional executive committee deputy chairman in 1975—1987, described in detail the long way of making a positive decision, which required coordination of various departmental interests: "The negotiations should have taken place in the State Planning Committee of the USSR ... it was important to establish a close business contact with the servants of the central administrative office in Moscow". State Planning Committee department head, I.I. Tsvetkov, born in Uglich, Yaroslavl region, is among them. It was he who suggested the list of persons whose authorizations need to be obtained for the expedited submission of the project. Then the document was directed to State Planning Committee chairman, Baibakov, and after his approval it was signed by the chairman of the the Council of Ministers. "Andriyan Nikolaevich Andriyanov, department head of the Council of Ministers, another close acquaintance of our regional administration, contributed to the solution of the issue at the last stage. And only after the receipt of all authorizations did M.S. Solomentsev, the chairman

[28] Ib., sheet 6.

[29] «Draft decisions were prepared in CPSU Central Committee administrative office, then they were submitted for discussion to decision-making bodies - Politbureau (Presidium) and Central Committee Secretariat. Each division of CPSU Central Committee administrative office was governed by the respective «working» secretary, who, in his turn, was governed by a Politbureau member who supervised a certain question pool (*N.A. Tregubov* Party and state administration office // Soviet Cultural Diplomacy in the Cold War. 1945—1989. Moscow, 2018. P. 38—39.

[30] Contemporary History Documentation Centre of Yaroslavl Region, collection 272, list 270, file 512, sheet 4.

of the RSFSR Council of Ministers, decided to allocate funds from the Council of Ministers emergency funds"[31]. Due to the efforts of regional authorities new machines were introduced in 1979. On September 27 the regional committee's managers reported: «The regional enterprises have in a proactive manner on a cooperative basis and as soon as was practically possible learned to produce «Yaroslavets» self-propelled forage harvesters (YASK-170). In accordance with the resources allocated in 1979 the first batch of machines in the amount of 45 pieces was produced in full»[32].

The next stages of promoting the initiative are entering state tests and organizing serial production. Now it was necessary to pay attention to the structures engaged in expertise and coordination procedures. "Minutes of meeting at the State Committe of USSR for science and technology" dated March 12, 1980, dedicated to testing of forage harvesters, give an idea of the main actors of the process. Representatives of Union-Republic sectoral structures (one representative from the State Planning Committee, Ministry of Motor Industry, State Committee for Production and Technical Support of Agriculture of the USSR, Ministry of Agriculture; three representatives from the Ministry of Mechanical Engineering for Livestock and Forage Production of the USSR and the State Committee for Science and Technology) and the concerned parties (a representative of Gomselmash and three representatives from association Avtodiesel)[33] were present at the meeting. Another important participant is indicated in Loshchenkov's letter to the CPSU Central Committee Secretary, M.S. Gorbachev, who supervised the agricultural sector - the All-Union Academy of Agricultural Sciences: «Presidium of Lenin All-Union Academy of Agricultural Sciences department for the Non-Black Earth Region /«Nechernozem'e» of RSFSR raised a question before the RSFSR Council of Ministers and USSR State Committee on Science and Technology on serial production of harvester YASK-170"[34].

As already mentioned, interdepartmental tests of the harvesters, carried out on Podolsk and Severo-Zapadnaya machine testing stations of the State Committee of RSFSR for Equipment Provision for Agriculture, confirmed its high performance ("best suitability for operation on water-logged soil in comparison with domestically produced (KSK-100) and foreign-made (E-281) similar machines")[35]. The performance of YASK-170 was 25% higher than the indicators of similar mass-produced harvesters. Compared to Belarusian and East German structures, it was successfully used on water-logged soils without damaging the surface layer and root structure of grasses.[36]. Kolpakov also confirmed the need for a new model for the region, indicating the quantitative and qualitative issues of the previously used Gomselmash products: «We were given two harvesters a year, moreover, the Gomel harvester had low passability and sank in our fields in moist summers»[37]. Due to such flattering reviews Yaroslavl regional committee managed to include the harvester into the economic development plan project for 1981—1985. In compliance with the Decree of the Secretariat of the Central Committee dated June 11, 1980 the State Planning Committee managed to «review, together with the Ministry of Agriculture, State Committee of RSFSR

---

[31] *Yu. S. Nikiforov* Contemporary Russian History... P. 50.

[32] Contemporary History Documentation Centre of Yaroslavl Region, collection 272, list 270, file 512, sheet 6.

[33] Ib., sheet 37.

[34] Ib., sheet 87.

[35] Ib., sheet 46.

[36] Ib., sheet 3.

[37] *Yu. S. Nikiforov*. Contemporary Russian History... P. 41.

for Equipment Provision for Agriculture, Ministry of Mechanical Engineering for Livestock and Forage Production, Ministry of Motor Industry the offer of Yaroslavl CPSU Regional Committee to produce YASK-170»[38].

But soon this initiative faced a number of unexpected obstacles at the level of sectoral structures of the Union-Republic center. A complex comparative analysis of archive documents and oral history data allows to give a relatively full view of conflict of regional and departmental interests. Thus, it may be concluded from the interview with Kolpakov that separate servants put obstacles due to "narrow parochial interests": "State tests must be passed to launch serial production. Soyuzselkhoztekhnika was not interested in [it]. It was headed by L.I. Khitrun, who guarded the interests of Gomel Plant, which produced similar harvesters"[39]. The study of his biography, which reveales a close relation with management and economic structures of Belarusian SSR, gives an answer to the question why the head of Soyuzselkhoztekhnika supported people from Gomel. Before moving to Moscow Khitrun worked there for more than a quarter of a century (1953—1979), passing from chief engineer of machinery and tractor station to the chairman of association Belselkhoztekhnika and deputy chaiman of the republican Council of Ministers. It is logical to assume that he strived to support fellow townsmen by not allowing potential competitors to pass. The foregoing is smoothly fitted into the picture of influence of the factors of coming from the same area and regional lobbyism outlined above.

Archive documents confirm what was said by Kolpakov. The letter from the State Committee of RSFSR for Equipment Provision for Agriculture to Council of Ministers of USSR "On testing of off-road capability self-propelled forage harvesters" contained a detailed criticism of the Yaroslavl harvester, it was offered to "focus on fastest follow-up revision of KSK-100P harvester (Gomselmash)"[40]. The same opposition was also found from the Ministry of Tractor and Agricultural Engineering[41]. In this critical situation Loshchenkov applied to Gorbachev for protection and assistance, sincerely expressing his bewilderment regarding the opposition: «Notwithstanding the fact that the USSR State Committee for Science and Technology positively assessed YASK-170 harvester in 1980 as a result of tests and recommended to continue its state tests in 1980, the State Committee of RSFSR for Equipment Provision for Agriculture unilaterally refused to continue the tests»[42].

Probably the key role in further promotion of the "slowed down" project was determined by personal contacts and activity of regional lobbyists- representatives of regional party-Soviet nomenklatura (first and/or departmental regional committees secretaries, regional executive committee deputy chairmen and directors of enterprises), who were sent from time to time to the center for establishment of contacts, pursuing of regional interests, project promotion and knocking out limits. The above-mentioned Kolpakov was one of them. It may be concluded from his story that the fact of coming from the same area was a significant factor[43]: «Our fellow townsman,

---

[38] Contemporary History Documentation Centre of Yaroslavl Region, collection 272, list 270, file 512, sheet 71.

[39] *Yu. S. Nikiforov*. Contemporary Russian History... P. 41.

[40] Contemporary History Documentation Centre of Yaroslavl Region, collection 272, list 270, file 512, 29, 32.

[41] Ib., sheet 108.

[42] Ib., sheet 87—88.

[43] Existence of informal territorial groups through which «regional interests were articulated, including recruitment and allocation of resources», is a characteristic feature of regional lobbying in USSR (*N. N. Men-*

USSR Cabinet deputy chairman's assistant, Vadim Vladimirovich Petrov, helped us to appoint a meeting with USSR Cabinet deputy chairman Z.N. Nuriev»[44], who was convinced of the suitability and advantages of the Yaroslavl project. This information was confirmed in a letter from Loshchenkov to Gorbachev: «Only after USSR Cabinet deputy chairman comrade Z.N. Nuriev's intervention, an order was received from the State Committee of RSFSR for Equipment Provision for Agriculture to submit the harvester for tests in 1981»[45]. The interview also contains details on the visit to Nuriev, who, «having taken in the situation, called the head of Soyuzselkhoztekhnika, Khitrun, using a «vertushka» (hot line), and demanded in a rough style to accept the harvester for state tests. Khitrun had to agree»[46]. Analyzing this extract, I want to draw your attention to at least two important aspects of the mechanism for solving the problem: personal (the outcome of the case was determined by influence and political weight of a certain official) and procedural (the use of the "telephone right").

After the episode with the powerful deputy head of the government the harvester was sent for field and laboratory tests. Such indices as motion speed, capacity per hour of pure work, mincing of mass along the cut length were tested under harsh conditions of boggy soil and demonstrated high performance. Description of advantages of YASK-170 over both production and retrofitted Gomselmash harvester prevailed in reports of departmental commissions: "In terms of weight: by 1,200 kg, in terms of fuel specific flow rate: up to 38%, in terms of specific metal content: up to 45%, in terms of working capacity: up to 40%, in terms of reliability: up to 35%, in terms of grass mowing losses: 6 times less; absence of expensive foreign-made hydrostatic transmission requiring special foreign-made oil". Other advantages were also pointed out: "YASK-170 has much better passing ability", "rational pneumatic drawing of operative parts of the drive is used in the structure", "higher performance coefficient", "better marketable state... in comparison with series-produced KSK-100", "lower power consumption of the technological process", "manual transmission with lower capacity losses" and "better view of operative parts"[47].

Thus, thanks to using informal ways of influence, Yaroslavl harvester was sent for state trials and, as it seemed, went to the next stage, i.e. batch manufacturing. However, archival documents demonstrate that throughout practically the whole 1981 there were periodical bureaucratic and resource problems that stood in the way of its complete launch. Besides, problems could be caused not only by countermeasures on the part of civil servants and lobbyists from other regions, but also by systemic problem with plan tasks would have to be reviewed. This circumstance that hampered introduction of any technical innovations was also discussed by famous economists like D.V. Valovoy, I.Ya. Birman and N.P. Shmelev in their works[48].

According to Loshchenkov, on one hand, formally, regulatory agencies dragged

---

shenina, *M. V. Panteleeva* Lobbying. P. 52—53.

[44] *Yu. S. Nikiforov* Contemporary Russian History... P. 41.

[45] Contemporary History Documentation Centre of Yaroslavl Region, collection 272, list 270, file 512, sheet 88.

[46] *Yu. S. Nikiforov* Contemporary Russian History... P. 41—42.

[47] Contemporary History Documentation Centre of Yaroslavl Region, collection 272, list 270, file 30, 101, 106.

[48] *I. Birman* Economics of Shortfall. New York, 1983; *D.V. Valovoy* Economics in Human Dimension (Essays and Thoughts). Moscow, 1988; *D.V. Valovoy* Economics of Absurdity and Paradoxes. Moscow, 1991; *D.V. Valovoy* From Stagnation to Collapse. Moscow, 1991; *N.P. Shmelev*, *V.V. Popov* At a Critical Point: Economic Transformation in the USSR. Moscow, 1989.

time ("lack of final conclusion with regard to harvester state trials hampered further manufacturing of the harvester... the whole year was lost"). On the other hand, objectively, there were serious problems connected with completing the model: "Until recently the State Committee of RSFSR for Equipment Provision for Agriculture and the Ministry of Foreign Trade of the USSR failed to completely resolve the issue of equipping the harvester with platforms and balers manufactured in the German Democratic Republic. Of 250 harvesters only 30 were equipped"[49]. This scenario characteristic of all technological projects in the late USSR is of great importance for understanding the general procedure of managerial decision making. This process is connected with a great number of appeals to the highest government authorities. The very nature of economics of the 1970s—1980s was very aptly called "the economy of approvals or "bureaucratic market"[50]. Back in 1979 in his letter to Kosygin, Loshchenkov insisted on provision of new credits and resources, including components, for the region: "Yaroslavl regional committee of the Communist Party of the USSR urges you, Aleksey Nikolaevich, to instruct the State Planning Committee of the USSR and the State Logistics Committee of the USSR to provide metal and required components produced by local manufacturers, as well as with E-286 platforms produced in the German Democratic Republic for harvesters production." A similar request was included into the letter to Novikov with petition regarding additional supplies of scarce materials and components: «According to preliminary agreement with you, we hereby send you a list of required components, units, parts and materials subdivided by supplying ministries."[51] In his later letter to Novikov (dated April 15, 1980), Loshchenkov again asked him "to instruct the State Planning Committee of the USSR and the State Logistics Committee of the USSR to include manufacturing of 250 harvesters and their provision with metal and all components in 1981 plan of the Ministry of Motor Industry of the USSR... allocate resources to Yaroslavl association Autodiesel through special provision for the first half of the year on a quarter basis equally. The list of required components subdivided by supplying ministries is enclosed."[52] An interesting detail about the last two letters is a handwritten note "for addressee only", which is indicative of personal agreement as a decisive factor in resolving the resource issue. Appeals themselves reveal the major ways of obtaining resources (in fact, the only way that is command and control way of "instructing") and authorities connected with their allocation (the State Planning Committee of the USSR and the State Logistics Committee of the USSR). Apart from that, they reveal problems of domestic industry, which is incapable of fully supplying the model that is being prepared for production with parts.

"Agreements" did not stop at that. On May 30, 1980 the State Logistics Committee of the USSR sent a letter "On Additional Production of 100 self-propelled forage harvesters YASK-170 "Yaroslavets" in 1980", in which it informed that "the opportunity was found to provide additional production of these harvesters with the majority of required components manufactured by production facilities of the Ministry of Motor Industry of the USSR, the Ministry of Tractor and Agricultural Machinery Engineering of the USSR, the Ministry of Machinery Engineering for Animal Husbandry and Feed

[49] Contemporary History Documentation Centre of Yaroslavl Region, collection 272, list 270, file 512, sheet 88.

[50] *V.A. Nayshul* The Ultimate and the Last Stage of Socialism // A Dive into Swamp. Moscow, 1991.

[51] Contemporary History Documentation Centre of Yaroslavl Region, collection 272, list 270, file 512, sheets 3, 6.

[52] Ib., sheet 54.

Production of the USSR and the Ministry of Oil Refining and Petrochemical Industry of the USSR". The main problem regarding provision of Yaroslavl harvester with parts was connected with obtaining scarce platforms from the German Democratic Republic; this caused involvement of another two industry bodies: the Ministry of Foreign Trade and Traktoreksport into resolving the issue. In fact, the idea of the letter was to delegate responsibility for short delivery of components to these two bodies: "It seems appropriate to tell the Ministry of Foreign Trade to speed up the resolution of the issue and report on results to the Council of Ministers of the USSR."[53] It is worth noting that back in the letter dated March 19 Loshchenkov addressed N.D. Komarov, the Deputy Minister of Foreign Trade of the USSR, with a request for acquiring 250 platforms and 250 balers in the German Democratic Republic[54].

As a result, in his letter to Gorbachev Loshchenkov had to essentially ask to pressure central government authorities: "By informing the Central Committee of the Communist Party of the USSR about the state of matters regarding manufacturing of... YASK-170 suitable for operation in the Non-Black Earth Region of RSFSR, the regional committee of the Communist Party of the USSR urges you to instruct the State Planning Committee of the USSR, on the basis of existing cooperation, to include annual production of 250 YASK-170 harvesters by production facilities of the region in the plan of social and economic development for 1982 and the 11th five-year period". This and other petitions in question include the same characteristics and descriptive words: high-performance, suitable for operation in the Non-Black Earth /«Nechernozem'e» Region and existing cooperation. Apparently, it is no coincidence. Such compositional structure and language of the letter had not only to demonstrate the efficiency of the model lobbying for and its relation to the general line of the centre (Resolutions of the 25th and 26th Congresses of the Communist Party of the USSR, the Development Programme for the Non-Black Earth /«Nechernozem'e» Region[55]) but also to convince the centre in practical completeness of the project lacking just minimum resources. Turning to the linguistic features of bureaucratic appeals, we should mention a number of other cliches «travelling» from one letter to another: indication of the initiative nature of project and urgent machinery needs of the non-black earth regions for farming purposes, emphasis on early fulfilment of socialist obligations by working people of a region and constant glorification of the Communist Party Central Committee and particularly the general secretary («Following the directives of comrade Leonid Ilyich Brezhnev concerning creation of high-performance machinery»[56]).

Notwithstanding all resource and bureaucratical issues, Yaroslavl households received 245 YASK-170 harvesters in 1979—1980[57]. Technically, bureaucratical epic ended in 1982. We know from Tolstoukhov's interview that Gorbachev visited regional committee plenum in Yaroslavl in June 1982, and he «liked the harvester»[58]. We may suppose, that this factor also played a role in securing its serial production. But

---

[53] Ib., sheet 50.

[54] Ib., sheet 33.

[55] See: Materials of the 25th Communist Party Congress. Moscow, 1976; Materials of the 26th Communist Party Congress. Moscow, 1981; Comprehensive Development Programme for the Non-Black Earth /«Nechernozem'e» Region. Moscow, 1977.

[56] Contemporary History Documentation Centre of Yaroslavl Region, collection 272, list 270, file 512, sheets 45-46.

[57] *M. A. Rutkovsky*, *L. M. Rutkovskaya* Fifty years of the economics of Yaroslavl... P. 49.

[58] *Yu. S. Nikiforov* Contemporary Russian History... P. 62.

later, the region management, which within almost four years strived for promotion of its initiative, faced an unexpected problem. Union republic ministries, having assessed the high performance characteristics of the harvesters, started to actively redistribute them into other regions[59], which caused justifiable anger from the regional committee. Loshchenkov sent a letter to the Central Committee of the Communist Party of the USSR «On distribution of «Yaroslavets» forage harvesters YASK-170», where he wrote angrily: «We are deeply surprised that the Ministry of Agriculture of RSFSR issued an assignment for the production of harvesters for other regions without asking the opinion of Yaroslavl CPSU regional committee and Yaroslavl regional executive committee. Such actions may kill any sensible initiative»[60]. He asked to review the possibility to «revoke this wrong decision».

The regional leader openly, definitely and rather bluntly expressed his dissatisfaction with actions of the republic agency, and this is full of suggestions and assumptions. Perhaps, the tone of the letter may demonstrate the high personal weight of the first secretary in the USSR top government echelons. That was referred to by his close officers, for example, his assistant V. V. Velichko who said that "the power of Loshchenkov was so great that he could easily call any leader of the country via the special communications line and we saw that"[61]. At the same time, the extened answer of the Ministry to the regional committee and regional executive committee (February 7, 1983), containing declinatory with bureaucratic cliches, was typical: «In pursuance of your letter on wrongfulness of distribution of forage harvesters YASK-170 the Ministry of Agriculture of the RSFSR informs that in view of the initiative of region on arrangement of their manufacturing all the batch of these machine was left in Yaroslavl Region during four years, besides, forage harvesters of domestic and foregn manufacturers were provided to collective farms and state farms from the centralized park... tractors T-150K with trailers were additionally delivered... The Ministry considered that fact and provided 114 YASK-170 and 6 KSK-100 combine harvesters to the Yaroslavl Region for 1983»[62]. This «repartee» shows that in the late USSR there were serious contradictions between sectoral and regional interests, which were described in memoirs of some local economic leaders[63].

After all, "the Yaroslavl combine harvester sample was recognized the best and green light to its manufacturing was given. 1,400 items were produced in 14 years (100 combine harvesters per year)". According to Kolpakov, the successful state trial of YASK-170 was a notable example of lobbying for regional interests in agriculture[64]. However, the disintegration of the USSR entailed with financial problems and the links between the facilities involved in co-operation for its production were broken,

[59] T. P. Kolpakov emphasized the value of this model: «The combine harvester YASK-170 was so good that other regions requested for it: we could obtain any machinery from neighbouring regions in exchange of our harvester» (*Yu. S. Nikiforov* Contemporary Russian History... P. 42).

[60] Ib., sheet 109.

[61] *Yu. S. Nikiforov* Contemporary Russian History... P. 12.

[62] Contemporary History Documentation Centre of Yaroslavl Region, collection 272, list 270, file 512, sheet 66.

[63] The long-standing director of Rybinsk Aircraft Factory, P.F. Derunov, remembered a characteristic episode from the manufacturing practice: «The Perm designers were developing a new high temperature engine at the same time with us... the respectable community of designers saw us as debauchers who boldly invaded their protected area and disturbed the calm by their amateurish projects... The opponents of the upgraded engine achieved a ban on working on it... The association's hopes to upgrade engines for IL-62M aircraft were not realized due to imperfection of the mechanism of relationships between the designer and serial production» (*P.F. Derunov*. Engine Builders. Rybinsk, 1998. P. 72—73).

[64] *Yu. S. Nikiforov* Contemporary Russian History... P. 41.

and manufacturing of the harvester was stopped.

To summarize, we may distinguish three stages of decision-making with respect to a regional technological project. The first stage is obtaining of official approval of initiative and including it into a draft economic plan. At this level, it was important to win the consent and favourable resolutions from key persons of the government and the State Planning Committee. For this purpose, on the one hand, corresponding arguments for the project feasibility were developed. They included a mandatory ideological component (reference to connection of a regional initiative with the decision of central party and/or soviet authorities), an emphasis on the new model advantages to competitors (high efficiency, considerable cost reduction in the form of equipment and labour saving, low price to domestically manufactured accessories), indication of favourable expert opinions and "urgent needs" of a region resulting from the local specificity. On the other hand, informal mechanisms of influence were used: the fact of coming from the same area, building close business contacts with rank and file officers of the central apparatus, searching for persons whose approval was necessary for accelerated presentation of a project and obtaining their immediate written agreement. The first stage had to result in including of the initiative in a draft next plan of the USSR national economy development. Favourable opinions of key structures of higher soviet and party authorities, i.e. the Presidium of the Council of Ministers of the USSR and Secretariat of the Central Committee of the Communist Party of the USSR, were requisite for this purpose. So, the formal mechanism of decision making by the higher leadership of country had a dualistic nature.

The second stage was successful passing of state tests. At this time a project could face obstacles at the level of sectoral structures of the union republic centre. They were caused by such factors as interests of particular officials, intersection of regional and departmental interests, apparent disregard and sabotage, bureaucracy. When analysing sources, we detected two ways of solving these problems. The first one is using of patron—client relations (regional committee first secretary turning to the Communist Party Central Committee secretary for the support). The second one is "access" of regional lobbyists not to rank and file officers but immediately to the higher leadership of the government. Channels of informal influence were selected as particular tools for solving bureaucratic problems: the fact of coming from the same area, personal aspect (influence and political weight of a certain representative of leadership) and procedural aspect ("telephone rule").

Finally, the third stage was starting of batch manufacturing of a new technology. This had its own bureaucratic and resource problems. Contradictions between sectorial and regional interests and slowness of regulatory agencies and management structures (State Logistics Committee + related ministries) caused significant time expenditures upon project implementation. Under the circumstances, the main task of regional authorities was the struggle for allocation of new limits and additional resources, first of all, components. Attempts to solve resource and technological problems by appealing to respective agencies very often faced "the transfer of responsibility" from one sectorial structure to another. Personal agreement with a high official at the union republic level again appeared to be a determinant factor in solving resource issues.

In summary, we could reconstruct some key mechanisms of making technological decisions in the late USSR, reveal a long bureaucratic chain in the way of adoption and realization of a favourable decision, which chain very often delayed its implementation and reduced its efficiency, in terms of the phenomenon of regional lobbying through comparative analysis of archive documents and oral history data.

Наши авторы

Акульшин Пётр Владимирович, доктор исторических наук, профессор Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина

Аманжолова Дина Ахметжановна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Богомолов Игорь Константинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН

Барышников Михаил Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)

Безугольный Алексей Юрьевич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ

Будницкий Олег Витальевич, доктор исторических наук, профессор факультета гуманитарных наук, директор Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и её последствий Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Гребенкин Игорь Николаевич, доктор исторических наук, профессор Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина

Дворниченко Андрей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Дроздов Константин Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Зубкова Елена Юрьевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Ильиных Владимир Андреевич, доктор исторических наук, заведующий сектором аграрной и демографической истории Института истории Сибирского отделения РАН (Новосибирск)

Ипатов Алексей Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Военно-воздушной академии им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина (Воронеж)

Кальмина Лилия Владимировна, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (Улан-Удэ)

Кондратенко Сергей Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета

Крестьянников Евгений Адольфович, доктор исторических наук, доцент, заведующий лабораторией исторической и экологической антропологии Тюменского государственного университета

Кринко Евгений Фёдорович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону)

Куликов Владимир Иванович, кандидат исторических наук, доцент профессор Российского государственного гуманитарного университета

Лизунов Павел Владимирович, доктор исторических наук, профессор Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (Северодвинск)

Мамонов Андрей Валентинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Мининков Николай Александрович, доктор исторических наук, профессор Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

Мининкова Людмила Владимировна, доктор исторических наук, профессор Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

Михеев Михаил Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург)

Морозан Владимир Васильевич, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Никифоров Юрий Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, старший научный сотрудник Вологодского государственного университета

Новиков Михаил Васильевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского.

Романько Олег Валентинович, доктор исторических наук, профессор Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Сенявская Елена Спартаковна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Степанов Валерий Леонидович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН

Тихонов Виталий Витальевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета

Фомин Антон Юрьевич, младший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

Христофоров Василий Степанович, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, заведующий кафедрой международной безопасности факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Чжан Гуансян, доктор исторических наук, профессор Института по проблемам Северо-Восточной Азии и Исследовательского центра Северо-Восточной Азии Цзилиньского университета (Чанчунь, КНР)

Чжуан Шици, кандидат исторических наук, старший преподаватель Института регионального исследования и Института исследования передовых и междисциплинарных наук Пекинского университета (КНР)

СОДЕРЖАНИЕ

Профессия и сообщество

А.Ю. Дворниченко
У истоков российской литуанистики: век «осьмнадцатый» 3

Промышленность, банки и транспорт Российской империи

М.Н. Барышников
Н.В. Воронцов и деятельность Общества Путиловских заводов в 1870—1880-х гг. 21

П.В. Лизунов, В.В. Морозан
Банковский «Синдикат 18 октября 1912 г.»: опыт сотрудничества Государственного и частных банков на Санкт-Петербургской бирже 31

Чжан Гуансян
Роль Волжского водного пути в российской торговле зерном и лесом во второй половине XIX — начале XX в. 41

В.Л. Степанов
Государство или частный капитал? Дискуссии в печати о реформировании железнодорожного хозяйства России в середине 1870-х — начале 1890-х гг. 51

Историки спорят

В.И. Куликов
«Между Сциллой и Харибдой»: к вопросу о назначении Н.К. Гирса министром иностранных дел России 70

А.В. Мамонов
Как Н.К. Гирс возглавил Министерство иностранных дел Российской империи 81

История власти

А.Ю. Фомин
Капитан П.М. Михайлов и «младотурки» 103

П.В. Акульшин, И.Н. Гребенкин
Б.А. Энгельгардт — офицер, политик, мемуарист 115

Аграрная политика в середине XX века

В.А. Ильиных
Хлебозаготовительная кампания 1934 г. в Западно-Сибирском крае 130

Чжуан Шици
Аграрная политика и развитие сельского хозяйства СССР в 1953—1959 гг. 144

Административные механизмы советской промышленности

М.В. Михеев
Особенности индустриального развития Ленинграда в условиях административно-командной экономики (1944—1949 гг.) 155

Ю.С. Никифоров
Комбайн «Ярославец» на «бюрократических полях» поздней советской эпохи . . . 168

Диалог о книге

«Здесь кровью полит каждый метр...»: Рассказы участников освобождения Крыма. 1943—1944 гг. 182
О.В. Романько: Крымская весна 1944-го: новые документы и факты 183
О.В. Будницкий: Революция памяти: устная история Великой Отечественной войны 187
Е.С. Сенявская: Кое-что об «устной истории»: размышления над сборником документов 201
Е.Ф. Кринко: «Погода была очень скверная». Роль природного фактора в боевых действиях в Крыму (1941—1944 гг.) по воспоминаниям их участников 204
А.Ю. Безугольный: Материалы Комиссии Минца и изучение человека на войне в современной российской исторической науке 211

Обзоры и рецензии

Н.А. Мининков, Л.В. Мининкова — З.В. Дмитриева, С.А. Козлов. Налоги и войны в России XVII—XVIII вв. 215
Е.А. Крестьянников — История томского погрома 1905 г. 219
Л.В. Кальмина — Оптимистическая трагедия 223
А.М. Ипатов — Л.В. Ланник. Русский фронт, 1914—1917 годы 226
М.В. Новиков — РККА и война в Испании: новый сборник документов 228
С.Ю. Кондратенко — От национализма к коллаборационизму: Прибалтика в годы Второй мировой войны: документы. В 2 т. 231
В.С. Христофоров — L. Westerlund. The Finnish SS-Volunteers and Atrocities against Jews, Civilians and Prisoners of War in Ukraine and the Caucasus Region 1941—1943: An Archival Survey. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura 235
К.С. Дроздов, В.В. Тихонов — Многоголосая история войны 239
И.К. Богомолов — Сатира, власть и культура в раннесоветском государстве 242

Pro memoria

Т.М. Китанина (1929—2020) 246

Institutions and communities

Dina Amanzholova
Kazakh autonomism in 1918: competition of projects and dynamics of alliances 249

History of power

Elena Zubkova
Amnesty of 1953 and the first experiments in the revision of social control practices in the USSR 264

Administrative mechanisms of Soviet industry

Yury Nikiforov
Combine harvester "Yaroslavets" on the "bureaucratic fields" of the late Soviet era. 275

Наши авторы 288

CONTENTS

Profession and the community

A.Yu. Dvornichenko (Saint Petersburg State University, Russia)
Near the Sources of the Lithuanian Studies in Russia: Eighteen Century 3

Industry, banks and transport of the Russian Empire

M.N. Baryshnikov (Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg)
N.V. Vorontsov and activity of Putilov company in the 1870—1880s 21

P.V. Lizunov (Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia), V.V. Morozan (Saint Petersburg State University, Russia)
Banking «Syndicate October 18, 1912»: the experience of cooperation between State and private banks on Saint Petersburg Stock Exchange 31

Zhang Guangxiang (Jilin University, Changchun, People's Republic of China)
The role of the Volga waterway in the grain and timber trade of the Russian Empire in the second half of the 19th — early 20th century 41

V.L. Stepanov (Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow; Saint Petersburg State University, Russia)
State or business? The discussions in Russian press on the reform of the railway economy in Russia (mid-1870s — early 1890s) 51

Historians argue

V.I. Kulikov (Russian State University for the Humanities, Moscow)
«Between Scylla and Charybdis»: on the appointment of N.K. Girs as Minister for Foreign Affairs in Russia 70

A.V. Mamonov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)
How N.K. Girs became the chief of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Empire 81

History of power

A.Yu. Fomin (Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences)
Captain P.M. Mikhailov and the «Young Turks» 103

P.V. Akulshin, I.N. Grebenkin (both — S.A. Yesenin Ryazan State University, Russia)
B.A. Engelgardt — officer, politician, memoirist 115

Agricultural policy in the middle of the 20th century

V.A. Ilinyh (Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk)
Grain collection campaign of 1934 in West Siberian region 130

Zhuang Shiqi (Institute of Area Studies, Academy for Advanced Interdisciplinary Studies, Peking University, China)
Agrarian policy and agricultural development of the USSR in 1953—1959 144

Administrative mechanisms of Soviet industry

M.V. Mikheev (Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg)
Specifies of the industrial development of Leningrad within the Soviet command economy (1944—1949) 155

Yu.S. Nikiforov (Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky; Vologda State University, Russia)
Combine harvester «Yaroslavets» on the «bureaucratic fields» of the late Soviet era . . . 168

Discussing recent books

«Here, every meter is watered with blood...». Stories of participants in the liberation of the Crimea. 1943—1944 182

O.V. Romanko (V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia): Crimean Spring of 1944: new documents and facts 183

O.V. Budnitskii (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia): Revolution of memory: An oral history of the Great Patriotic War 187

E.S. Senyavskaya (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): Something about «oral history»: reflections on a collection of documents 201

E.F. Krinko (Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don): «The weather was very nasty». The impact of the nature and climate on the military operations in the Crimea (1941—1944) according to the memories of participants 204

A.Yu. Bezugol'nyj (Institute of Military History, Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Moscow): Documents of the Mintz Commission and the study of «Man at war» in modern Russian historical science 211

Reviews

N.A. Mininkov, L.V. Mininkova (both — Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia)
Rec. ad op.: Z.V. Dmitrieva, S.A. Kozlov. Nalogi i voiny v Rossii XVI—XVIII vv. 215

E.A. Krestiannikov (Tyumen State University, Russia)
The history of the Tomsk pogrom of 1905 219

L.V. Kalmina (Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude)
Optimistic Tragedy 223

A.M. Ipatov (Military Educational and Scientific Center of the Air Force «N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy», Voronezh, Russia)
Rec. ad op.: L.V. Lannik. Russkiy front, 1914—1917 gody 226

M.V. Novikov (Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Russia)
The Red Army and the war in Spain: a new collection of documents 228

S.Yu. Kondratenko (Russian State University for the Humanities, Moscow)
Rec. ad op.: Ot natsionalizma k kollaboratsionizmu: Pribaltika v gody Vtoroy mirovoy voyny: dokumenty. In 2 vols 231

V.S. Khristoforov (Russian State University the Humanities; Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences, Moscow)
Rec. ad op.: L. Westerlund. The Finnish SS-Volunteers and Atrocities against Jews, Civilians and Prisoners of War in Ukraine and the Caucasus Region 1941—1943: An Archival Survey. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura 235

K.S. Drozdov, V.V. Tikhonov (both — Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; Russian State University for Humanities, Moscow)
The polyphonic history of the War 239

Pro memoria

T.M. Kitanina (1929—2020) 246

Institutions and communities

Dina Amanzholova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)
Kazakh autonomism in 1918: competition of projects and dynamics of alliances 249

History of power

Elena Zubkova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)
Amnesty of 1953 and the first experiments in the revision of social control practices in the USSR 264

Administrative mechanisms of Soviet industry

Yury Nikiforov (Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky; Vologda State University, Russia)
Combine harvester "Yaroslavets" on the "bureaucratic fields" of the late Soviet era. 275

Contributors to this issue 288

РЕДАКЦИЯ

Круглов В.Н., к.и.н. — Отдел Новейшей истории
Мамонов А.В., к.и.н. — Отдел Новой истории
Лисейцев Д.В., д.и.н. — Отдел Древней и Средневековой истории
Мамонова Е.В. — Заведующая редакцией
Шамина И.Н., к.и.н. — Литературный редактор
Мац А.Г. — Младший редактор

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей
в журналы Российской академии наук
воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);
2) в меню «**Мои публикации**» станет активна кнопка «**Заявка на публикацию**»,
нажав на которую, Вы автоматически попадёте на страницу, где будет предложено
внести всю необходимую информацию о статье, а также оставить комментарий редактору;
3) статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «**Отправить редактору**».

Подробная инструкция размещена по ссылке: https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- **формирование учебно-методических комплексов**
- **развитие научной периодики**
- **внедрение новых стандартов научной коммуникации**

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- **интеграция науки и образования**
- **модульный характер актуализации гуманитарного знания**
- **сетевое взаимодействие научных и методических центров**

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

ГАУГН

БАКАЛАВРИАТ

История
Культурология
Археология

МАГИСТРАТУРА

Модели всемирной истории
Культура массовых коммуникаций

АСПИРАНТУРА

История
Культурология

Комплексные образовательные программы разработаны специалистами исторического факультета с учетом последних научных достижений и современных общемировых тенденций.

В основе образовательного процесса — современные технологии обучения, направленные на развитие мышления и творческого потенциала личности, достижение успеха в профессиональной среде.

Студенты исторического факультета с первого курса погружаются в мир академической науки, слушают лекции ведущих российских ученых с мировыми именами и сами участвуют в научных мероприятиях. В образовательные программы, помимо обязательных дисциплин, предусмотренных федеральными стандартами, включены уникальные авторские учебные курсы.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).